КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

4

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН
1993

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
4

언제나 인민을 믿고
어떤 조건에서도 혁명적
신념을 버리지 않으며
자주로선을 일관하게
견지하면서 광범한 반일
투쟁을 하나로 묶어세운
것은 항일혁명의 승리를
담보한 주되는 요인이였다.

김일성

Неизменно верить в народ и в любой обстановке не отказываться от революционных убеждений, постоянно придерживаться самостоятельной линии и объединять широкие антияпонские силы в единый монолит – вот что стало главным фактором победы в антияпонской революции.

Ким Ир Сен

В трудную пору второй половины 30-х годов.

Бойцы Корейской Народно-революционной армии.

В священных битвах против японского империализма, за возрождение Родины наши бойцы, преодолевая неимоверные трудности и испытания, стали стойкими борцами революции.

Глухой лесной уголок в Яоингоу. Здесь в начале 1935 года я ненадолго располагался по возвращении из Первого похода в Северную Маньчжурию.

Позорная страница истории антияпонской революционной борьбы в Восточной Маньчжурии

Секретарь Хэлунского укома партии Ким Иль Хван.

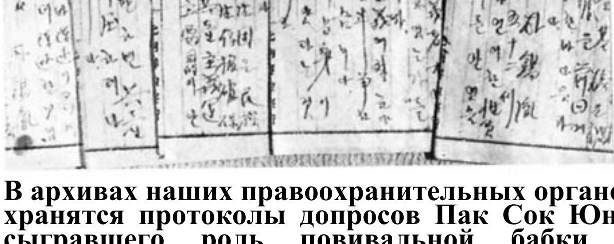
«Минсэндан» - призрак!

Так проклинали много-численные корейские коммунисты, обвиненные в причастности к «Минсэндану», перед несправе-дливой смертью. Своей «антимин-сэндановской» кампанией крайнее левачество нанесло нашей револю-ции

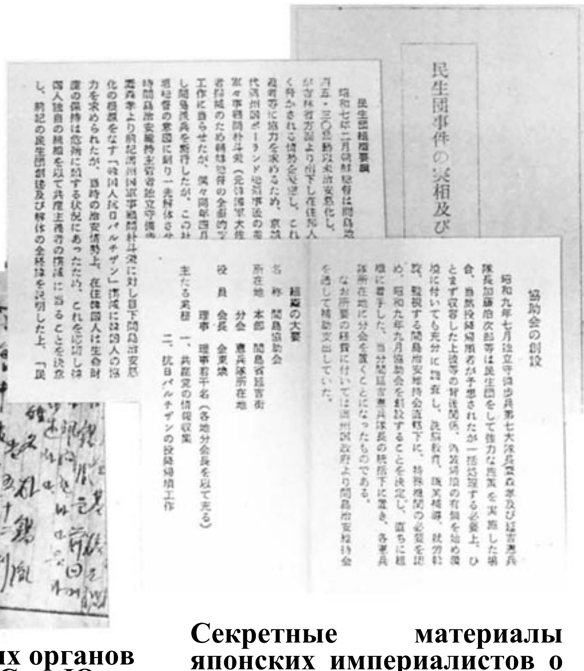
Место Дахуанвэйского совещания. Здесь происходила жаркая полемика с национал-шовинистами.

Комиссар полка Ким Рак Чхон.

Заворг Яоингоуского 1-го участкового комитета партии Ли Ун Гор.



В архивах наших правоохранительных органов хранятся протоколы допросов Пак Сок Юна, сыгравшего роль повивальной бабки в создании «Минсэндана» (1947 г.) .



Секретные материалы японских империалистов о создании «Минсэндана» и «Общества сотруничества в Цзяньдао».

Место Яоингоуского совещания.

Штабной дом в Яоингоу неоднократно подвергался вражеским налетам.

유격구를 해산하고 광활한 지대에로 진출할데 대하여

요영구에서 진행된 조선인민혁명군 군정간부회의에서 한 연설
1935년 3월 27일

동무들!

우리는 어제날에 걸쳐 반《민생단》투쟁에서 나타난 좌경적오류를 극복할데 대한 문제와 유격구를 해산하고 광활한 지대에로 진출할데 대한 문제를 토의하였습니다.

[illegible]

그러므로 이 문제들에 대한 나의 의견을 말하려고 합니다.

1. 반《민생단》투쟁에서 나타난 좌경적 오류를 극복할데 대하여

[illegible]

[illegible]

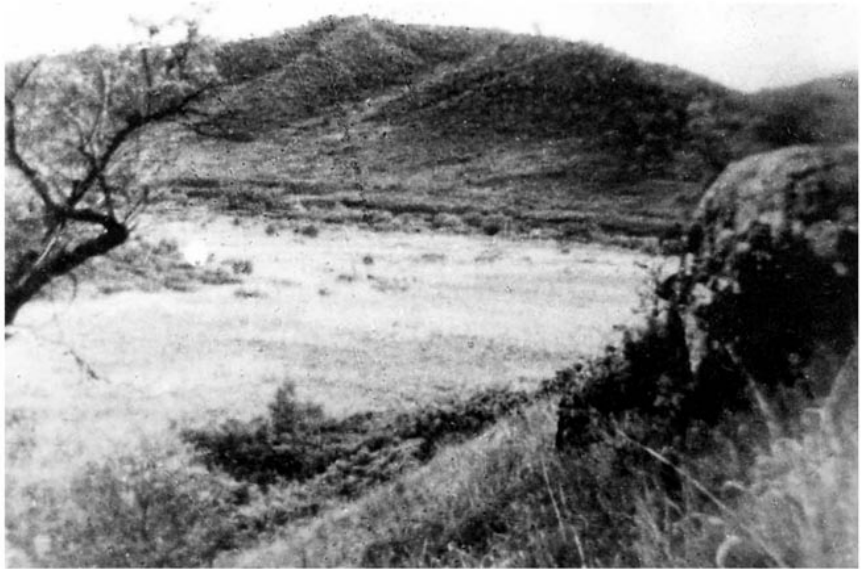
2. 유격구를 해산하고 광활한 지대에로 진출할데 대하여

[illegible]

[illegible]

На обширной земле – семена революции

Текст моей речи на Яоингоуском совещании.



Ущелье в горах Лаохэйшань.

В июне 1935 г. здесь был нанесен сокрушительный удар пресловутой Цзинъаньской армии.

Ким Ре Чжун.

Миномет и пулемет – трофеи, захваченные у врага.

О Чжин У.

Чон Чхоль Сан.

О Чжун Ок.

Гора за Тайпингоу. Отсюда партизаны впервые обстреляли противника из миномета.

Когда вражеское судно оказалось на середине реки Дахошаопухэ, мы открыли по нему меткий огонь из миномета.

Второй поход в Северную Маньчжурию

Заря над девственым лесом на крутом перевале Лаоелин.

Река Муданьцзян течет через безбрежную степь.

Сколько раз переправлялся я со своим отрядом через эту реку в те огненные дни битв!

Тайный лагерь отряда Чжоу Баочжуна.

Поля с высокими зарослями гаоляна на маньчжурских просторах вызывают особую гамму чувств. Они служили надежным укрытием для партизан.

Командиры Северной Маньчжурии

Ким Чак.

Чвэ Ён Гон.

Кан Гон.

Хо Хен Сик.

Ли Хак Ман.

Старик Чай Хуа, оказавший нам помощь в переправе экспедиционного отряда через озеро Цзинбоху.

Озеро Цзинбоху – картина чудесной панорамы Северо-Востока Китая. Через это озеро мы перебирались и на судне, и по льду.

Обстановка в канун Наньхутоуского совещания

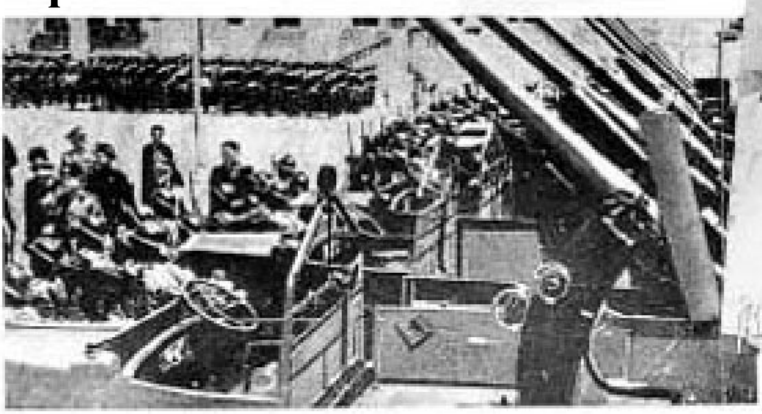
Декларация нацизма, подобная взрыву бомбы

Отмена военных статей Версальского договора. Заявление о пе-ревооружени и Германии.

Гитлер и министр авиации Геринг инспек-тируют новую авиа-часть.

Газетные материалы того времени об отмене военных статей Версальского договора.

Итальянская агрессия против Эфиопии.



Муссолини проводит смотр механизированной части перед ее отправкой в Эфиопию.

Император Эфиопии Хайле Селассие I инспектирует фронт.

Милитаризация Японии и «событие 26 февраля»

Император Японии Хирохито.

Принуди-тельное военное обучение японских монахов.

Это драматичное собы-тие форсировало мили-таризацию Японии и открыло путь к новой агрессивной войне

Газета того времени с материалами о пере-вороте, совершенном молодыми офицерами

Создание Маньчжоу-Го – японской колонии

Японские империалисты, сколотив Маньчжоу-Го во главе с импе-ратором Пуи, под вывесками «обе-тованной земли» и «примирения и согласия пяти наций» раскру-чивали маховик колонизации Маньчжурии.

Ставка командования Кван-тунской армии, державшей в руках бразды правления Маньчжурией (Чанчунь).

Поездка императора Маньчжоу-Го Пуи в Японию. Цель фарса – утихомирить поток протестов в мире по поводу захвата Маньчжурии Японией.

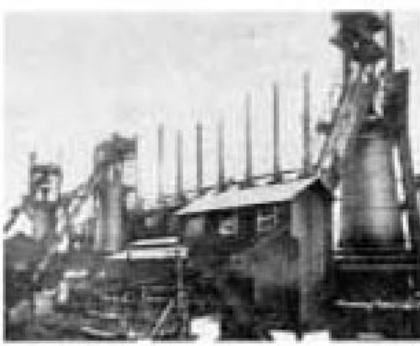
VII конгресс Коминтерна

Генеральный секретарь ИККИ Г. М. Димитров.

В этом доме в Москве летом 1935 г. открылся VII конгресс Коминтерна.

Превращение Кореи в военную базу

Генерал-губернаторство япон-ского империализма в Корее.

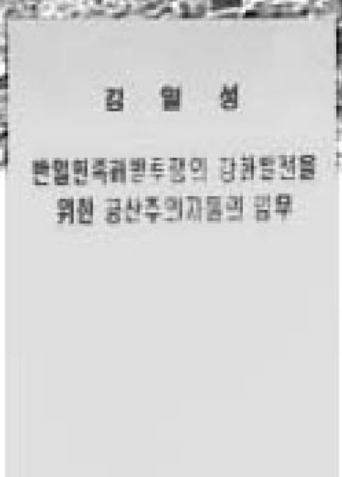


Милитаризированные металлур-гический завод в Кемипхо и завод азотных удобрений в Хыннаме.

Генерал-губернатор Кореи во время инспектирования северных районов Кореи

Корейскую революцию – на новую, более высокую ступень развития

Место Наньхутоуского совещания.



Доклад на совещании
(27 февраля 1936 г.)

Бойцы КНРА в Михуньчжэньском тайном лагере.

В Михуньчжэньском тайном лагере

Ким Чхоль Хо

Чвэ Хен.

Ким Мен Хва.

Ли Дон Бэк
(партизаны прозвали его «старик с трубкой»).

Путь к горам Пэкту

Укрепление главных сил КНРА

Полная кипучей энергии молодежь из разных уголков Восточной Маньчжурии и Кореи массами вступала в армию. В состав главных сил влились более 100 человек, подозренных в причастности к «Минсэндану».

Ким Тхэк Хван.

Ли Дон Хак.

Ким Чжон Пхир.

Члены Детского отряда в Мааньшане – продолжа-тели нашей революции

Комиссар полка Ким Сан Хо. Он достал много такани для того, чтобы одеть членов Детского отряда в Мааньшане.

Ли О Сон.

Ким Тхэк Ман.

Из числа членов Детского отряда в Мааньшане вышли немало храбрых борцов.

Ким Чен Сук и ее родной дом в Хвэрене.

Женщины-бойцы КНРА (Ким Чен Сук – третья слева).

Отец и мать Чжан Вэйхуа.

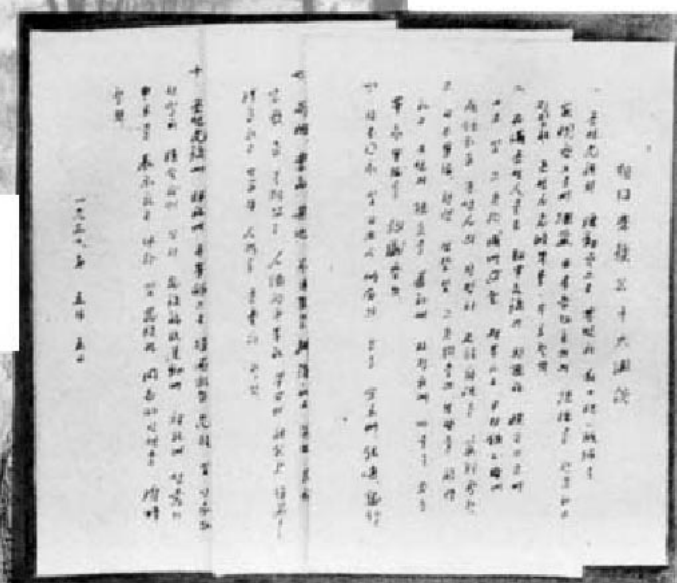
Жена Чжан Вэйхуа.

Памятник Чжан Вэйхуа, воздвигнутый 27 октрября 1992 г. в Фусуне к 55-й годовщине со дня его смерти.

С детьми Чжан Вэйхуа
(сын Чжан Цзиньчуань и дочь Чжан Цзиньлу).

Историческое событие – создание Лиги возрождения Родины
5 мая 1936 г.

Место Дунганского совещания (уезд Фусун). Здесь было провозглашено создание ЛВР.



Текст Программы ЛВР из 10 пунктов.

Революционные лозунги, оповещающие о создании ЛВР.

Учредительная декларация и Устав ЛВР.

Над миром – знамя единого фронта

Собы-тие в Сиане

蔣介石氏·突如監禁さる
張學良氏兵變を指揮
對日宣戰容共を通電す
西安に大部隊蝟集
南京に戒嚴宣布
朝日新聞

Газета с материалами о «событии в Сиане» (декабрь 1936 г.)**. Событие поло-жило конец граж-данской войне в Китае и открыло но-вый путь – путь сотрудничества Го-миньдана и Ком-партии.**

Народный фронт в Испании

В 1936 г. Испанский народ, возгла-вляемый правительством Народного фронта, вел нелегкую войну с фашистскими мятежными войсками Франко, находившимися в сговоре с Германией, Италией и другими силами международного фашизма. Сопро-тивление мятежникам было широко поддержано международным рабочим классом, всем прогрессивным челове-чеством, оно активно вдохновляло движение за антифашистский Наро-дный фронт и антиимпери-алистический единый фро

Добровольцы из разных стран мира прибывают в Испанию.

Мадрид: воздушный налет авиации франкистских мятежников.

Испанские доброво-льцы-женщины.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. **С ВЕРОЙ В ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ**

1. Свирепые вихри
2. Полемика в Дахуанвэе
3. Рожденные комсомолом
4. Ответ на трагедию в Сыдаогоу
5. Рассеивая семена революции на обширной земле

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. **ВОДОРАЗДЕЛ РЕВОЛЮЦИИ**

1. В Северную Маньчжурию к боевым друзьям
2. Странные узы
3. На берегу озера Цзинбоху
4. Соратники мои — на север, а я — на юг
5. Знаменитый военачальник ЧвэХен

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. **ПРИБЛИЖАЯ ВЕСНУ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

1. Создание новой дивизии
2. Двадцать юаней
3. Соратник по революции Чжан Вэйхуа (1)
4. Соратник по революции Чжан Вэйхуа (2)
5. Лига возрождения Родины

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

С верой в принцип самостоятельности

Свирепые вихри

Полемика в Дахуанвэе

Рожденные комсомолом

Ответ на трагедию в Сыдаогоу

Рассеивая семена революции
на обширной земле

Февраль 1935 — июнь 1935

1. Свирепые вихри

Ушли в прошлое суровые испытания, растаяли, как во сне. Далеко позади все преграды на пути, нескончаемые гряды заснеженных перевалов. Поход, полный кровопролития и душевных мук, завершился победой. Перед коммунистами Кореи открылся новый горизонт—ускорить глубокий процесс революции на основе достигнутых успехов.

И вот, наконец-то, я поднялся на самую вершину перевала Лаоелин, хоть и совсем изможденный злым недугом. Перед моим взором вдали маячат горные цепи Ванцина. Не отрывая глаз от них, я с моими бойцами восторженно восклицаю от радости. И словно рукой сняло всю усталость, копившуюся месяцами в клубах порохового дыма и в трескучие морозы. На душе у меня так радостно, словно стою на знакомой сопке в родном краю. И в сердце хлынул восторг, как плывущие в небе облака.

Вернулся в Ванцин. Но здесь несколько дней мне пришлось бороться с болезнью, с высокой температурой. Опять меня свалило осложнение после сильной простуды, которая так мучила меня в походе.

Беда, как говорится, не приходит одна. До меня долетела зловещая весть —вихри «ликвидации реакционеров» безобразно разворошили партизанский район. И мои «сиделки» у постели гневно клеймили позором преступников — тех леваков, которые превратили партизанскую зону в бедлам.

Да, совсем недавно, всего несколько месяцев назад, в ущельях

Ванцина партийцы, комсомольцы и члены Общества женщин с рвением работали — осуществляли революцию. А теперь уходят они кто куда, осыпая проклятиями сумасшедших авторов и исполнителей убийственного сценария. Покидают партизанскую базу, которая создана ими и защищена ценой их крови.

Все раздражало меня. Сердце мое, казалось, холодеет, чувствую тупое отчаяние и подавленность. Кажется, все движение во Вселенной вот-вот мгновенно прекратится, и под тяжестью огромного ледника всему на свете наступит конец.

Испытание на плоскогорье за Лоцзыгоу, конечно, было трудным. Но как бы оно ни было сурово, его, однако, не сравнить с несчастьем, увиденным мной. При преодолении перевала Тяньцяолин путь наш сопровождали бесконечные невыносимые трудности. Осталось только шестнадцать бойцов, да и меня свалила с ног сильная простуда. Но и это было пустяком в сравнении с той вынужденной душевной тяжестью, которую породило дело с «Минсэнданом». Во время рейда отряду были ясны препятствия на пути. Преследования врага и моя болезнь, простуда — и все.

Народ нам открыл путь к спасению. Помог нам прорвать вражескую блокаду добрый человек, старик Ким. И еще: с помощью старого Чо Тхэк Чжу, спасителя моей жизни, нам удалось вырваться из когтей смерти — от голода, холода и болезни.

Но вот в опорных партизанских базах Цзяньдао разыгрывалась трагедия—революция низвергала революцию. Противоречий и антагонизмов между низвергающими и низвергаемыми не было и быть не могло. Однако первые беспощадно изгоняли вторых из рядов революционных борцов, ставя их на одну доску с врагом. При «ликвидации реакционеров» на скамье подсудимых сидели в большинстве случаев испытанные борцы, которые в прошлом без колебаний целиком посвящали себя делу

революции.

Спрашивается, где тот критерий, который помог бы отличить своих от противника в этом странном, кощунственном «истребительном сражении», когда революция поднимает руку на революцию же? Кого считать врагом, кого — нашими? Штаб по «ликвидации реакционеров» безапелляционно клеил ярлык «врага» к сотням, тысячам людей, над головами которых уже был занесен карающий меч. Но обоснован ли этот приговор? А если нет, то в какой же ряд поставить тех, кто затеял «ликвидацию реакционеров»? За кого нам стоять и против кого?

Такие вопросы поставила перед всеми коммунистами действительность Восточной Маньчжурии, корчившаяся от страшной боли из-за напрасного кровопролития сотен, тысяч революционеров.

Я мучился как душевной, так и физической болью.

Однако в Яоингоу не нашлось опытного врача, который мог бы спасти меня от недуга. Не было и эффективных лекарств. Просто по очереди бойцы, неплохо владеющие народными средствами лечения, сидели у моего изголовья, ставили компресс с помощью полотенца, смоченного холодной водой, вкладывая всю душу в лечение.

Жители села Сяобэйгоу, обеспокоенные моим самочувствием, прислали мне мед и кровь косули. Китайские старики принесли заваренный чай. Просили партизан: «Позаботьтесь о больном хорошенько. Будет здоров командующий Ким — тогда непременно отстоим партизанскую зону и продолжим сопротивление Японии».

Мед, чай и кровь косули — все это, несомненно, безупречные укрепляющие средства. Но все эти продукты и лекарства я передавал моим боевым друзьям, которые страдали от болезней после возвращения из рейда. Одни мучились сильным гриппом, другие — обморожением, третьи — заболеваниями кишечника, четвертые — бронхитом.

Однажды я, преодолевая приступ озноба, поддерживаемый Сон Габ Рёном, навестил заболевших бойцов, лежащих в постели. Мои глаза особенно больно колол их неказистый внешний вид — одежда моих боевых друзей, участников рейдового похода, была изрядно потрепана. Их военная форма, пропитанная пороховой гарью и продырявленная кое-где пулями, хранила следы горячих битв, какими они в действительности и были.

Всю зиму мы с ними делили горе и радость в трескучие морозы. Меня охватило желание: получше их одеть, досыта кормить жирными блюдами.

Я направил ординарца в швейный отряд. Осенью прошлого года, при отправлении в экспедиционный поход в Северную Маньчжурию, я дал партизанке-швее Чон Мун Чжин задание — заранее сшить летнее обмундирование для отряда на следующий год. Я велел ординарцу: если задание уже выполнено, подобрать и принести около 20 комплектов готовой одежды, чтобы в первую очередь одеть вернувшихся из похода.

Группа партизан-швей в то время находилась в лесу, в ущелье Сосновый Бор, вдалеке от Дахуанвэя. Состав небольшой — Чон Мун Чжин, Хан Сон Хи и еще несколько партизанок. Первая, можно сказать, была уже опытной, научилась швейному делу в уезде Дуннин, а вторая — совсем новобранец, прежде в Яоингоу ведала делами Детского отряда, а потом вступила в партизанский отряд.

С моим ординарцем спешно пришла к нам, в Яоингоу, с обмундированием на плечах Хан Сон Хи. Чон Мун Чжин в то время была в положении. Они ждали возвращения отряда из экспедиции по Северной Маньчжурии и несколько месяцев жили в лесу Соснового Бора, на этом «одиноком острове». Хан Сон Хи заботливо следила за здоровьем беременной.

При виде меня, больного, прикованного к постели, на ее глазах появились капельки слез.

Принесенную ею военную форму я раздал бойцам

экспедиционного отряда, а ее попросил вернуться к партизанским швеям. Я и думал, что она вернулась в Сосновый Бор, но на следующее утро она неожиданно появилась передо мной. Принесла обеденный столик, на котором стояла миска жидкой каши с молотыми кедровыми орешками. Я удивился и спросил:

— Как это ты опять здесь, Ок Бон? Скажи, в чем дело? Ок Бон — так звали ее в детстве. было у нее еще другое прозвище: «Хан Ен Сук». Чувствуя себя как бы виноватой, девушка низко склонила голову:

— Извините, Полководец... Я не пошла вчера в Сосновый Бор.

Я даже ушам своим не верил. Хан Сон Хи, прямодушная, верная и простая девушка, всегда повиновалась приказам начальства — и в дни работы в Детском отряде, и после вступления в партизанский отряд. Не выполнить мой приказ — это для нее, можно сказать, большое событие.

— Хотела вернуться, факт. Но ноги, честное слово, не двигались. Вижу — вы заболели. Если бы и вернулась, вряд ли обрадовалась бы Мун Чжин.

Я, конечно, был благодарен за заботу обо мне, за внимание этой чуткой Хан Сон Хи, но стал уговаривать партизанку, Укладывая в ее вещмешок узелок с чумизой и сушеной морской капустой:

— Не беспокойся обо мне. Сон Хи! Здесь мне помогают многие. Их сколько угодно. Сегодня же вернись в Сосновый Бор. Что будет с Чон Мун Чжин, если ты не вернешься? Знаю, она ждет ребенка — на последнем месяце. Рожать без тебя ей будет трудно.

— Все ваши приказы готова выполнить, но на этот раз не могу... Что сказала Мун Чжин, знаете? «Не жди прощения, говорит она, если вернешься в отряд, не оказав помощи больному». Прошу понять меня, Полководец! Вам теперь, право же, тяжелее, чем когда-либо. А сейчас здесь нет женской

руки, ни одной партизанки. Так просто нельзя! — настойчиво уговаривала меня Хан Сон Хи.

— Слушай, Сон Хи, очень прошу тебя, вернись и позаботься о Мун Чжин.

Помог ей кстати появившийся комроты Ли Хё Сок.

— Товарищ командир, — сказал он, — конечно, пусть она возвращается, но ей негоже быть акушеркой. Это же девушка, она никогда не рожала детей! Как же она поможет роженице?

Комроты обещал послать в Сосновый Бор опытную акушерку, и после этого мне пришлось «сдаться».

С того дня Хан Сон Хи стала моей постоянной сиделкой. Каждый раз подавала мне ту же кашу с молотым кедровым орехом. По ее заказам, по-видимому, партизаны 4-й роты собирали кедровые шишки в заснеженном лесу в Яоингоу. Сам командир роты, вооруженный палкой, по утрам отправлялся на «охоту» , собирал упавшие шишки.

Хан Сон Хи думала: «Плохо помогу — не выздоровеет Полководец. Тогда я уже не вправе быть кореянкой». И ночей не спала, заботясь обо мне. Однажды, — когда это было, точно не помню, — она срезала свою косу и устлала ею мою обувь. Уже по этому одному факту мне было ясно, что Хан Сон Хи человек такого склада, который, привязавшись к человеку, то улыбается, то проливает слезы и без колебаний решится на все, если это ради других.

Да, кровного родства не утаишь. Вся семья Хан Сон Хи — революционеры, люди милосердные, гуманные. Хан Чхан Соб, ее отец — один из пионеров антияпонской революции. Давно он включился в борьбу, еще в районе Бэйхаматана вместе с Ли Гваном, Ким Чхором, Ким Ын Сиком и другими ветеранами революции. Он возглавлял Дафанцзыскую организацию Антияпонского общества, исколесил все районы, поставляя провиант отряду особого назначения под командованием Ли Гвана. Весной 1932 года он был зверски зарублен саблей японских карателей.

Хан Ок Сон, старшая сестра, была арестована и сожжена живьем вражескими палачами. Брат ее, Хан Сон У, погиб в бою.

Мой соратник Хан Хын Гвон был ее двоюродным братом. Еще до ликвидации опорных партизанских баз мы вместе работали в Ванцине. Он вел активную деятельность в районе, контролируемом врагом. А впоследствии прославил свое имя на посту командира отдельного отряда в частях объединенных антияпонских войск в Северной Маньчжурии. Хан Хын Гвон и четверо его братьев пали смертью храбрых на полях сражений.

Обе сестры, в том числе и Хан Сон Хи, решили идти в партизаны мстить врагу за погибшего отца.

И тут возник неожиданный вопрос: кто будет заботиться о родной матери и семье, если покинут очаг обе дочери? Между сестрами произошла размолвка. Поскольку Сон Хи считалась по возрасту не подходящей для партизанской жизни, то и попала в заколдованный круг.

— Ты, милая, не обижай меня за малый возраст. То, что ты делаешь, делаю и я. И ростом-то, знаешь, не уступаю тебе, — такой резкой атакой обескураживала младшая старшую.

— Рост-то, признаться, у тебя велик, — сдержанно и спокойно начинала старшая свою контратаку. — Но, знаешь, от тебя еще пахнет молочком! Напомню тебе народную мудрость: «На дерево, на которое не можешь влезть, — даже взглянуть не смей». Ты оставайся дома, ухаживай за мамой как следует. И еще мой совет: будь активней в жизни Детского отряда!

Ни одна из двух сестер не хотела уступить другой чести быть бойцом.

Когда дочери под одеялом обсуждали свою судьбу, свое будущее, материнские уши случайно уловили отрывки их беседы. Всю ночь напролет шила мать из своей одной-единстве иной бязевой юбки пару вещмешков одного и того же размера, одинаковой формы. В следующий день она под завязку заполнила самодельные рюкзаки толокном. Обе дочери поняли

в следующий день: мать готовила поклажу им в дорогу, и эти вещмешки вроде «приданого» — такого, что могла подарить мать своим детям.

В тот день, усадив рядышком с собой обеих дочерей, она не без торжественности сказала:

— Доченьки мои, обойдусь без ваших заботливых рук. При чем тут верность родителям?! Ведь потерянная Родина не возвращена! И без вашего внимания могу вполне жить. Не беспокойтесь, детки! Ступайте вдвоем сейчас же в партизаны!

— Мамочка, милая наша! — с хлынувшими слезами две сестры бросились в объятия матери. Попрощались они с матерью со святой клятвой в верности...

Весной 1934 года мы перевели Хан Сон Хи в швейный отряд при штабе. Она была перспективной партизанкой.

Если и выискивать у нее характерные минусы, то надо заметить, что она слишком спокойно относилась ко всем делам. Как женщина — была чрезмерно нежна, как человек с ружьем — удивительно добродушна и небдительна. Именно из-за этой небдительности она попала в лапы врага, была вынуждена прервать дело революции на полпути...

Я дал ей приказ — вернуться в свой отряд. И вот партизанка вместе с другими бойцами тронулась в путь на север. В лесу, что в Эрдаохэцзы в уезде Нинань, партизанка попала в кольцо вражеского окружения. Десятки солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го с винтовками наперевес все ближе подходили к ней. Но она, совсем не замечая нагрянувшей беды, мыла волосы в ручье. Даже безмятежно напевала под нос какую-то песню. Так и была арестована. Ее отвели в Лоцзыгоу и стали допрашивать. Для нее это были мучительные дни. Это было в то время, когда мы, вступив в район Фусуна, начали формировать новую дивизию.

Среди часовых, охранявших узников, оказался кореец, не потерявший человеческую совесть. В его душе вспыхнула искорка затаенной привязанности к арестантке. Он тоже раньше

принимал участие в революции, а потом, схваченный врагами, поставил подпись на документе об изменении идейных убеждений и теперь жил, чувствуя себя опозоренным. Поняв, что палачи убьют партизанку, часовой предложил ей бежать. «И я брошу ружье, — говорит он. — Давай вместе убежим! Или пойдем в Корею, или укроемся глубоко в горах. Там построим шалаш и будем жить. Ты согласна?» Хан Сон Хи согласилась и с его помощью незаметно исчезла из вражеского логова. Тот часовой-кореец впоследствии стал ее мужем...

Весть об аресте Хан Сон Хи отозвалась в наших сердцах острой болью. Некоторые из партизанок, горевавшие до предела, даже перестали есть. Это было и понятно: потеряли любимую соратницу, которую заботливо оберегали, словно свою родную сестру. И поныне ее славный образ остался в памяти ветеранов революции, которые хорошо знали ее достоинства еще в Ванцине.

Дети Хан Сон Хи, как мне известно, очень сожалели о жизненном пути своей матери. «Как хорошо было бы, если бы и моя мать, как другие матери—ветераны революции, состояла в партизанских рядах до дня освобождения Родины!»

Конечно, лучше было бы, если бы Хан Сон Хи не была арестована врагом и продолжила борьбу.

Однако революция — не гладкая столбовая дорога! Конечно, это не бег по 100-метровой дорожке, когда со старта любой желающий может броситься вперед и легко достичь финишной линии.

Бесконечная дорога, по которой идут к победе, непрерывно чередует удачи и поражения, наступления и отступления, подъемы и спады — вот что такое, можно сказать, революция! Каких только зигзагов не бывает на этом долгом пути!

Каждый раз, когда дети жаловались на родителей, Хан Сон Хи, говорят, уговаривала их так:

— Детки мои, биография вашего отца, вашей матери без-

условно имеет какие-то пятна. Но незачем вам болеть душой. За родительские грехи Трудовая партия Кореи детей не укоряет. Дети не могут быть в ответе за вину родителей — такова политика нашего уважаемого вождя. Все дело за вами, дети мои. Значит, иначе не думайте. Будьте верны вождю.

Думаю, Хан Сон Хи была права, так воспитывая своих детей. До последних минут своей жизни она хранила твердую веру в партию. Это была женщина честная, чистой души…

На третий день я, правда, с большим трудом смог подняться с постели. Этим я был обязан блюдам, приготовленным Хан Сон Хи: жидкой каше с молотыми кедровыми орехами и похлебке из чумизы с олениной.

В это самое время я узнал, что творится в партизанских районах. О свирепых вихрях, поднятых борьбой против «Мин-сэндана», подробно рассказал мне ротный командир Ли Хё Сок.

При этом он привел в доказательство ряд живых примеров: в таком-то уезде убили руководителя такого-то ранга, в таком-то уезде умертвили такого-то командира, обвиненного в причастности к «Минсэндану». Если бы это было правдой, то можно было бы считать, что в уездах и на участках Цзяньдао ликвидированы почти все руководящие кадры, в том числе военные — от командиров партизанских рот и выше. Корейцев, которые могли хоть как-то написать статью или обладали ораторским искусством, всех без исключения схватили и уничтожили. Была ликвидирована элита, ядро личного состава нашего отряда — те, кого мы оставили в Ванцине, уходя в рейдовый поход в Северную Маньчжурию. Тех, кого не успели казнить, сняли с занимаемых постов, таких, скажем, как секретарь, председатель, член участкового комитета партии и так далее.

«Минсэндан» был продуктом интеллектуализации колониального режима японских империалистов в Корее. Подлинная цель состряпанного ими «Минсэндана» состояла в том, чтобы

превратить корейскую революцию в заросшую полынью пустыню, пустив в ход заговоры, посулы и махинации. Им ничего не дала ни «сабельная» политика, ни «культурное правление», в шелковые платки которого рядили мысли о том, что «Япония и Корея — одно целое» и что «японцы и корейцы — от одних предков». Тогда у них зародился другой план — пусть корейцы дерутся друг с другом на смерть, а мы погреем руки на междоусобице: ликвидация, уничтожение революционных сил избавит от головной боли «обеспечения безопасности».

После событий 18 сентября (1931 г. — ред.) генерал-губернатор Сайте был явно обеспокоен бурным развитием революционной ситуации на маньчжурской территории. И он в феврале 1932 года создал «Минсэндан» в Яньцзи, используя представителей прояпонских сил националистического толка. В их числе оказались Пак Сок Юн, направленный в Восточную Маньчжурию в составе группы по инспекции Цзяньдао, Чон Сон Хо — главное лицо Общества по содействию автономии в Яньбяне, Пак Ду Ен — военный советник войск Маньчжоу-Го в Яньцзи, Ким Дон Хан — ярый антикоммунист и агент японской спецслужбы.

Для маскировки «Минсэндан» выдвинул благовидные лозунги: «обеспечение права нации на существование», «созидание вольной обетованной земли» и «осуществление корейской автономии в Цзяньдао». Он шумно рекламировал свой главный девиз — «решение вопроса жизни корейцев». На самом же деле это была шпионско-заговорщицкая организация, сфабрикованная империалистами Японии. Цель ее — парализовать антияпонское сознание корейской нации, скомпрометировать коммунистов Кореи и оторвать их от народа, вбить клин между народами Кореи и Китая и, наконец, разложить изнутри ряды революционеров.

Реакционную сущность «Минсэндана» можно однозначно

понять и по его документам. Таким, например, как «Цель создания» и «Программа». В них «перевод жизни на индустриальные рельсы» в условиях колониального режима империалистической Японии проповедовался, увы, как «единственный путь к жизни» корейской нации. Враги изображали период своего колониального владычества над Кореей и Маньчжурией, как самый лучший «абсолютный период» для «обеспечения и дальнейшего расширения права на существование». Земля Кореи и Маньчжурии, превращенная в кромешный ад в тисках колониального режима, рекламировалась ими как «большая арена» «свободы» и «самоуправления». И вместе с тем шли разглагольствования о том, что в районе Цзяньдао корейцами «должна быть построена вольная обетованная земля». Подобными ухищрениями они создавали видимость, будто корейцы приветствуют оккупацию Маньчжурии японскими империалистами и их колониальный режим и как будто они имеют территориальные притязания на район Цзяньдао. Таким образом провокаторы лезли из кожи вон, чтобы подорвать добрососедские отношения между народами и коммунистами Кореи и Китая, разрушить революционные узы между ними.

«Минсэндан» — сборище оголтелых антикоммунистов и прислужников врага. Это можно легко понять, если заглянуть в биографические справки так называемых инициаторов его со-стряпания и прихлебателей, которые после его создания заняли посты председателя, зампреда и управляющего.

В списке инициаторов «Минсэндана» имена тех, кто приложил максимум усилий для его создания: управляющий клуба «Капчжа» в Сеуле Чо Бен Сан, заместитель директора издательства газеты «Мэиль синбо» Пак Сок Юн, известные фигуры Общества по содействию автономии в Яньбяне Чон Сон Хо, Ким Дон Хан и другие. Каждый из них представлял себя националистом, ратующим за любовь к отечеству и нации, чуть ли не революционером. Но все они без исключения были изменниками,

с давних пор вскормленными на японских харчах.

Пак Сок Юн свой первый шаг прояпонских акций сделал еще в 16 лет, когда он отправился в Японию на обучение. За его плечами — юридическое отделение и аспирантура Императорского университета в Токио, Кембриджский университет в Великобритании. Словом, довольно состоятельная жизнь в первоклассных вузах. В студенческие годы в Великобритании он, говорят, ежегодно получал огромные стипендии в размере свыше 3000 *вон* от департамента просвещения генерал-губернаторства.

После того, как он получил образование за рубежом, его имя стало пышно украшаться названиями служебных должностей: корреспондент газеты «Тоньа ильбо», замдиректора издательства газеты «Мэиль синбо», советник МИДа Маньчжоу-Го, получивший поручение от МИДа Японии, генеральный консул Маньчжоу-Го в Польше... В 1932 году он принял участие в сессии генеральной ассамблеи Лиги наций в Женеве в составе японской делегации во главе с министром иностранных дел Японии Мацуокой Ёсукэ, который впоследствии, как глава японской делегации, подписал текст советско-японского договора о нейтралитете. Этих ступенек лестницы в служебной карьере Пака после возвращения на родину и его «блестящей» биографии уже достаточно, чтобы понять, какое глубокое доверие было оказано ему со стороны правящего клана империалистов Японии. Они прибегали к разным уловкам, чтобы Пак Сок Юн не скомпрометировал себя как националист. По их заказам Пак делал что мог: то публиковал на страницах печати передовицы с протестами против колонизаторского режима, то шел на лобовое противоборство с генерал-губернатором Кореи, выступая против замены фамилий и имен корейцев на японские, то, в последний период «тихоокеанской войны», вступил в «Союз по строительству государства», возглавляемый Ре Ун Хеном[1]. Но он не мог не чувствовать негативного отношения к себе всех корейцев района

Цзяньдао в связи с «Минсэнданом».

После освобождения страны Пак Сок Юн укрывался в Яндоке, сменив имя на Пак Дэ У. Но изменник нации был разоблачен, не избежал суровой кары. На судебном процессе он признал: его политическим идеалом была «национальная автономия» корейцев в условиях владычества японского империализма; в своем политическом развитии Корея, по его мнению, должна идти тем же курсом, каким шли колонии Великобритании, например, Канада и Южно-Африканский Союз; эти политические идеалы сблизили его с генерал-губернатором Кореи Сайто, породили у него культ Исихары Кандзи — пресловутого японского космополита и духовного вдохновителя Лиги Восточной Азии.

Тем не менее он всячески отрицал, что «Минсэндан» был создан для разгрома компартии и партизанской армии. Первоначальной целью «Минсэндана», по его словам, было только «обеспечение права на существование». Он пытался доказать, что только после его ухода из Цзяньдао «Минсэндан» стал шпионской организацией прислужников японских империалистов, действовавших по их директивам. Его якобы просто ошеломила весть об огромном ущербе, нанесенном в процессе борьбы против «Минсэндана». Пак добавил, что он был не более чем послушной куклой в руках японцев.

Насколько правдиво признание Пак Сок Юна — оценит только история. Но, независимо от достоверности тех или иных фактов, никакими аргументами не опровергнуть, что он был верным псом, лояльным прислужником японских империалистов.

Если Пак Сок Юн, вскормленный на японских харчах, сыграл, образно говоря, роль акушера в рождении «Минсэндана», то Ким Дон Хан был наместником в проведении заговорщических планов этой организации. Он, как говорится, напился российской воды. Жизнь Ким Дон Хана началась с

коммунистического движения. Сразу же после Октябрьской революции он уже вступил в России в компартию. Был членом военного отдела Компартии Коре и возглавлял офицерский корпус, зарекомендовав себя с наилучшей стороны как выпускник военного училища. А в начале 20-х годов Ким, захваченный японскими оккупантами в Приморье, совершил резкий поворот в своих убеждениях и, наконец, стал прояпонским агентом — ударником антикоммунистического фронта.

После роспуска «Минсэндана» Ким Дон Хан, с разрешения Квантунской армии, создал «Цзяньдаоское общество сотрудничества», предшественником которого был «Минсэндан». Им был организован добровольческий отряд самообороны в составе более ста реакционных молодчиков, который из кожи лез вон в карательных операциях против революционной армии. Он был настолько ассимилирован и японизирован, что сам считал себя чуть ли не японцем, рожденным в Корее. Этот пресловутый предатель до мозга костей настолько был пропитан антинациональной продажной психологией, что не стеснялся твердить: корейская нация должна посвящать всю душу и все силы своей «родине» — Японии. По сообщениям газеты «Мансон Ильбо», ему удалось «умиротворить» без малого 3800 коммунистов.

После смерти Ким Дон Хана японские империалисты воздвигли в Западном парке Яньцзи его бронзовый памятник и памятник в честь заслуг «Цзяньдаоского общества сотрудничества».

Так называемая «стратегия Минсэндана» была разработана в качестве меры для идеологического заговора империалистов Японии, принятой ими согласно «стратегии для обеспечения безопасности в Цзяньдао»; была, мол, «разоблачена вся подоплека организаций в провинции Цзяньдао, арестовано около 4 тысяч человек и удалось разрушить социальные устои, поддерживавшие их». Считаю, что будет не лишним разобраться в

реальной сути вышеупомянутой «стратегии Минсэндана».

С самого начала стало ясно, что «Минсэндан» был создан отнюдь не для решения националистами вопроса жизни народа в Цзяньдао. Но в то время агрессоры, империалисты Японии использовали весь арсенал приемов, чтобы прикрыть эту организацию националистической вуалью.

Японцы изящно-блистательно украшали вывеску «Минсэндана» жемчужной цепочкой, имя которой — «решение трудного вопроса жизни народа», не скупились на восхваление его. Но революционные организации Восточной Маньчжурии сразу же обнаружили, что главари этого своеобразного масонского ордена обивают с черного хода пороги японского консульства. Под зорким взглядом людей враги не могли долго маскировать истинное лицо «Минсэндана». Мы сделали свое дело: на страницах революционной печати и во время устных лекций вывели на чистую воду скрытую суть «Минсэндана», с одной стороны, а с другой — развернули борьбу против него в массовом масштабе.Из «Минсэндана» сразу же вышли те, кто, будучи обольщенным его вывеской, необдуманно вступил в эту организацию. А провокаторы, переродившиеся в прислужников врага, были разоблачены. Массы воздали им по заслугам.

Итак, «Минсэндану» пришлось проглотить горькую пилюлю саморазвала вскоре после своего рождения. Империалистам Японии почти не удалось внедрить колючие ветки «Минсэндана» в нашу среду.

Тут, естественно, сам собой возникает вопрос: как же могла продолжаться так называемая «антиминсэндановская» борьба при отсутствии самого «Минсэндана»? Как же в партизанских районах Цзяньдао, где существовали партия и народная власть, без малого три года происходили массовые убийства людей чистейшей души по обвинению в причастности к «Минсэндану»?

Главная причина тому — заговоры и провокации империалистов Японии.

«Минсэндан», возникший в результате всесторонней поддержки генерал-губернатора Кореи Сайто и активнейших закулисных операций японского консульства в Лунцзине, был распущен в апреле 1932 года по воле новоявленного генерал-губернатора Угаки одновременно с посылкой в Цзяньдао оккупационных войск из Кореи. Но сам роспуск был лишь формальной видимостью. «Минсэндан» распустился, но движение за его возрождение шло за кулисами на всех парах. Осью движения стали Ким Дон Хан, Пак Ду Ен и другие.

Весной 1934 года начальник яньцзиской жандармерии Като Хакудзиро (к моменту японского поражения в войне он был командующим Особых охранных войск в Северном Китае) и командир 7-го батальона отдельного пехотного гарнизона Та-камори Ёси сидели за одним столом с Пак Ду Еном и другими прояпонскими холуями. Опять шла речь об «обеспечении безопасности в Цзяньдао». Они договорились вернуть «Минсэндан» к жизни. Итак, старт взяла вторая стадия заговорщицких операций «Минсэндана».

Они недвусмысленно констатировали, что создание «Минсэндана» войдет в комплекс мер для идеологической дезорганизации, мишенью которой стал бы Восточноманьчжурский Особый окружный комитет (ВМООК) при Маньчжурском провинциальном комитете партии. Главные направления действий новоиспеченного масонства должны были заключаться, по их мнению, в том, чтобы, во-первых, принимать «действенные меры для содействия саморазвалу и расчленению корейских партизанских отрядов»; во-вторых, чтобы «заблокировать каналы снабжения корейских партизанских отрядов продовольствием»; в-третьих, «активно рекомендовать добровольную капитуляцию корейских партизанских отрядов»; в-четвертых, принимать «меры для охраны и постоянного наблюдения за добровольно капитулировавшими лицами»; в-пятых, организовать «профессиональное спецобучение добровольно капитулировав-

ших лиц и обеспечение их работой». Было решено держать всю эту заговорщицкую деятельность под общим контролем яньцзиской жандармерии.

В сентябре 1934 года они создали новую спецслужбу — «Цзяньдаоское общество сотрудничества», цель которого — «во всеобъемлющих началах решить вопросы о добровольно капитулировавших лицах», которые появились бы с активизацией деятельности «Минсэндана», «уточнить их тайные связи, достоверность их капитуляции и организовать их идеологическую обработку». К этому обществу присоединился «Минсэндан».

«Цзяньдаоское общество сотрудничества» во главе с Ким Дон Ханом проводило всевозможные дезорганизаторские акты, коварнейшим образом используя «антиминсэндановскую» борьбу ВМООК. Гнуснейшие интриганы Японии начали проводить операции по идеологической дезорганизации компартии и антияпонских партизанских отрядов, в основе которых лежал политический расчет на использование особенностей организационного строения и командной системы антияпонских партизанских отрядов Восточной Маньчжурии. То, что Народно-революционная армия является общими вооруженными силами коммунистов двух стран — Кореи и Китая, они считали своего рода существенно слабым звеном. Заговорщики империалистической Японии рассудили по-своему: китайские руководящие кадры, мол, не верят корейским партийцам, неотступно надзирают за ними и в этом смысле противостоят корейцам-партийцам. Эти-то особенности японцы и намеревались использовать для того, чтобы вбить клин между корейскими и китайскими коммунистами. «То, что вы, корейцы, проливаете кровь в Маньчжурии, не имеет ничего общего с достижением независимости вашей Родины и освобождением вашей нации, И чего ради вы так яростно деретесь? Ради чего вы, корейцы, превосходящие по силам, зависите от китайцев? Для чего проливаете кровь в бессмысленных схватках? Пробудитесь, да

побыстрее. Вам открыт путь к добровольной капитуляции...» — такую психологию внушали без устали. Это был главный курс пропаганды в идейно-дезорганизаторских операциях «Минсэндана».

После роспуска «Минсэндана» японские империалисты, подняв на ноги своих агентов и прислужников, пустили утку, будто партизанские районы наводнены неисчислимым множеством «минсэнданов цев». Интриговали против убежденных руководителей и революционеров, сеяли среди них семена недоверия и отчуждения. Сами враги в своем секретном документе «Опыт дезорганизации компартии в Цзяньдао» признались, что вначале к партизанам было заслано по десять «минсэнданов цев», но все они были схвачены и убиты. Потеряв возможность дальше засылать агентов, пришлось перейти к новой тактике — сеять недоверие и раздоры среди корейцев и китайцев, рабочих и крестьян, вышестоящих и нижестоящих и тем самым натравливать коммунистов друг на друга.

В дезорганизаторских операциях по разложению революционных рядов японские мастера заговоров проявили действительно удивительную находчивость. Из арсенала их приемов известно следующее. Допустим, какой-то руководитель из ВМООК проводит местную инспекцию. В таком случае на дорогу, по которой он направляется, провокатор нарочно роняет письмо к руководителю уездного или участкового ранга, который до этого пользовался той же дорогой, чтобы руководить делами на местах. Что подумает в этом случае инспектор ВМООК об адресате, указанном на конверте?

Есть и другая причина ультралевацкого всплеска «антиминсэнданов ской» борьбы. Это — неблаговидная политическая амбиция некоторых «левых» оппортунистов и фракционеров-низкопоклонников всех оттенков и мастей, занявших ответственные посты в Маньчжурском провинциальном комитете, ВМООК, уездных и участковых

организациях партии на всех уровнях.

«Левые» оппортунисты намеревались монополизировать руководящие посты в рядах коммунистов и подчинить реализации своих политических притязаний рево»люционную борьбу корейских коммунистов, которая шла тогда по восходящей линии. А при их поддержке и молчаливом согласии низкопоклонники, не вылупившиеся из скорлупы сектантской психологии, пытались использовать эту «антиминсэндановскую» борьбу в своих целях, беспощадно выбивая из рядов всех тех, кто, по их мнению, мешает достижению их сектантских целей, и расширяя влияние их фракции.

Не кто иной, как «Минсэндан» дал повод, образно говоря, выхватить для себя коврик для сидения из-под другого. Звучали голоса: «Ты минсэндановец. Тебе надо уйти с должности или умереть!» — и все. Такой приговор не подлежал обжалованию. Более того, даже если попытаешься обжаловать — не получится.

Версия японских империалистов о массовой засылке «минсэндановцев», как легковоспламеняющийся материал, разожгла огонь гегемонистских, карьеристских амбиций тех, кто стремился расставить своих единомышленников-фракционеров на все ответственные посты в партии, в массовых организациях и в войсках. Приклеивая кому попало ярлык «минсэндановца», они начали «ликвидацию реакционеров», и массовость этой кампании неудержимо возрастала. Все это лило воду на мельницу интриганов, замысливших задушить все революционные силы в партизанских районах.

В конце концов получилось, что фактическое единодействие подобных сил в нашей среде и врага губительно расшатывало партизанские районы. Такой фантасмагорический сговор, пожалуй, не сыщешь в мировой истории революционных войн.

Борьба против «Минсэндана» велась столь абсурдными, жестокими и примитивными методами, что их трудно сопо-

ставить даже с разгулом инквизиции в средневековье и военным кодексом фашистского государства. Причина тому — гнусность заговорщицких акций империалистов Японии, идейно-политическая невежественность ряда обманутых ими личностей ВМООК, а также подлость преследуемых ими целей.

К тому времени признаки «минсэндановца», определяемые ими, исчислялись несколькими сотнями. Значит, причислить сюда можно было кого угодно.

Так, если партизанский повар недоварил кашу — этого уже было достаточно, чтобы обвинить его в причастности к «Минсэндану». Попадись камешек в каше, разбавь ее водой,— это уже становилось «свидетельством о намерении заразить болезнью жителей партизанского района». Оснований для устрашающих слов: «Дело рук «Минсэндана», — хватало.

Ярлык «минсэндановец» приклеивался когда угодно и за что угодно: страдаешь поносом — ослабление боеспособности, вздохнешь — усыпление революционного сознания, ошибочно обстреляешь — сигнальное сообщение врагу о расположении партизанского отряда, скажешь: «Тоскую по родине» — пропаганда националистических настроений, проявишь активность в делах — попытка прикрыть свое подлинное лицо... Словом, было так, как гласит пословица: «Подвесишь к ушам — серьги, нацепишь на нос — кольцо». Такая ситуация никому не давала шансов остаться вне круга «Минсэндана».

То же самое было с руководителем комитета Антиимпериалистического союза в уезде Хэлун. Его называли «Кодо» (прыжок в высоту — ред.). Однажды он пошел в Чанжэньцзян для ведения политической работы. К несчастью, был арестован отрядом самоохраны. Его и еще тридцать с лишним патриотов повели на казнь.

Охранники поставили смертников в один ряд и по очереди отрубили каждому голову. И «Кодо», конечно, не смог избежать этой участи. Однако, как ни странно, его голова не скатилась на

землю, хотя у него с шеи были содраны кожа и мускулы, и он был весь в крови. Это было страшнее, мучительнее, чем сама смерть. Когда «Кодо» лежал без сознания, враги покинули место казни. Очнувшись ночью, он с величайшим трудом приподнялся с места. Острая боль терзала все тело. Стиснув зубы, он притянул к шее свернутую к спине кожу. Лоскутом, оторванным от одежды, повязал смертельную рану и начал двигаться вперед. Передвигаясь ползком и кувыркаясь, преодолел в крутых горах расстояние более 24 километров. Наконец, чуть живой он добрался до Юйланцуньского партизанского района.

У него еще не заросли раны, а на него набросились леваки и отдали под суд масс. «Подсудимый», дескать, как прислужник противника нарочно ранил себе шею и вернулся в партизанскую зону, чтобы глубоко внедриться в ряды революционеров. Леваки прожужжали уши массам о «преступлениях» «Кодо», но никто из собравшихся на суде не высказался «за» навязываемый приговор. Организаторы суда вынесли решение: обвиняемого пока оставить живым, определить ему испытательный срок и вскрыть его истинное лицо. А затем тайком убили из-за угла.

Так колесо борьбы против «Минсэндана» съехало в болото крайнего левачества, жестокость и безумство которого достигли своего апогея в уезде Хэлун. Дело в том, что здесь вожаки местных парторганизаций по своему усмотрению играли судьбами людей, реализуя свои политические притязания.

Острие кампании по «ликвидации реакционеров» было направлено против тех, кто показал себя в практике революционной борьбы и снискал глубокое доверие масс. Против тех честных людей, которым были чужды подхалимство, раболепие и компромисс с несправедливостью.

Среди корейских руководящих работников олицетворением крайнего левачества в «антиминсэндановской» борьбе стал Ким Сон До. Когда одно время ВМООК разместился в Ванцине, он показал себя плутом и развратником. Под руку со своей

женой Ким Сон До часто бывал на попойках, играл в корейские карты *хватку,* куда приглашались руководители ВМООК и укома. Его жена, представляясь современной женщиной, была ленива в быту, и почти все ее домашние хлопоты брали на себя воспитанники Детского отряда. Ким Сон До, по его словам, страшный любитель цветов мака, заставлял жителей сеять маки требовал сдавать ему маковый сок. Между прочим он любил твердить о «чистой политике», как монах бубнит «слава будде Амитабе».

Хотя его личная жизнь «с черного хода» была весьма нечиста, сам он, увы, кусал настоящих революционеров, обвиняя их в причастности к «Минсэндану». Совершенно алогично! Он даже воспитанников Детского отряда заставлял писать признания о соучастии в «Минсэндане».

В когти леваков попал и Ким Гын Су, резидент Дунсинцуньской конспиративной явки в Лунцзине, совершивший большие подвиги в подпольной работе. На месте казни он произнес последние слова:

— Я не «минсэндановец». Если вы все-таки подозреваете в этом, отрубите у меня ноги по щиколотку. Только оставьте меня живым. Отрубите хоть обе ноги — ведь я не смогу удрать. Только не убивайте меня. Отрежьте обе ноги — пожалуйста! У меня останутся обе руки. Значит, руками смогу хотя бы плести циновки, чтобы помогать революции! Жаль, что больше не смогу делать революцию и умираю.

Но члены штаба по «ликвидации реакционеров», наконец, убили его дубинами.

— Ба! Смотри, какой он! Подыхаешь ведь, стерва, а в тебе еще живет «Минсэндан»! — орали они.

Призрак «ликвидации реакционеров» размахивал железной палицей не только в партийных и массовых организациях. Грозный меч свистел и над головами партизан.

Надели колпак «минсэндановца» и на Ян Тхэ Ока, отдав его

на суд масс. «Обвинили» его в том, что парень «злоумышленно» повредил затвор ружья.

Он в общем-то был образцовым бойцом в партизанском отряде. К нему как-то прилепилось прозвище «мотыга-скребок», от которого густо веяло земледелием. Так прозвали его после случая, когда он вместе с руководителем своей организации захватил оружие у бойцов отряда по борьбе с контрабандой в столовой Саньпудуна. В то время двое бойцов сидели в столовой и курили опиум, а один сторожил у дверей. Ян Тхэ Ок бросился на часового и вступил в поединок с ним. Оба дрались, свиваясь клубком. Но парень не мог тягаться с ним силами. И тогда Ян Тхэ Ок, выхватив из-за пояса крестьянскую мотыгу-скребок, ударил ею противника по лицу. Часовой, обхватив физиономию руками, упал наземь. В ту минуту парень быстренько схватил его ружье — и дай бог ноги! Запыхавшись, он взобрался на гору за Саньпудуном и там не совладал с соблазном выстрелить из трофейного ружья. Любопытство побудило его мягко нажать спусковой крючок. Но, странное дело, выстрела не произошло, не ударил в уши ожидаемый звук. Не сработала собачка предохранителя! Ян Тхэ Ок ударил ее мотыгой и спустил предохранитель. Но за «рану» затвора, нанесенную ударом тыльной стороны мотыги, его ожидала печальная участь изгнать из рядов партизан, выслать в район, контролируемый врагом.

Леваки и фракционеры-низкопоклонники, напяливая на людей позорный колпак «минсэндановца», или подвергали их смертельной казни, или высылали за пределы партизанского района. А ведь это были смелые, славные борцы, не щадившие своей жизни, такие, как этот «мотыга-скребок». Разве такие храбрецы смогли бы играть роль «минсэндановца», пошли бы ради этого на риск? Разве они могли бы средь бела дня с макетом пистолета или с простой мотыгой напасть на полицейских и захватить у них оружие? Спрашивается, неужели организаторы судилищ, выносившие обвинительный приговор, не могли по-

нять, что у этих страстных борцов не было оснований вступать в «Минсэндан», как не было и надобности примыкать к контрреволюции? Нет и нет! Дело не в уме или глупости. Среди участников революции не найдется такого идиота, который был бы лишен способности рассуждать.

Только в одном Чэчанцзы, по показаниям ветеранов революции из Аньту, от смерча «Минсэндана» погибло несколько сотен корейцев.

Чжоу Баочжун, имевший в то время тесные связи с Восточноманьчжурской парторганизацией и осведомленный о положении дел в Цзяньдао, показал в своих воспоминаниях: по обвинению в соучастии в «Минсэндане» было убито две тысячи человек.

Те, кто раскручивал маховик «антиминсэндановской» борьбы, усердствовали в повышении цифровых показателей «успеха» в деле «ликвидации реакционеров». С этой целью они причиняли всем подозреваемым в причастности к «Минсэндану» невыносимые муки и страдания. Не были исключением члены партийных и массовых организаций, даже актив Детского отряда. Пускались в ход самые жестокие методы, на которые не смел бы решиться коммунист.

Сами же Ким Сон До, Сон Ир и Ким Гвон Ир, стоявшие в авангарде движения за «ликвидацию реакционеров», были, наконец, выведены в расход, приговорены к казни по обвинению в связях с «Минсэнданом».

Сон Ир и Ким Гвон Ир были изначально хорошими людьми. Но, утратив принципы чучхе, они слепо следовали начальству и допустили ошибки не по умыслу. Я просто удивился, когда мне сказали, что на месте казни они кричали «ура!» в наш адрес. Мы с ними часто вели и дискуссии по вопросам о важнейшей линии. Нет сомнения в том, что к ним, по-видимому, вернулся разум во время казни, и они чистосердечно раскаялись в своих преступлениях.

Что касается Пак Хен Сук, то она была современной женщиной высшего сорта, каких можно было бы сосчитать по пальцам в районе Ванцина. У нее ярко блестели глаза, за что сяованцинцы называли ее «глазками-звездочками». Довольно художественно одаренная, она одно время работала в Ваннине начальником детского управления. Ей было не так много лет, но она имела сравнительно богатый опыт подпольной работы. Ее свекор Чвэ Чхан Вон (Чвэлаотоу) был руководителем уездной организации Антиимпериалистического союза.

Пока Пак Хен Сук еще не вышла замуж за Чвэ Хен Чжуна, конспиративные связи между ними обеспечивали воспитанники Детского отряда Муданьчуаня, бывшие в то время ее подопечными. На деньги, полученные от своей наставницы, дети скупали в магазинах товары для нужд партизан. Покупки передавались через «глазки-звездочки» в руки секретному партизанскому отряду и тем, кто занимался формированием отряда особого назначения.

Враги, тайно наблюдавшие за каждым шагом женщины, наконец, отдали приказ об ее аресте. В тот день она пошла в гости к подруге на чью-то свадьбу, чтобы поздравить молодоженов. Полицейские ринулись в дом, где шла свадьба, и испортили праздник, требуя выдать Пак Хен Сук. Гостья спряталась на чердаке дома, но, беспокоясь, чтобы не случилось неприятностей у хозяев, бесстрашно вышла к полицейским со словами: «Я здесь!» Ее заточили в тюрьму и начали подвергать жесточайшим пыткам, мучительно терзая ее тело. Несмотря на это, она не изменила своих убеждений. К ней на свидание приходили сельчане. Принесут ей поднос с хлебцами — она пишет на подносе тексты революционных песен, вдохновляя товарищей, жителей вне тюрьмы. Впоследствии полиция выпустила ее на волю.

И вот бракосочетание молодых — Пак Хен Сук и Чвэ Хен Чжуна. В свадебный день полицейские Байцаогоу, —а их было трое, — хотели что-то пронюхать и пришли к молодым в

«гости»: «Посмотрим, как выходит замуж молодая коммунистка». Эти «блюстители порядка», промочив горло горилкой, даже просили невесту спеть песню. «Глазки-звездочки» не отказалась от их заказа и спела открыто революционную песню. «Блюстители порядка», изрядно пьяные, не смогли разобрать, что молодуха поет песню с призывом к революции. Эти «гости» даже кричали «Браво!» и твердили: «Вишь, какая великолепная певица эта коммунистка!»

Чвэ Хен Чжун, муж ее, тоже был верен революции. И в семейной жизни у него был порядок, и боролся на славу. Но, к великому несчастью, его покалечила пуля. Хромой, он больше не мог задавать тон в работе на местах, как прежде. Ездовой лошади не было, не было и машины — ничего не было. В такой ситуации ему приходилось, хромая, преодолевать долгий путь, и становилось ясно, что ему стало труднее «тянуть воз», чем другим. Штаб же по «ликвидации реакционеров» приклеил ему ярлык «пассивного элемента». Подозрения в причастности его к «Минсэндану» повлекли за собой преследования и надзор. Пак Хен Сук, жену его, тоже сняли с руководящего поста. Мол, это жена «минсэндановца».

В это самое время до моих ушей долетели слухи, что она решилась пойти на развод с мужем.

Узнав об этом, я стал уговаривать «глазки-звездочки». «Дело с этим «Минсэнданом» — временное. Оно рано или поздно прояснится. Чвэ Хен Чжун с самого начала показал себя отличным подпольщиком. И в партизанском районе боролся замечательно. Теоретически зрелый революционер. Зачем вы развода с ним хотите? Это неверный подход к делу». Так я подверг ее критике.

После того мы направили Пак Хен Сук в Советский Союз. Если сейчас она жива, то с каким сердцем вспоминает «глазки-звездочки» те годы жизни в Ванцине, когда дрожали

даже травинки и деревья от пыла «антиминсэндановской» борьбы? Трудно даже представить.

Жители партизанских районов колебались. Колебались все: мужчины и женщины, стар и млад. «Теперь понятно, —с горечью думали они, — что это за вещь — революция. Чуть что, свои убивают друг друга, делают грешными ни в чем не повинных. Вот какая она, революция! На цзяньдаоской земле, вроде пустоши, корейцы и подняли землю, и взрыхлили «целину» революции. А за что теперь всех этих первопроходцев убивают и выбрасывают за борт? За каким дьяволом? Чего надо этим мерзавцам? Ничего другого, кроме очищения ради гегемонии. Из-за жажды власти забыто все, что было раньше: и чувство долга, и человеческая близость. Они не стесняются умерщвлять даже своих. Если на такое идет революция, то кому она нужна?! Чем участвовать в такой дьявольской затее, лучше бы нам или с женой и детьми вернуться в родной край и там земледелием заниматься, или, на худой конец, уйти в горную глушь, стать монахом и бродить, стуча в деревянную колотушку». Так безумство ветра «антиминсэндановской» борьбы разъедало ржавчиной взгляды людей на человеческую жизнь, на революцию.

Менее сознательная часть масс, расставшись с революцией, бежала в другие места — или в захваченные врагом, или в безлюдные. Раньше они приезжали сюда делать революцию, а вот теперь оказались этой самой революцией отвергнуты. Никуда не денешься. Где ж им гнездиться, где приютиться?! Революцию-то делают для того, чтобы жить, а не для того, чтобы умереть. И жить-то лучше, по-человечески — вот для чего революция! А если и умереть, то достойно, на поле брани, не жалея своей жизни ради справедливости, покрыть себя славой бессмертия — вот такая она, революция!

А какое здесь бессмертие? Революционеры зверски уничтожались руками тех, кто только вчера с ними ел из одного котла.

Поэтому после освобождения Кореи я объявил: невиновны

те, кто в ходе кампании борьбы против «Минсэндана» ушел во вражеский район и «добровольно капитулировал». Как же считать грехом уход из партизанской зоны, если они не хотели быть убитыми с позором руками безумцев, которые не давали им делать революцию при всем их желании?

Из-за безрассудного убийства воды рек Ванцина и Гудунхэ обагрились алой кровью, во всех ущельях Цзяньдао ни дня не проходило без горьких рыданий.

Подобная картина реальности так разочаровала Ши Чжунхэна, и он покинул цзяньдаоскую землю — уехал в Северную Маньчжурию. «Я уйду, — говорил он. — Не могу больше так жить, вдыхая запах пролитой крови! Как же такое может происходить здесь, где политикой занимается компартия?! Саму же компартию предает позору руководство Восточноманьчжурской парторганизации».

Я понял всю пагубность «антиминсэндановской» борьбы. И чтобы поподробнее ознакомиться с положением дел, я встречался со многими людьми.

К тому времени жители Яоингоу, опасаясь жестоких налетов противника, жили в лесных землянках. Их защищали бойцы революционной армии, находясь в казармах на подступах к партизанскому району. От партизанских казарм до поселения — около шести километров.

Я со своими ординарцами пошел вверх, в село и там беседовал с пожилыми сельчанами. Во время разговора ко мне подошла девушка Хон Хе Сон и говорила: «Я бы сказала вам пару слов». Закончив беседу со стариками, я решил выслушать ее.

— Люди-то штаба, говорю вам, чрезмерно жесткие. Не могу больше терпеть! Какая обида! Каких только мук не было здесь, в Ванцине! Все терпела, стиснув зубы. Но эту душевную боль — никак! Чем так мучиться от революции в Цзяньдао, лучше бы пойти в Корею и начать подпольную борьбу. Так и

сделаем. Конечно, мы не успеем создать партизанскую базу, такую, как здешняя. Но нам вполне будет под силу подпольная борьба. Расходы на работу сама покрою. Пусть пойдет на это все имущество моего отца — аптекаря. Прош, пойдем в Корею!

Хон Хе Сон глядела на меня, кусая губы. На ее глаза навернулись слезы. Я махал рукой, дал сигнал — понизить голос.

— Какое теперь время, ты знаешь! Как ты, Хе Сон,смеешь так говорить!

— Я вам верю, Полководец, потому так и говорю.

— Знаешь, есть поговорка: «Сказанное днем слышат птицы, а сказанное ночью — мыши». И вот тебе мой совет — языком не болтай.

Выслушав откровенные слова Хон Хе Сон, я не мог удержать в себе душевную грусть. Возникла даже мрачная мысль: «Раз решилась покинуть партизанский район и эта Хон Хе Сон, то кто же останется здесь, на ванцинской земле, чтобы продолжать революцию?»

Эта девушка, как никто другой, горячо любила партизанский край, который, в свою очередь, был привязан к ней. Она была дерзкой подпольщицей и в то же время показала себя жизнерадостной, полной энтузиазма учительницей детей. Она работала здесь и как «внештатный врач», хотя у нее, конечно, не было никакой лицензии медработника, устанавливала больным точный диагноз и мастерски лечила.

Среди руководителей Восточноманьчжурского и Ванцинского уездного комитетов партии было немало тех, кто с ее помощью совсем излечился от трехлетней чесотки. Все выздоровевшие благодарили ее. И руководящие работники не жалели похвал в ее адрес: «Вот какая она умница!»

И сама Хон Хе Сон с гордостью считала себя необходимой в партизанском краю, тем человеком, без которого дело не обойдется. И вдруг такой крутой поворот — призыв к побегу! Только одного упоминания об этом хватило бы для того, чтобы казнить

ее как «минсэндановку». Я был благодарен ей, конечно, за то, что она поверила мне и открыла свою душу. Какой ужасающий, зловещий призрак ходил в партизанских районах?! Не случайно, что на побег решилась даже Хон Хе Сон, полная энергии и боевого порыва. Теперь цзяньдаоская земля, усеянная прахом погибших товарищей, перестала быть для нее волшебно-сказочным краем, гнездом счастья, которому раньше она посвящала свою чистую любовь.

Однако я не мог согласиться с ее предложением. Я высказал свои соображения:

— Послушай, Хе Сон, не надо этого делать. Останусь я живой или погибну — это не проблема. Если в такой момент, когда решается вопрос: поражение или победа революции, мы не вынесем трудностей и выберем легкий путь, то как же можем называть себя настоящими коммунистами? Как ни мучительно, как ни отвратительно, нам надо здесь поправить дело с этим «Минсэнданом» и продолжить свою борьбу. Вот в чем путь революционера, путь к спасению революции.

Моя собеседница, вытирая слезы, сосредоточенным взглядом смотрела на меня.

— Извините, пожалуйста, за грубые слова. От беспомощности это, от бессилия. Давно хотела об этом сказать вам, дорогой Полководец. Ждала и ждала вашего возвращения из Северной Маньчжурии. Не только одна я. И заключенные в тюрьме по делу с «Минсэнданом» ждали вас, товарищ командир. Спрашивали: «Когда вернется командир Ким?», «Нет ли весточки от командира Кима?», «Не найдется ли способа, чтобы передать командиру Киму о положении в Восточной Маньчжурии?» Знаете ли вы, с каким нетерпением они вас ждали? А здесь ходили слухи — бойцы Североманьчжурского экспедиционного отряда, мол, все погибли. Так и писали в газетах японцы.

Хон Хе Сон, не удержав растущей обиды, сложила руки на груди.

Глядя в ее глаза, полные горьких слез, я всеми фибрами души испытывал чувство раскаяния. Словно у меня сердце вот-вот разорвется на клочки.

Слова Хон Хе Сон заставили меня глубоко задуматься над своей обязанностью революционера Кореи. «Да, ситуация критическая: или революция так позорно, так бесславно истребится, или же она воскреснет, опять поднимется в гору. Если не сумею остановить это безрассудное убийство, безумство кампании по «ликвидации реакционеров», угрожающей тысячам, десяткам тысяч жизней, то и я не вправе называться сыном Кореи и вообще оставаться в живых на свете».

Восточноманьчжурского парткома с предложением созвать совещание, чтобы правильно решить вопрос борьбы с «Вот почему я обратился к руководству Минсэнданом». В то же время выступил с инициативой о созыве совещания и инспектор Маньчжурского провинциального комитета партии,

Через несколько дней по каналам связи я получил корреспонденцию. Это было известие о созыве в Дахуанвэе совместного совещания военных и политических кадров района Восточной Маньчжурии.

Перед отъездом я зашел в казарму партизанских поваров. Хотелось подарить пожилой женщине Хон Ин Сук ткань на одежду, которую я достал в Северной Маньчжурии. Я знал, что она заподозрена в причастности к «Минсэндану» и уже несколько месяцев проводит в унынии. Боевые друзья предупредили: «Сделаете подарок такой сомнительной личности — и вас, командир, не оставит в покое штаб по «ликвидации реакционеров». Но я не прислушался к этому совету. Гуманизм поставят в вину? Как это так?!

2. Полемика в Дахуанвэе

Было бы неправильно думать, что моя полемика с лицами из руководства Восточноманьчжурского парткома по вопросам «Минсэндана» началась только на совещании в Дахуанвэе. Начало ее лежит еще в октябре 1932 года. Это было время, когда наш отряд, начав рейдовый поход в Северную Маньчжурию, ненадолго остановился в районе Ванцина.

В соответствии с планом пребывания в Вакцине моим первым делом было руководство партийной работой на 1-м участке (Яоингоу). Там мне и довелось стать непосредственным очевидцем того, что некоторые работники уездного и участкового комитетов партии ориентировали борьбу против «Минсэндана» необдуманно, крайне левацки, нарушая революционные принципы.

Однажды утром вместе с Ли Ун Гором, заведующим оргот-делом 1-го участкового комитета партии, я обходил село. Вдруг из помещения участкового комитета послышались громкие во-пли, и мы поневоле остановились.

— Что это за крик? — спрашиваю я.

—У комовцы допрос ведут. Схватили человека по имени Ли Чжон Чжин, — явно чем-то встревоженный, ответил Ли Ун Гор.

— За что? Заподозрен в соучастии в «Минсэндане»?

— Вроде бы так. Сам он это отрицает. Уже три дня. А вот руководители его гоняют: выкладывай, мол, все свои грехи.

— Услышу эти вот крики — целый день не работается. Давайте побыстрее пройдем.

— На каком основании его считают «минсэндановцем»?

— На том, что он поздно вернулся в партизанский край.

Работал во вражеском районе и опоздал на несколько дней.

— И из-за такого пустяка?

— Вы поосторожнее говорите, товарищ командир. Одной такой фразы здесь хватит, чтобы попасть в «минсэндановцы». Над нами дуют вихри «Минсэндана», тяжко жить стало.

Несмотря на уговоры Ли Ун Гора, я пошел в кабинет участкового комитета.

Вижу — укомовец вместе с красными ополченцами 1-го участка жестоко допрашивает Ли Чжон Чжина. укомовец, весь красный и потный, избивает допрашиваемого, словно демонстрируя вошедшему незнакомцу свое дело: посмотри, мол, как беспощадно ведут ванцинцы классовую борьбу.

Ли Чжон Чжин был батраком, работал более десяти лет на китайского помещика. Во время вражеского погрома лишился жены, передал двоих малолетних детей добрым людям и ушел делать революцию. Переселившись в партизанский край, он работал секретарем одной из партячеек 1-го участка, завоевал глубокое доверие масс. Не было никаких оснований полагать, чтобы такой человек, примкнув к вражеской организации, стал контрреволюционером. Да, он позднее вернулся из вражеского района, но можно ли только по этому считать его «минсэндановцем»?

Попросив прервать допрос, я сказал руководителям уездного и участкового комитетов то, что считал необходимым:

— Товарищи, на мой взгляд, нет повода считать Ли Чжон Чжина «минсэндановцем». Без серьезных оснований, за мелкие оплошности применять против кого попало дубинку нельзя. Борьбу против «Минсэндана» надо вести продуманно, научно обоснованно.

Допрос был прекращен. Однако после того, как я уехал из Яоингоу в Мацунь, укомовцы все-таки убили Ли Чжон Чжина.

Тем не менее по этому поводу ходили слухи: мол, в кабинете Яоингоуского участкового комитета партии появился командир

Ким Ир Сен из Аньту, прекратил допрос «минсэндановца», начатый какими-то укомовцами, и объявил им «импичмент». Эта молва долетела до ушей руководителей Ванцинского укома и ВМООК партии. Слухи, как на крыльях, разлетались за пределы Ванцина, распространялись и в других местностях — в Яньцзи, Хэлуне и Хуньчуне. Люди, как я потом узнал, реагировали на это по-разному. Одни беспокоились: «Зачем он вмешался в это дело? Беды накликать хочет? Не разобрался, пожалуй, в чем там дело». Другие изрекали: «Он так поступает, пока не проникся ванцинским духом. Ведь командир Ким — из Аньту». Третьи не скрывали одобрения, хоть и осторожного: «Все-таки он человек большого сердца».

Мои слова и поведение в кабинете 1-го участкового комитета партии фактически послужили началом моей полемики с леваками по вопросам «Минсэндана».

В 1933 году эти споры получили дальнейшее развитие. Тогда в партизанских районах Восточной Маньчжурии очистительная кампания по делу «Минсэндана» жесче подхлестывалась. Именно в том году были казнены или вынуждены были бежать многие корейские военно-политические работники, революционеры, заподозренные в причастности к «Минсэндану».

Да и я тоже чуть не попал в «минсэндановскую» петлю. Шовинисты и фракционеры-низкопоклонники, закатившие колесо «ликвидации реакционеров» в болото крайнего левачества, изо всех сил старались уличить меня в связях с «Минсэнданом».

Добываемые ими «доказательства» были необычайно абсурдными, надуманными. Среди этих «доказательств» фигурировало и «дело с похищением тумыньского помещика».

К тому времени в Люшухэцзы постоянно находились более ста бойцов китайского антияпонского отряда. Они не успели обеспечить себя обмундированием и обратились к нам за помощью. Для удовлетворения их просьбы мы решили исполь-

зовать одного помещика. До этого его арестовала Армия спасения отечества, пытаясь выбить из него денежные средства, но помещику удалось убежать. Мы привели его к себе и уговорили помогать нам. Именно с его помощью мы достали ткань и вату для обмундирования 500 бойцов. Эту акцию и называли «делом с похищением тумыньского помещика». За счет полученных материалов мы тогда снабдили обмундированием всех офицеров и солдат китайского антияпонского отряда Ванцина.

По сложившимся в то время обстоятельствам это было необходимо, так как без обмундирования их застала бы врасплох зимняя стужа. Это могло бы привести к добровольной капитуляции перед врагом. А без содействия таких дружественных войск, как АСО, силами одной революционной армии трудно было охранять партизанский район, ведя неравные бои.

Ким Гвон Ир, выдвинутый на пост секретаря Ванцинского укома партии вместо Ли Ён Гука, в один голос с некоторыми руководителями ВМООК клеветнически заявил: то, что партизаны использовали помещика для снабжения АСО зимним обмундированием, является правоуклонистским капитулянтством. Ким Ир Сен, ответственный за вооруженные силы, — твердили они, — должен нести ответственность за допущение и поощрение воздействия «Минсэндана».

Словом, пытаясь запачкать мое имя, они твердили о какой-то «ответственности». Их замысел был понятен — ликвидировать всех до единого руководителей корейской национальности, имеющих влияние в Восточной Маньчжурии. Они не стеснялись молоть даже такую чепуху: «Ким Ир Сен плохо ведет борьбу против «Минсэндана», поэтому в Ванцинский партизанский отряд и просочилась уйма «минсэндановцев». Было ясно, что они под шум кампании по «ликвидации реакционеров» во что бы то ни стало пытались посадить меня на скамью подсудимых.

По всему было видно: между мною и ими назревало лобовое столкновение.»

Я доказал: обеспечение АСО обмундированием при помощи помещика не может быть правым перегибом, тем более не может быть последствием воздействия «Минсэндана». Открыто высказывался я и о борьбе против «Минсэндана».

— Борьба против «Минсэндана», — говорил я, — есть борьба против шпионажа. Значит, никто не вправе от нее отвернуться. Я тоже не хочу, чтобы в нашу среду пробрались «минсэндановцы». Однако на то, что под предлогом очищения рядов от «минсэндановцев» убивают ни в чем не повинных, честных людей, смотреть сквозь пальцы не могу. Ведь истребляют как попало невинных, своих людей. Именно это помогает врагу, подрывает революцию. Как же нам обходить это молчанием? Посмотрите — какие это люди, те, которым вы приклеили ярлыки «минсэндановца»? Храбрые борцы! Это они делили с нами горе и радость в партизанском районе! Зачем им, этим славным борцам, становиться «минсэндановцами»— быть врагами революции? То, что вы говорите, лишено логики.

Так я опроверг их утверждения. Мои слова вывели леваков из себя. Громкими голосами они стали допытываться:

— А вы, товарищ, что — возражаете против «антиминсэндановской» линии?

— Если ваша «антиминсэндановская» линия имеет целью истребление своих людей, верных революции, то я не могу с этой линией согласиться. Хотите выловить «минсэндановцев», прошу: ловите именно их, точно выясняя суть дела. Зачем же при этом скручивать шеи тем, кто здесь, в горах, голодая, преодолевает муки ради революции? Разве это не странно?

Таковы были мои возражения. Я серьезно заострил проблему. В ответ леваки из ВМООК ограничивались голыми нападками: «У Ким Ир Сена не хватает понимания «Минсэндана». Тогда я заявил:

— Понимания не хватает? Ладно! Я сам лично повидаюсь с теми, кого вы определили в «минсэндановцы». Если хотите послушать показания узников, прошу вас быть свидетелями.

Тюрьма для «минсэндановцев» находилась в ущелье Лишугоу. Среди заключенных оказался и Чан-охотник (настоящее имя— Чан Рён Сан). Командир роты. Его отец слыл известным охотником в районе Ванцина.

Чан Рён Сан часто ходил на охоту со своим отцом, учился метко стрелять. Это был удивительно меткий стрелок. Приготовь тесто из муки и выходи из дому —сразу же добудешь восемь косуль, а затем сваришь клецки с косульим мясом! В бою за оборону Сяованцина он один сразил, пожалуй, более ста врагов. Он был один из самых любимых мною командиров, которыми я дорожил.

И на такого человека надели в один прекрасный день позорный колпак «минсэндановца», бросили в карцер, мало чем отличающийся от свинарника. Каково же было у меня настроение, когда я увидел его в тюрьме?!

Вхожу в камеру и тут же прямо спрашиваю его:

— Слушай, Чан-охотник! Ответь точно: ты «минсэндановец»?

Чан Рён Сан, даже не замешкавшись, сразу же «признается».

— Так точно, я «минсэндановец».

— Ну а теперь скажи: почему ты, «минсэндановец», так много япошек пострелял?

Все леваки, — они последовали за мной в тюрьму,—глядели на меня холодными, злорадными взглядами. Сдержав волнение, я аргументированно объясняю;

— Слушай меня. Чан-охотник! «Минсэндан» защищает япошек. Это реакционная организация, созданная ими. Если ты «минсэндановец», то не странно ли, что ты уложил из ружья свыше ста самураев? Пусть кинжал вонзят тебе в горло, но все-

таки ответить тебе надо правду. Скажи откровенно!

Лишь тогда Чан Рён Сан берет мою руку и, всхлипывая, порывисто жалуется:

— Товарищ командир! Зачем же мне быть «минсэнданов-цем»?! Отвечаю: «Нет!» — они не хотят слушать, все время избивают. Деваться некуда — пришлось признаться: да, я «минсэндановец». Извините, товарищ командир, за то, что вас опозорил.

— Дело тут не в моем позоре. Дело в том, что ты человек неубежденный. Перед деспотами, зачинщиками страшной кары, отвечаешь: «Да, я состою в «Минсэндане», а вот перед мною мелешь: «Да, нет!» Мне не нужен такой трус, что меняет свое слово!

Я вышел за ворота тюрьмы настолько озлобленным и разъяренным, что леваки не посмели даже заговорить со мной.

В тот день я встретился с Тун Чанжуном и решительно заявил:

— На мой взгляд, собака зарыта в вашей работе. Против «Минсэндана» не следует бороться таким манером. Как можно ни в чем не повинных людей считать «минсэндановцами»? Как арестовывать и бросать кого попало в тюрьму? Борьбу против «Минсэндана» надо вести на демократических началах. Нужно безошибочно отличать врагов от своих. Не по произволу кучки начальников, «властителей», а на базе широкого обсуждения. Умножать мнимых «минсэндановцев» пытками и угрозами нельзя. Кто здесь, в Ванцине, считает Чана-охотника «минсэндановцем»? Только вы! За него я головой ручаюсь. Словом, лучше бы освободить его немедленно.

Левакам я объявил: «минсэндановцев» из числа партизан не трогать своевольно, без разрешения политотдела. Вернувшись в свой отряд, я наказал того командира, который самовольно передал Чан Рён Сана в штаб по «ликвидации реакционеров».

В тот день ВМООК по моему требованию освободил его.

Впоследствии Чан-охотник был направлен в Чжоуцзятунь уезда Нинань, работал в продотряде и храбро сражался до последних минут своей жизни.

Широко известно «дело Пак Чхан Гира». И оно было своего рода испытанием, если можно так выразиться. Случай этот произошел в то время, когда мы располагались в Гаяхэ.

Как-то мы резали корову, принадлежавшую прояпонскому обществу «Минхвэ». Ее взяли в окрестностях Тумыня. Полакомились говядиной воины и сельчане. Но тут случилась беда: говядина вызвала у многих расстройство желудка.

В помещение, где я остановился, толпой хлынули мои боевые друзья и зашумели: «Какой-то «минсэндановец» подбросил яд в колодец. Все отравлены. Опасаемся угрозы массовой смерти». «Если это правда, — подумал я, — рота, возможно, не избежит полного уничтожения».

На всякий случай мы со всеми бойцами роты взобрались на гору за селом. Я велел им быть в полной боевой готовности к возможному вражескому налету.

Прошло довольно много времени, но, как ни странно, я сам совсем не ощущал боли в животе. Не было и вражеских вылазок, которые должны были быть, по нашему предвидению.

Я приказал собраться ротному, политруку, комсомольскому секретарю, инструктору по делам молодежи, всему комсоставу роты. Обращаюсь к ним:

— Вы, товарищи, тоже считаете, что «минсэндановец» действительно подсыпал яд в колодец?

Командиры, даже не задумавшись, в один голос отвечают:

— Да, вроде так.

— Но почему же я не заболел? Суп с говядиной ел и вчера вечером, и сегодня на рассвете. Если другие отравились, то и у меня, и у ротного заболел бы живот. А вы видите, ничего похожего. Чем это объяснить?

— Может быть, командирам подают суп почище, — высказал предположение комроты.

— Да нет же! Ели суп все из одного котла. Не может быть, чтобы в командирском супе яд перестал действовать.

Немного погодя вернулся комвзвода с патрулирования, привел ко мне из села одного мальчика, ростом с винтовку. Он доложил, что нашелся тот самый «минсэндановец», который отравил колодец. Это был Пак Чхан Гир, заподозренный в преступлении. Комвзвода добавил: мальчик уже без обиняков признался в своей вине перед сельчанами.

Все село зашумело: пойман, мол, преступник. Некоторые люди ругали его, называя мерзавцем, другие угрожали, требуя крови — «Убить надо эту стерву, матку Чхан Гира!»

Чхан Гир, маленький страдалец, гнул спину на китайского помещика, пас свиней. Один из его братьев служил главным хозяйственником партизанской роты, другой был работником партячейки. И не очень-то верилось, что он мог совершить такое вредительство, которое могло бы погубить целую роту партизан.

Разговаривал я с ним несколько часов. И передо мной юнец поначалу признался в своей «вине». Потом, плача, отрицал все сказанное. Первоначальное признание перед сельчанами было формой его протеста против выдумки злоязычных баб села, которые «отыскали» виновника вредительства.

Мы с ротой немедленно спустились с горы и созвали митинг, на котором объявили о невиновности Пак Чхан Гира.

— Этот мальчик не подбрасывал яда. Чьих рук дело? Среди вас, граждане, нет никого, кто мог бы отравить воду. И никто не пил отравленной воды. Конечно, есть такие, кто денек-другой поболел животом. Причина желудочного расстройства в том, что все мы давным-давно не ели мяса, а тут вдруг сразу наелись парной говядины. Значит, «Минсэнданом» здесь и не пахнет. Сегодня здесь я объявляю; Чхан Гира, которого вы обвиняли как «минсэндановца», принимаем в партизаны.

Выслушав мою речь, женщины села начали утирать глаза. Намокли глаза и у тех, кто определил мальчика в «минсэндановцы».

Только леваки и на этот раз подняли вой — мол, «дело Пак Чхан Гира» решено с правоуклонистских позиций.

А Пак Чхан Гир, став партизаном, храбро сражался в бою за оборону Сяованцина.

Окруженный леваками, я, как видите, сделал несколько действительно рискованных шагов. Одна из моих авантюр— освобождение из тюрьмы «минсэндановцев» Чана-охотника и Рян Сон Рёна, другая — объявление о невиновности Пак Чхан Гира и принятие его в партизаны.

Время было такое, что ослепленные жаждой власти, наивные, невежественные людишки через призму предвзятости определяли цену каждому человеку, хозяйничая одновременно в ролях прокурора, судьи и заплечного мастера. В такую пору проводить политику доверия, политику любви, предполагающую относиться к человеку, товарищу, народу, как они есть, — это, прямо скажу, было весьма рискованное, чреватое опасностью дело по тем временам. Но борьбу за это необходимо было развернуть даже с риском для собственной жизни.

Всякая мелочь рассматривается через увеличительное стекло, имя которому — недоверие, любую оплошность считающее делом рук «Минсэндана». В такой ситуации наилучшим выходом для человека было бы закрыться в футляр, абсолютно не вмешиваясь ни в какие дела, заставить себя конъюнктурно смотреть на все сквозь пальцы. Однако я жил своим собственным убеждением: не смеешь высказать свой подход к несправедливости, осудить порок — ты уже почти мертвец, пусть даже в тебе теплится жизнь, ты не более чем «безжизненный организм», труп, которому вообще незачем жить. С таким убеждением я поднял меч против всего, в чем видел несправедливость. Ведь если заботишься лишь об одном своем благополучии и спокойст-

вии — незачем называть себя революционером! Как бы ни свирепствовал смерч кампании по «ликвидации реакционеров», он отступит, как временный феномен, мы сумеем остановить его, если не пощадим своей жизни в этом поединке.Вот во что я верил тогда.

Шовинисты «левого» толка и сектанты-низкопоклонники, предвкушавшие всевластие в результате кампании по ликвидации призрака мнимого «Минсэндана», зашли «чересчур далеко. Они додумались даже до того, что сочинили и огласили так называемую «минсэндановскую систему», внедренную якобы в ВМООК и Народно-революционную армию, — такую, которая ничем не отличалась от действующей организационной структуры партийных органов и вооруженных формирований в партизанских районах Восточной Маньчжурии.

Левацкие элементы сделали все для того, чтобы создать у нас впечатление, будто и внутри партизанского отряда орудует немало «минсэндановцев», чтобы мы не ставили палки в колеса «антиминсэндановской» борьбе. С этой целью они коварно пытались вбить клин между мной и подчиненными мне бойцами.

Однажды один из руководителей зашел в наш отряд и передал мне письмо от заведующего орготделом ВМООК. Распечатал письмо —и просто ахнул. Не знаю, откуда взялись такие материалы, но заворг писал, что Хан Бон Сон, наш боец, создал большую группу «минсэндановцев» и замышляет убить даже меня. По тяжести совершенного преступления, говорилось в письме, он подлежит немедленному аресту.

«Преступление» Хан Бон Сона выглядело тягчайшим. Пробежал письмо — и почему-то засомневался в реальности написанного. Прежде всего слишком абсурдным казался тот факт, что боец ведет крупномасштабные «минсэндановские» акции. До сих пор он храбро сражался, рискуя собственной жизнью. На кой черт ему, Хан Бон Сону, быть соучастником «Минсэндана»?! Да

и по натуре своей он совсем не может быть таким жестоким, чтобы пойти на злодеяния — на заговорщицкие интриги и, тем более, на убийство своего командира. Наоборот, он был человеком доброй души, образцового поведения, красавцем, которому могли бы позавидовать многие. В повседневной жизни его отношения со мной были близкими, тесными. И такой человек поднимет руку на своего начальника, столь любящего его? Трудно было этому поверить.

Тем не менее изложенное в письме нельзя было отвергать с порога. А с чего бы он, заворг, выдумал небылицу обо мне? Перебирал в уме и так, и сяк — мне было неприятно.

Передавшему письмо я сказал: сам проверю, лично, а уж потом найду решение, так что вы можете спокойно возвращаться.

— Когда грянет беда — неизвестно... Вы очень странный человек, — с такими словами, явно нехотя, ушел от меня тот руководитель.

У меня в голове роились разные мысли: «Разве Хан Бон Сон может убить меня? Зачем? Вряд ли у него есть основание пакостить мне. Хорошо, что не послал его в Особый комитет. А если оставить его здесь, действительно что-то случится?.. Беду наживешь!»

Через несколько дней я вызвал Хан Бон Сона в штаб. Парень, как обычно, широко улыбаясь, доложил:

— Товарищ командир, по вашему приказанию прибыл Хан Бон Сон. Интересуюсь, может быть, насчет работы во вражеском районе вызвали?

— Угадал! Сегодня сейчас же иди в Саньчакоу. Надо взять одного лазутчика. У тебя, дружок, острый нюх!

— Об обонянии нечего и говорить. Кстати, вчера ночью во сне, право же, полюбовался Тумынем. Друзья из моей роты так растолковали сновидение: слышишь, говорят они, пойдешь ты на работу во вражеский район. В точку попали друзья!

—Дам тебе маузер. Для собственной безопасности. Возьми его — и марш!

— Оружие-то обуза. Не надо. Агента обработаю словами и приведу его к вам. Не беспокойтесь!

— Ладно! Оружие зарой в землю, возьмешь обратно при возвращении.

Хан Бон Сон сделал так, как я приказал. На полпути зарыл маузер в землю.и вошел в городок Саньчакоу. Там встретил того лазутчика, на которого мы указали. Опутал его речами: «Друг мой, не хочешь ли разок побывать в районе коммунистов? Безопасность твою я гарантирую». Так он и привел вражеского агента в партизанскую зону.

Того шпика я сам допрашивал:

— Мы знаем, что ты пес япошек. Но убивать тебя не будем, если станешь помогать нам понемножку. Твое имя в списке жандармерии, да и письменную присягу ты дал. Продолжай свое дело — так, как велят японцы. Не забывай только одного: придут каратели — заранее нам сообщи. Другого задания тебе не даю. Выполняй его отменно, признаем тебя революционером. Сможешь?

— Все будет сделано так, как вы прикажете, господин начальник. У меня только просьба — гарантируйте мою личную безопасность. Чтобы не убили меня члены революционной организации, — валялся в ногах тайный агент.

Когда он собирался в обратный путь, я вызвал к себе Хан Бон Сона и велел ему сопровождать агента до Саньчакоу. Партизан, конечно же, с честью выполнил и это задание.

После этого случая я сказал руководителям ВМООК:

— Я проверил Хан Бон Сона. Дал ему оружие. Он не сбежал. Приказал взять пса самураев — выполнил. Дал ему все — и оружие, и патроны. Коли бы захотел — не один раз мог бы убить меня. Но никаких пакостей не сделал. Разве можно такого человека считать «минсэндановцем»?

— В такой манере может действовать и «минсэндановец», — ответили руководители ВМООК. —У него в руках было оружие, но он не убежал и не напакостил вам. У него план иной: влезть в доверие руководителей и еще глубже проникнуть в наши ряды, умножить воздействие «Минсэндана». Словом, верить ему мы не можем.

Я поручил Хан Бон Сону второе задание— заложить взрывчатку под полотно железной дороги Тумынь—Цзямусы и вернуться.

И на этот раз парень, так же широко улыбаясь, без колебаний ушел на операцию. Я добавил: «Ты, друг, очень уж рискован. Это твой недостаток. Будь осторожен, не попади в лапы врагу». В ответ слышу: «Пусть арестуют, это пустяки... Ерунда! Для меня это — как с гуся вода. Если и попадусь — предателем не стану. Верьте мне. Захватят, поставят к стенке — и все, больше ничего!»

После этого я зачислил Хан Бон Сона в штурмовую группу. В то время мы совершили налет на одно из коллективных поселений в окрестностях Ванцина. Бой был довольно жарким. Он, возглавив группу штурмующих, первым бросился на укрепленный форт и тут, к несчастью, ему оторвало одну руку. Только такой ценой храбрый, лихой боец-оптимист полностью освободился от подозрений в принадлежности к «Минсэндану».

Моя трехкратная проверка доказала, что он не «минсэндановец», верен революции. Если бы я без всякой проверки передал его в руки заворга, то Хан Бон Сона, по всей вероятности, отнесли бы к числу «реакционеров» и затем казнили. То, что я воздерживался на время от выполнения распоряжения леваков и проверкой спас его жизнь, было действительно рискованным тогда делом, чреватым реальной угрозой собственной жизни. Если бы в то время Хан Бон Сон оружием убил какого-нибудь руководящего работника или

убежал в стан врага, то мне никак не удалось бы избежать тяжкой ответственности за доверие, оказанное ему.

Такова была, можно сказать, моя третья авантюрная затея. Подобные рискованные дела продолжались и позднее.

На сцене такой ужасной «классовой борьбы» судьбы десятков, сотен человек решались кратким приказом, а то и жестом руки отдельной личности. Мне приходилось постоянно сталкиваться с вызывающими актами бесчувственных, как истуканы, людей, которые уже потеряли не только здравый рассудок революционера, но и даже элементарные качества человеческой привязанности и чувства долга. Но я никакому давлению не поддавался и, храня в себе собственные убеждения, сумел до конца вести себя достойно и уверенно. Этим я был обязан, можно сказать, своей ничем не запятнанной, как белая бумага, биографии, своим ратным успехам как партизанского командира и теоретической зрелости.

И еще: многие из китайских кадров, занявших руководящие посты в Цзяньдао, находились под нашим большим влиянием еще с гиринского периода и даже думать не могли приклеить мне ярлык «минсэндановца»...

Когда в партизанских зонах Восточной Маньчжурии бушевали свирепые «антиминсэндановские» вихри, я встал с постели, к которой был прикован болезнью, и собирался уезжать в Дахуанвэй.

Несколько десятков дней я мучительно болел, и у меня, собственно, не было сил присутствовать на совещании. Но, поскольку его созыва потребовал я сам, мне все-таки пришлось поехать на него. Однако против моего решения всячески возражали многие товарищи из армии, в том числе командир и политрук 4-й роты.

— Товарищ командир, нас кое-что беспокоит. Говорят, что на совещание приехали посланцы маньчжурских провинциальных комитетов партии и комсомола. Конечно, правда на вашей

стороне, но все-таки вы один, а их — большинство... — подталкивал меня на изменение решения политрук 4-й роты.

Даже ординарец О Дэ Сон был встревожен моей предстоящей поездкой в Дахуанвэй. Не нашлось ни одного оптимиста, который благословил бы меня и надеялся, что Дахуанвэйское совещание встретит нас улыбками, добрыми пожеланиями и приветом.

Да, не без основания они тогда беспокоились.

Февраль 1935 года. Совсем недавно Маньчжурский провинциальный комитет партии издал секретную директиву всем партийным органам и всем коммунистам Восточной Маньчжурии. В ней говорилось: для большевизации всей партии настойчиво развернуть работу по ликвидации реакционеров и борьбу на два фронта — против «левого» и правого крыла и тем самым очистить партийные ряды от всех контрреволюционеров, вытеснить и ликвидировать сектантство, национализм и социал-реформизм. После этой директивы во всех парторганизациях Восточной Маньчжурии борьба против «Минсэндана» развернулась еще более беспощадно — по ультралевацкому руслу.

До сих пор моя полемика с леваками по вопросам «Минсэндана» проходила в неофициальном плане и самотеком. Однако на Дахуанвэйском совещании, куда соберутся все ведущие кадры партии, армии и комсомола, диспуты развернутся в вполне официальной форме и со всей остротой. Если выступить против левачества придется только мне одному, то против меня могут встать силы в составе 10, 20 человек и более. Да это и понятно: ставится в повестку дня проблема «Минсэндана», — люди обычно помалкивают, хотя есть что сказать, и смотрят на дело, образно говоря, зажмурившись. Выходит, мне, окруженному приверженцами «левого» крыла, придется броситься в неравный бой едва ли не со всей аудиторией. Полемика, возможно, станет форумом, осуждающим, клеймящим меня позором, а собрание,

может быть, — судилищем для последующей расправы со мной. И еще одна тревога — не исключена экстремистская попытка похоронить меня не только политически, но и физически, приклеив мне ярлык «минсэндановца».

Именно это опасение больше всего тревожило моих соратников. Они хорошо знали, насколько бесчувственны, беспощадны люди с холодным сердцем, которые раскручивают маховик «ликвидации реакционеров». Поэтому мои боевые друзья, глубоко обеспокоенные, уговаривали меня отказаться от поездки в Дахуанвэй. Но я уже принял решение.

— Товарищи, мне все-таки придется отправиться, даже если и погибну. Не поехать в Дахуанвэй будет означать самоуничтожение. У нас есть сейчас серьезнейший шанс. Есть возможность спасти судьбу корейских коммунистов, вывести корейскую революцию из кризиса. Противоборства не избежать. Черное и белое должны непременно размежеваться друг от друга.

В Дахуанвэй я прибыл только на второй день совещания. Меня под руки поддерживали О Дэ Сон и еще один ординарец.

Совещание шло в помещении Крестьянского комитета 8-го участка. Была организована усиленная охрана силами бойцов Народно-революционной армии. У кабинета меня встретил посланец Маньчжурского провинциального комитета партии Вэй Чжэнминь в сопровождении Ван Жуньчэна, Чжоу Шудуна, Чао Яфаня, Ван Дэтая, Ван Чжуншаня и других руководящих работников ВМООК партии и комсомола. В обширном зале канцелярии проходило совещание, которое было определено китайцами как «совместное совещание ВМООК партии и комсомола». У нас в стране его называют Дахуанвэйским совещанием. Одно время некоторые историки называли его «совещанием военных и политических кадров КНРА». Последнее наименование, однако, нельзя считать точным.

Совещание в Дахуанвэе длилось около десяти дней. Посе-

щаемость была неровная — в ходе совещания люди частенько выходили по делам. Большинство участников были китайцами. Руководящих кадров корейской национальности, помню, было несколько: я, Сон Ир, Рим Су Сан, Чо Дон Ук и еще несколько человек. В дни совещания Чо Дон Ук выполнял роль переводчика для руководящих работников — корейцев, которые плохо знали китайский язык. Я принял участие в совещании в качестве члена ВМООК партии.

Чем мотивировался созыв совещания в Дахуанвэе? Тем, что в Маньчжурский провинциальный комитет партии была представлена совсем абсурдная информация, согласно которой 70 процентов корейцев, проживающих в Восточной Маньчжурии, причастны к «Минсэндану». Документ представил некий Чжун Цзыюнъ (Сяочжун), который в качестве инспектора Маньчжурского провинциального комитета комсомола посетил Цзяньдао для ознакомления с положением дел на месте. Что будет с революцией в Восточной Маньчжурии, если информация действительно правильна? И было вполне естественно, что Маньчжурский провинциальный комитет партии направил своего представителя в Восточную Маньчжурию для принятия надлежащих мер. Споры шли и днем и ночью.

Полемика начала разгораться после того, как Чжун Цзыюнь в своем докладе повторил свои прежние утверждения: 70 процентов корейцев, 80 — 90 процентов корейских революционеров в Восточной Маньчжурии являются членами «Минсэндана» или подозреваются в соучастии в нем, партизанские районы стали кузницами «минсэндановцев».

Настроения на совещании склонялись в сторону одобрения сделанного доклада. Одни ораторы заявляли о необходимости укрепления комитетов по ликвидации реакционеров, другие бравировали пышным фразерством, мол, ликвидация «Минсэндана» есть особая война для окружения и уничтожения внутренней контрреволюции огнем революции, третьи — настаивали на

необходимости более решительно, беспощадно выкорчевывать выродков, порожденных «Минсэнданом».

Я задал им несколько вопросов: если большинство корейских революционеров, действующих в Восточной Маньчжурии, являются «минсэндановцами», то значит, что все корейские товарищи, присутствующие на этом совещании, в том числе и я, состоят в «Минсэндане»? А раз так, то вы, следовательно, сидите сейчас за одним столом с «минсэндановцами»? И если мы «минсэндановцы», то почему вы нас не бросите в тюрьму, не убьете? Зачем вы пригласили нас сюда и рассуждаете с нами о политике? Охватывают ли названные вами цифры и революционеров, погибших на поле сражений? Допустим, цифры включают их. Тогда чем объяснить тот факт, что они сложили голову в боях против японского империализма? Выходит, сами япошки умертвили уйму своих людей. Так почему же им понадобилось убивать «минсэндановцев», специально вскормленных ими? Считаете ли вы теми же «минсэндановцами» 80 — 90 процентов, личного состава 1-й роты, которая несет службу по охране этого совещания?

После этих вопросов в шумном до этого зале собрания вдруг воцарилась холодная тишина — такая, что было даже для нас невероятно странно. Люди не смели ответить на заданные вопросы и только глядели на Вэй Чжэнминя, восседавшего в президиуме.

— Известно, — продолжаю я, — если в любой вещи отличающийся от ее основного содержания, посторонний элемент преобладает более чем на 80 — 90 процентов, то она уже превращается в иную вещь. Так учит наука. Вы говорите, что 70 процентов корейского населения в Восточной Маньчжурии состоит в «Минсэндане». Это равноценно тому, что к «Минсэндану» причастны все корейские молодые люди, люди средних лет, кроме стариков и старух, женщин и детей. Раз так, революцию в Восточной Маньчжурии делают эти

«минсэндановцы»? Они идут в кровопролитный бой против своих боссов? Иные открыто заявляют: большинство коммунистов Кореи, действующих в Восточной Маньчжурии, — «минсэндановцы». Это также противоречивое утверждение. Если они состоят в «Минсэндане», то незачем им было гнить три года в партизанских районах, которые оказались в состоянии хронической блокады. Ради чего они шли в изнурительные бои с противником? Ради чего мерзли в трескучие зимние холода без крыши над головой, без порядочной одежды, ради чего постоянно недоедали? Не говорю уже о якобы 80 — 90 процентах «минсэндановцев» среди корейских революционеров. Если бы хоть одна десятая этого числа, то есть 8 — 9 процентов были «минсэндановцами», то тогда нельзя нам было быспокойно провести здесь это совещание. Потому что это собрание сейчас охраняют полностью вооруженные бойцы 1-й роты, состоящей из корейцев. На это совещание пришли известные революционеры, здесь — все руководящее ядро Восточной Маньчжурии, которое так хотят уничтожить враги уже несколько лет. Если ваши утверждения справедливы, то почти весь состав 1-й роты причастен к «Минсэндану». У них хорошее оружие, но они на нас не нападают, не убивают. Почему? Не кажется вам это странным?

И на эти вопросы не последовало ответа. Умолкли сочинители лживой концепции, что все — «минсэндановцы».

— В общем-то 1-я рота была злосчастной,—продолжал я. — Вы объявили ее «минсэндановской». Я лично около 20 дней находился в этой роте и ознакомился с делами. Не нашли мы никакого основания считать состав роты «минсэндановским». Все обстоит как раз наоборот. 20-дневная проверка и инструктаж превратили 1-ю роту в образцовую, на ее основе родилась даже новая рота — 7-я. Словом, по результатам проверки, проведенной в ходе практической борьбы, совершенно очевидно, что «минсэндановцами» не является большинство

корейских революционеров и вообще корейцев, проживающих в партизанских районах Восточной Маньчжурии. В докладе отмечено: партизанский район — кузница «минсэндановцев», организации партии и комсомола — «минсэндановские». В нем говорится: Ли Ён Гук — «минсэндановский» руководитель Ванцинского укома партии, Ким Мен Гюн — «минсэндановский» руководитель по организационным и военным делам в уезде Ванцин, Ли Сан Мук — «минсэндановский» ответственный за оргвопросы в Восточноманьчжурском комитете партии. Чу Чжин — «минсэндановский» руководитель 1-й дивизии Народно-революционной армии. Пак Чхун — «минсэндановский» начштаба той же армии. Раз так, спрашивается, неужели Восточноманьчжурский комитет, Ванцинский уком партии и 1-я дивизия Народно-революционной армии являются организациями «Минсэндана»? Обойдется ли только этим, если квалифицировать кадры Восточноманьчжурского комитета партии как «минсэндановских» дирижеров, руководителей?

На этот вопрос аудитория тоже ответила молчанием.

Гнетущую тишину нарушил только один человек. Это был Вэй Чжэнминь — посланец провинциального комитета партии, призванный дать объективно точный анализ, синтез и верную оценку проходящей борьбы. Он высказал свое мнение о том, что было бы ошибкой считать организации партии и комсомола «минсэндановскими», что части и целое нужно обязательно отличать друг от друга. Его заявление чуть-чуть ослабило напряженность атмосферы на совещании,

Я же решительно продолжал: приклеивать большинству жителей Восточной Маньчжурии ярлыки «минсэндановца» — это дутый «компромат» на корейцев, от таких выводов надо немедленно отказаться здесь же, на совещании.

Мое предложение сразу же встретило отпор Чао Яфаня.

— Вы все время говорите: нет «минсэндановцев»! Это субъективная оценка. Сейчас в тюрьмах сидят сотни заподозрен-

ных в соучастии в «Минсэндане». Они сами признаются: состояли в «Минсэндане»! Да и собственноручные признания пишут. Или их признания и заявления ничего не значат? А вы что, не признаете этих доказательств?

— Те «признания», о которых вы говорите, — и устные, и письменные, — мы не признаем. Ибо эти показания в большинстве случаев получены насильственными методами, с помощью пыток. Я был в тюрьме, встречался с десятками заподозренных, которые якобы признались в своих «преступлениях». Никто из них не подтвердил свои показания. Я больше верю в их преданность, доказанную на деле и в жизни, чем в ваши доказательства. Скажите, пожалуйста, откровенно: как вы получали от них эти признания — устные и письменные?.. Исполнители «ликвидации реакционеров» обрекли их на физические муки, которые не смогли они вытерпеть. Поэтому большинство из них дали ложные признания. Вы сейчас сами стряпаете этих мнимых «минсэндановцев».

В это самое время Чао Яфань вскрикнул: «Будуй!» (Нет!)

Этот резкий «Будуй!» до предела натянул мои нервы. Я стерпел бы, если бы это сказал кто-то другой. А тут решительно крикнул «Нет!» не кто иной, как Чао Яфань! Такого сказать он просто не смел!

— Какое тут «Нет!»? — Я с маху ударил кулаком пол комнаты. — Корейцы в Цзяньдао сейчас зорко следят за вами. Потому что вы, злоупотребляя своим служебным положением, поступали не иначе, как убийца! От чьих рук погиб Ким Чжон Рён, комиссар Аньтуского партизанского отряда? Кто убил Ким Иль Хвана, секретаря Хэлунского укома партии? Скажите об этом сегодня нам прямо здесь! Чао Яфань в гиринские годы, думаю, не был так жесток, не жаждал так карьеры. Услышав о смерти Ким Иль Хвана, я был просто потрясен — плакал. Он же для вас являлся предшественником в революции! Пусть вы, может быть, не сумели бы спасти его от смерти, но как же вы

сами могли убить его?!

Я, весь возмущенный, уничтожающе критиковал их. Критиковал я как один из соратников Ким Иль Хвана, которые всей душой горевали по поводу его смерти и свято чтили его память.

Ким Иль Хван был одним из революционеров, которых мы впервые завоевали на свою сторону, когда начали осваивать «целину» Восточной Маньчжурии. Он вместе с О Чжун Хва были просто очень талантливы. Где состоялась первая моя встреча с ним, точно не помню, — то ли в доме Чао Яфаня, то ли в доме Ли Чхон Сана. Но и поныне не забывается та первая беседа с ним. Когда проходило Минюегоуское совещание, мы с ним всю ночь напролет проговорили по душам. Та первая беседа с ним произвела на меня очень глубокое впечатление. Между нами была большая разница в возрасте, но Ким Иль Хван не напускал на себя важность, никогда не вел себя высокомерно. Скромный, простой — он относился ко мне как к равному.

Раньше мне представили О Чжун Хва именно Ким Чжун и Чхэ Су Хан. И с Ким Иль Хваном познакомили меня эти же товарищи, которые ходили по улицам Гирина и Лунцзина всегда вместе, как близнецы.

«Призер на футбольном матче! В награду получил быка», — такими словами обычно Чхэ Су Хан начинал представлять другим Ким Иль Хвана. Такую «рекламу» делал он своему другу, знакомя с ним участников Минюегоуского совещания. Сам Чхэ Су Хан был популярным спортсменом. Поэтому-то он при оценке человека нередко использовал свой собственный эталон — насколько виртуозен тот или иной человек, например, на футбольном поле? Да и то сказать, это был небезынтересный критерий. Отчасти благодаря такому «конферансу» Ким Иль Хван стал широко известен многим революционерам Восточной Маньчжурии как талантливый мастер спорта.

Ким Иль Хван был опытным, зрелым политработником.

Как и О Чжун Хва, он был пионером перестройки сознания членов своей семьи в революционном духе, которого можно было поставить в пример коммунистам Цзяньдао. Вся его семья — знаменитые революционеры, пламенные патриоты, положившие свои жизни на алтарь революции.

Так, О Ок Ген, его мать, была ветераном-коммунисткой, посвятившей всю свою жизнь помощи революционерам. Ли Ге Сун, его жена, — славная дочь корейской нации, которая пала смертью храбрых, не изменив убеждений революционера до последних минут своей жизни. Ким Дон Сан, его младший брат, подпольщик, погиб во время карательных операций противника. Ким Чжон Сик из Хэлунского партизанского отряда был его двоюродным братом. Семья по линии его жены также посвятила всю жизнь делу революции. Ли Чжи Чхун, его шурин, был одним из тех, которые приехали к нам еще в наши гиринские годы и получили от нас указания о направлениях борьбы.

Что касается моего впечатления о Ким Иль Хване, то коротко могу сказать: это человек с головой. Он был солидным интеллигентом, который всегда прилежно учился.

Он был зрелым в стиле и методах работы, общителен с массами. Об этом часто вспоминали Ким Ир и Пак Ен Сун, которые много лет работали с ним в хэлунском подполье. Оба они под его влиянием выросли партработниками. Эти достоинства, думается, и требовали его непосредственного участия в работе с Армией спасения отечества. В то время его уважали, чтили все бойцы АСО района Хэлуна.

Однажды из Аньту на Чэчанцзы молниеносно налетели головорезы Цзинъаньской армии под командованием Ли До Сона, осуществлявшие карательную операцию против отряда АСО. Искали ее бойцов, перевернули все село вверх дном. В то самое время в доме Ким Иль Хвана были найдены кипы листовок. Это была важная прокламация, которую его мать должна была передать одной местной организации.

Ли До Сон воскликнул: «Наконец-то нашел коммунистов!» Схватил всех родных Кима и начал допрос. Мать его мастерски «отливала пули»: «Листовки оставил у нас какой-то незнакомец». Но враги этому не поверили. Ли До Сон, разъяренный, страшно таращил злые глаза. Никто не знал, какая ужасная гроза отгрохочет над судьбой семьи Кима. В эту роковую минуту на помощь ему пришел соседний помещик, который поручился за эту семью. Он всякими прекрасными словами убеждал Ли До Сона: «Они не коммунисты, это простые землепашцы». Такой оборот дело приняло потому, что в обыденной жизни Ким Иль Хван уже успел «поработать» с этим помещиком.

Самая главная из характерных черт Ким Иль Хвана — непримиримость к несправедливости, незыблемая революционная принципиальность. Как раз из-за этих качеств впоследствии он, заподозренный в соучастии в «Минсэндане», подвергался преследованиям со стороны леваков и, наконец, погиб от их рук. Левацкие шовинисты и фракционеры-низкопоклонники пуще всего боялись принципиальных людей, которые не рассыпались мелким бесом перед властью, не плясали под чужую дудку, жили своим умом. Потому что там, где властвует принцип, не может быть разгула несправедливости, там земля горит под ногами у всяких дьяволов и магических духов.

В деревне, где жила семья Ким Иль Хвана, парторганизацию возглавлял некий Ли Ок Ман, случайный человек в рядах революционеров, развратник и заядлый курильщик опиума. Ли Ок Ман, злоупотребляя своим служебным положением, имел интимные отношения со многими женщинами. По этому поводу Ким Иль Хван давал ему товарищеские советы, требовал прекратить курение опиума. Если бы Ли Ок Ман был человек с разумом, то должен был бы только благодарить его за эту критику. Однако он, напротив, решил мстить за критику — подстрекал леваков высшего эшелона к тому, чтобы приклеить Ким Иль Хвану ярлык «минсэндановца» и снять его с должности секре-

таря укома.

Но и после увольнения с прежней должности Ким Иль Хван работал на совесть. Чтобы проверить снятого с поста, леваки направили его на работу с рабочими какой-то частной угольной шахты, эксплуатируемой капиталистом.

В период проверки Ким Иль Хван мог бы со своей семьей уйти в контролируемый врагом район, положив конец страданиям, причиняемым леваками. Но он не мог покрыть свое имя позором, дезертировав из отряда революционных борцов, даже если ему, не успевшему освободиться от подозрения в принадлежности к «Минсэндану», будет суждено погибнуть обидной смертью перед лицом жителей партизанского края.

— Меня арестуют и убьют! — говорил он своей матери и жене, предчувствуя, что до надвигающейся смерти остались считанные дни. — Я же не могу состоять в «Минсэндане», этом масонстве японских холуев. Да я и никогда не намеревался быть «минсэндановцем». Я до конца сохраню верность революционера, даже если казнят меня здесь в колпаке «минсэндановца». Это для меня будет достойно. Так я думаю. Если же я, спасая собственную шкуру, стану изменником и подниму руки перед врагом, то этим принесу больше ущерба революции. Тогда моя вина, грех изменника революции навеки не будут смыты. Вот моя последняя просьба к вам, всем членам моей семьи — не сгибаясь, бороться до дня освобождения и независимости родной нашей страны.

Ноябрь 1934 года. Леваки, наконец, посадили его на скамью подсудимых. Обвинительный акт разъяренного Ли Ок Мана от первой до последней строки был полон сплошной лжи и выдумок.

— Этот мерзавец, — орал он, — самый злейший реакционер из реакционеров. Долго мы его допрашивали, но он не сказал ни слова. Какая змея в нем сидит, подколодная, ядовитая — неизвестно. Если оставлять таких типов в живых, наша революю-

ция растреплется, как клочок барахла. Не больше десяти лет она удержится. Оставить его живым? Убить?

На этот вопрос публика ответила молчанием. Некоторые, конечно, шушукались: «Пришьют вот таких людей, как делать в будущем коммунистическую революцию?» Но так и не нашелся тогда человек справедливости — такой, который заявил бы о невиновности подсудимого.

Заведомо зная порочность акций держателей власти, жители Чэчанцзы не посмели высказать правду. Выступишь за оправдание Ким Иль Хвана — из тебя сделают «минсэндановца».

Левацкая свора вынесла смертный приговор Ким Иль Хвану — одному из основателей Хэлунского партизанского отряда.

— Посмотрим, сволочи, кто настоящий «минсэндановец», а кто — истинный коммунист!.. История непременно отличит белое от черного! — крикнул приговоренный к смерти, бросив жгучий взгляд на палачей.

Услышав клич смертника, то там то тут повскакали с мест с винтовками бойцы АСО, служившие под командой Сунь Чансяна. С возмущением они кричали; «За что его убивать! Ким Иль Хван наш учитель, благодетель. Если этот революционер — «минсэндановец», то что же за люди те, которые не являются «минсэндановцами»?! За него мы поручимся. Отмените приказ о расстреле. А то не дадим вам покоя...»

Под давлением бойцов АСО левакам пришлось отменить смертный приговор и выпустить Ким Иль Хвана на свободу. Но той же ночью его убили.

- Я хотел бы спросить вас вот о чем, — продолжал я. — Неужели вы действительно думали, что Ким Иль Хван причастен к «Минсэндану»? Вы знали, что он не «минсэндановец», а расстреляли его умышленно с другой целью. Если такие, как Ким Иль Хван, «минсэндановцы», то что же за личности те, кто в Цзяньдао не считается «минсэндановцем»?

Так я взволнованным голосом высказал свои соображения, не отрывая пристального взгляда с Чао Яфаня. Потом, чуть спокойнее, продолжал:

— Товарищи! Прекратите азартную игру с судьбами людей. Вот что я советую: надо относиться к человеку, как к человеку, к товарищу, как к товарищу, к народу, как к народу. Наше оружие — любовь к человеку, любовь к товарищу, любовь к народу. Ведь именно с этим оружием мы поднялись на борьбу за преобразование, перестройку мира! Если у нас нет оружия любви, то что отличает нас от буржуев или конных бандитов? Нельзя больше издеваться над людьми под видом «ликвидации реакционеров». Иначе народ раз и навсегда отвернется от нас, да и потомки нас не простят. Нужна компенсация за тысячи жизней патриотов, убитых без вины, напрасно заподозренных в причастности к «Минсэндану». Наш единственный путь для этого — прекратить эту бессмысленную бойню, провести политику любви, доверия, консолидации и сосредоточить все силы на сопротивлении Японии. Выплюньте приманки «Минсэндана», подброшенные врагом. Не дайте проникнуть в наши ряды сектантству, шовинизму и авантюризму! Только это позволит нам залечить раны, полученные за несколько лет в связи с «Минсэнданом». Только это откроет путь к спасению народных масс, к спасению революции, поднимет на новую высоту интернациональные узы между коммунистами обеих стран — Кореи и Китая. Истинное согласие революционеров наших двух стран должно зиждиться на взаимном уважении, взаимопонимании и классовом доверии. В его основе должна лежать братская дружба. Больше всего нам надо остерегаться в совместной борьбе гегемонистских амбиций. Если одна из сторон преследует эгоистические интересы и ради них приносит в жертву другую сторону, то их сотрудничество не может быть прочным. Короче говоря, наше согласие останется вечным и нерасторжимым лишь в том случае, когда

истоком его силы станут доверие и любовь.

На Дахуанвэйском совещании жаркими были и дискуссии по вопросам кадров. Полемике положили начало утверждения некоторых лиц из руководства ВМООК, заявивших, что руководящие кадры могут выйти только из среды национального большинства, а не меньшинства, что руководство первым со стороны второго не оправдывает себя, да это и нерационально. Корейцы, по их мнению, принадлежат к национальному меньшинству и, следовательно, не могут руководить большой нацией. При этом они прибегали к аргументации, что, мол, корейские революционеры имеют немало сектантских привычек, они часто колеблются, могут легко превращаться в реакционеров и, стало быть, не могут быть руководителями.

Известно, что Маньчжурский провинциальный комитет партии отдал секретную директиву: в деле подбора и расстановки кадров руководства Восточноманьчжурской парторганизации совершить переориентацию от прежнего упора на корейцев к приоритету китайцев. Главная суть директивы заключалась в том, чтобы в «Восточной Маньчжурии превратить корейские основы в китайские». Этот тезис мотивировался так: в прошлом корейцы терпели поражения как в национальном, так и в коммунистическом движении, к тому же они могут легко колебаться и бросаться в объятия реакции, да у них и иные обычаи, привычки и язык, вследствие чего слабы «революционные основы национального меньшинства» и «не ожидается успех движения за независимость и комдвижения при руководящей роли национального меньшинства».

Согласно директиве, секретарь ВМООК и все ведущие кадры рангом ниже назначаются Маньчжурским провинциальным комитетом партии. Документ рекомендовал по возможности не выдвигать корейцев, за исключением особых случаев, в комсостав выше командира роты Народно-революционной армии.

Я и сейчас, как в те дни, уверен, что эта директива была составлена не по воле ЦК Компартии Китая. Директива была отдана в период, когда руководящее ядро ЦК КПК, прорвав кольцо окружения чанкайшистских войск, совершало Великий поход в 25 тысяч *ли*. Суровые испытания гражданской войны нарастали. В этой обстановке ЦК КПК нес на своих плечах всю тяжесть революционной войны, шел нелегким путем преодоления трудностей. И, естественно, не смог обратить свое внимание на события, происходящие на северо-восточной окраине страны.

Немалая часть мероприятий Маньчжурского провинциального комитета партии механически воспроизводила директивы Восточного бюро Коминтерна или опиралась на них. Делами этого бюро ведали преимущественно Ван Мин и Кан Шэн. Поездка из Харбина, где находился этот партком, в Иркутск, Владивосток или Хабаровск, где размещались органы Восточного бюро Коминтерна, занимала намного меньше времени, чем поездка в Цзинганшанъ или Яньань.

Утверждения некоторых лиц о том, что представители национального меньшинства не могут руководить большой нацией, больно задели наше собственное достоинство. Этот тезис не отвечал принципам подбора и расстановки кадров, свойственным деятельности коммунистов. Эта беспочвенная аргументация не соответствовала и реальной картине тогдашнего состава кадров в Восточной Маньчжурии.

Мне опять пришлось броситься в жар полемики.

— Коммунисты двух стран, Кореи и Китая, борются против общего врага — империалистов Японии. Их высокий долг — сражаться вместе до победного конца. Поэтому кадровую проблему надо решать в соответствии с интересами укрепления боевой сплоченности народов Кореи и Китая, активизации их совместной антияпонской борьбы. При подборе и расстановке кадров следует, исходя из марксистско-ленинских позиций, со-

блюдать принцип: главный упор делать на верность революции и деловые качества. В Восточной Маньчжурии корейцы, как вы и сами признаете, положили начало комдвижению, они пионеры в этом деле. Заглянем в состав кадров и членов партии в Восточной Маньчжурии. Подавляющее большинство — корейцы. Вы просто не хотите видеть реального положения дел. Вы с нами заодно в течение нескольких лет вели и ведете совместную борьбу. А теперь у вас звучат иные голоса — о руководстве большой нации над национальным меньшинством, о замене кадров национального меньшинства кадрами из состава большой нации и так далее. С какой стати? Мы не приверженцы националистических позиций. То есть мы не ратуем за концепцию превосходства корейской нации и принижения другой нации. Однако надо непременно исправить и отвергнуть такую тенденцию, когда необдуманно выдвигают выходцев из большой нации только по этому национальному признаку — даже если они не имеют необходимых деловых способностей и качеств. Гражданство, принадлежность к политическим организациям, численность населения не должны быть признаками подбора кадров. К какой бы ты нации ни принадлежал, будь она большая или малая, ты можешь быть руководящим работником, если обладаешь его качествами, а если нет — не можешь.

Среди собравшихся прозвучал чей-то голос: корейские революционеры не могут стать руководящими кадрами, поскольку они в прошлом и в большинстве своем были связаны с националистическим движением или с фракционностью.

Я сразу же отверг подобную концепцию.

— Абсолютное большинство корейских революционеров в Восточной Маньчжурии — это представители новой, ничем не запятнанной генерации. Ни с какой фракцией они не имеют связей. И вам хорошо известно, что главную силу Народно-революционной армии составляют молодые

коммунисты из среды трудового класса. Чтобы выпестовать их, мы потратили немало сил, вложили в это дело всю свою душу. Представители этого молодого поколения принадлежат к руководящим кадрам в парторганизациях, правительствах и в массовых организациях. Есть, конечно, такие, кто раньше участвовали в националистическом движении или во фракциях. Но они теперь все перевоспитаны на революционных началах.

Не успел я закончить свою речь, как новый оратор начал контратаку другим вопросом. Он сказал: «С позволения сказать, отец «Минсэндана» — фракция, батенька фракции — национализм, батюшка национализма — японский империализм». Весьма странная софистика обескуражила всю аудиторию. Если делать выводы из такой вывернутой шиворот-навыворот логики, то получится: все без исключения прежние участники национального движения или фракции являются выкормышами — сынками японских империалистов. Подобная софистика, лишенная всякой теоретической аргументации, была выражением недоверия ко всему корейскому коммунистическому движению, охватывающему в себе и перевоспитанных участников фракции и националистов.

Я и этому софисту решил дать отпор.

— Идеология отнюдь не неизменна, не постоянна. Есть люди, которые раньше имели националистическую психологию. Но и из них в процессе неустанного перевоспитания могут выйти коммунисты. Пусть чья-то биография пестрит фактами участия в национальном движении. Но если из-за этого считать того или иного человека батенькой фракции или сынком японского империализма, то что из этого получится? Сплошная чепуха! В общем-то в идеологической основе национализма, можно сказать, лежит любовь к отечеству и нации. Значит, считать его реакционным — все равно что видеть в патриотизме реакционное течение. Когда речь идет о национализме, не считайте его огульно ересью. Не надо стремиться бездумно отвергать нацио-

нализм, пока он не играет роли идеологического орудия в руках буржуа. Национализм выступает как реакционная сила в истории только в том случае, когда он представляет интересы не общенациональные, а лишь буржуазные. Если кто-нибудь назовет сынком империализма Сунь Вэня, основоположника «трех народных принципов»: национализма, народовластия и народного благоденствия, — то как вы примете такую чепуху? Выступать против всякого национализма есть проявление сугубо предвзятого подхода к национализму.

— Кое-кто из корейских фракционеров и националистов, — продолжал я, — перешел в лагерь врага, но не надо забывать, что их меньшинство. Иные люди думают, будто сектантство есть врожденная природа корейской нации. Они смотрят на всех корейских коммунистов, как правило, через призму предвзятости — они, мол, имеют связи с фракционностью. И это тоже совершенно неправильные, неоправданные утверждения. Сектантство гуляло, прямо скажу, не только в рядах корейских коммунистов. Оно было и в Германии, и в Советском Союзе, было и в Китае, и в Японии. Не составлял исключения и Коминтерн. А по какой причине только корейцы должны считаться нацией с врожденными сектантскими привычками? Почему слово «корейский коммунист» должно употребляться как синоним слова «фракционер»? Сейчас иные люди выступают с тезисом о невозможности выдвигать корейцев на руководящую работу. При этом они мотивируют: мол, корейская нация как национальное меньшинство, терпевшее поражения в прошлом в движении за независимость и комдвижении, не может добиться успехов в этих движениях; эта нация склонна колебаться в революционной борьбе и может легко превращаться в реакционную. Это же выдумка. Это абсурдная аргументация, цель которой — убрать все корейские кадры с руководящих должностей. Исходя из подобных шовинистских позиций, вы уже наделали многое: из плеяды военных и политических кадров Восточной

Маньчжурии отстранили или убили десятки, сотни корейских коммунистов по обвинению в принадлежности к «Минсэндану» — тех, которые вместе с вами много лет храбро сражались в одних и тех же окопах. По причине принадлежности к национальному меньшинству многочисленные руководящие активисты уже ушли со своей прежней должности. А вам надо еще и еще удалить? Если вы, как сейчас, станете упрямо отвергать и преследовать корейцев, то мы, со своей стороны, больше не будем скитаться по чужим углам!

Моя декларация была подобна разорвавшейся бомбе. Все люди подняли головы и взглянули на меня. В зале совещания воцарилась такая упругая напряженность, что, казалось, будет слышно даже проглатывание слюны в горло.

Если в тот момент кто-нибудь осмелился бы опровергнуть мою речь или что-то заявить, задев наше достоинство, то наша полемика, я уверен, зашла бы в безвыходный тупик. К большому счастью, дискуссия по кадровым проблемам не вышла за рамки того жаркого спора.

С углублением обсуждения проблем на совещании полемика между мной и леваками приобретала все более острый характер. В зале присутствовали несколько руководителей из числа корейцев, но они не сказали ни слова, молчали.

Однако в душе они поддерживали мою позицию. Ко мне подошел Сон Ир — тот, кто в роли представителя левачества оставил у нас немало душевных ран. Он воодушевлял меня словами, что, мол, мне одному удалось справиться с таким делом, за которое никто иной не смел бы взяться. Что касается Вэй Чжэнминя и Ван Жуньчэна, то и они внутренне выразили свое понимание моей позиции, хотя официально не заявили об этом. Особо надо отметить, что немалую помощь оказали мне разумные суждения и справедливый подход Вэй Чжэнминя.

Нам подавали три раза в день жидкую кашицу, приготовленную с добавлением соевого молока. Наши дискуссии продол-

жались денно и нощно. Я же стал, как говорили, кожа да кости. Целый день сидел на совещании, поздно ночью возвращался на ночлег и по-прежнему страдал от болезни. А утром опять выходил на арену словесной драки. Мне одному приходилось справляться с несколькими полемистами. И естественно, что для меня не могло быть ни пропуска заседаний, ни отказа от полемики. Хочешь или не хочешь — приходилось бросаться в кипящий котел полемики. Ради судьбы тысяч, десятков тысяч корейцев, проживающих в Цзяньдао, — коммунистов, народа Кореи.

Еще одним из спорных вопросов на совещании был такой: как оценить лозунг о национальном освобождении, выдвинутый коммунистами Кореи? Иными словами, соответствует ли коминтерновскому принципу представительства одной партии в одной стране то, что на китайской земле корейские коммунисты борются под лозунгом освобождения своей Родины? Идентичен ли этот лозунг по своей сути реакционному тезису «Минсэндана» о «корейской автономии в Цзяньдао»?

Иные люди твердили, будто лозунг корейских коммунистов о национальном освобождении тождественен «минсэндановской» концепции о «корейской автономии в Цзяньдао» и подобный призыв противоречит принципу Коминтерна: «одна страна — одна партия».

Руководителей с подобными взглядами был не один и не два. Это была опасная точка зрения, диаметрально противоположная нашей позиции. Согласно выше упомянутым взглядам, мы, оказывается, должны были бы выполнять только функцию прислуживающего других или одного из подразделений интернациональных войск—и не ради корейской революции, а только ради революции другой страны.

Я не мог допустить господства такой точки зрения, суть которой — видеть в корейской революции лишь придаток революции другой большой страны.

— Лозунг «корейской автономии в Цзяньдао» японские империалисты вручили в руки «Минсэндана». Их цель — посеять раздоры между народами Кореи и Китая, подорвать ряды коммунистов изнутри и тем самым создать благоприятные условия для своего колониального владычества. И нет надобности доказывать, что ничего общего с ним не имеет лозунг корейских коммунистов в Цзяньдао о национальном освобождении. Этот лозунг мы выдвинули для свержения колониального режима японского империализма и возрождения Родины, для того, чтобы наш народ пользовался подлинными свободами и правами в новом, независимом обществе, где не будет ни эксплуатации, ни гнета. Да, коммунисты Кореи сейчас живут, как говорится, по чужим углам на чужой земле. Ну, а скажите: надо ли из-за этого корейским коммунистам отказываться от своего священного права бороться за освобождение своей Родины, за свободу и счастье своего народа? Если нам суждено делать революцию не свою, а чужую, то зачем же нам здесь, на маньчжурской земле, терпя лишения, много лет сплачивать и закалять народные массы Кореи? Отдельные лица говорят: победит китайская революция — сама собой восторжествует и корейская. Чушь! Революция в каждой стране имеет свой собственный путь, имеет свой график движения. Не подготовишь собственных сил — победа к тебе не придет сама собой, даже в случае победы революции в соседней стране. Поэтому коммунисты всех стран не должны ожидать, пока их революциям помогут другие. Их дело — стараться собственными силами совершить свою революцию. Таков хозяйский подход к революции.

— Некоторые, — продолжал я, — ссылаясь на коминтерновский принцип «одна страна — одна партия», утверждают: коммунистам Кореи не следует поднимать лозунг о национальном освобождении. Такие взгляды фактически нельзя рассматривать иначе, как попытку оттолкнуть руки коммунистов другой страны от своей революции. Коммунисты Китая действовали во

Франции. Если бы коммунисты той страны потребовали от них не поднимать лозунг о китайской революции, то как могли бы это воспринять китайские коммунисты? Коммунисты, где бы они ни действовали, обязаны бороться под лозунгом своей революции и этим помогать делу революции в данной стране, вносить свою лепту в мировую революцию. Борьба корейских коммунистов за освобождение Родины — это их суверенное право, священный долг, исполнение которых никто не вправе приостановить или взять на себя вместо них.

Полемика, вспыхнувшая на совещании в Дахуанвэе, продолжала разгораться и на Яоингоуском совещании, которое открылось в марте того года. Многие участники совещания поддержали наши утверждения и признались в своих ошибках. Но и то совещание не смогло начисто сгладить разногласия, оставило вопрос открытым. Мы решили внести на обсуждение в Коминтерне ряд вопросов, которые оказались в фокусе споров на двух совещаниях. За получением окончательного ответа были направлены в Москву Вэй Чжэнминь и Юн Бен До — один из руководящих работников ВМООК комсомола.

Первозданный хаос в Цзяньдао, порожденный делом с «Минсэнданом», стал своего рода кошмаром.

Леваки своим безрассудным движением за «ликвидацию реакционеров» подорвали почти все основы революции, которые с величайшим трудом, ценой трудной борьбы заложили коммунисты Кореи. Все они были «минсэндановцами»? Нет! В документе врага написано, что «минсэндановцев» было всего лишь 7 — 8. Чтобы разыскать этих 7 — 8 человек, движение за «ликвидацию реакционеров» умертвило, увы, свыше двух тысяч своих людей по обвинению в соучастии в «Минсэндане». Такого прецедента еще не знает история мирового коммунистического движения. Эта редчайшая трагедия явилась верхом одури, невежественности, незнания.

За два-три года под огнем кампании «ликвидации реакцио-

неров» сложили головы славные люди, которые, движимые высоким идеалом, съехались в Цзяньдао из Кореи и из-за рубежа. Среди тех страдальцев, людей несчастной судьбы, были талантливые люди. Каких только талантов здесь не было! Бешеный смерч «ликвидации реакционеров» безжалостно унес жизни славных любимцев нации, которых смогла выковать наша антияпонская революция.

Если скажу, что «минсэндановские» волны проглотили гораздо больше людей, чем погибло в боях, то наши потомки, пожалуй, не очень поверят этому. Но таковы были факты. В скрижали истории антияпонской войны вписано множество битв с врагом, но не найдешь такого прецедента, когда в одном бою погибало 20 — 30 наших бойцов. Однако в партизанских районах Восточной Маньчжурии было немало случаев, когда всего за один день уничтожалось 20 — 30 революционеров, обвиненных в причастности к «Минсэндану». Над их могилами мы даже не успевали ставить надгробные памятники. Сколько поклонов ни отдавай со сложенными перед грудью ладонями, сколько торжественно со слезами ни чти усопших — их не воскресить. Они-то и в сырой земле, если б могли, проклинали бы убийц.

Были ли «минсэндановцы» на цзяньдаоской земле, где был распущен «Минсэндан»? Ответить на этот вопрос я даже не считаю необходимым.

И среди тех, кто убежал из партизанского края из-за боязни грядущей кары, не было «минсэндановцев».

Был ли Чу Чжин «минсэндановцем»? Нет!

Состоял ли в «Минсэндане» Пак Кир? Тоже нет! Пак Кир вышел из рядов движения Армии независимости на поле священной битвы против японского империализма, за спасение Родины. Когда-то давно он уехал в Приморье и там сформировал свои идеалы на новых началах — на базе идей коммунизма. Потом окунулся в пекло Цзяньдао, где наиболее мощным пламенем

разгоралась священная борьба за национальное освобождение, — вел политическую работу в подполье, участвовал в боях. Еще в те дни, когда мы создали небольшой отряд партизан, — тогда его называли секретным партизанским отрядом, — он стал политруком, пользующимся доверием масс. А после официального провозглашения Антияпонской народной партизанской армии он был комиссаром Яньцзиского батальона.

Пак Кир, пионер, проложивший путь к революции в районе Яньцзи, был талантливым политическим деятелем, агитатором — умел зажигать сердца масс. Был и выдающимся командиром.

Из его патриотической семьи вышли 5 — 6 революционеров — антияпонских борцов. Пак Чжын Вон (прозвище — тиф), его отец, был замечательный крестьянин, показавший особый пример в оказании помощи революционной армии. Когда был арендатором-землепашцем, он посвящал всего себя движению за независимость страны. От всей души искренне помогал партизанам. Так, получив теленка за свой наемный труд, он выкормил, вырастил его и затем сдал партизанам в фонд помощи.

Такова была обстановка в его семье. Обвинять Пак Кира в соучастии в «Минсэндане» — абсолютная чушь. Несмотря на это, леваки поставили под сомнение его биографию и судьбу его сестры. Раньше он служил в Армии независимости, сестру же его полицейский, применив насилие, сделал своей наложницей, хотя потом она вырвалась из его лап. И за это левацкие элементы убили его.

Был ли «минсэндановцем» Ким Мен Гюн? Нет! Он один из основателей Ванцинского партизанского отряда. У него, ответственного за военное дело в укоме партии, не было никаких мотивов становиться «минсэндановцем». В судебном протоколе, составленном самими врагами, написано, что до заключения его в тюрьму «минсэндановцев» у него было более 20 случаев

расправы с японцами, свыше 20 налетов на японские и маньчжурские ведомства и чиновников, 8 случаев захвата оружия. Если бы он был «минсэндановцем», то разве мог бы совершить подобные подвиги? Мог бы как учитель вселить в детей дух нации после побега из партизанского района? Могли бы расстрелять его враги?

А Ли Ун Гор? Он тоже не «минсэндановец». Он чуть не погиб, обвиненный в соучастии в «Минсэндане». Его я хорошо знаю. В октябре 1932 года, когда мы впервые вступили на ванцинскую землю, на встречу со мной первым прибежал в Сяобэйгоу именно Ли Ун Гор. Тогда он, заворг 1-го участкового комитета партии, привел с собой двух боевых коней для меня, еще молодого командира партизан. В тот день на меня произвело неизгладимое впечатление гостеприимство этого мужчины крупного телосложения — столь оно было искреннее и торжественное.

За его плечами — деятельность на посту комсомольского секретаря в уезде Хэлун, тюрьма в Лунцзине и Сеуле, пост комиссара отряда особого назначения под командованием Ли Гвана. Это был революционер с большим политическим чутьем, с многолетним опытом борьбы.

Через него я руководил работой участкового комитета партии и ставил его в пример другим, в этом процессе глубоко вник в партийную работу в районе Ванцина.

Летом 1933 года Ли Ун Гор, заподозренный в пособничестве «Минсэндану», был арестован леваками. Он совершил побег из партизанского района, оставив записку, где было сказано: «Считать меня «минсэндановцем» — несправедливо!» Потом он действовал в Корее, базируясь в районе Пурена. В провинциях Северный и Южный Хамген он создал коммунистический союз из патриотически настроенных молодых людей и людей средних лет, организовал и направлял антияпонскую борьбу, в том числе выступления против прокладки военной дороги, против на-

сильственных поставок и воинской повинности. Арестованный японской полицией, он был заточен в тюрьму в Сеуле. Приговорили его к 12-летнему тюремному заключению. Японские судьи, по-видимому, хорошо знали, какова ему цена. Разве этот человек должен быть казнен как «минсэндановец»?

Значение полемики в Дахуанвэе состояло в том, что из биографии таких людей, как Ли Ун Гор, были вычеркнуты «минсэндановские» пятна. Полемика на совещании и последующее заключение Коминтерна констатировали невиновность казненных. Сама жизнь к ним не вернулась, но политически они стали бессмертными. Другое значение совещания—в том, что на нем были выведены на чистую воду все коварство и жестокость гнуснейших заговоров империалистов Японии и заклеймена позором политическая корявость тех, кто стал игрушкой в руках самураев. Благодаря этому был предупрежден политический переворот леваков, они были крепко связаны по рукам и ногам. Да, вся эта левизна в кампании по «ликвидации реакционеров» оказалась неприкрыто совершаемым политическим насилием и переворотом, распространяющимся с верхушки к низам. Цель этого насилия и переворота заключалась в том, что представители высшего эшелона физически расправились со всеми нижестоящими.

После Дахуанвэйского совещания наша деятельность стала более широко известна среди корейцев, проживающих в Восточной Маньчжурии. В своих мемуарах я так долго и даже, может быть, скучно перебираю в памяти «минсэндановское» прошлое отнюдь не для того, чтобы обвинить во всеуслышание творцов трагических событий и рассчитаться с ними за их преступления. Воспоминания эти помогут грядущим поколениям еще раз глубже задуматься о том, что вражеские заговоры и интриги, нацеленные на разложение и раскол революционных рядов изнутри, были не только вчера, они есть и сегодня, будут и завтра, что и сейчас национал-шовинизм и политическая

топорность леваков бродят, как призраки, вокруг нас. Таким образом я хочу познакомить наших потомков с тем уроком, который связан с установлением принципа чучхе в корейской революции и самостоятельностью нации.

В процессе борьбы против «Минсэндана» и ставшего ее итогом Дахуанвэйского совещания я всеми фибрами души остро ощущал, что самостоятельность для нации есть первейший фактор ее существования; для ее зашиты и сохранения необходима самоотверженная борьба входящих в ее состав людей, и прежде всего ее предтеч.

Первейший атрибут человека — самостоятельность. Подобно этому, первейший исток, гарантия существования нации — в ее самостоятельности. Можно сказать, что в жизни — как у отдельного человека, так и у громадного коллектива, составляющего ту или иную нацию, — основным условием существования, определяющим их судьбы, также является самостоятельность. Мы изображаем антияпонскую революцию, как священную битву за восстановление национального суверенитета именно потому, что возрождение суверенитета, о чем страстно мечтали десятки лет корейцы, было их первейшим чаянием и оно стало программой, наивысшей задачей коммунистов Кореи. Оно могло считаться, короче говоря, генеральной целью национально-освободительной борьбы.

Итак, вся деятельность корейских коммунистов должна была быть подчинена достижению этой цели. В мышлении и практике мы должны были считать защиту самостоятельности жизненно важнейшей целью и ради нее в любой обстановке быть, образно говоря, бесстрашными тиграми и грозными молниями.

Самостоятельность никто не подарит как готовую, она не приходит сама собой с течением времени. Ты сам должен завоевать ее своей борьбой. Только те, кто, пренебрегая собственной жизнью, проявляет непреклонный самоотверженный бое-

вой дух, могут вернуть себе утраченную самостоятельность, стать вечными ее обладателями. Ибо на земном шаре слишком много разбойников — нарушителей суверенитета других наций. Уйма и таких людей, которые считают свою самостоятельность вполне естественной, однако по отношению к другим, желающим жить независимо, настораживаются и ставят им палки в колеса. «Патент на самостоятельность принадлежит только нам» — таково анахроническое надменное кредо империализма, тенденции к установлению своего господства,

Силы, попиравшие самостоятельность, одно время благоденствовали в рядах борцов, имевших общую цель. Это была капризная игра истории, противоречащая здравому смыслу. Такие перипетии заставляли корейскую революцию переживать серьезные сбои и неудачи. Перейти в контрнаступление — ради этого мы, несмотря на собственные жертвы, бились, как бесстрашные тигры, с теми, кто посягал на суверенные права корейской нации, корейских коммунистов. Совещание в Дахуанвэе было ареной великой идеологической битвы, где коммунисты Кореи, подняв знамя самостоятельности, боролись за отстаивание собственной линии корейской революции, защищали свое право на это.

Если бы мы спасовали или хоть немного отступили, боясь возможных жертв, перед железным кулаком распоясавшегося, бешеного левачества, то нам не удалось бы вытащить революцию из-под грохочущих гусениц набиравшей обороты махины левизны. Революцию вывела из кризисной катастрофы стойкая самоотверженность, коммунистическая принципиальность, неизменная уверенность в правоте своего дела — эти качества корейских коммунистов, готовых идти в огонь и в воду, если это понадобится, для защиты справедливости.

Сегодня империалисты трубят о так называемом конце социализма и усердствуют в своей политико-психологической войне с целью сбить нашу Республику с рельсов принципа чучхе.

В этих условиях неизменное отстаивание дела самостоятельности по-прежнему остается жизненно важным требованием, диктуемым самой судьбой нашей нации и нашей Республики. Коммунисты Кореи выйдут победителями и из противоборства с империалистами — из борьбы за защиту социализма нашего образца, служащего интересам народных масс, за защиту самостоятельности.

В ходе борьбы против «Минсэндана» я до конца распознал, насколько вредоносны интриги и клевета как в повседневной жизни, так и в революционной борьбе, извлек из нее серьезный урок — вести революцию вместе с сектантами нельзя. Для понимания вредности и мракобесия интриганства, инсинуаций, сектантства достаточно хоть разок заглянуть и в 500-летнюю историю феодальной династии Ли. Ради власти орудовать кинжалами даже между родителями и детьми, между братьями — такова природа ретроградных людишек, таковы закоренелые привычки сектантов.

После освобождения страны враги, практикуя «минсэндановские» приемы японских империалистов, попытались разложить нашу среду изнутри. Одно время они интриговали против Пэк Нам Уна[2], Кан Ен Чхана[3], Чвэ Ын Сока и подобных им верных партии руководящих работников — выходцев из Южной Кореи, послав им поддельные письма. Мы же не поддались на такие козни, можно сказать, благодаря тому, что уже были научены опытом борьбы против «Минсэндана» в партизанских районах. Если бы у нас не было такого опыта, то мы, возможно, скатились бы в болото левачества в решении вопросов о причастных к «Чхиандэ»[4]и связанных с ними. Вопрос об их политической судьбе мы решили великодушно в направлении обеспечения интересов революции.

При каждом назначении нового министра общественной безопасности я предупреждаю: не надо допускать, конечно, правых перегибов, но вместе с тем остерегайтесь левачества, не

забудьте уроков дела с «Минсэнданом».

Левачество — это такой очаг, опираясь на который политические мошенники и честолюбцы могли бы поднять «минсэндановскую» шумиху новой формы. Хозяева этого очага в десять, двадцать раз громче других твердят о партии, о революции, о верности. Чем отличается подобная ультрареволюционность от деяний тех леваков, которые в прошлом в партизанском краю своевольно вели игры с политическими судьбами людей?

Если правое крыло есть открытая контрреволюция, то левачество — замаскированная контрреволюция. Если первое есть опухоль, то второе — не менее опасный ядовитый гриб. Как правый, так и «левый» уклоны вместе паразитируют на дереве-великане, имя которому революция, а создают впечатление, будто каждому из них, повернувшись спиной друг к другу, снится совсем разное, хоть и лежат они в одной и той же постели. Тот и другой на деле неразрывно связаны единым пульсом. Левизна отдельной личности вредит коллективу, вследствие левачества правящая партия теряет народ и ведет революцию к гибели — такова истина. Не запомнишь эту истину — и социализм не отстоишь. К такому уроку приобщает нас история борьбы против «Минсэндана». С такими выводами обращен к коммунистам всего мира горький опыт ряда стран, обескровленных вследствие болезни левизны.

Остерегаться, выступать против левачества, прикрытого ультрапартийными фразами и действиями, и оберегать политические судьбы людей от посягательств этого зла — таков я бы сказал, нестареющий тезис, которого ни на минуту нельзя упускать из виду в своей деятельности коммунистам, стоящим у власти.

3. Рожденные комсомолом

Работа с молодежью — одно из главных дел, в которое я всю жизнь вкладывал свою душу и энергию. Началась моя революционная деятельность с молодежно-ученического движения. Жизнь в Гирине — убедительное свидетельство этому. Я принимал участие в этом движении до моего заключения в Гиринскую тюрьму. После выхода из нее моя работа с молодежью, учащимися значительно активизировалась в условиях подполья. С лета 1930 года после установления первых контактов с сотрудниками пункта связи Коминтерна я занимался комсомольской работой, будучи ответственным секретарем комсомольской организации восточногиринского района.

Конечно же, и в Ванцине работа с молодежью была важнейшим звеном, одной из главных составных частей всей моей военно-политической деятельности. Вполне естественно, что командир, ответственный за политическую работу в партизанском отряде, руководит и комсомольской работой в вооруженных силах. Это соответствует его служебным обязанностям. Однако помимо этого мне приходилось уделять довольно много времени и комсомольской работе в невоенных организациях. Этого потребовали руководство ВМООК и работники Ванцинского Укома партии.

В то время партию, комсомол и Детский отряд называли «тройственным союзом», в котором комсомол занимал важное место — следующее после партии. Люди называли его сменой партии, ее резервом или, говоря образно, ее водохранилищем. Желая подчеркнуть значительную миссию и роль комсомола, его порой называли второй партией.

В работе партийных собраний, где обсуждались важнейшего значения тактико-стратегические вопросы развития революции и меры для их разрешения, всегда принимали участие секретари комсомольских организаций. В ВМООК они назывались совместными партийно-комсомольскими совещаниями. На них комсомольские секретари были полноправными участниками, как и партийцы, имели и совещательное и решающее право. Там, где не было членов партии или слабым было партийное влияние, массовое движение направлялось, главным образом, комсомольским активом.

После возвращения в Цзяньдао из походов в Южную и Северную Маньчжурию я всесторонне ознакомился с деталями комсомольской работы в Восточной Маньчжурии. В этом мне помогли Чо Дон УК — комсомольский секретарь отряда особого назначения под командованием Ли Гвана, Хан Чжэ Чхун — секретарь Ванцинского укома комсомола, Ким Чжун Гвон — заворг того же укома.

В то время комсомольская работа в Восточной Маньчжурии серьезно страдала «левым» и правым перегибами, что причинило вред организационно-комсомольскому строительству и развитию революции.

Самым узким местом в комсомольской работе в районе Ванцина была нехватка способных руководящих кадров. Хотя в те годы корейская революция, в центре которой находилась вооруженная борьба, в целом и переживала период беспримерного подъема, но в жизни ощущалась абсолютная нехватка талантливых комсомольских кадров, способных умело организовывать и направлять дела с учетом сложившейся ситуации. Большая часть комсомолии была неграмотна или владела лишь азбучными знаниями. Имеющих образование в объеме средней школы были единицы. Образно говоря, они терялись подобно пылинкам в куче очищенного риса.

Фракционеры ограничивали круг молодежного движения

партизанскими районами, направляли молодежную работу, опираясь, главным образом, на рабочую и крестьянскую молодежь. Они провозгласили, что комсомольской деятельностью может заниматься лишь небольшая группа людей особой категории; с хорошим происхождением и с широким кругозором. Такая тенденция неизбежно породила практику своего рода «закрытых дверей» в комсомольском строительстве. Под благовидной вывеской сохранения чистоты состава комсомольских организаций и их тайны сектанты плотно затворили двери в комсомол и под всякими предлогами необоснованно отстраняли от себя желающих вступить в него. Школьников не принимали из-за незрелости возраста или «безнадежного происхождения». От простой рабочей и крестьянской молодежи отвернулись из-за ее неграмотности.

Чтобы вступить в комсомол, нужно было знать на зубок по крайней мере книгу «Общий смысл социализма», проштудировать и уметь анализировать произведения классиков, например, «Манифест Коммунистической партии» и «Наемный труд и капитал». Если при рассмотрении заявления оказывалось, что он не прочитал «Манифест Коммунистической партии», то тут же, как правило, звучали придирки: «Как же ты будешь в комсомоле? Ведь не знаешь даже «Манифест Коммунистической партии».

Однажды молодой человек из Даванцина подал заявление о приеме в комсомол, но его не приняли. Причина одна: его рабочий вол был конфискован советским правительством. Конфисковали рабочий скот — значит, мол, его семья по происхождению уже — имущая. Человек, являющийся объектом советской экспроприации, не может быть членом союза.

Леваки, ратующие за закрытие дверей, не очень хотели принимать в комсомол даже тех юношей и девушек, кто активно участвовал в работе организаций Крестьянского общества. Антиимпериалистического союза, Революционного общества

взаимной выручки и Детского авангарда. Так было в районах, где левачество опустило шлагбаум перед молодежью, плотно закрыв двери комсомола. Например, самая большая массовая организация там, где можно было охватить более ста человек, имела всего-навсего трех-четырех комсомольцев. И это было почти обыденным явлением. Тем более, что в Ванцине предъявлялась особо жесткая требовательность в деле пополнения комсомольских рядов. Не знаю почему — может быть, потому, что там ранее находилось руководство ВМООК. Как бы добросовестно ни участвовал тот или иной человек в жизни организации в другом уезде, в Ванцине он не мог состоять в комсомольских рядах без поручительства или открепительного талона из соответствующей организации.

Так было и с партизанкой-швеей Чон Мун Чжин. Раньше она вела подпольную революционную деятельность в уездном центре Дуннин, а потом, уцелев во время повальных арестов, проводимых военщиной, переехала в Ванцин. Здесь она активно работала в партизанском швейном отряде, но ее не приняли в комсомольскую организацию. Причина — нет у нее, мол, документа о переходе в другую организацию.

Как-то я зашел в швейный отряд, чтобы поблагодарить за сшитую военную форму. Сразу заметил, что Чон Мун Чжин почему-то пала духом и была в мрачном настроении. И после этого не раз заходил к швеям, но с ее лица не сходила гримаса подавленности. И вот однажды я решил с ней побеседовать. Женщина эта была не из тех, кто всем раскроет свою душу, но мне она рассказала о своих переживаниях. Пришла она в этот, такой долгожданный край и стала партизанкой сама, по велению своего сердца. Но в комсомольскую организацию ее не принимают. Вот и проводит она день за днем в унынии, как одинокий журавленок. Я понял, как трудно ей жить без членства в молодежной организации. Посоветовавшись с соответствующими работниками, я помог ей продолжить комсомольскую жизнь,

как и прежде.

А в другие комсомольские организации просачивались чуждые, неблагонадежные, случайные и колеблющиеся элементы по признакам землячества, родства, знакомсгва «со школьной скамьи» и приятельских отношений — словом, протекционизма и кумовства. Некоторые комсомольские работники столь абсолютизировали происхождение, что, обольщенные одним определением «батрацкое происхождение», принимали в комсомол даже темных личностей, пробравшихся в партизанский район со шпионским заданием. В водовороте борьбы «левого» и правого крыла отдельные комсомольцы, не прошедшие школу революционной закалки, не выдержали трудностей и ушли в контролируемый врагом район.

Те или иные перегибы в комсомольской работе породили у немалой части молодежи неверие в коммунизм, отчужденность по отношению к революционному движению, направляемому коммунистами. В конечном счете эти пороки оказали негативное влияние на комсомольскую работу внутри партизанских отрядов, а также на движение за единый фронт, имеющее целью сплочение молодежи, учащихся, всех широких слоев патриотически настроенного населения под знаменем антияпонской борьбы.

Таковы были лево- и правоуклонистские тенденции в комсомольской работе в партизанской зоне. Причины состояли в том, что комсомольские руководители не имели верной линии в организационном строительстве, отвечающей реальным условиям и интересам корейской революции, догматически применяли положения из трудов классиков или механически внедряли чужой опыт.

Руководители партизанских районов настойчиво искали пути и меры для устранения перегибов в жизни комсомола, для обновления работы с молодежью. Итак, в марте 1933 года в Сяованцине, в Мацуне было созвано совещание комсомольских

работников. На совещании присутствовало около 30 человек, ведающих вопросами работы с молодежью. В их числе — члены комсомольских комитетов, начальники детских управлений района Ванцина, молодые представители из Яньцзи, делегаты учащихся из Лунцзина (подпольщики). И сейчас в моей памяти живы имена товарищей: Ким Чжун Гвон, Пак Хен Сук, Чо Дон Ук, Пак Киль Сон, Ли Сон Ир, Ким Бом Су и Чвэ Бон Сон.

При воспоминании о совещании комсомольских работников перед моим мысленным взором почему-то неотвратимо встает образ Пак Киль Сона, который своими необыкновенно светлыми глазами сосредоточенно смотрел мне в лицо на протяжении всего совещания. И теперь с особо глубоким чувством вспоминаю об этом пристальном взгляде, возможно, оттого, что позже, во встречном бою с подразделением Квантунской армии он потерял один из своих светлых глаз. Еще совсем молодым, в 26-летнем возрасте, пал смертью храбрых Пак Киль Сон — выдающийся партизанский командир Северной Маньчжурии. В 1933 году на совещании он присутствовал, помню, как образцовый комсомолец, но без особой комсомольской должности.

В последний день совещания работники уездной комсомольской организации и делегаты предложили мне выступить с речью. По-видимому, они уже посоветовались об этом друг с другом: «Вот он, Ким Ир Сен, говорят, активно вели в Гирине комсомольскую работу. И в районе Цзяньдао он немало занимался работой с молодежью, будучи ответственным секретарем комсомольской организации восточногиринского района. У него, может, есть поучительный опыт. Послушаем, ребята, его мнение». По их единодушной просьбе я произнес довольно-таки большую речь. Выступление мое было посвящено задачам комсомольских организаций. О немалой части моей речи живо вспоминал Чо Дон Ук уже десятки лет назад.

Философы, политические деятели, педагоги, будь то на Востоке или на Западе, будь то в старое или в настоящее время, —

выдвинули множество ценных взглядов на место и миссию молодого поколения в борьбе за преобразование, перестройку общества. Классики марксизма пришли к единому мнению — рассматривали молодежь как своеобразный мост, как резерв революции. Даже философ древности Аристотель отмечал, что от воспитания молодежи зависит будущая судьба государства. При оценке молодого поколения, связанного с судьбой будущего, почти все философы — и материалистической, и идеалистической ориентации, все ученые Востока и Запада — исходили из признания важной роли новой смены, хотя в какой-то мере имелись и различия.

Молодежь есть хозяин будущего — такая оценка совпадала и с нашими взглядами. Однако я отнюдь не удовлетворялся тем, что молодежь рассматривается лишь как мост или резерв в революции. Предшествующие классики и теоретики определили: молодежь — это такой слой населения, который под руководством предыдущего поколения, опираясь на него и воспитываясь им, участвует в революции как вспомогательная сила. С таким определением мы не могли согласиться. Такую точку зрения, рассматривающую молодежь не более как подсобную силу, мы не могли считать оправданной в свете пути, пройденного корейской революцией, ее реальной действительности.

Со своей стороны я всегда рассматривал молодежь как авангард революции. Молодежь — авангард, главная сила, которая берет на себя самые трудные участки в революционной борьбе и в социальном движении. Это стержневая когорта, несущая на своих плечах судьбу будущего. Правота такого утверждения была достаточно проверена практикой. И сейчас, когда мне перевалило за 80 лет, я не имею другого взгляда по вопросам места и роли молодежи как авангарда революции. Если мы в революционном движении не проложили бы себе путь самостоятельно и, опираясь только на старое поколение, были

бы в подчинении у него и все время пассивно плелись бы в его хвосте, то не смогли бы в самые мрачные годы колониального владычества японского империализма решительно расстаться со старым идеологическим течением, не смогли бы проложить новый путь корейской революции, сплотившись под знаменем идей чучхе. Да и не сумели бы создать антияпонский партизанский отряд, не сумели бы, находясь не в авангарде нации, развивать антияпонскую революцию в целом и прежде всего вооруженную борьбу в соответствии с велением нового времени.

Если заглянем в историю национально-освободительной борьбы в нашей стране, то во главе ее всегда стояла молодежь. Все они были смелые борцы — не боялись ни тюрем, ни смерти, ни виселиц. И когда вспыхнуло Первомартовское народное восстание (1919 г. — ред.), корейская молодежь выступила как авангард, как ведущая сила пикетчиков. И в дни антияпонской демонстрации 10 июня (1926 г. — ред.), когда манифестанты с громким «ура!» заполняли улицы Сеула, молодые люди как главная сила движения скандировали патриотические лозунги. И во время волнений учащихся в Кванчжу, имевших место в ноябре года, главным действующим лицом была учащаяся молодежь. Она, никем не дирижируемая, сама в едином порыве поднялась на борьбу и, сомкнув свои ряды, мощными волнами протекла по улицам и вышла на площадь сопротивления, невзирая на вражеские штыки. С середины 20-х годов молодые коммунисты новой смены выступили как хозяева на арене национально-освободительной борьбы и открыли новую страницу в истории антияпонской революции.

Моя молодость началась с комсомольской деятельности, о чем было подробно рассказано в первых томах моих воспоминаний. Весь период антияпонской революционной борьбы совпал с годами моей молодости. В таком возрасте мы возглавляли и полки, и дивизии, и корпуса. Одно время в нашем народе были люди, которые представляли меня, увы, старым военачальником

с седыми волосами. Однако, когда выступил с речью на общественном стадионе в Пхеньяне после триумфального возвращения на Родину, мне не было и 34 лет.

Партизанская война — это не битва на старый манер. В былые времена воины, строя боевой порядок в непосредственном противостоянии друг другу, с барабанной дробью шествовали в бой. Рыцари встречали противников на боевых конях с копьями наперевес, воюющие с высоких крепостных стен стреляли из луков. Это и не битва нового стиля, когда боевые операции управляются по телефонам и рациям с применением развитой военной техники. Такими боями вполне могут командовать и старые генералы 50 — 70 лет. Однако в партизанской войне совсем иная картина: все — и рядовые бойцы и командиры — должны вместе повидать все виды, уметь переносить и холод, и голод. Командирам порой приходится самим брать пулеметы в руки, со штыком наперевес кидаться в рукопашный бой, если этого требует обстановка. Без крепкого здоровья и сосредоточенной мысли не справишься с таким бременем.

Почти все борцы антияпонской революции бросились в ее пекло в годы молодости — в 20 лет и чуть старше. Так, Ян Цзинюй в 32 года стал уже командиром 1 -и армии Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, а Чэнь Ханьчжан с 27 лет начал командовать 3-й армейской группой. О Чжун Хыб, воевавший в должности командира полка, погиб в цветущем возрасте — в 29 лет.

Да, не будет преувеличением, если скажу, что всю тяжесть антияпонской вооруженной борьбы несла на своих плечах молодежь. И разве можно после этого рассматривать молодое поколение лишь как мост и резерв революции?

Такие взгляды, такая позиция нашли ясное выражение в моей речи и собеседовании того дня.

— Молодежь выступает как стержневая, главная сила на-

шей революции. Заглянешь в историю любой страны мира — узнаешь: во главе социальных преобразований всегда стояла молодежь. У нее гигантская сила, способная сдвинуть горы и зарыть моря. Сделать ее сознательной и организованной, поставить ее в первую шеренгу борцов за революцию — вот к чему призвана наша молодежная работа. А тут комсомольские организации на крепком замке держат свои двери, сидят спиной к массам молодежи. Какое это безобразие! Иные организации комсомола не принимают в свои ряды лучших представителей молодежи за возрастную незрелость. Именно это, можно сказать, типичная тенденция к закрытию дверей. За что Рю Гван Сун вошла в историю нации как героиня, рожденная Первомартовским движением? За солидный возраст? Военачальник Нам И сказал: «Если не принесешь стране мира в 20 лет, то кто из потомков тебя назовет мужчиной?» Если, придираясь к возрасту, отвергнешь или отстранишь от себя полную кипучей энергии молодежь до двух десятков лет, то это ни к чему не приведет, кроме как к превращению комсомольской организации из молодежной в коллектив людей средних лет. Если комсомол доступен только для совсем взрослых мудрецов, закончивших 10 — 20-летнее самовоспитание, то что это будет за организация молодежи?

Далее. Делегаты интересовались вопросами о методах и стиле работы, обязательных для комсомольских кадров. Об этом также много говорил.

— Чтобы объединить широкие массы молодежи, комсомольским кадрам надо овладеть верными методами и стилем работы. Вот вам пример. Допустим, какой-то комсомолец пустил пять пуль, и ни одна из них не поразила врага. Факт, что он виноват. Ведь всем партизанам известен лозунг: «Пусть каждая пуля найдет врага!» Если бы за такую ошибку того комсомольца раскритиковала соответствующая организация и рассмотрела организационный вопрос, можно ли это считать оправданным?

Таким непродуманным способом решать вопросы нам нельзя, товарищи. Раз он допустил ошибку, то надо узнать причины всесторонне. Узнать, образно говоря, как с боковой, так и с задней стороны. Хорошее ли у него оружие? Верны ли мушка и прицел? Мягко ли он нажимал на спусковой крючок, приложив к плечу приклад? Задерживал дыхание при спуске крючка? Так скрупулезно надо взвешивать все. Нет ли у него физических изъянов? Это тоже надо узнать. Близорукий? Дальнозоркий? Если нет, то не страдает ли астигматизмом? Причина, возможно, в отсутствии смелости и идеологической трусости? Так нужно смотреть на вещь с разных сторон, а уж потом рассматривать дело. Во всех случаях нельзя придираться к идеологической зрелости да разворачивать лишь одну идеологическую борьбу. В принципе критика должна быть направлена на спасение товарища. При критике недостатков не должно быть поблажек, но надо разобраться в них научно, чтобы тот сам понял свои ошибки. Критика не должна быть обличительной, ругательной и оскорбительной.

На совещании того дня я и произносил речь, и вел беседу. Были затронуты все вопросы комсомольской работы: укрепление идейно-организационной основы комсомольских рядов, улучшение пропаганды, агитации, воспитательной работы, честный подход к критике и самокритике, подготовка Детского отряда как резерва комсомола и другие проблемы, вплоть до внедрения лучшего опыта патриотически настроенной молодежи, накопленного ей в борьбе за прошедшие времена.

И после этого я в каждом удобном случае подчеркивал, что комсомольские руководители должны постоянно быть в гуще масс, быть для них передовиками и знаменосцами в делах, вести работу с людьми вдумчиво, с сердцем искренней матери.

После того совещания в стиле деятельности комсомольских руководителей нельзя было не заметить прогресса. Комсомоль-

ские организации, деятельность которых сковывалась устаревшими трафаретами бюрократизма, тенденции к закрытию дверей и формализма, стали живыми, деятельными и начали проникать в гущу масс молодежи.

Однажды я пошел в уком комсомола повидаться с Ким Чжун Гвоном. Но в укоме никого не было, кроме связного. Я спрашиваю: «Куда все подавались?» Слышу в ответ: «Ушли в низы — в участковые и первичные организации». Признаюсь, я тогда не мог скрыть своего удовлетворения.

Раньше укомовцы не шли в гущу комсомольцев и, важно отсиживаясь в кабинетной тиши, работали бесхлопотно — вызывали к себе секретарей участковых и первичных организаций, поручали им дела и требовали отчетов. уком комсомола был так несведущ в положении дел на низах, что если кто-то скажет: «Конь где-то родил жеребенка» — поверил бы даже этому. Тем не менее уком созывал совещания и собрания, «зажигал» пламя «идеологического боя» — и ставил на этом точку. Комсомольские организации считали, что собрание и критика решают все дела.

И вот эти-то прежние устаревшие методы работы комсомольских руководителей, наконец-то, начали исчезать бесследно. Они шли в партизанские и местные первичные организации, деятельно помогая их работе. укомовцы, проводившие время в четырех стенах кабинета за пустословием и бумаготворчеством, теперь идут в низы — беседуют с членами союза, присутствуют на собраниях групп и первичных организаций, помогают комсомольским секретарям в составлении плана работы. В кабинете укома комсомола собрались кадры только в день собрания.

В плеяде комсомольского актива немало было больших умельцев. Они были способны тактично действовать с учетом создавшихся условий и обстановки. Было также немало испытанных кадров, овладевших хорошими методами и стилем руководства.

Ким Бом Су, заворг 8-го участкового комитета комсомола в уезде Яньцзи, был участником Минюегоуского совещания. Но его родители не знали, что их сын является талантливым комсомольским вожаком, пользующимся любовью молодежи.

Когда Бом Су поступил в начальную школу, мать его очень обрадовалась, что ее единственный сын учится грамоте. И когда он ходил в школу, мать носила его на своей спине. Так растила мальчика, дорожила им, как золотом да серебром. Когда сын повзрослел, сразу женили парня в раннем возрасте.

Родители опасались, как бы сын не окунулся в бури социального движения. И женатому сыну строго запрещали выходить из дому.

Такой запрет стал помехой Ким Бом Су. Но он нашел выход — превратил неприметную заднюю комнатушку дома в место встречи с молодежью. В плетеной изгороди незаметно сделал тайный проход — лазейку, через которую могли бы пройти люди. И он все время приглашал к себе молодых людей. Родители не скрывали удовольствия — вишь, сынок-то даже не выходит гулять, «порядочно» ведет себя, как настоящий жених. Но по ночам сын в этой комнате общался с молодежью, и у него не было времени хотя бы мимолетно взглянуть в лицо милашки. В затаенном углу ему удалось подготовить десятки комсомольских активистов...

Секретарь укома комсомола, находясь преимущественно в комсомольских организациях партизанских отрядов, направлял работу с молодежью, а заведующие орготделом и отделом пропаганды руководили молодежным движением, имея связи с комсомольскими организациями в партизанских районах и в контролируемой врагом зоне. Секретарь укома, если это было необходимо, сам участвовал вместе с партизанами в боевых операциях, руководя при этом массами.

Это было во время мацуньской операции. Рота заняла боевую позицию на бугре перед Мацунем. В первичной комсо-

мольской организации роты открылось чрезвычайное собрание при участии секретаря укома комсомола. Перед предстоящим решительным боем каждый комсомолец дал пламенную клятву: «Сердцами комсомолии до конца защитим нашу землю, завоеванную ценой крови!»

Комсомольцы непрерывно вели из винтовок меткий огонь возмездия. Только в одном этом бою противник потерял сотни своих солдат убитыми и раненными,

И при нападении на уездный центр Дуннин и Лоцзыгоу, совершенном во взаимодействии с Армией спасения отечества, правофланговым партизанского отряда был комсомольский секретарь.

После совещания комсомольских работников я часто встречался с руководителями комсомола и советовался с ними в вопросах комсомольской работы. Особый акцент в то время делал вот на чем: активизировать воспитание молодежи в патриотическом и революционном духе, в духе классового подхода, в духе антиимпериалистической борьбы, коммунизма и оптимизма, усиливать военное обучение юношей и девушек, вырабатывать у комсомольских руководителей и рядовых комсомольцев верный подход к массам, осваивать коммунистические методы и стиль работы.

Мы требовали от комсомольских организаций повернуться лицом прежде всего к очередным политическим, военным и экономическим вопросам и приложить все усилия для их решения. Комсомольская организация не была ни научным обществом, ни просветительной организацией, ни клубом. Она была школой, которая призвана воспитать и объединить массы молодежи во имя победы революции. Поэтому ее деятельность должна была во всяком случае подчиняться практике решения текущих политических, военных и экономических вопросов. Лишь так каждая организация стала бы жизнедеятельной и живой, стала бы мощным «двигателем».

В то время среди молодежи, населения партизанских районов давала о себе знать порочная тенденция — не всегда они стояли лицом к решению экономических вопросов. Экономическая проблема в партизанских краях — это вопрос жизни и быта. Или, выражаясь иначе, — это проблема питания, одежды, жилья. Большую часть продовольствия для населения партизанских районов составлял в те дни трофейный провиант, взятый партизанами после боя с врагом. Тощая земля партизанских краев давала крестьянам такое мизерное количество зерна, которого не хватало и до следующего урожая. Кончилось питание — люди, как правило, ждали помощи от военных. Такая ситуация породила у многих руководителей и населения партизанских краев иждивенческую психологию — полагались на партизан. «Кончается продовольствие — армия, несомненно, поможет. Опять побьет врага и захватит хлеб» — с такими думами иные сидели сложа руки и даже не готовились к земледельческим работам.

Весной 1934 года я встречал Первомай в Дахуанвэе вместе с товарищами из 3-й роты. Руководя ее работой, я ознакомился с подготовкой к весеннему севу. Положение тогда было аховое, как говорится, дело табак! На носу пахота, а местные крестьяне не готовятся к севу, беззаботно проводят день за днем. Что это такое! Чего они хотят? Диву давался не один я. И секретарь укома комсомола, сопровождавший меня, не скрывал своего недовольства: «До чего они обленились!»

Через несколько дней мы созвали расширенное заседание укома комсомола в тайной явке в Яоингоу. Обсудили задачи молодежи в посевной кампании. Помню, осенью 1932 года был создан отряд по сбору урожая. Он провел жатву на полях промежуточной зоны. На этот раз были созданы молодежные производственные ударные отряды, которые взялись за трудовую вахту по весеннему севу во всех партизанских районах Цзяньдао. В них вошел весь актив комсомола и молодежи

партизанского края. Они не были простыми пахарями, взявшимися за ручки плуга. И другие все дела взяли на себя: подготовку семенного материала, обеспечение сельхозинвентарем. Сломанные орудия труда молодые люди общими усилиями чинили в кузницах. Там, где не хватало тяглового скота, пахали лопатами и кирками. Сеяли равномерно и качественно. Посевная кампания 1934 года завершилась успешно.

Деятельность ударников чрезвычайно повысила авторитет комсомола в партизанских районах, укрепила место молодежи в обществе. Парторганизации поддерживали все, что планировал и намечал комсомол, действенно помогали его руководителям смело продвигать работу с молодежью. Всемерную помощь оказывали комсомолу народно-революционное правительство, Крестьянское общество, Общество женщин и другие массовые организации.

Какое огромное значение придавали комсомольской работе жители партизанского края, наглядно доказывает, например, процесс празднования МЮД в сентябре 1934 года. МЮД — это Международный юношеский день.

1-й МЮД провела пролетарская молодежь мира в 1915 году. Со следующего года МЮД стал ежегодным праздником. Отмечали его и в Китае, и в Корее.

В 1934 году ванцинцы серьезно готовились к празднованию МЮД. В преддверии праздничного мероприятия мы направили подпольщиков в район, захваченный врагом, — пригласили на торжества группу гостей из каждого поселения, достали очищенный рис, пшеничную муку, мясо и другие продукты, нужные для приема гостей в праздничный день. Некоторые хозяйственники из интендантской службы даже взяли с собой пачки чая. Партизаны уничтожили врагов и взяли трофеи, в том числе и то, что требуется к празднованию.

На площади в Яоингоу поставили арочные ворота из сосновых ветвей. Вокруг расклеили серии картинок, показывающих

боевые успехи партизан. Между рисунками мелькали волнующие лозунги. В то время в 5-й роте был большой талант — великолепный мастер живописи, жил одно время в Советском Союзе, отличался и удивительным мастерством каллиграфии. Возле площади он даже вывесил карту-схему боевых действий, показывающую ратные подвиги Народно-революционной армии. Все его рисунки были такие живые и яркие, что, казалось, каждая деталь вот-вот сдвинется с места.

Для ночлега приглашенных гостей мы выделили помещения правительственного здания, на стенах которого также расклеили плакаты, чтобы ими любовались гости.

В канун МЮД в Яоингоу были направлены выбранные делегаты из Цзигуаньлацзы, Инбилацзы, Тяньцяолина, Чжуаньцзяолоу и других поселении партизанского края и его окрестностей. К тому времени враги, создав коллективные поселения, строго контролировали выход из крепостных ворот и проход через них. Поэтому делегаты из вражеского района не могли прибыть в Яоингоу группами. Каждый из них приходил в партизанский район поодиночке — делая вид, что идет на работу в поле: кто с серпом в руке, кто с корзинкой на голове.

Настал день мероприятия. Юноши и девушки партизанского района оделись в опрятную одежду, сшитую из трофейных шелка и саржи, взятых в Бэйсаньчакоу. В потоке жителей они собрались на площади. Работники укома комсомола, тоже приодевшись, явились на площадь и организовали мероприятие. На площадь вышли рядами партизаны, в утюженном обмундировании. Их бравый вид вызвал восхищение у делегатов из оккупированного врагом района.

В тот день объявление открытия торжеств заменил взрыв «енгирской бомбы». «Бух!» — с этим громогласным сигналом над площадью заколыхались десятки красных стягов. Собравшиеся скандировали лозунги, звучали аплодисменты, бой барабанов, зрелище сильно взволновало гостей.

После доклада, посвященного МЮД, прозвучали пламенные речи представителей общественности — восхваляли подвиги комсомола и призывали к борьбе против японского империализма. В то время подобные речи ораторов назывались «выступлениями о своих впечатлениях». После окончания намеченного мероприятия мы организовали торжественное заседание в честь гостей из оккупированного врагами района. На нем я по просьбе работников укомов партии и комсомола произнес речь, в которой отметил необходимость оказать активную помощь военно-политической деятельности Народно-революционной армии. В ответ на мою речь один из делегатов из занятого врагами района попросил слова. Но он так разволновался, что не мог сказать ни слова и только кланялся во все стороны.

Делегаты из вражеского района, участники мероприятий МЮД, выслушав мою речь, наперебой просили записать их добровольцами. Все пожелали вступить в партизанский отряд, и нам, наоборот, пришлось отговаривать желающих. Только некоторых из них мы приняли в революционную армию, учитывая их семейное положение и работу.

На художественном представлении в честь гостей, устроенном в тот день, самыми оригинальными были номера из репертуара 5-й роты. Просто удивительны были русские пляски одного партизана. Одно время он действовал в подпольной организации Лаохэйшаня, потом стал партизаном. Танцевать научился, говорят, живя в Приморье.

Когда гости уходили из партизанского края, мы передали им трофейные товары, выделенные для жителей зоны, контролируемой врагом.

Я так подробно рассказываю здесь о мероприятиях МЮД 1934 года потому, что он стал самым большим по масштабу, впечатляющим для меня праздником молодежи, когда я был в партизанском районе.

В то время мы очень интересовались знаменательными датами международного характера, придавали большое значение связям с международными организациями, такими, как Коминтерн, КИМ, Профинтерн, Крестинтерн. Как коммунистические партии мира имели свой международный центр — Коминтерн, так и коммунистическая молодежь всех стран тоже имела свой всемирный центр — Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ). И в Харбине мы действовали, поддерживая связи с подведомственной КИМ организацией. К нам обращался с предложением учиться в Москве именно КИМ, выполнявший миссию бюро молодежи в Коминтерне.

Практическая борьба за исполнение программы комсомола вырастила целую плеяду замечательных революционеров молодого поколения, дела которых по праву вписаны яркой страницей в историю национально-освободительной борьбы. В их числе — «Тринадцать пуль»[5], «Лопата» (Ким Бон УК), Пак Киль Сон, Хван ЧжонХэ, Ким Тхэк Ман, Ким Чхун Чжин, Чу Чхун Ир, Ли Син Сун, Ким Бом Су, Ли Дон Хва, Ли Сун Хи, Пак Хо Чжун и многие другие. Все эти многочисленные герои антияпонской войны — дети комсомола, воспитанные и выпестованные самой жизнью организаций. В списке известных героев, рожденных комсомолом, мы видим и партизанских командиров, и подпольщиков, и педагогов.

Комсомольское совещание, проходившее на тайной явке в Яоингоу, обсуждало и вопросы о дальнейшем усилении и расширении нашей деятельности во вражеской зоне.

В районах, занятых противником, не хватало комсомольского руководящего ядра, надежно подготовленного в политическом и деловом отношениях. В этой зоне комсомольская деятельность явно принижалась. В этом сказывалась порочная линия леваков, занявших руководящие посты в партийных и комсомольских организациях на всех уровнях. С полным учетом сложившейся ситуации комсомольское совещание выдвинуло

боевой лозунг: «В логове врага соорудим нашу твердыню!» Это мало чем отличается от клича: «Во вражеских войсках соорудим нашу революционную твердыню!» Смысл первого лозунга — укреплять в окружении врага наши организации.

По решению этого совещания многочисленные комсомольские кадры начали проникать в Восточную Маньчжурию, внутрь Кореи и в другие обширные районы. На их плечи была возложена трудная задача — действовать в зоне, контролируемой врагом. В Лоцзыгоу был направлен Пак Киль Сон, работавший начальником детского управления Восточноманьчжурского Особого окружного комитета. Вместе с подающим надежды комсомольским активом он расширял сеть организаций и закалял молодежь в огне практической борьбы. Нити его подпольной работы глубоко протянулись на крупнейший в Цзяньдао Лоцзыгоуский водочный завод, где было много юных сезонников.

По рекомендации комсомольской организации на этом заводе действовал и Чвэ Гван, который работал начальником Лоцзыгоуского детского управления.

Заводом владел некий Юй. Ежегодно, с февраля по май и с сентября по октябрь, завод набирал сезонников-мальчиков. Это было понятно: можно мало платить, а работать заставлять больше. Владелец завода давал юному рабочему по 30 *фыней* в день, что не составляло и половины получки взрослого. И то не наличными деньгами, а водкой. 30 *фыней* — это не больше стоимости одной бутылки. За нее дети от зари до зари гнули спину. После окончания работы они, получив бутылку водки вместо денег, весь вечер бродили по улицам, чтобы продать ее.

Чвэ Гван под руководством комсомольской организации поднял юных рабочих на борьбу за повышение оплаты труда. Он вместе со своими коллегами, принятыми в Детский отряд после его поступления на завод — а их было более десяти, агитировал рабочих на стачку. Он лично выступил с агитационной речью, поставив пикетчиков у дверей столовой, построенной в стиле

барака. Конечно же, ему нелегко было поднять на забастовку мальчиков, которые пока еще не принимали участие в жизни организации. Чвэ Гван терпеливо еще и еще раз убеждал юных рабочих: «Возьмешь бутылочку водки — не проживешь. Всем соединяться! Пусть нам платят столько, сколько заработаем. Соединим силы — сможем поставить хозяина на колени!»

По его призыву мальчики-рабочие три дня не выходили на работу. Некоторые дети, конечно, боялись возможного увольнения, выходили на работу. Но, послушав Чвэ Гвана, они твердо присоединились к рядам забастовщиков. Повторная стачка вынудила фабриканта выдавать юным рабочим по 40 *фыней* вместо 30 в день.

Пак Хо Чжун, член Лоцзыгоуского участкового комитета комсомола, своими выдающимися организаторскими способностями, своим мастерством работы с массами добился заметных успехов в комсомольской работе во вражеском районе. Именно он был закулисным руководителем в объединении юных рабочих упомянутого завода в антияпонскую организацию и в победоносном завершении забастовки. Но он в ходе работы был арестован противником.

После ареста подпольщика враги с упоением надеялись, что им удастся вскрыть всю сеть тайных организаций в районе Лоцзыгоу. Но они просчитались. Никакими средствами им не удалось сломить его волю.

Однажды они решили выведать у него, уже полумертвого, сведения посулами.

— Ты еще молодой человек. Перед тобой большой жизненный путь. Жаль тебя, такого юного. Мать у тебя одна, ты у нее единственная опора. Матери-то тебе не жалко? Только назови комсомольские организации и руководителей. Тогда будет у тебя вознаграждение большое, а жизнь роскошная. О революции не мечтай, она — несбыточная надежда. Вот тебе совет — выбирай путь к жизни. Ну, как?

Пак Хо Чжун, горько усмехнувшись, ответил:

— Ладно, назову — пишите о комсомольской организации, о руководителе. Вот мой руководитель: фамилия — «Кон», имя —«Сан Дан»(Консандан — по-корейски компартия — ред.).

Враги написали эти «фамилию и имя» — и их перекосило. Заметив их смятение, Пак Хо Чжун встал, опершись на стену, и издевательски проговорил:

— Этот Великий Руководитель вырастил меня. Теперь у вас, сволочи, записано его «имя» в книжечку. Но это к чему? Моя компартия отомстит за меня...

Так он сам выбрал путь к смерти. Представьте себе несгибаемый образ комсомольца, который, распахнув рубашку на груди, шагает к месту казни! Смертник так гордо шагал, что даже вражеские солдаты, не скрывая страха, тихо шептали: «Видишь, какой это человек — коммунист!» Кто-то из любителей курения незаметно сунул сигарету в руку комсомольцу, шагающему к смерти под конвоем. Девушки кидали ему под ноги букеты цветов.

Так первая смена комсомола, выпестованная антияпонской революцией, сохраняла свою веру, умела умереть с такой чистейшей совестью. Молодежь, воспитанная и выпестованная в комсомольских организациях, целиком и полностью подчинила свои личные интересы интересам организации и революции.

Таким борцом был и комсомолец Рим Чхун Ик. Он, секретарь Наньсяньской Особой первичной организации 8-го участкового комитета комсомола уезда Яньцзи, был способным подпольщиком. Давно создал и направлял подпольную комсомольскую организацию, был арестован врагами.

Они много раз подвергали его варварским пыткам, но комсомолец до конца сохранял тайну организации. Рим Чхун Ик показал на допросе, что вся конспиративная деятельность других товарищей — дело лишь его одного. Благодаря этому все

арестованные его товарищи были освобождены. Он погиб смертью храбрых в своем цветущем 18-летнем возрасте. Своим прекрасным, высоким духом самоотверженности он спас организацию и товарищей, встал со смертью один на один. Говорили, что перед благородством личных качеств этого 18-летнего комсомольца склоняли голову даже враги.

Комсомолка Ли Сун Хи была несгибаемым борцом, рожденным бурей антияпонской революции.

Впервые я увидел ее, помню, зимой в начале 1934 года. В то время я пошел в школу Детского отряда. Хотелось встретиться с детьми, лишившимися родителей после карательных операций противника. Там я ее и увидел. До недавнего времени девушка работала начальником детского управления уезда Яньцзи. Теперь занималась этим же делом здесь, в уезде Ванцин.

И вот я стоял во дворе школы среди детворы. Прибегает ко мне Ли Сун Хи и отдает поклон. У нее глаза — живые, сверкающие. От нее веет свежестью, как от душистой незабудки у ручья.

Во дворе школы свирепо гуляет холодный ветер. Дети с радостью окружили меня, теребя за рукава. Вижу — они плохо одеты: кто — в легких, грубого покроя рубахах и брюках, кто — в истрепанных юбочках да в одних соломенных лаптях. Виднеются лица с ожогами — может быть, несчастные вырывались из бушующего пламени при нападении карателей. Почти раздетыми и разутыми прибежали сюда те воспитанники Детского отряда, которые лишились своих родителей во вражеском районе.

Я, поглаживая ручонку малыша со следами ожога, всматривался в этих ребятишек. Мне казалось, что в сверкающих у них на лицах черненьких зрачках таится какое-то таинственное, заветное желание.

Тогда я ощущал у себя в душе неодолимо сильную боль.

Сердце мое кричало: «Заверяю вас, ребята, громить этих япошек, что осиротили вас!» Овладев собой, я от всей души говорил:

— Ребята, вы бутоны нашей Родины, опора будущего. Когда вам весело, и нам тоже весело. Когда вы растете здоровыми, и мы чувствуем в себе прилив сил... Вырастайте быстрее, будете замечательной опорой страны.

Лица у детей засияли, они громко хором отвечали: «Так мы будем делать», — и опять зашумели от радости. Но у Сун Хи, начальника детского управления, по щекам текли крупные слезы.

— Извините, Полководец! Комсомольская организация поручила мне работу начальника детуправления... Хотя я и видела раздетых детей, но...

Перед мной Сун Хи просто не находила себе места, чувствуя себя как бы виноватой. На ее лице, увлажненном слезинками, застыло выражение глубокого раскаяния.

Могла ли она отвечать за плохую одежду детей? Ли Сун Хи все время была в хлопотах, даже ночью не было ей времени сомкнуть глаз: штопала и перешивала рваную одежду детишек, чинила обувь, прошивала тетради.

Моя первая встреча с Ли Сун Хи произвела на меня сильное впечатление. Речь идет о ее самокритичном подходе к делу,свойственном революционеру. Причину всех оплошностей и несчастий в рамках своей работы она всегда находила в самой себе.

Через несколько дней я организовал боевую операцию специально для воспитанников Детского отряда. За счет взятых трофеев мы обеспечили детей школы необходимым: ватными одеялами, новой одеждой, обувью и тетрадями.

И поныне в моей памяти остается свежий облик Ли Сун Хи, которая, то улыбаясь, то проливая слезы, прикасалась своей щекой к новой одежде малышей, что досталось им ценой крови партизан.

В знак благодарности Ли Сун Хи однажды навестила нас с группой самодеятельных юных артистов.

— Дорогой Полководец! Дети организовали отряд художественной самодеятельности и пришли к вам, чтобы поблагодарить вас хоть немного за заботу — за новые одеяла, новую одежду.

Ее слова сильно тронули струны моего сердца. Я попросил всех партизан, жителей опорной базы собраться и вместе с ними с удовольствием и радостью посмотрел детские выступления.

Одним из трогательных номеров, представленных в тот день юными артистами, был рассказ маленькой девочки.

На сцене появляется малышка в новой одежде, с красным галстуком и тараторит:

— Моего папу, мою маму убили японские самураи, но я расту, как видите. Я здорова, одета в новую одежду, у меня на шее красный галстук. Эту мою новенькую одежду дали партизаны — мои братья и сестры. Ценой пролитой крови!

Начав свой рассказ, девочка показала зрителям свою маленькую ручонку со свежим следом ожога.

- Моя рука ранена во время нападения япошек. Наш любимый Полководец, поглаживая мою руку, говорил: «Когда вам весело, и нам тоже весело. Когда вы растете здоровыми, и мы чувствуем в себе прилив сил». Дорогие партизаны-братья, партизанки-сестры! Радуйтесь, умножайте силы — мы растем веселыми и здоровыми! Буду делать все так, как учит любимый Полководец. Буду расти и расти, стану под ружье и пойду в бой с япошками, как это делают братья-комсомольцы, сестры-комсомолки!..

Не было тех, кто, слушая девочку, не пролил слез. По лицам юных артистов мы читали старания и душу Ли Сун Хи, вложенные в воспитание детей, как люди в созревших колосьях на урожайном поле видят капли пота, пролитого трудолюбивым земледельцем.

Однажды ко мне пришла Ли Сун Хи и ни с того ни с сего попросила послать ее на работу в район, контролируемый врагом. Мы не могли не удивиться такому внезапному предложению девушки, которая всю душу вложила в работу Детского отряда и в этом сама видела наибольший смысл жизни.

После этого Ли Сун Хи не раз обращалась к комсомольской организации с этой просьбой и, наконец, была послана в Лоцзыгоу вместе с Пак Киль Соном.

Леса с зеленым покровом и плодородные поля Лоцзыгоу, окруженного с трех сторон грядами крутых гор, хранят в себе неизгладимые следы кровопролитной антияпонской войны, имена бесстрашной красной комсомолии, работавшей во вражеском районе.

Я не собираюсь излагать все подробности работы подпольщицы. Главное — раскрыть исток духовной силы этой девушки, непоколебимо отдавшей свою жизнь в цветущем возрасте.

Ее опорной базой в то время был шалаш, достроенный невдалеке от Лоцзыгоу. Не очень-то уютным был домик-шалаш. Его насквозь пронизывал холодный ветер, заливал дождь. Здесь она встречала приход весны, проводила лето и вдыхала осеннюю прелесть. За эти сезоны в Лоцзыгоу расширилась сеть организаций комсомола, возрос Детский отряд. Внутри цитадели врага сложилась мощная твердыня революции.

Какого огромного труда стоило это подпольщице! Где только она не побывала во вражеском районе! Пробираясь сквозь лес штыков армии и полиции, то и дело приходилось маскироваться от неотступного глаза лазутчиков. Да, дело это было рискованное. День и ночь она была в хлопотах без отдыха.

Подпольщица попала под наблюдение гадкого шпика по имени Ли Бон Мун и, к несчастью, была арестована.

Враги бросили партизанку в мрачный застенок и подвергли ее жестоким пыткам. Хотели вскрыть подпольные организации в

Лоцзыгоу, судьба которых оказалась в ее руках. Вырвется тайна из ее уст — сорвется завеса с сети организаций в Лоцзыгоу. Грозила опасность, что в один прекрасный день рухнет твердыня революции, сооруженная столь величайшими усилиями.

Ложными обещаниями, слащавыми посулами враги стремились поколебать сердце девушки. Удалось им узнать у Ли Сун Хи только одну тайну: она комсомолка. По-видимому, она за решеткой еще глубже осмыслила звание комсомолки.

До предела разъяренный начальник лоцзыгоуской жандармерии, главный инициатор пыток, наконец, приказал расстрелять арестантку. Но накануне, в ночь перед расстрелом, произошло своего рода событие. После приговора к казни начальник жандармерии последний раз попытался «умиротворить» ее. И он, взяв с собой подручных, вошел в камеру, где сидела смертница.

В ту минуту Ли Сун Хи приводила в порядок пропитанную потом, загрязненную пятнами крови и порванную местами в клочки одежду. Свою смерть она, видимо, решила встретить опрятной и чистой.

Тут с ней заговорил Ли Бон Мун, цепной пес жандармского начальника. «Ты знаешь, девушка, есть путь к спасению жизни. Выпал один из тысяч случаев, единственный. Жалко твоего цветущего возраста, я сочувствую тебе, потому так и говорю. Сообщи имя хотя бы одного подпольщика в Лоцзыгоу. Тогда ты не умрешь». Девушка ничего не ответила и, пригладив волосы с запекшейся кровью, вынула из-под кофты маленький узелок серого цвета.

Ли Бон Мун, насмерть побледнев, мигом выбежал из камеры. Другие палачи так же стремительно с криками последовали за ним. Видимо, провокатор принял серенький узелок, вынутый подпольщицей, за какое-то взрывчатое устройство, вроде ручной гранаты. Но это была вовсе не граната, а узелок с землей. Этот мешочек был заветной памятью об отце, который передал его

своей дочери, Сун Хи, перед самой смертью в бою на опорной партизанской базе.

— Не пугайтесь! — сказала она. — Узелок этот с землей родной моей страны. Как дороги вам ваши грязные шкуры! Что ж вы даете тягу!

Находясь за решеткой, партизанка мысленно представляла себе день возрождения Родины, свято храня на груди горсть родной земли. Комсомолка Ли Сун Хи и предатель Ли Бон Мун... Какой резкий контраст человеческих качеств! Различие между ними люди выражают словами: «жар-птица и ворона». Думаю, эта метафора отнюдь не чрезмерна. Как же было предателю Ли Бон Муну понять цену и силу того узелка с горстью родной земли?!

Ее казнили на следующий день. Она умерла с громким кличем: «Да здравствует революция!» Я хотел бы здесь познакомить читателя с комсомольской песней, которую пела она в последние минуты своей жизни:

Вперед заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе!
Смелей вперед, и тверже шаг
И выше юношеский стяг!
Мы – молодая гвардия
Рабочих и крестьян.

Когда-то, помнится, я вместе с Ли Сун Хи пел эту песню, играя на органе в школе Детского отряда. Ее любили петь не только комсомольцы, но и коммунисты, воспитанники Детского отряда и члены Общества женщин. Это было понятно: в песне находят яркое отражение единодушная тяга трудящихся масс к новому обществу, горячая любовь к будущему и незыблемая воля молодежи, стремящейся скорее созидать новый мир. Мно-

гие комсомольцы и комсомолки на эшафоте пели эту песню, как Ли Сун Хи .

Песня эта сложена не нами. Ее пели русские юноши и девушки. Однако мысли и чувства, воплощенные в стихах и мелодии песни, овладели молодыми сердцами юности мира, любящей свободу и справедливость. «Интернационал» на стихи Эжена Потье стал партийным гимном для многочисленных компартий, подобно тому, что эта комсомольская песня широко звучала как песня молодежи мира.

Нет сомнения в том, что появление таких верных женщин-борцов, как Ли Сун Хи, можно считать заслугой комсомольской организации, которая дала ей крылья и свет в политической жизни. Если не было бы реалии — «организации», если не было бы процесса роста — «организационной закалки», то, спрашивается, сумела бы вести себя столь отважно перед сворой палачей такая юная девушка, как Ли Сун Хи? Сумела ли бы она с такой высокой гордостью достойно украсить последние минуты своей жизни?

Вот почему и ныне говорю: организация — это дом и университет, рождающие героев. Один комсомолец, один член Союза социалистической трудовой молодежи Кореи, прошедший школу организационной закалки, уже обладает огромной силой, позволяющей победить даже сотню, тысячу врагов. Наш народ готов сражаться с врагом «один против ста» благодаря тому, что он получил закалку в своей организации. Наша Народная Армия готова воевать с врагом «один против ста», «один против тысячи» благодаря тому, что все воины в горниле, именуемом «организацией», закаляют себя идейно-политически, последовательно совершенствуют свою военно-техническую подготовку.

Из молодежи наших дней вырастают борцы, герои, революционеры через ее организацию — ССТМ. Если в годы антияпонской войны комсомольская организация была школой для под-

готовки профессиональных революционеров, то в наши дни организация ССТМ, можно сказать, является базой подготовки авангардного отряда строителей социализма. И сегодня, как в период антияпонской революции, молодежь идет на главный участок каждого фронта строительства социализма. ССТМ — надежный опорный отряд, который больше всего оберегает и любит наша партия. Там, где движется эта когорта, рождаются подвиги и чудеса. Каждое из величайших монументальных творений, ставших вечным достоянием нашей Родины, — например, Западноморский гидрокомплекс. Северная железнодорожная магистраль, проспект Кванбок, стадион имени 1 Мая, Мангендэский дворец школьников, Дворец тхэквондо — является олицетворением доблестного труда и подвига молодежи эпохи Трудовой партии. Вот почему любимцем нашего народа стал отряд молодых ударников «Скоростной бой».

Среди членов ССТМ, молодежи нашего времени повседневно рождаются прекрасные образцы коммунистической нравственности, вызывающие восхищение у всех людей. Жизнь дается человеку один раз: умрешь — больше не воскреснешь. А наши юноши и девушки ради жизни других не прочь пренебречь даже собственной. Многие девушки вышли замуж за солдат-инвалидов, решив до конца жизни быть их «руками и ногами». Их число так велико, что не перечислишь всех имен. Среди членов ССТМ была и та благородная девушка, которая еще незамужней взяла на себя роль матери сирот. В других странах молодые люди всячески стараются достать виды на жительство в столице, а наши юноши и девушки без колебания уходят из родной столицы на добровольный труд в деревню, на шахту, в места покорения суровой природы. Таких молодых людей хотелось бы, честное слово, посадить на циновки, сплетенные из золотых ниток.

Газеты, радио и телевидение сообщают о прекрасных примерах коммунистической нравственности молодежи наших дней.

Каждый раз, когда узнаю об этом, я невольно перебираю в памяти огромнейшие усилия корейских коммунистов, вложенные в молодежное движение, размышляю о СССМ — замечательной наследнице его традиций. То, что среди молодежи нашего времени то и дело появляются прекрасные примеры, трогающие струны сердца всех людей мира, входит в заслугу СССМ. Так можно оценить его дело. Большая армия молодежи, прошедшая школу организационной закалки, — это действительно намного мощнее, чем атомная бомба.

На свете не найдешь более плодотворного, почетного дела, чем работа с молодежью. Если бы на мою долю выпало счастье снова начать свою жизнь и мне было дано право на новый выбор профессии, то я без оглядки окунулся бы в океан работы с молодежью, как в гиринские годы...

После роспуска партизанских районов мы снова послали немало подпольщиков во вражеские районы. Направляя своих людей в Аньту, Дуньхуа, Фусун, Чанбай, Линьцзян и другие места, мы в то время решили создать Ляоцзибяньский главный уком комсомола и активно вести подпольную работу с молодежью в районах, контролируемых врагом. Ляоцзибянь — это окраины Ляонина, Гирина и Цзяньдао. Кроме того, мы вынашивали далеко идущий замысел создать подпольные молодежные организации в первую очередь в Мусане, Капсане, Пхунсане, Хвэрене и других северных пограничных районах Кореи и дальше разветвить их сеть в Пхеньяне, Сеуле, Пусане и в других районах средней и южной частей страны.

Чтобы реализовать этот план, Чо Дон УК, секретарь Ванцинского укома комсомола, проник во вражеский район в должности секретаря Ляоцзибяньского главного укома комсомола.

Чо Дон УК имел богатый опыт комсомольской работы. За участие в восстании 30 мая (1930 г. — ред.) он более года томился в Харбинской тюрьме, которая была в то время тюрьмой №3 в провинции Гирин. Мне сказали, что за решеткой он

учился китайскому языку, вступил в комсомол. Окончив только среднюю школу, он был довольно эрудирован и пытлив в обучении. Чо Дон УК по поручению Нинаньского укома комсомола был направлен в отряд Армии спасения отечества и занимался комсомольской работой. Потом он, взяв с собой вооруженную группу из 40 с лишним человек, к сентябрю 1932 года перешел в Ванцин.

Первая моя встреча с ним состоялась, помню, осенью того года. Мы назначили его инструктором по комсомольским делам в отряде особого назначения под командованием Ли Гвана и причислили к этому отряду вооруженных людей из Нинаня. За семьей Чо Дон Ука были посланы бойцы в Северную Маньчжурию. Чан Ги Соб, его названный отец, был честным членом партии, за что его называли «батей-коммунистом».

Чо Дон УК не только стал непосредственным очевидцем переговоров между мной и У Ичэном, но и вместе с Ван Жуньчэном активно помогал мне во время их проведения. После переговоров я направил его и Вана в объединенную канцелярию антияпонских отрядов в городок Лоцзыгоу.

Чо Дон Ук и Ван Жуньчэн побратались со связными офицерами китайских антияпонских отрядов из разных районов. Они даже сумели создать среди офицеров средних, младших рангов и солдатских масс ячейку компартии и первичную организацию комсомола.

Работа в названной объединенной канцелярии еще более усовершенствовала мастерство Чо Дон Ука в политической деятельности. В зоне, контролируемой врагом, он нашел свою первую опору в Лянцзянкоу уезда Аньту. Здесь он, имея небольшой магазинчик, начал «бизнес». В торгточку заходили военнослужащие марионеточной армии Маньчжоу-Го, и с ними Чо Дон Ук очень умело вел работу. Побратавшись с пятнадцатью офицерами среднего, младшего звена и солдатами, он сумел завоевать на свою сторону целую роту. Рота, совершив по

призыву Чо Дон Ука переворот, бежала в лес.

Чо Дон Ук пошел в Чэчанцзы, чтобы установить связь между партизанами и бунтовавшими солдатами, скрывавшимися в лесу. Но там леваки попытались его арестовать, заподозрив его в соучастии в «Минсэндане».

Позже он вспоминал, как все это было в то время:

— Тогда меня остановили эти леваки из ВМООК. Они допытывались: «Знаешь, Сон Ир оказался «минсэндановцем». Его казнили. А когда он был секретарем Ванцинского укома партии, ты работал под его руководством, был секретарем того укома комсомола. Сон Ир был «минсэндановцем», значит, и ты такой же, не так ли? Лучше бы тебе заранее выложить правду, пока не изобличим тебя сами». Так грозили. Я решил совершить побег. Мою решимость поддержала и товарищ Ким Чен Сук, которая подавала мне еду. Она дала мне и денег на дорогу. Только благодаря этому я вернулся в Лянцзянкоу, а потом уже с матерью переправился в Корею.

И после этого он продолжал работу с молодежью в различных районах Кореи...

Дух Ким Чжина[6] унаследовал Ли Су Бок[7], пульс его сердца передался Ким Гван Чхору[8] и Хан Ен Чхору[9]. Подобно этому жизненная артерия комсомола соединилась с демсомолом, а его эстафета теперь в твердых руках ССТМ. В ряде стран молодежь, учащиеся становятся головной болью для общества и, играя роль пособника контрреволюционеров, идут на разрушение памяти великих свершений, завоеванных дедовскими поколениями. А наша молодежь непоколебимо стоит твердыней и щитом в продолжении дела революции, начатого старшим поколением.

Сейчас в рядах ССТМ много миллионов юношей и девушек, беззаветно верных руководству секретаря ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ира. Их руками наша Родина XXI века станет более счастливым краем.

4. Ответ на трагедию в Сыдаогоу

Дни шли в хлопотах. Мы вели дела, связанные с ликвидацией партизанских районов. Однажды к нам в Яоингоу пришел связной из подпольной организации Лоцзыгоу и сообщил мне о подробностях трагического события в Сыдаогоу. Новость была ужасной: Цзинъаньская армия, дислоцированная в районе Лаохэйшаня, превратила село Сыдаогоу буквально в «выжженную землю» и уничтожила всех его жителей. Роль наводчика в погроме сыграл отряд комбата Вэня.

Достоверность сообщения не вызывала сомнений, однако у меня это просто не укладывалось в голове. Не мог поверить до конца, что комбат Вэнь, нарушив свое обещание, привел Цзинъаньскую армию на кровавую бойню. Между комбатом Вэнем и нашим отрядом в то время поддерживалось, с точки зрения наших дней, что-то вроде наступательно-оборонительного союза. Мы пошли на сотрудничество с комбатом Вэнем, помню, сразу после боя в Лоцзыгоу...

Однажды мы получили информацию от подпольной организации, действующей в контролируемом врагами районе. Сообщалось, что обозное подразделение марионеточной армии Маньчжоу-Го отправилось из Байцаогоу в Лоцзыгоу. Мы устроили засаду под Цзигуаньлацзы. В ходе боя все конвойные транспортного отряда противника были взяты в плен, даже не оказав заметного сопротивления. Среди пленных был и комроты по фамилии Те, находившийся под командой комбата Вэня. Взятый в плен революционной армией, он ничуть не выглядел подавленным. Беспечно улыбаясь, пленный

отнесся к происшедшему весьма спокойно, как будто так все и должно было быть.

— Ты ведь офицер, почему же сдался без сопротивления? — спрашивал я того чудака.

— Незачем сопротивляться. Район этот контролируется «корёской красной армией». Так лучше уж поднять руки, коль все равно не победишь в бою.

Как и нинанцы, он назвал КНРА «корёской красной армией».

— И еще: вся Маньчжурия знает, что «корёская красная армия» не убивает пленных, — добавил он.

Комроты Те происходил из бедных крестьян. Услышав о том, что в войсках Маньчжоу-Го платят большое жалованье, он встал под ружье. Мечтал хотя бы заработать деньги на свадьбу. Некоторые товарищи говорили, что он слишком неопытен в житейских делах. Но была возможность, что он сможет жить честно даже в положении офицера марионеточной армии Маньчжоу-Го. Нужно было только оказать на него нужное воздействие. Мы побеседовали с пленными, а потом решили отпустить их.

Но в тот момент пленный комроты обратился ко мне с просьбой:

— Господин командир, вы не могли бы вернуть нам деньги и ружья? А все остальные грузы на повозках возьмите, пожалуйста. Если мы вернемся с пустыми руками, то нельзя будет выплатить солдатам жалованье... И не исключено, что комбат Вэнь расстреляет нас.

Я разрешил пленным вернуться в Лоцзыгоу невредимыми, со всем своим имуществом. Наши товарищи провожали их.

— Эх, друзья, зря мы потратили патроны да и время для сна, — шутили они.

— Друг мой, стрельни несколько раз в этот мешок с *сэнкири* (сушеная нарезанная редька), — сказал Те нашему комроты Ли

Хё Соку и протянул ему целый ящик патронов. Он явно был тронут нашим великодушием. Ли Хё Сок не взял ящика, а погрузил обратно на повозку. Конвойные сами выстрелили несколько раз в мешок с редькой, потом разрядили винтовки, бросили все патроны, обернутые носовыми платками, и поспешно уехали.

После этого комроты Те снискал особое доверие комбата Вэня. Каждый раз, когда направлялись транспортные обозы, комбат Вэнь поручал конвой роте Те. Это потому, что все другие роты возвращались с пустыми повозками, а комроты Те всегда возвращался благополучно и в полной сохранности доставлял грузы до места.

На другие транспортные обозы мы налетали, но отряд комроты Те никогда не трогали. Каждый раз, отправляясь за грузами, он заранее посылал к нам своих подчиненных и сообщал время, число и место прохождения подвод и их приметы. Между прочим, комбат Вэнь знал, что комроты Те находится под опекой Народно-революционной армии.

Однажды комроты Те мимоходом сказал комбату Вэню: «Наша рота действует в Лоцзыгоу, находясь под защитой Народно-революционной армии. Раз так получилось, то, думаю, неплохо бы нашему батальону заключить с отрядом командира Кима наступательно-оборонительный союз и действовать в полной безопасности. Как вы думаете?» Комбат вначале даже дернулся, как будто случилось что-то страшное, но в конце концов совесть его проснулась и он охотно согласился с его предложением. Он решил, что это очень хорошая мера для самосохранения. Об этом нас проинформировал комроты Те. Комбату Вэню было передано, что мы согласимся на заключение союза с его батальоном при условии, что он не будет посягать на жизнь и имущество населения. Итак, без переговоров и подписей было заключено необычайное, можно сказать, «джентльменское

соглашение».

Наступательно-оборонительный союз, заключенный между нашим отрядом и батальоном Вэня, вышел за пределы истинного понятия совместного наступления и совместной обороны обеих сторон во взаимодействии. Он приобрел переносный смысл: два военных коллектива обязались не нападать друг на друга, поддерживать доброжелательные отношения. Обе стороны союза уважали интересы друг друга, укрепляли взаимное сотрудничество, так что между ними складывались добрые отношения без каких-либо заметных конфликтов. Мы со всей строгостью соблюдали принцип ненападения, а комбат Вэнь, в свою очередь, не раз присылал нам, революционной армии, большое количество патронов, провианта, обмундирования. Они даже передавали нам важную военную информацию о передвижении японских войск.

Этот союз не давал основания поверить в то, что комбат Вэнь привел Цзинъаньскую армию на карательную операцию в Сыдаогоу. Я послал своего связного к командиру роты Те, чтобы узнать, как на самом деле обстояло дело. Сообщение связного подтвердило, что все происшедшее было фактом: и трагедия в Сыдаогоу, и предательство комбата Вэня. Те сообщил нам о том, что под давлением японского босса Вэнь начал нарушить заключенный с нами союз.

Мы были вынуждены дать должный ответ на измену комбата Вэня и на трагедию в Сыдаогоу, в сотворении которой роль наводчика взял на себя Вэнь. Каждый день долетали в штаб голоса, призывы к отмщению. И командиры агитировали бойцов за реванш, призывая отомстить за кровь, пролитую жителями села Сыдаогоу. «Бешеную собаку надо укрощать дубинкой» — это изречение было в ходу бойцов революционной армии.

Требование бойцов я считал справедливым. Не разгромив отряд Цзинъаньской армии в Лаохэйшане и марионеточные

войска Маньчжоу-Го в Лоцзыгоу, нельзя было гарантировать безопасность жителей этих районов. Вместе с тем нельзя было оказывать военную поддержку деятельности сельских подпольных организаций и обеспечить успешное вступление Народно-революционной армии в Северную Маньчжурию. Да и в работе по роспуску партизанских районов нам пришлось бы столкнуться с неразберихой. Ведь в Лоцзыгоу, после ликвидации партизанских районов, должны были бы переселиться жители из Ванцина и Хуньчуня.

Мы решили одновременно напасть на Цзинъаньскую армию и на отряд комбата Вэня. Для пополнения недостающего личного состава мы отозвали в Ванцин 1-й Яньцзиский полк и отдельный полк, действовавший в Чэчанцзы. Отдельный полк форсированным маршем добрался до Танщуйхэцзы с разбросанными хуторами, где мы дислоцировались. Бойцы полка шли до места дней пять, съедая во время пути за каждый прием только по одному хлебцу. Большинство руководящих кадров этого полка, в том числе и его командир Юн Чхан Бом, обвиненные в причастности к «Минсэндану», были убиты. Роты к нам привел начальник штаба полка. Настроение бойцов, потерявших своих командиров, было сильно подавленным.

В то время мы организовали боевую операцию в Чжуаньцзяолоу. В бою приняли участие подразделения отдельного, 1-го Яньцзиского и 3-го Ванцинского полков. Нужно было подавить силы марионеточной армии Маньчжоу-Го и отряда самоохраны, которые, гнездясь в земляной крепости, совершали всевозможные злодеяния. Без этого нельзя было проложить путь к Лоцзыгоу.

После боя в Чжуаньцзяолоу революционная армия по составленному оперативному плану рейда в Лоцзыгоу начала среди бела дня форсированный поход в направлении Сыдаогоу, Саньдаогоу и Тайпингоу, которые были назначены отправными пунктами. Партизаны преодолели более 80 километров, питаясь

жидкой похлебкой, но настроение у бойцов было чрезвычайно приподнятым.

Сыдаогоу на самом деле было превращено в «идеальную деревню» ветеранами Армии независимости, такими, как Ли Тхэ Ген, и передовыми людьми — выходцами из Армии справедливости. Поселение называли и Сыдаохэцзы, и Шанфанцзы. Позже мы с Ли Гваном превратили его в революционное село. При помощи Ли Тхэ Гена создали в поселении организации Антияпонского общества, Крестьянского общества и Революционного общества взаимной выручки. Мы часто бывали в Сыдаогоу, и поэтому жители Лоцзыгоу и прилегающих к нему деревень называли его в то время «штабом компартии». Теплое отношение и чувство любви местных жителей к Народно-революционной армии было действительно чрезвычайным. Встречать партизан, узнав о прибытии революционной армии, выбегали, даже не успев обуться, босыми. Я не раз восхищался их горячими приветствиями.

Вблизи Сыдаогоу было село Саньдаохэцзы — известное революционное село, находившееся под нашим сильным влиянием. У подножия горы, находящейся на западе от Саньдаохэцзы, стоял винокуренный завод, управляемый китайцами. Мы с Чжоу Баочжуном часто бывали на этом заводе, встречались там с руководителями подпольных революционных организаций и местными жителями.

Наша неизменная привязанность к жителям Сыдаогоу была так же велика и полна, как течение реки Суйфэньхэ. Но теперь все село оказалось выжженным, остались лишь пепелище и руины, люди легли костьми под землю. Дом Ли Тхэ Гена жилплощадью восемь *канов,* стоявший за холмиком, также сгорел, остались только каменные подушки фундамента. Именно в этом доме год назад, в канун рейда на Лоцзыгоу, мы проводили оперативное заседание вместе с Чжоу Баочжуном и другими командирами Армии спасения отечества.

Ли Тхэ Ген, построив около бывшего своего дома школу, прилагал все силы к обучению подрастающего поколения. Кажется, еще раздаются винтовочные выстрелы ужасной трагедии, словно слышатся душераздирающие крики пострадавших, но старик с твердой волей начал свою педагогическую деятельность. Он укрыл у себя дома сына своего друга из Армии независимости, который, к великому счастью, вышел живым из ужасной трагедии в Сыдаогоу. В тот день, рассказал парень, он возвращался домой после поездки. И с вершины горы, с которой просматривалась вся деревня Сыдаогоу, видел все злодеяния солдат Цзинъаньской армии.

Поводом для инцидента в Сыдаогоу послужил неоправданный допрос комсомольца Со Иль Нама, подпольщика из города Лоцзыгоу. Его заподозрили в хищении товаров из магазина и посчитали «минсэндановцем». Потом его, арестованного, подверг пристрастному допросу руководитель революционной организации Сыдаогоу. Сколько ни производили расследований, не было улик в причастности его к «Минсэндану». В конце концов те, кто арестовал парня, на время освободили его и стали следить за каждым его шагом.

Возвратившись домой, Со Иль Нам начал возмущаться: «Видите, ни в чем не повинного человека они обвиняют в причастности к «Минсэндану», подвергают пыткам». Узнав о его возмущении, начальство решило снова арестовать недовольного и наказать его как «минсэндановца». Услышав о зловещей затее, Со Иль Нам убежал и перешел в стан врага. Распаленный жаждой мести тем, кто угнетал и пытал его, рассказал о подпольной революционной организации в Сыдаогоу.

Тайна, выданная Со Иль Намом, была как нельзя кстати для убийц из Цзинъаньской армии, которые в те дни готовились к новогоднему празднику в Лоцзыгоу. На рассвете 15 января 1935 года по лунному календарю более ста карателей, незаметно окружив Сыдаогоу, начали безжалостно убивать

жителей кинжальным огнем из станковых и ручных пулеметов. Подожгли все жилые дома, а сельчан, выбегавших из горящих домов, убивали штыками и бросали в пламя. Убили всех — от детей до стариков. Всего за час враги превратили село в сплошное пепелище.

Из Саньдаохэцзы прибежал на место происшествия староста стадворика, который увидел только восьмерых корейских детей, чудом уцелевших в ужасной бойне и плачущих среди груды трупов. Староста обсудил с жителями соседней деревни, как поступить с сиротами. Решили разобрать детей по семьям. И староста тоже привел к себе домой одного сироту. В наш отряд вступили три юноши, спасшиеся от ужасной бойни.

Мы все скрежетали зубами, слушая рассказ об этом погроме. Причиной случившейся трагедии было, несомненно, левацкое безрассудство тех, кто жестоко обошелся с Со Иль Намом, обвинив его в причастности к «Минсэндану». Мы осыпали проклятиями прежде всего убийц из Цзинъаньской армии, которые превратили Сыдаогоу в море крови.

Массовое убийство в Сыдаогоу — вершина варварства, гнусности и жестокости. Все это могло свершиться только по указке и науськиванию японских империалистов. Каких только злодеяний не творили они, потомки безжалостных разбойников! Да, именно эти разбойники в прошлом, ворвавшись в королевский дворец чужой страны, безжалостно убили королеву и, скрывая следы преступления, сожгли даже труп убитой.

В детстве я, слушая рассказ отца об инциденте года Ыльми (1895 г.) не мог сдержать своего гнева и возмущения. Женщина, которая была убита в королевском дворце и труп которой не был найден, была королевой Мин, названной императрицей Менсон, что родила Сунчжона, последнего короля Кореи. Мин, державшая в руках всю государственную власть в Корее, стала руководителем пророссийской группировки и придерживалась позиции

выступления против сил Японии. Растерявшиеся правители Японии собрали свору убийц из своих гарнизонных войск, полицейских, гангстеров, хулиганов во главе с Миурой, японским посланником в Корее и организовали их налет на королевский дворец Кенбок.

Пособники Миуры рассекли королеву Мин японской шашкой, сожгли труп и бросили останки в пруд, чтобы не оставлять следов своего преступления.

Вообще-то корейцы не очень-то уважали королеву Мин, потому что считали ее главной виновницей политики открытых дверей, которая привела страну к гибели. Были такие люди, которые не одобряли ее за то, что она, будучи снохой королевской семьи, вошла в сговор с внешними силами и лишила власти свекра Тэвонгуна. Были и такие наивные люди, которые думали, что продолжение еще на 20 или 30 лет политики закрытых дверей Тэвонгуном спасло бы нашу страну от колониальной зависимости. Значит, нетрудно понять недоброе отношение народа к королеве Мин. Пусть она не снискала доверия народа, но все равно — политика есть политика, королева есть королева. Она была одной из гражданок Кореи, главой королевской семьи и представительницей государственной власти, проводившей политику в стране, представляя короля Кочжона. Стало быть, варварство японских правящих кругов, спровоцировавших инцидент в год Ыльми, есть не что иное, как разбойное посягательство на суверенитет нашего народа и нарушение традиционных достоинств королевской династии. Лишним было бы говорить, что корейцы, отличающиеся высоким духом национального достоинства, сильным чувством гражданского долга, уважения к королю, не смирились с этим.

К тому же был отдан, а затем насильственно исполнен приказ о короткой стрижке волос. В результате копившийся национальный гнев, наконец, взорвался, как вулкан. Наш народ ответил на инцидент года Ыльми и на приказ о короткой стрижке

сопротивлением Армии справедливости.

И в году Кенсин (1920 г. — ред.), известном как год большого погрома в Цзяньдао, японская армия совершила в Маньчжурии массовое истребление корейцев. Это было невиданным взрывом вакханалии убийств, которой японцы хотели смыть с себя позор большого поражения в Фэнвудуне и в Циншаньли[10] — кровавой расправой с мирным населением Кореи в Маньчжурии. В те дни одни части японских войск, отказавшись от похода в Сибирь, продвигались на юг, а другие направлялись из Ранама на север в Маньчжурию. Везде и всюду, куда ступала их нога, корейские поселки превращались в пепелища и совершалось массовое истребление молодежи и людей среднего возраста. Они сжигали трупы, облив их керосином, как в свое время самураи поступили с трупом королевы Мин, чтобы уничтожить следы своих преступлений...

В 1923 году большое землетрясение ввергло в катастрофу район Канто. История помнит не только стихийное бедствие, порожденное сдвигом земной коры, но и искусственные беды, навязанные корейской нации ультранационалистами Японии. Они увидели в этом катастрофическом землетрясении хороший предлог для расправы с корейцами. Японские гангстеры повсеместно рубили почем зря корейцев японскими саблями, кололи бамбуковыми копьями. Они старались выделить корейцев среди массы людей, от тех, кого можно было по внешнему виду спутать с японцами, бесцеремонно требовали произносить слова «дзюгоиен годзюгосен (пятнадцать *иен* и пятьдесят пять *сен)».* И тех, кто не мог свободно произнести эти слова, считали корейцами — всех их, без исключения, делали жертвами бойни. Только за первые восемнадцать дней нагрянувшего бедствия наша нация потеряла более шести тысяч человек убитыми. Это лишь частица преступлений японских милитаристов против корейского народа на отрезке современной истории Японии, запятнанной фактами убийств и грабежей. Частично такую

же картину подобной трагедии воссоздали в этом небольшом поселении Сыдаогоу.

— В поселении же была подпольная организация! Почему вы были так небдительны? — спросил я старика Ли Тхэ Гена, досадуя и сожалея.

На самом деле это был нелепый вопрос. Даже если бы проявили высокую бдительность, все равно они не смогли бы ничего предпринять. В селе не было постоянного вооруженного партизанского отряда, а, следовательно, нельзя было организовать караульную службу. Допустим, люди стояли бы на часах, но что они могли бы сделать? Ведь крупные вооруженные силы врага тайком ворвались в село под покровом предрассветной тьмы.

— Извините, Полководец, мы, честно говоря, были слишком беспечными. Во многом виноваты старики, такие, как я. До сих пор мы спокойно жили под защитой революционной армии и, видимо, забыли о том, что мы — люди, лишенные Родины, мы — народ страны, которая ведет войну за свою независимость. А кое-кто из стариков села Сыдаогоу даже был поклонником Ганди.

Ли Тхэ Ген криво усмехнулся, будто бы сказал никчемные слова. Я удивился. Правда ли, что в этой горной глуши жил поклонник Ганди?!

— По какому поводу этот старик стал преклоняться перед Ганди?

— Говорят вот о чем. Однажды какой-то джентльмен переехал к нам из Кореи. Пришелец и рассказал ему о Ганди. Он даже показал письмо Ганди, которое было помещено в корейской газете. Каждый раз, бывая в гостях у сельчан, тот старец твердил о том и о сем — о насилии, о ненасилии, вдалбливал концепцию достижения независимости без кровопролития.

В годы ученичества в Гирине и я прочитал письмо Ганди, помещенное в газете «Чосон ильбо», и вместе с Пак Со Симом порассуждал об идее непротивления. Приведу текст письма.

Дорогой друг!

Я получил ваше письмо. Я желаю, чтобы Корея стала страной корейцев абсолютно нормальным путем, путем непротивления. Это моя единственная просьба к вам.

26 ноября 1926 года, Сабармати

М. К. Ганди

Как показывает письмо, Ганди проповедывал корейцам концепцию достижения независимости страны методом непротивления злу. Как выяснилось, какой-то непротивленец, очарованный образом мышления Ганди, послал ему письмо.

В то время среди корейских юношей и девушек в Гирине не было таких, кто воспринял бы идею Ганди как близко к сердцу. Да среди них и не могло быть такого глупого фантазера, который бы поверил, что независимость страны будет подарена жестокими, жадными японскими империалистами в ходе ненасильственной формы движения за неповиновение. Однако образ мышления Ганди получил определенный резонанс и поддержку в кругу некоторых деятелей национального движения, которые отказались от вооруженного сопротивления и отошли от борьбы за независимость.

Ганди заявлял, что он ненавидит господство Англии, но у него нет намерения трогать ни одного англичанина и что силой, призванной удержать организованное насилие правительства Англии, является организованное ненасилие. Можно сказать, что эта идея Ганди нашла широкий отклик среди индийского народа, привлекая его высоким духом гуманизма. Не знаю, насколько она соответствовала реальной действительности Индии. Допустим, что она и оправдала себя. Но в Корее и в Индии, которые служили интересам разных великих держав Азии и

Европы как своим метрополиям, в движении за независимость невозможно было, конечно, применять одни и те же рецепты. Индия — это Индия, а Корея — это Корея.

Было непонятным, как в районе Лоцзыгоу, где военно-политическая деятельность Народно-революционной армии развертывалась наиболее активно, жил человек, который надеялся добиться независимости без кровопролития.

— Думаю, старик в свой смертный час наконец-то понял всю глупость теории достижения независимости без кровопролития. Как печально, если он, не осознав этого, ушел на тот свет! Японцы все более распоясываются в предвкушении крови, а он, глупец, говорит о борьбе без кровопролития...

Старик Ли Тхэ Ген не докончил фразы и сжал дрожащие кулаки.

— Вы правы. Противостояния разбойникам без кровопролития быть не может. Бешеную собаку надо укрощать дубинкой.

— Полководец, жизнь корейцев стоит слишком дешево. До каких еще пор так жить нашей белоодежной нации? Прошу, отомстите за кровь жителей Сыдаогоу. Если вы отомстите этим врагам, я смогу умереть со спокойной душой, мирно закрыв глаза.

Провожая меня, он все повторял и повторял просьбу отомстить врагу.

— Не забуду об этом. Если мы вернемся, не отмстив за кровь жителей Сыдаогоу, то, пожалуйста, не пускайте нас во двор этого дома.

Мы отправились рейдом на Лоцзыгоу, полные твердой решимости занести меч над головами убийц.

Всю жизнь я боролся и борюсь за достоинство нации. Можно сказать, весь мой жизненный путь — это история борьбы за отстаивание достоинства и самостоятельности нации. Я никогда не мог простить тех, кто причинил нашей нации вред и посягнул на суверенитет нашей страны. Я не мог примириться и с теми, кто презрительно относился к нашему народу или надру-

гался над ним. Мы установили добрососедские отношения и жили в дружбе с теми, кто дружески относился к нам. К тем же, кто был недружелюбен и пытался дискриминировать нас, мы повернулись спиной. Если нас били, били и мы, а на улыбку отвечали улыбкой. Отвечать на хлеб хлебом, на камень камнем — таков принцип взаимности, которого я придерживался всю жизнь.

В прошлом бездарное феодальное правительство Кореи в отношении японцев, находившихся в нашей стране, применяло право экстерриториальности. Сегодня в Южной Корее американские войска нарушают законы, но ее правители не используют силу закона и смотрят на все сквозь пальцы. Подобно этому, в давние годы феодалы Кореи не наказывали японцев по корейским законам за их грубые посягательства на жизнь и имущество нашего народа. Считалось правильным к японцам применять только японские законы. Но в районе, где действовала Корейская Народно-революционная армия, не допускалось право экстерриториальности. У нас были установлены наши собственные законы, исключающие любые формы посягательства на интересы корейской нации и на территорию Кореи. Согласно этим законам убийцы, сотворившие ужасную трагедию в Сыдаогоу, не могли оставаться безнаказанными.

Мы запланировали прежде всего захватить в весенний праздник *тано* Сишаньский форт, а затем сразу войти в городок Лоцзыгоу. Наши боевые силы укрепились с прибытием Хуньчуньского полка.

Колонны революционнойармии продолжали марш в сторону Лоцзыгоу. Во время похода передо мной появились вместе с комроты Те бойцы Ванцинского полка, которые вернулись после разведки в город.

Цель неожиданного приезда Те — проинформировать нас о настроении комбата Вэня.

— Наш комбат Вэнь получил сообщение о том, что

Народно-революционная армия окружит Лоцзыгоу и совершит налет, — сказал Те. — Он теперь трепещет от страха. Вэнь в свое оправдание говорит: «К нам пришли солдаты Цзинъаньской армии. Они требовали указать, где находится Сыдаогоу, и я только велел подчиненному указать село, совсем не предполагал, что произойдет такая трагедия. Если я и виноват, то только в том, что под давлением япошек привел в Сыдаогоу Цзинъаньскую армию и вовремя не запретил солдатам грабить жителей. Только в этом моя вина. Как же я мог умышленно нарушить свое обещание командиру Киму? Очень прошу извинения».

Выслушав комроты Те, я со всех сторон взвесил его слова. Да, комбат Вэнь не предотвратил мародерство своих солдат, приказал подчиненному привести Цзинъаньскую армию в село. Этим он, несомненно, нарушил данное нам обещание. Однако его можно было бы судить с великодушием. Ведь это дело рук офицера марионеточной армии, того, кто живет с оглядкой на японского хозяина.

«Если свернем голову комбату Вэню, — думал я, — то какие будут последствия? Тогда наш наступательно-оборонительный союз совсем развалится. В Лоцзыгоу прибудет новый отряд, не сравнимый с батальоном Вэня по своей жестокости. Враги, несомненно, так и поступят, хотя бы мы и хотели иного. Это станет предпосылкой второй, третьей, четвертой трагедии в Сыдаогоу. Кроме того, наши старания эвакуировать в район Лоцзыгоу население партизанских районов Ванцина и Хуньчуня могут пойти насмарку. И, несомненно, наше намерение и дальше удерживать в своих руках район Лоцзыгоу как стратегический опорный пункт КНРА натолкнется на серьезные препятствия. Что тогда делать?»

Я решил не карать комбата Вэня, а продолжать перетягивать его на нашу сторону. Однако решил нанести удар по Цзинъаньской армии в Лаохэйшане и тем самым показать, какая

участь ждет тех, кто не дает покоя народу. По донесению разведчиков, направленных в уезд Дуннин, в Ванбаоване под Лаохэйшанем гнездилась одна усиленная рота Цзинъаньской армии. Это было сборище именно тех убийц, которые превратили Сыдаогоу в «выжженную землю». Наши разведчики также узнали, что эта рота является одним из экспедиционных отрядов, принадлежащих к пресловутой части Ёсидзаки.

Я сказал комроты Те о нашем решении:

— Народно-революционная армия воздерживается от плана рейда в Лоцзыгоу. Факт, что комбат Вэнь нарушил договоренность с нами. Но мы пока еще не утратили надежду на него. Комбат Вэнь опять выразил свою решимость быть верным нашему наступательно-оборонительному союзу. Но интересно, чем он будет гарантировать свои слова? Если его клятва верна, его первая обязанность — обеспечить безопасность бойцов Народно-революционной армии, когда они в праздник *тано* проведут в городе Лоцзыгоу совместные спортивные состязания армии и народа. Вы возвращайтесь и передайте, пожалуйста, наши слова комбату Вэню. Мы же здесь будем ждать его ответа.

После возвращения к своим Те послал нам сообщение о том, что комбат Вэнь принял все наши требования.

Наши полки быстро перешли от боевого порядка к подготовке праздничных торжеств. Мастера боевых операций, составившие проект рейда в Лоцзыгоу, в хлопотах проводили подготовку к спортмероприятию: выбирали виды спорта с учетом наклонностей и настроений бойцов и местных жителей, продуманно создавали спортивные команды, чтобы продемонстрировать силу единства армии и народа. Таким образом, были организованы совместные спортивные состязания армии и народа, которые с большим успехом были проведены в самом центре Лоцзыгоу — города, где дислоцированы вражеские войска. Стало быть, войска противника, призванные «карать» революционную армию, охраняли ее. Такого прецедента пока еще не

знает история войн.

В тот день вышли на улицу и любовались спортивными состязаниями даже подпольщики. У солдат батальона Вэня кружилась голова от необычайных праздничных торжеств. Настроение жителей, упавшее после трагедии в Сыдаогоу, снова пошло в гору во время праздника в день *тано.* Эти спортивные состязания военнослужащих и жителей убедительно показали всему миру нашу неизменную позицию и волю — мы всегда готовы установить дружественные отношения с той армией, которая не посягает на интересы народа, независимо от ее принадлежности и названия.

В Тайпингоу мы провели совещание командиров, в котором приняли участие военные и политические работники, в том числе политруки и выше. На нем был составлен конкретный план боя в Лаохэйшане. После этого мы торжественно провели траурный митинг в память жертв трагедии в Сыдаогоу. Митинг значительно усилил чувство жажды мести у командиров и бойцов революционной армии.

Мы разгромили «Хунсютоу» в Лаохэйшане. Это было, помню, в середине июня 1935 года. «Хунсютоу» — прозвище Цзинъаньской армии, которое дали ей местные жители Маньчжурии. Кажется, потому, что ее солдаты церемонно нацепляли на рукава красные повязки.

В то время наши бойцы сумели хитростью выманить противника из Ванбаованя, что под Лаохэйшанем. Эти вояки Цзинъаньской армии в дни нашего первого похода в Северную Маньчжурию неотступно, по пятам преследовали нас. Именно эти отвратительные гады сотворили ужасную трагедию в Сыдаогоу.

Вначале мы направили небольшой отряд, чтобы завязать бой с солдатами Цзинъаньской армии. Но чуткий противник не желал вступать в бой. Не знаю, откуда они пронюхали, что к ним пришел наш отряд. Через жителей села мне стало известно, что

Цзинъаньская армия только зимой идет на карательные операции против партизан. Летом же по возможности избегает стычек с революционной армией и нападает лишь на лесные отряды и местных бандитов.

Чтобы разбить Цзинъаньские войска, нужно было прежде всего вытащить их из логова. И мы решили применить тактику выманивания. Демонстративно, среди бела дня, чтобы видели враги, мы передвинули свой отряд в Лоцзыгоу. Нужно было исхитриться, чтобы они поверили, будто мы ушли куда-то в другое место. А ночью скрытно переместили отряд в лес вблизи Ванбаованя, где дислоцировались Цзинъаньские войска.
Там наши бойцы устроили засаду. Потом более десятка наших партизан, знающих китайский язык, переоделись в форму бойцов лесного отряда и отправились в Ванбаовань. В деревне они выдали себя за распоясавшихся грабителей, захватили у крестьян осла, растоптали ногами домашний скарб, разрушили оградные плетни, а потом уже вернулись в свой отряд.

Однако в первый день, странное дело, противник почему-то не клюнул на нашу удочку. Нам пришлось на месте засады даже поужинать кое-как всухомятку. Делать это было, конечно, неудобно. Комары не давали нам покоя. Было очень тяжело дожидаться утра. Раньше я слышал, как работали Ли Гван Рин вместе с Чан Чхоль Хо в горах Пэкту: комары кусали так яростно, что им приходилось пропалывать картофельные поля, обмотав головы гирляндами из полыни. А в Лаохэйшане и мучили еще москиты. Бойцы шлепали ладонями по своим щекам и заплечьям. «Ой, какие же они злые москиты, прямо-таки похожи на «Хунсютоу», которые здесь, в Лаохэйшане, — ворчали они, — вонзают в людей свои ядовитые иголки».

И на следующий день группа партизан, призванная заманить в ловушку противника, снова спустилась в село Ванбаовань. Там группа вновь выдала себя за лесной отряд и опять вернулась к себе. При уходе из села бойцы, захватив двух-трех кур у более

или менее зажиточных крестьян, притворились, что удаляются. Лишь тогда солдаты Цзинъаньской армии кинулись ордой и начали преследовать уходящую группу. В тот день, наверное, местные жители немало посетовали на налеты лесного отряда.

Цзинъаньская армия, действительно, хорошо знала партизанские приемы ведения боя. Знала все — как партизаны нападают на обозы противника, как штурмуют укрепления городка. Обмануть такого врага так же тяжело, как надеть узду на воробья. Но несомненно, что бойцы нашей отвлекающей группы удачно выступили в роли хулиганов лесного отряда.

И ныне в моей памяти живо встает эпизод боевых действий того времени. Это было на второй день засады. Я дремал, изнуренный усталостью. Меня разбудила жена Ким Тхэк Гына. И прежде, когда в ущелье Шилипина я страдал от жаркой лихорадки, она вместе со своим мужем заботилась обо мне, словно медсестра. Так сказать, выполняла должность адъютанта. В ту минуту она, показывая мне какую-то нарванную ею широколиственную траву, сказала: «Трава-то выглядит съедобной, но не знаю, как называется». Была похожа на астру. Я сказал ей: «Давайте назовем ее «медвежьей астрой». Потому что такая трава растет там, где обитает много медведей». После освобождения страны я имел возможность вновь попробовать эту траву в Тэхондане.

Наконец, враги попали в засаду революционной армии. Они, тревожно оглядываясь вокруг, наверняка думали про себя: «Попадем здесь в окружение, приятного не будет». Когда весь отряд неприятеля втянулся в горное ущелье, я выстрелил, что означало сигнал к бою. Взяв на прицел японского инструктора, тотчас же сразил его пулей. Противник, почти не сопротивляясь, был моментально разгромлен. Прежде чем враг, прячась за окружающие предметы, пытался хоть как-то сопротивляться, партизанские агитаторы успели прокричать по-китайски: «Долой японский империализм!», «Брось оружие — спасешь шкуру!»

Ошеломленные партизанской агитацией враги отказались от сопротивления и покорно сдали оружие. Бой в Лаохэйшане был первым типичным боем из засады, проведенным нами после заманивания противника в ловушку. С той поры японская армия, полиция и марионеточные войска Маньчжоу-Го назвали подобные наши действия «тактикой сетей».

В этом бою мы скосили огнем более сотни вояк Цзинъаньской армии, бахвалившейся своей «непобедимостью» и надменно смотревшей на всех свысока. В наших руках оказалось огромное количество трофеев: станковые и ручные пулеметы, винтовки, гранаты, строевые лошади и многое другое. Был и миномет, погруженный на седло лошади. Выстрелить из него хвастливому врагу ни разу не удалось. Теперь миномет стал нашим достоянием. Та лошадь, которую я позже подарил старому Чо Тхэк Чжу, была одной из десятка с лишним породистых лошадей, захваченных у врага в этом бою. Среди наших трофеев было немало и служебных собак. В то время наши командиры посоветовали мне оставить у себя нескольких из них для собственной охраны. Но я велел послать всех собак жителям Тайпингоу и Шитоухэцзы. Потому что, как мне думалось, трофейные собаки для нас не годятся...

Однажды, когда проходило совещание в Дахуанвэе, мои товарищи привели ко мне одну собаку, захваченную у врага. Они, пожалуй, думали: собака напористая и умная и будет полезной мне. Я поблагодарил друзей за заботу, но от этого «подарка» отказался. «Собаку эту, — говорю им, — тренировали японцы и не будет верна она партизанскому командиру». Действительно, так и вышло. Позже, когда завязался бой с карателями, собака убежала в стан врага, учуяв запах японцев.

Да, я был во многом обязан белой лошади, но трофейная собака ни разу мне не помогла...

Бой в Лаохэйшане вошел в историю нашей антияпонской войны как типичный пример боевого действия при заманивании

врага и уничтожении его из засады. Ход его показал, что подобная боевая операция является одной из самых эффективных форм боевых действий, соответствующих особенностям партизанской войны.

Начиная с этого боя, мы одну за другой одерживали славные победы, В Мэнцзяне уничтожили отряд Куто, в районах Чанбаяи Линьцзяна — отборные войска под командой самого Ёсидзаки. А в период последних решающих битв дезорганизовали и разгромили 1-ю дивизию, этих «потомков» Цзинъаньской армии.

Бой под Лаохэйшанем впервые продемонстрировал мощную силу Народно-революционной армии, действующей крупными отрядами. Раньше она направляла главные силы на оборону партизанского края в ограниченной постоянной зоне. Теперь же вышла она за узкие рамки освобожденных районов и выступила на обширную территорию. Выстрелы нашего отряда в ущельях Лаохэйшаня прозвучали, образно говоря, гимном курсу Яоингоуского совещания на ликвидацию партизанских районов, на выступление в обширных зонах и активное развертывание действий крупными отрядами. Это был колокольный звон, предвещающий победу во втором походе в Северную Маньчжурию. Победа в бою в Лаохэйшане позволила Народно-революционной армии еще лучше подготовиться к успешному завершению этого похода.

Весть о победе Народно-революционной армии молниеносно облетела всю обширную территорию Маньчжурии. Ее ратные подвиги вселили веру в победу в сердца рабоче-крестьянских масс обеих стран — Кореи и Китая, изнывавших под гнетом Цзинъаньской армии. Победа вдохновляла их на новую борьбу. Когда мы возвращались в Тайпингоу с захваченными у врага лошадьми, нагруженными трофеями, местные жители вышли на улицу и, выстроившись рядами по обочинам дорог, горячо приветствовали нас. Ли Тхэ Ген прибежал из Саньдаогоу в село Синьтуньцзы, где мы отдыхали. Из Цзиньчана и Хошаопу

жители тоже пришли к бойцам Народно-революционной армии с подарками.

В канун второго похода в Северную Маньчжурию я, получив донесение от Хуньчуньского партизанского отряда, провел работу по завоеванию на нашу сторону роты марионеточной армии Маньчжоу-Го, находящейся в Дахуангоу. Тогда разведывательные сведения принес мне Хван Чжон Хэ, который служил ординарцем в Хуньчуньском партизанском отряде. Его отец Хван Бен Гир был известным патриотом. Когда Ан Чжун Гын готовился к уничтожению Ито Хиробуми, он активно участвовал в тайной организации дела.

Хван Чжон Хэ сообщил: «В роте маньчжоугоских войск, дислоцированных в Дахуангоу, есть один сержант, готовый сотрудничать с коммунистами. Сейчас он оказывает на своих солдат хорошее влияние. Он решил перейти в партизанский отряд, но не всей ротой, а с несколькими бойцами. В лучшем случае он, по-моему, может и всю роту повернуть на нашу сторону. Вот и просим у вас совета».

И я уже давно обратил внимание на эту роту. Она и в самом деле была камнем преткновения на нашем пути, немало мешала партизанским действиям. Мы уже знали, что командир этой роты — китаец, а переводчик у него — кореец. Кстати, очень зловредный тип.

Роль главного героя в подготовке к перевороту среди воинов этой роты сыграл тот самый сержант, который действовал под закулисным влиянием Хван Чжон Хэ и других наших подпольщиков. Конечно, он не был подпольщиком, направленным нами, не был коммунистом, а был простым молодым человеком. До вербовки в армию был рабочим в Даляне, а потом пошел в карательный отряд, который вначале находился в Жэхэ. Позже отряд передвинулся в Цзяньдао, и ему довелось служить в Хуньчуне. Еще в Жэхэ наслышался парень о том, что Цзяньдао кишмя кишит коммунистами. Поэтому в Хуньчуне он с глубо-

ким вниманием следил за действиями местных коммунистов. В душе его стала крепнуть необычная идея — о сотрудничестве с компартией и новом решении своей судьбы.

Однажды в трактире, беседуя со своими коллегами, он высказал недовольство: «К черту, зачем нам воевать с коммунистами? Лучше расстрелять хотя бы одного мерзавца и перейти к ним». Очевидцем этого разговора был Хван Чжон Хэ, который тут же проинформировал о случившемся свое начальство. Таким образом, сержант дал повод, чтобы попытаться завоевать его на нашу сторону.

А как раз к этому моменту случилась неприятность: один из бойцов нашей небольшой группы, направленной для работы в город Хуньчунь, был арестован полицейским. Арестованный был корейцем, но довольно свободно говорил по-китайски. «Блюститель порядка», связав его веревкой, начал избивать, пинать, громко крича. Словом, устраивал скандал. По улице в это время шел тот самый сержант — бывший рабочий.

— Ты что, тварь поганая! Пусть он коммунист, но и ты, и он все-таки люди угнетенные, чего же ты так бьешь человека, а? — гневно сказал он, ударил и отогнал полицейского.

Потом он просил нашего товарища идти в свою казарму.

— Я мог бы сейчас же тебя выпустить, — сказал сержант, — но тебе сейчас придется идти со мной в нашу казарму. Если ты человек не робкого десятка, одну ночь проведи в нашем отряде и расскажи нашему комроты о коммунистической армии. Мы очень хотим об этом знать. У нас в роте есть японский инструктор и переводчик-кореец. Оба они мерзавцы. Я сделаю так, чтобы оба ушли в город. Значит, ты можешь не беспокоиться.

Наш боец не сразу понял соображения сержанта, немножко растерялся, но пошел за ним в казарму маньчжоугоской армии. Он думал: коль гибель неминуема, лучше умереть славной смертью.

Как только они добрались до казармы, сержант привел нашего товарища к своему другу, командиру роты. Они втроем сидели за чайным столиком и вели тихий разговор. В тот самый момент в канцелярию роты вдруг вошел японский инструктор и подозрительно взглянул на нашего товарища.

Чтобы развеять сомнения вошедшего, сержант говорит ротному:

— Это мой приятель. Зашел ко мне получить деньги за водку. Беда какая, денег-то у меня ни гроша. Ты, ротный, не поможешь заплатить за горилку?

Комроты отозвался тоже хитро.

— Ты не беспокойся, дружище, заплачу. Если это твой друг, и мне он друг. Угостить его надо как следует, а то прослывешь негостеприимным. Напои его как следует чаем, поболтай о том о сем, а потом проводи.

Японский инструктор ушел в город, а троица продолжала тайный разговор. По просьбе сержанта наш товарищ рассказал о коммунистах. В партизанском отряде, говорил он, есть и корейцы, и китайцы. Это, так сказать, корейско-китайская объединенная армия. Сам я — кореец. Корейцы тоже против японской оккупации Маньчжурии. И у вас в маньчжоугоской армии есть патриоты. С ними мы готовы идти рука об руку. Он разъяснил нашу политику в отношении маньчжоугоской армии и даже пел на китайском языке песни об этой армии.

Слова нашего товарища подействовали на комроты, который сказал:

— Вы завтра возвращайтесь к себе и доложите начальству вот о чем: у нас нет намерения воевать с партизанами.Если нашей роте придется пойти на карательную операцию, мы сделаем несколько выстрелов в воздух, в сторону леса. Это наш сигнал. Тогда вы уходите в другое место.

А сержант, провожая нашего товарища, в свою очередь, сказал:

— Хотелось бы мне и впредь поддерживать связь с вами. И вам, думаю, неплохо так делать. О том, что мы сегодня обсуждали, доложите вашему комиссару.

Так нам удалось завязать нить подпольной работы, которая углубляла возможности в привлечении на нашу сторону вражеских войск. С конкретным заданием я направил Хван Чжон Хэ в Дахуангоу. Он вновь установил связь с сержантом и подготовился к тому, чтобы эта маньчжоугоская рота полностью перешла на нашу сторону.

Сержант обратился к Хван Чжон Хэ:

— В армии служим мы не по своей воле. Для человека нет ничего более позорного, чем быть марионетками в чужих руках. Просто завидую вам. Мы готовы всей ротой перейти на сторону коммунистической армии. Очень прошу, передай, чтобы на нас совершили налет.

Мы направили туда свои роты — две или три. Они окружили казармы марионеточных войск Маньчжоу-Го. Утром, когда маньчжоугоские солдаты делали зарядку, наши товарищи, сделав предупредительные выстрелы, выкрикивали агитационные призывы. Со стороны маньчжоугоских войск к нам прислали своего представителя с требованием провести переговоры. Их делегатом был именно тот сержант, уроженец Даляня, находившийся под нашим влиянием. Сержант попросил прекратить огонь и выразил нашему представителю свою решимость перейти всей ротой на нашу сторону. По этому решению более 150 солдат и офицеров марионеточной армии Маньчжоу-Го, расправившись с японским инструктором и переводчиком-корейцем, перешли в наш партизанский край. Они погрузили на повозки все вражеское имущество, которое было в городке, и, играя на трубах, пришли к нам.

Возник вопрос, как причислить перешедшую роту к Народно-революционной армии? Вокруг него довольно долго шло много разговоров среди командиров Хуньчуньского полка.

Одни предлагали распустить ее и распределить бойцов по новым ротам Народно-революционной армии, другие — не распускать, а включить роту в нашу армию целиком. Доминирующим из двух вариантов было первое предложение.

Штаб полка продолжил это обсуждение с командирами перешедшей к нам маньчжоугоской роты. Они высказались против роспуска своей роты. И вот Чвэ Бон Хо, комиссар Хуньчуньского полка, обратился ко мне с тем, чтобы получить от меня заключительный вывод.

Я пошел к солдатам маньчжоугоской армии и провел с ними беседу, чтобы точнее понять их требования. Они были против роспуска роты. Их позиция была тверда. Возможность ее роспуска очень беспокоила солдат. Они не были пленными, наоборот, добровольно совершили переворот и перешли на нашу сторону. Прямо скажу, план рассредоточения их по нескольким ротам для них не совсем подходил, да к тому же это было бы и нарушением правил приличия. Наиболее желательно было бы максимально прислушаться к их требованиям.

Я выдвинул и вынес на обсуждение, можно сказать, эклектичное предложение: не распускать роту, а причислить ее целиком к Народно-революционной армии, разделив на три роты в соответствии с условиями нашей армии. Командиров новых рот избрать демократическим путем, на общевойсковом собрании бойцов, перешедших на нашу сторону. Это предложение с удовольствием было принято перешедшими к нам бойцами. Мой вариант поддерживали также комполка Хоу Гочжун и комиссар Чвэ Бон Хо.

И сержант, сыгравший роль зачинщика в воинском перевороте, стал командиром роты. Бывшего комроты было решено направить на обучение в Советский Союз.

Среди перешедших к нам воинов роты армии Маньчжоу-Го были те, кто выразил желание пойти во Внутренний Китай. Я послал их туда через территорию Советского Союза. Желающих

остаться у нас и бороться вместе с нами я принял в Хуньчуньский партизанский отряд, а позже в Северной Маньчжурии передал их в отряд Ли Яньлу...

Народно-революционная армия крупными отрядами выступила в направлении Лоцзыгоу и Тайпингоу и развернула активную военно-политическую деятельность. Для окружения и уничтожения наших отрядов противник привлек крупные силы: части Квантунской армии, марионеточной армии Маньчжоу-Го, полицию, отряд самоохраны, железнодорожные охранные войска и другие. Главные силы карателей, маневрируя в Лоцзыгоу, теснили нас в Тайпингоу, а некоторые части противника, развернувшиеся в районах Яоингоу и Байцаогоу, подготовили в этой узкой зоне боевые операции по полному окружению и уничтожению Народно-революционной армии, если она отступит в юго-западном направлении.

20 июня 1935 года враги, наконец, начали атаку на Тайпингоу. Мы развернули свои отряды в горах за Тайпингоу. Штаб находился вблизи минометной батареи. Внизу, под штабом была естественная пещера.

Неприятель начал переправляться на судах через реку Дахошаопухэ. Заработала наша минометная батарея. На середине реки было разбито одно судно. Впавший в панику противник отказался от форсирования реки и начал поспешно отходить к своим позициям. Молодцы наши минометчики! «На полную катушку» сработала рота, созданная из личного состава маньчжоугоской армии, перешедшего на нашу сторону. Лишь только тогда признали свои ошибки скептики, неодобрительно относившиеся к привлечению бывших марионеточных солдат к бою.

Я, очень обрадованный, обнял командира минометной роты и поздравил его с победой в бою. Не скрывая радости, прибежали к минометной позиции и некоторые командиры революционной армии, те, кто явно недоверчиво косился на перешедших к нам.

Артиллерийская канонада Народно-революционной армии на реке Дахошаопухэ означала исторический салют в честь рождения нашей артиллерии. Тот орудийный гул нагнал на врага страху, а обрадованный канонадой народ пустился в пляс. Сегодня мы отмечаем этот день как День артиллериста.

Комбат Вэнь тоже попытался переправиться через реку, однако, ошеломленный нашим минометным огнем, отправился в Лоцзыгоу. «Что это за Народно-революционная армия! —сказал Вэнь. — Совсем непонятная сила. Пушку-то ведь только вчера захватили, а уже сегодня двумя выстрелами уничтожили цель. Настоящие боги техники! Как с ними справиться?! Пускай дураки дерутся с Народно-революционной армией. Не буду я воевать с отрядом Ким Ир Сена. Уж лучше пусть японская сабля срубит мне голову». Об этом сообщил нам, конечно же, ротный Те.

Вот так в боях в Лаохэйшане и в Тайпингоу Народно-революционная армия одерживала победу за победой. Вдохновленные ее могучей силой, наши революционные организации заработали всюду динамично и оживленно. Председатель Антияпонского общества в Лоцзыгоу не без гордости сказал: «После того как Народно-революционная армия уничтожила Цзинъаньскую армию в Лаохэйшане, жители городка не хотят идти в сельское правительство. Они приходят ко мне. По всем вопросам: и бракосочетания, и рождения ребенка».

Тем, кто трогает народ, — нет пощады! Такую волю коммунистов Кореи мы еще раз доказали делом в Лаохэйшане и в Тайпингоу. Но притеснявшие народ враги были слишком жестоки и коварны. «Мы сможем выжить, уничтожив коммунизм» — таков был девиз тех, кто был врагом народа. Нам еще предстояла долгая борьба с приверженцами этой веры.

Кровь врагов, убитых в бою под Тайпингоу, более недели загрязняла реку Дахошаопухэ. Видимо, поэтому, говорили люди, в том году небывало большие косяки красноперки поднимались вверх по течению.

5. Рассеивая семена революции на обширной земле

Вихрь «ликвидации реакционеров» повлек за собой пагубные последствия. Вся Восточная Маньчжурия с горечью и печалью искала выхода из сложившегося положения. Тогда мы выработали новую линию, направленную на то, чтобы ликвидировать постоянные опорные партизанские базы в форме освобожденных районов и развернуть на обширных просторах активные боевые действия крупными отрядами. Эту линию мы вынесли на обсуждение Яоингоуского совещания, состоявшегося в марте 1935 года. И она встретила полную поддержку со стороны абсолютного большинства военных и политических работников, участвовавших на совещании.

Но не все участники выражали свое понимание и одобрение по поводу решения этого вопроса. Некоторые из партийных и комсомольских работников выступали на совещании против ликвидации партизанских районов. «Как же можно ликвидировать опорную партизанскую базу, с ума сошли, что ли? Разве мы для того создавали ее, чтобы потом ликвидировать? Неужели мы зря три-четыре года проливали кровь, живя впроголодь и кутаясь в лохмотья?! Это же правый уклон, капитулянтство, выражение пораженческой психологии», — отчаянно нападали они на нас. Доводы, с которыми они выступали в те дни против ликвидации партизанских районов, ныне в научных кругах получили название «доктрины защиты партизанских районов».

Типичным представителем тех, кто наиболее яростно высту-

пал на этом совещании с этой доктриной, был Ли Гван Рим — один из основателей Нинаньского партизанского отряда. Ли Гван Рим долго занимался работой с молодежью, действуя в Нинаньском уездном комитете и восточногиринском бюро комсомола. Затем он был направлен в район Ванцина, и с тех пор они вместе с Чай Шижуном, Фу Сяньмином и другими командирами китайских антияпонских отрядов вели подготовку к созданию объединенной антияпонской армии. Помнится, участие в вышеуказанном совещании он принимал, временно исполняя обязанности секретаря ВМООК комсомола.

Ли Гван Рим отвергал аргументы сторонников ликвидации партизанского района следующими доводами: «Как быть жителям партизанских районов после их ликвидации и ухода революционной армии на обширные просторы? Они окажутся в роли переселенцев в контролируемом врагом районе, — но разве этим вы не обречете на верную гибель тех, кто, образуя единое целое с армией, делил с нею горе и радость? Можно ли представить партизанскую войну революционной армии без военно-политической опоры, такой, как партизанский район? Не ясно ли, что переселение из партизанских районов в контролируемые врагом районы людей, закаленных в бурях революции, равноценно потере десятков тысяч революционно настроенных масс, для воспитания которых было потрачено так много усилий? Напрашивается общий вывод: ликвидация партизанских районов даст нежелательный результат — откат революции на исходную точку в 1932 году».

Сначала казалось, что обсуждение вскоре завершится, но развернутое выступление Ли Гван Рима постепенно придало дискуссии сложный характер. С ним соглашались, кивая головой, некоторые из тех, кто ранее был уверен в необходимости ликвидации партизанских районов. Участники совещания раскололись на две группы: одна — сторонники защиты партизанских районов, другая — сторонники их ликвидации. Они с головой

ушли в бесконечную полемику.

Когда спор достиг кульминации, некоторые малокультурные люди, стремясь любой ценой победить своего теоретического противника, начали порочить его личные качества. Кто-то ставил под сомнение утверждения Ли Гван Рима, приводя для этого примеры из его личной жизни. Когда Ли Гван Рим работал в уезде Нинань руководителем одной из участковых комсомольских организаций, говорили они, он безответно полюбил одну девушку. Он всецело увлекся своей любовью, но девушка так и не отвечала ему взаимностью. Что доставляла бедному парню его страстная любовь? Все его любовные письма возвращались обратно нераспечатанными, все обращения встречали холодную безразличную реакцию, девушка раз за разом ускользала от его взгляда. Правда, ответной любви не добьешься одними лишь своими желаниями и страстью. Ли Гван Рим не нашел ничего лучшего, как выслать в уезд Мулин ту девушку, которая причиняла ему большие страдания от неудачной любви. После этого он, говорят, был с другой женщиной в любовных отношениях, а затем ушел в Ванцин.

Эта закулисная история была использована явно для опровержения утверждений Ли Гван Рима, так что нельзя быть уверенным в ее правдивости.

Люди обрушивали на него удары, не останавливаясь даже перед такой подлостью — выставить на всеобщее обозрение чужую интимную жизнь. Таким же образом они пытались доказать, что он человек, готовый пойти на все, лишь бы свалить своего теоретического противника. Ведь он показал себя таким болезненно мстительным человеком, что выдворил в чужую местность свою любовницу.

Один из выступающих заверял, что Ли Гван Рим «недобитый элемент из среды группировки Хваёпха», безвольно подчинявшийся одно время неким деятелям из Маньчжурского бюро Компартии Кореи, и придирался к нему: «Возражения против

ликвидации партизанских районов можно считать рецидивами сектантства».

Что ни говори, совершенно неприлично цепляться к истории чужой неудачной любви своего оппонента или напяливать на него колпак «недобитого сектанта». Однако Ли Гван Рим тоже был не без греха. Он изображал себя самым верным защитником народа, самым верным представителем его воли и интересов и огульно клеил другим людям крикливые ярлыки: «правый оппортунист», «предатель народа», «недопустимое самоубийство».

Нам вполне была понятна душевная смута Ли Гван Рима и ему подобных, которые всячески возражали против ликвидации партизанских районов. Нелегко пришли к такому решению и мы — создавшие их своими руками, вложившие в них всю свою душу. Мы горой стояли за каждый из них, считая его своеобразным «небесным краем». Неужели человек сможет без какой-либо привязанности, без страдания, холодно отвернуться от своего детища? Глотая горький комок, действовали вопреки своей любви и привязанности, решили принимать такое решение.

Несомненно, Ли Гван Рим, как и мы, тоже страстно любил партизанский район. Однако сохранение в тех условиях постоянных партизанских баз в форме освобожденных районов и лобовое противоборство один на один в течение долгих лет с сильным врагом, располагающим огромным военным потенциалом, — даже беспристрастным людям показалось бы не чем иным, как авантюризмом. Такой способ борьбы был равнозначен собственному умерщвлению.

В 1933 и 1934 годах, когда жизнестойкость партизанского района достигала своего пика, никому из нас не пришла бы в голову мысль вести речь об его ликвидации. В те времена он казался нам как бы оазисом и «земным раем».

Почему же позднее, вступая в 1935 год, мы решили ликвидировать партизанские районы? Не каприз же это? Нет, это не

каприз, не колебание и не отступление. Скорее, это была дальновидная стратегическая мера, которую можно было назвать «продвижением на шаг вперед».

В 1935 году мы пришли к такому смелому решению — ликвидировать партизанские районы — потому, что этого требовала субъективная и объективная обстановка того времени.

Партизанские районы, созданные в бассейне реки Туман, можно сказать, выполнили возложенные на них миссии и задачи. Величайшая из задач, которые мы поставили перед ними, заключалась в подготовке, сохранении революционных сил и в то же время в создании прочной военно-политической и материально-технической основы для дальнейшего развития и расширения антияпонской вооруженной борьбы. Тогда мы, конечно, не рассчитывали выполнить эти задачи за три-четыре года. О сроке думали: чем короче, тем лучше.

Жаркая вооруженная борьба закалила армию и народ, как сталь. Партизанские отряды, насчитывавшие вначале всего десятки бойцов, выросли в Народно-революционную армию, приняв в свои ряды огромное число людей. Теперь она могла вести крупные бои за оборону опорных партизанских баз и совершать налеты на города. Военно-политическая сокровищница Народно-революционной армии обогатилась большим опытом — живыми, оригинальными приемами партизанского боя.

Партизанская война — это было и как бы плавильной печью и военно-политической академией, в которых воспитываются борцы. В этой печи отливалась только чистая сталь. Углеродистое железо, валявшееся в каменистом поле или где-нибудь в углу коровника помещичьего дома, пройдя обработку в этой печи, превращалось в сверкающую высококачественную сталь. Неграмотные деревенские крестьяне и поденщики, которые полагали, что быть богатыми или бедными предопределено линиями на ладони, гексаграммой гадальщика

или причитаниями шаманки, воспитывались настоящими борцами в антияпонской военно-политической академии.

Однажды мне рассказали о случае из жизни Ким Чжа Рина, который когда-то батрачил. Тогда я разразился смехом. Ведь картина его биографии была разукрашена фрагментом комедийного эпизода, который трудно было воспринимать без смеха.

Как-то ранним утром, как и в другие дни, Ким Чжа Рин пригнал помещичьего вола попастись на поляну. Приглядев свежие, сочные травы, он начал косить. Но тут у горного поворота неожиданно появился поезд, мчащийся мимо полным ходом. Прервав работу, Ким Чжа Рин опустился на земляной вал, залюбовавшись поездом. Взор его ненароком остановился на принаряженной фигуре некоего франта, который перекуривал в тамбуре. Неизвестно почему, но нарядное убранство франта вызвало у пастуха сильную злобу. Пастух погрозил ему кулаком. Это был своего рода вызов тому, кто был роскошно одет и ведет сытую жизнь. А тот, тараща глаза, что-то кричал в ответ, размахивая кулаками. Вдруг ветер сдул с его головы летнюю соломенную шляпу. Франт же еще некоторое время тряс кулаками, а вскоре вместе с мчащимся поездом исчез вдали. Его соломенная шляпа упала в пруд возле железнодорожной насыпи.

Ким Чжа Рин полез в пруд, потом в шляпе взобрался на насыпь в таком приподнятом настроении, как будто стал богачом. И тут он заметил носовой платок, в который была завернута серебряная монета достоинством пять *фыней.* Ветер, оказывается, унес не только шляпу того франта, но и этот платок.

Целый день ломал голову батрак-подросток Ким Чжа Рин, на что потратить дармовые деньги. Вечером того же дня со шляпой на голове — «сувениром» от франта — он появился в доме, где сыновья богачей, забывая обо всем, ночами увлекались азартными играми. Используя свои пять *фыней* в качестве начальной ставки, он волею случая за одну ночь загреб большую сумму денег у богатых картежников.

Этими деньгами Ким Чжа Рин погасил долги, взятые у помещика, пожаловал часть из них своему бедному старому соседу, который всю жизнь томился в слезах и нищете. На руках у него осталась небольшая сумма, но он думал, что этого ему хватит на несколько лет безбедной жизни.

Однако не прошло и года, как Ким Чжа Рин снова стал задыхаться под тяжестью долгов. Пытаясь заработать хотя бы грош, он трудился, как бык. «Работать до седьмого пота — тогда у тебя жизнь станет лучше, когда-нибудь и тебе улыбнется счастье, а может быть, еще и преуспеешь» — такие взгляды на жизнь были устоями души Ким Чжа Рина в годы его батрачества. Но труд его себя не оправдывал: ни богатства, ни возможности улучшения жизни даже не предвиделось. Работал и работал, а в удел доставались только нищета и унижение. Он был умным и сильным человеком, но бедность не позволяла ему жить достойной человека жизнью, и с ним, человеком без денег, обращались как со скотиной.

Тем, кто оскорблял и унижал его, Ким Чжа Рин пытался непосредственно сопротивляться. Иногда, не в силах вытерпеть, хватал за шиворот не дающих ему покоя и колотил их. Но такие взрывы чувств не давали избавления от жизненных тягот. Впоследствии он бросил якорь в Ванъюйгоуском партизанском районе, стал партизаном, приобрел славу меткого пулеметчика, каких в Цзяньдао по пальцам можно перечесть.

Герой боя в Хунтоушане Ли Ду Су, известный среди нашего народа как феникс, тоже в свое время нищенствовал с котомкой через плечо, прося подаяния.

Партизанские районы стали питомниками для выращивания бесчисленного множества героев и патриотов в огне антияпонской войны. Даже беззубые старухи в партизанском районе делались агитаторами, призывающими народ к сопротивлению Японии. Здесь все и каждый были старательными тружениками, часовыми, бойцами, умелыми организаторами, пропагандиста-

ми и практиками. Чо Дон УК, Чон Мун Чжин, О Чжин У, Пак Киль Сон, Ким Тхэк Гын и другие — все они были стойкими революционерами, закаленными в Ванцинском партизанском районе. Герои антияпонской войны собственными потом и кровью творили небывалую в веках историю сопротивления, приковавшую к себе восхищенный взгляд целого мира.

В ходе трудной борьбы против фракционности и «левого» и правого оппортунизма революционные ряды объединились и сплотились в единую огромную семью, которую никакими силами не развалить. В массах была создана прочная основа для вооруженной борьбы и партийного строительства, совместный с китайским народом антияпонский фронт стал нерушимым, непобедимым. Все эти успехи были достигнуты за три-четыре года после создания партизанских районов.

Не будь таких очагов, как партизанские районы, разве корейские и китайские коммунисты смогли бы добиться столь весомых результатов?! Без отправного пункта, без плацдарма, без тыловой базы, таких, как партизанские районы, можно ли было столь последовательно и уверенно осуществлять стратегические задачи первого этапа, вставшие во весь рост перед антияпонской революцией?

Ким Мен Хва была выходцем из низших слоев общества. В молодые годы она вязала из конских волос головные уборы на продажу, жила очень бедно. Только в партизанском районе она познала смысл подлинно человеческой жизни, под грохот канонады антияпонской войны выросла бойцом КНРА. Если бы не было партизанского района, она не достигла бы столь изумительного прогресса личности. Не говоря уже о политическом взрослении, ей трудно было бы даже выжить.

Среди борцов, рожденных бурей антияпонской войны, оказались и бывшие охотники, *пэкчжоны* (те, кто занимается убоем скота, — ред.), школьные учителя, плотовщики, кузнецы. В их числе был и Рим Чхун Чху — прежде хозяин аптеки, и револю-

ционер Со Чхор — бывший врач. Собирались различные представители молодежи: до вступления в партизанский отряд одни находились под влиянием Молодежной федерации Восточной Маньчжурии, другие состояли в Молодежной федерации Южной Маньчжурии или Федерации молодежи в Китае, третьи были горожанами только-только со школьной скамьи или деревенскими юношами с лохматыми головами. В партизанские районы прибывали люди различного социального происхождения, с разным жизненным опытом. Здесь они выросли в честных бойцов, действующих под единой командой, любимцев времени, готовых сражаться в первых рядах антияпонской борьбы во имя Родины и нации не на жизнь, а на смерть.

Наша решимость создать в горных районах Цзяньдао партизанские зоны в форме освобожденных районов была правильна и своевременна, что достаточно ясно было доказано нашей практикой. И вот в такое время, когда пока еще сохранялась жизнеспособность партизанских районов, нам приходилось выступать на Яоингоуском совещании, разъясняя уже актуальность их ликвидации. На каком основании? На основании того, что дальше отпала надобность отстаивать партизанские районы, выполнившие свои миссии и задачи.

В середине 30-х годов революционная ситуация в Цзяньдао требовала от корейских и китайских коммунистов изменить свои политические установки с учетом новых тенденций времени.

Замкнуться в партизанских районах и, напевая песни о решительном бое, сражаться, как прежде, за оборону их территории — это, если выразиться строго и справедливо, все равно что отказаться от желания продвигать дальше революцию, остановиться на достигнутом рубеже. Если сравнивать революцию с потоком, утверждение подобной точки зрения равнозначно пожеланию, чтобы вода не утекла в море, а лишь скапливалась в озерах и других водоемах.

Революцию можно сравнить с широкой и длинной рекой. С

ревом бьется она о скалы, бурно шумят ее волны, встречаясь в ущельях с преградой, но все равно, собирая в мощные потоки неисчислимые мириады капель, величаво впадает в океан. Такова и революция. Виданна ли такая река, которая уносит свои воды вспять — от моря в горы? Обратное течение и остановка противоречат природе реки. Она бежит только вперед. Преодолевая преграды и вбирая в себя мелкие притоки, своих спутников, течет она без устали к своей конечной цели — в океан.

Река не загнивает потому, что она без остановок, без передышки продолжает свое бесконечное движение. Если она хоть на минуту остановится, тотчас в ней размножатся и сделают свое дело гнилостные бактерии, река зарастет разнообразным планктоном, наполнится им и превратится в царство застоя.

Если революция отторгнет прогресс, абсолютизируя лишь отстаивание готового курса, то такую революцию следует уподобить остановившейся реке. Чтобы добиться своей стратегической цели, революция в каждой новой обстановке и при каждых обновляющихся условиях должна иметь соответствующую им новую тактику. Без подобного непрерывного обновления революции не избежать застоя, топтания на месте. Если кто-то подумает, что есть некий метод, который может действовать через 50 лет и не потерять абсолютную ценность даже через 100 лет, — то найдется ли более наивный мечтатель, чем этот? Такое нельзя расценивать иначе, как проявление позиции, отрицающей самостоятельность, способность к творчеству и сознательность человека.

Тактика в любом случае имеет относительное значение. Она может быть годной на мгновение, на сутки, на месяц, квартал, любой более длительный период. Такова ее природа. Для успешного осуществления какой-то стратегии применяют иногда десяток, а то и сотню тактических мер. Если же применять лишь один какой-то рецепт для осуществления стратегии, то это будет нетворческий подход к революции, догматизм. Догматизм —

это самоубийство глупцов, которые сами себя сковывают по рукам и ногам. Там, где существует догма, нет живой, динамичной политики, нет мощных, полных жизни потоков великой реки, именуемой революцией.

Сила, способная сделать революцию могучей, как течение великой реки, кроется в творчестве и обновлении. Потому, что только с помощью творчества и обновления можно наиболее полно выразить существенные требования народных масс, стремящихся к непрерывному прогрессу и процветанию при гарантии самостоятельной жизни. В этом смысле можно сказать, что творчество и новаторство — это двигатель, придающий революции динамизм. Не будет преувеличением сказать, что темпы развития истории той или иной нации зависят от мощности этого двигателя.

С помощью такого двигателя корейская революция добралась до порога XXI века.

В настоящее время, когда перед нашими глазами уже маячит новое столетие, какая политическая тема обсуждается ныне как наиболее важный для нашей партии вопрос? Это вопрос: каким методом защищать и дальше развивать в условиях усиленной блокады империалистической коалиции социализм нашего образца, служащий интересам народных масс?

Сто лет тому назад Корейский полуостров так был в кольце окружения больших государств. На море перед Инчхоном постоянно сновали военные корабли сильнейших держав. И всякий раз, когда феодальная династия, проводя политику «закрытых дверей», подтверждала намерение изолироваться от Запада и Японии, те грозили орудийными обстрелами и требовали «открытия дверей». Японские империалисты наконец добились формирования прояпонского кабинета и с его помощью совершили насильственные перемены во внутренней политике. Короля и королеву опекали навязанные японцами советники, посланники, тайные эмиссары. Это тоже было своего рода окружением.

Окружение и блокада иноземных агрессоров и империалистов стали испытаниями для корейской нации на протяжении истории. И я вместе с нашей нацией всю жизнь провел в этих окружениях и блокадах. Роковая ли это судьба, происходящая из геополитических особенностей страны? Конечно, и это может быть одной из причин. Если бы корейская земля находилась где-то в Аляске, в ледниках Арктики, то, быть может, умерился бы аппетит великих держав в отношении нашей страны. Однако здесь не может быть «если». Дело отнюдь не в том, где какая страна находится. В каком бы уголке Земли ни находилась страна, не преклоняющаяся перед большими странами и идущая по пути самостоятельности, она никогда не должна забывать о том, что неожиданно может стать мишенью атак «зеленых беретов» или жертвой бесчисленных стереотипов «закона Торриселли».

Поэтому если человек решил жить всю жизнь, придерживаясь самостоятельности, то он должен всегда думать о возможной блокаде империалистов и быть готов преодолеть ее последствия.

В 1935 году антияпонские опорные партизанские базы в Цзяньдао находились в состоянии жесточайшей блокады. В том году вражеская блокада достигла своего апогея. Мы решили изменить свою политическую линию и вывести революцию на путь, ведущий к успешному ее развитию. А враги, натягивая донельзя сеть блокады, пытались, напротив, достигнуть решительной победы в ликвидации «коммунистической банды». Подняв на ноги десятки тысяч отборных войск, японские империалисты плотной стеной окружали партизанские районы и, что ни день, совершали карательные операции, стремясь стереть с лица земли все живое в районах, служащих опорой антияпонской борьбы.

Противник стремился прервать связь революционной армии и народа. Основой предпринятых им мер была политика создания коллективных поселений. Согласно этой политике

жители всех административных делений, находящихся вне контроля народно-революционного правительства, волей-неволей должны были переселяться в концентрированные поселения, укрепленные земляными стенами и фортами. Им приходилось там жить беспросветной жизнью, как кроты, в тисках драконовских законов и средневековых порядков, — таких, как закон о взаимонаблюдении пяти дворов и закон о совместном привлечении десяти дворов к ответственности за участие одного из них в преступлении.

Враги сжигали все дома, все деревни, разбросанные в разных районах Маньчжурии, число которых достигало тысяч, десятков тысяч, выступали с ультимативным требованием об эвакуации и безжалостно загоняли население в земляные крепости, находящиеся в равнинных районах. Их цель заключалась в том, чтобы, спокойно отсиживаясь в «безопасных для народа поселениях», где постоянно дислоцируются войска, полиция и вооруженная охрана, мирно осуществлять свое господство. Но более важной целью было навсегда устранить артерию единства армии и народа, эту самую большую головоломку в «уничтожении коммунистической банды», с помощью таких искусственных барьеров, как земляные стены, форты, рвы, ограды, прожектора, проволочные заграждения и т.д. И враги хорошо знали, что партизанский отряд — защитник народа, а народ — его тыл и важный источник донесений.

Заключив всех людей в земляные крепости, они могли в коллективном порядке мобилизовать их на строительство дорог, военных сооружений, а также на разные другие работы под видом трудовой повинности, да и с сохранением полной секретности, облегчить свои хлопоты при мобилизации рабочей силы, финансовых средств и материалов.

Одновременно е созданием коллективных поселений враги усиливали антикоммунистическую пропаганду. «Вы, —говорили они, — вынуждены покинуть насиженные родные места и

переселиться в коллективные поселения именно из-за коммунистической партии и революционной армии. Они, втягивая вас в сговор, нарушают общественную безопасность. Этой вынудило администрацию ликвидировать разбросанные деревни и построить «безопасные для народа поселения», чтобы охранять жителей от налетов «коммунистической банды» и конных грабителей».

Враги сооружали четырехугольные земляные стены и загоняли туда по 100 или 200 дворов. Дома строились в ряды, как в современном рабочем поселке, чтобы военным и полицейским удобно было наблюдать за движением жителей. В коллективном поселке переселенцев из одного села размещали врозь, не давали им жить рядом. Даже родственникам и друзьям запрещали жить по соседству и расселяли по разным углам. Такая мера была направлена на то, чтобы воспрепятствовать людям, как говорится, понимающим друг друга, собираться и сговариваться в ущерб «общественному спокойствию», предотвратить их попытки создать тайную организацию.

До чего коварно враги замышляли посеять рознь и распри среди жителей коллективных поселений, хорошо показывает закон о взаимонаблюдении пяти дворов: в группе из пяти дворов из-за любой одной семьи, обвиненной в причастности к партизанской армии, наказывались все остальные семьи, а в крайних случаях все члены пяти семей подвергались казни. Вот в чем заключалась суть пресловутого закона о взаимонаблюдении пяти дворов.

В коллективных поселениях административные чиновники, вооруженные войска и полицейские осуществляли изощренный контроль над продовольствием, с тем чтобы ни одно *тве* (мера объема, примерно 1,8л — ред.) зерна не перешло в руки Народно-революционной армии. Всякий раз, когда жители выходили на работу за пределы крепости, часовые обыскивали их узелки с обедом, ища там лишние продукты, как им

казалось, для «коммунистической банды». Разрешали каждому брать с собой только по одной порции, лишние — отнимали без разбору. Даже тогда, когда у какого-то крестьянина оставалось много несделанных работ в поле и ему хотелось начать труд с рассветом, ему нельзя было выйти за стены крепости, пока не рассветало, а возвращаться приходилось до заката. Революционной армии почти невозможно было ожидать от жителей коллективных поселений продовольственной помощи.

Зерна, собранного в партизанских районах, явно не хватало для продовольственного обеспечения армии и народа. К тому же враги постоянно мешали им заниматься земледелием. Объектами вражеской операции «выжженной земли» становились не только люди, но и сельскохозяйственные культуры. Враги растаптывали ростки посевов сапогами, зеленеющие поля поджигали, а урожай увозили без остатка на повозках, запряженных волами и лошадьми, под охраной вооруженного конвоя. Это была подлейшая операция удушения голодом, рассчитанная на то, чтобы уморить армию и народ в партизанских районах — всех до последнего, кого не удавалось уничтожить винтовками и пушками. Это была организация блокады, имеющей целью задушить людей.

Была распущена организация «Минсэндан», но как никогда коварнейшим образом развертывались подрывные, диверсионные действия врага, направленные на то, чтобы расколоть и разложить революционные ряды изнутри и извне.

На листовках, предлагавших капитулировать, появлялись фотографии нагих женщин, дешевая порнография. Подкупленные красавицы, маскировавшиеся под Розу Люксембург или Жанну д' Арк, проникали в наши ряды и настойчиво вели провокационную деятельность, чтобы парализовать дух наших военных и политических кадров и заманить их в сети полиции или жандармерии.

Все это было чудовищным фарсом человекоубийц. Цель

его — полностью изолировать партизанские районы в Цзяньдао от человеческого мира и вообще задушить и уничтожить этот одинокий остров, проводя политику «выжженной земли».

Если бы, не обращая внимания на подобные обстоятельства, уйти с головой только в охрану уже заявивших о себе партизанских районов, то это, в конце концов, могло бы привести революционную армию к пассивному состоянию или втянуть ее в нескончаемые бои с противником на истощение, как того хотели враги. Тогда бы оказалось невозможно сохранить революционные силы, подготовленные ценой нашей длительной борьбы, и они потерпели бы полное поражение. Ограничиваться лишь охраной небольших территорий партизанских районов — значило оправдать ожидания врага, пытающегося подавить всю армию и народ красных районов, втягивая их в круговое сражение.

Больше половины участников совещания раскритиковало тезис о сохранении партизанских районов как проявление авантюризма — и это было правильно. До сих пор у меня вызывает недоумение тот факт, что те, кто с упорством настаивал на сохранении партизанских районов, в большинстве своем были самонадеянными людьми, которые легко поддавались в повседневной жизни догматизму и левачеству. Они, неизвестно почему, сторонились тех, кто становился на творческую, новаторскую позицию, были недовольны и теми, кто хорошо умел созидать и зачинать, жил романтикой и мечтой.

Однако на Яоингоуском совещании, в конце концов, нам удалось убедить этих экстремистских, самолюбивых людей. По вопросу борьбы против «Минсэндана» участники совещания добились согласия возбудить дело в Коминтерне, а что касается вопроса ликвидации партизанских районов, то были приняты на совещании соответствующие решения. Это был еще один новый успех, достигнутый нами в борьбе с левоуклонистским авантюризмом.

Яоингоуское совещание послужило для Народно-революционной армии поворотным пунктом перехода от стратегической обороны партизанских районов к новому этапу стратегического наступления. Благодаря решениям этого совещания перед нами открылась широкая перспектива. Мы получили возможность выйти за узкие рамки партизанских районов и умело развернуть активные партизанские бои крупными отрядами на обширных просторах Севере-Востока Китая и внутри Кореи. Арена боевых действий Народно-революционной армии, ограниченная пятью уездами в Цзяньдао, расширилась в десятки раз. Чем обширнее становилась арена нашей деятельности, тем, без всякого сомнения, труднее и безнадежнее приходилось врагам, прибегавшим до этого лишь к блокаде ограниченных районов. Окружить пять уездов было сравнительно легко, но совсем иначе обстояло дело, когда приходилось иметь дело уже со многими другими провинциями Северо-Востока Китая. До этого момента враги, заблокировав партизанские районы, гнездились в определенных местах и, беспечно посвистывая, предавались праздности. А теперь им приходилось мотаться в погоне за Народно-революционной армией и вести беспрецедентные, не определенные уставами бои.

Враги изображали принятую нами меру по ликвидации партизанских районов как «ослабление коммунистической банды в Цзяньдао», достигнутое «в результате усиленных карательных операций императорской армии, путем разбросанной дислокации». Однако на деле они вынуждены были признать, что это является наступательным шагом, инициативными действиями, основанными на новой тактике, имеющими целью перейти на широкое партизанское движение. Эта новая стратегическая мера вселила во врага страх и тревогу.

Донесения о нашем намерении ликвидировать партизанские районы дошли до врага. Они всячески пытались воспрепятствовать этому. Усиливая, с одной стороны, военную блокаду, чтобы

армия и народ не могли ускользнуть из партизанских районов, они, с другой стороны, прибегали ко всевозможным яростным идеологическим атакам. Пытаясь ввести людей в заблуждение и вызвать у них смятение в душе, они распространяли невероятные слухи — якобы отмена красных районов означает провал вооруженной борьбы или ликвидация коммунистами партизанских районов равнозначна отказу ими от партизанского движения. Подобные происки врага стали для нас главной трудностью при ликвидации партизанских районов.

Но и этим трудности не ограничивались. Больше всего огорчало нас то, что народ принимал нашу инициативу не очень охотно. Даже такой военно-политический работник, как Ли Гван Рим, не сразу одобрил новую линию. Значит, вряд ли ее примут спокойно, без каких бы то ни было душевных сомнений рядовые жители партизанских районов. «Еще вчера утверждали, что партизанская база — «земной рай», а теперь почему-то вдруг настаивают на ее ликвидации? Что это за шутка дьявола?» — недоумевали иные и умоляли не ликвидировать партизанские районы. Старик О Тхэ Хи от имени жителей Шилипина обратился к нам с письменным прошением, в котором содержалась все та же просьба.

В партизанских районах ходили всякие толки, рассуждения. Проснувшись, люди слышали те или иные новые тревожные вести, долетевшие невесть откуда. «Революционная армия, мол, хочет избавиться от бремени охраны масс и ликвидирует красные районы», «Она покинет Цзяньдао, перенесет партизанскую войну в Корею, в районы гор Ранрим», «Революционная армия устала до смерти и хочет укрыться где-то глубоко на территории Советского Союза или во Внутреннем Китае. Там немного переведет дух и снова вернется в Цзяньдао с окрепшими отрядами». Эти слухи приводили людей в смятение. К довершению всего спецотряды врага, призванные «умиротворить» армию и население, распространяли другие ложные слухи, которые

сеяли среди обитателей партизанских районов безудержный хаос.

В Яоингоу мы созвали объединенный митинг армии и народа и попытались убедительно разъяснить всю необходимость и правоту новой меры по ликвидации партизанского района. Во все уезды, на все революционные организационные участки Восточной Маньчжурии были направлены специальные посланцы, которые проводили на местах митинги такого же характера и убеждали армию и народ. Не разойдешься — пропадешь. Эту истину массы понимали без труда и воспринимали как верную стратегическую меру.

Но в ходе практического осуществления этой инициативы большинство жителей отказывались идти в контролируемые врагом районы. «Пусть здесь мы терпим голод, питаясь одной травой, водой с заваренной кожей скота. Но лучше умереть с голоду в партизанском районе, чем идти в контролируемые врагом районы. Ведь там япошки сдерут с нас по две шкуры. Мы умрем, но только в партизанском районе, просим не отправлять нас», — изливали они свое горе.

«Убеждать, убеждать и еще раз убеждать!» — с таким лозунгом мы ежедневно обходили дома. Созывали собрания по участкам, во организациям, где с большими хлопотами проводили разъяснительную работу. Но многие жители по-прежнему упрямо настаивали на своей решимости не уходить в оккупированные врагом районы.

Я из той категории людей, которые хорошо знают, какую огромную силу рождает коммунистическая пропаганда и агитация. Иные товарищи считают ее даже безграничной. Но такое мнение не всегда оправдывает себя. Свидетельством тому служит факт, что многие жители партизанских районов вместо того, чтобы уйти в контролируемые врагом районы, забирались в более далекую глухомань.

Некоторые из них, не желая жить под контролем врага,

хотели вступить в армию. Даже члены Детского отряда и Детского авангарда, которые еще не достигли подходящего для партизанской жизни возраста, неотвязно приставали с просьбами следовать за революционной армией. В те времена и юная Хван Сун Хи цеплялась к партизанам, ставя их в затруднительное положение отчаянным обращением: «Коль не хотите брать меня с собой, так застрелите меня». Яньцзиский партизанский отряд принял ее в свои ряды. Маленькая и слабенькая, она, преодолев все испытания вооруженной борьбы, пройдя сквозь сотни и тысячи смертей, до сих пор продолжает свою блистательную жизнь революционерки — и это, может быть, только благодаря той ее настойчивости. Ветераны-борцы Тхэ Бен Рер и Чвэ Сун Сан тоже были в числе тех, кто вступил в революционную армию с ликвидацией партизанского района.

В то время в партизанскую армию мы принимали много молодежи и подростков. Партийные и комсомольские работники, сотрудники народно-революционного правительства, перенесшие многие невзгоды вместе с народом за несколько лет в партизанском районе, с оружием в руках влились в наши ряды. Были и такие, кто выражал свое желание служить в швейном отряде, ружейной мастерской или в лазаретах революционной армии. В дни ликвидации партизанских районов ряды Народно-революционной армии росли с необычайной быстротой.

Получая горячую поддержку и помощь со стороны народа, отряды Народно-революционной армии провели подготовку к партизанской деятельности в обширных районах — прилагали все усилия для заготовки запасов интендантских материалов и улучшения оснащенности вооружением. Члены Общества женщин не жалели ткани, долго хранившейся в сундуках, — шили бойцам революционной армии, уходящим из партизанского района, новое обмундирование, делали вещмешки, носовые платки, гетры и кисеты для табака, вкладывая в дело всю свою

душу.

И мы, в свою очередь, оказывали максимальную помощь населению, отправляющемуся в эвакуацию. Главным было ускорить проведение подготовки к эвакуации, не забыв о нуждах и конкретном положении уходящих семей. До чего тщательно и содержательно проводилась в то время эта работа, концентрированно отражала перепись дворов и населения, составленная до эвакуации жителей из партизанских районов Цзяньдао. В переписи было указано все, что касалось тех, кто должен был переселиться в другие местности из партизанских районов: имя, возраст, профессия, имена и адреса родственников и друзей, служебная обязанность, образование, техническая квалификация, место назначения, наличие продовольственных запасов и т.д.

Руководящие работники партизанских районов, согласно этой переписи, отправляли одних в контролируемые врагом районы и в Корею, а других — в глубокие горы, чтобы они занимались там земледелием. Формировали группы переселенцев с учетом того, кто может идти к родственникам, а кто нет, кто бесприютный сирота, а кто больной. К каждой группе был прикреплен небольшой вооруженный отряд, обязанностью которого было обеспечить переход переселенцев до места назначения.

Семьям, отправлявшимся из партизанского района в контролируемые врагом районы и в Корею, а также в глухие горные места, давали в среднем 30 — 50 *юаней* в качестве денежного пособия, снабжали их тканью, обувью, кухонной утварью и другими предметами первой необходимости. Чтобы добыть эти деньги и материалы, нам не раз приходилось вести бои. Из них до сих пор свеж в моей памяти штурмовой бой в коллективном поселении Даванцин. Этот налет был драматически связан с событием, когда О Бэк Рён в нарушение обычаев сильно обидел своего дядю. То, что О Бэк Рён залепил пощечину родному дяде, оказалось своего рода трагикомедией, рожденной историей

нашей многострадальной нации.

Совершив тогда налет на коллективное поселение, мы добыли много трофеев: более двадцати винтовок образца 38, свыше сорока голов волов и лошадей, несколько десятков мешков риса и пшеничной муки, деньги в сумме нескольких десятков тысяч *юаней*... Груз был небывало велик, его трудно было перенести на плечах бойцов. Командиры побежали в поселок, находившийся в 500 — 600 метрах от места боя, и привели жителей. Внезапный налет и быстрый уход—один из важных тактических принципов партизанских действий. Если бы мы мешкали с трофеями, то это замедлило бы отход отряда и могло дать неприятелю возможность нанести контрудар.

И в это время, когда каждая минута, каждая секунда были на счету, один усатый крестьянин угрюмо запротестовал, не желая тащить ношу. «Ребята, — говорил он, — не надо брать партизанский груз, это грозит нам смертью. Подумайте, что будет с нами, не допускайте легкомыслия!» Он даже мешал другим брать груз.

Это сильно задело О Бэк Рёна, и он бросил:

— Гражданин, если вам неохота грузы таскать, можете уйти. Однако усатый не собирался уходить домой, а лишь продолжал голосить о том, что переноска груза принесет большую беду.

Чаша терпения О Бэк Рёна переполнилась. Он с размаху ударил по щеке того самого усатого человека, а потом спросил своего дальнего родственника:

— Что это за негодяй? Реакционер?

— Эх ты, это твой родной дядя О Чхун Сам.

Услышав его ответ. О Бэк Рён был поражен. Его ошеломило то, что именно этот одураченный человек, недостойный звания корейца, оказался его дядей. В то же время его охватило сильное, леденящее сердце удивление: ведь он не узнал своего родного дядю, а ему самому уже стукнуло двадцать лет. Когда О Бэк Рён был еще несмышленым, О Чхун Сам покинул свой род, странствовал по чужим краям. Так что дядя не узнал своего племянника,

а племянник—дядю. В то время как О Бэк Рён возмужал и вырос в революционера, О Чхун Сам стал слабовольным человеком, опасавшимся революции. Сам боясь вступить на путь революции, и детям не давал включиться в ее водоворот. Такой уж он был малодушный человек, трус.

О Бэк Рён раскаивался в том, что ударил своего дядю, но у него не было случая извиняться. Поэтому он написал дяде короткое письмо и передал через того дальнего родственника.

«Дядя, извините за бесцеремонность. Но ведь я не знал, что вы — дядя. Прошу забыть обо всем. Моя к вам просьба — окунитесь в революцию, чтобы молодые больше не оскорбляли вас».

Впоследствии О Чхун Сам революционизировал всю свою семью, как советовал племянник. Сам стал революционером, помог жене и детям принять участие в антияпонском движении. Его сын О Гю Нам погиб в борьбе, отдав великому делу свою молодость.

— Пощечина племянника, в конце концов, вывела меня на верный путь, —говорил своим друзьям О Чхун Сам при каждом удобном случае.

Разумеется, О Бэк Рёна подвергли острой критике за то, что он чуть было не нанес ущерб отношениям между армией и народом. Если определять по степени родства, то дядя —самый близкий родственник, не считая родителей, но, с точки зрения Народно-революционной армии, О Чхун Сам все-таки обыкновенный представитель народных масс. Разыгралась краткая трагикомедия, но насмехаться над нею просто не приходится. Так или иначе он привез с помощью населения очень нужные нам трофеи, которые послужили большим подспорьем для будущей жизни народа, покидающего партизанские районы.

Правильность ликвидации партизанского района была практически доказана всем ходом развития антияпонской национально-освободительной борьбы, которая с неудержимой

силой стремилась к своему финишу — освобождению Родины, подняв на новый, более высокий рубеж антияпонскую революцию, переживавшую бурный подъем во второй половине 30-х годов.

Инициативная ликвидация партизанских районов и расширение театра боевых действий частей Народно-революционной армии полностью сорвали попытки врага загнать наши силы сопротивления в узкие горные местности Цзяньдао, чтобы окончательно задушить их там. В бескрайних просторах — в Южной и Северной Маньчжурии, в северных районах Кореи—крупные и малые отряды Народно-революционной армии смело противостояли численно и технически превосходящему врагу. А то, что Народно-революционная армия ликвидировала партизанские зоны в форме освобожденных районов и перенесла свои действия на оперативный простор, было огромным событием, подобным выходу из ущелья на равнину.

При поддержке мощной вооруженной борьбы жители, покинувшие партизанские районы, начали рассеивать семена революции на обширных пространствах, пуская там глубокие корни и умножая сеть организаций. За исключением немногих, подписавших документ о капитуляции, каждый из них становился, образно говоря, искоркой, огнем, способными воспламенить материк. И подпольщики-партизаны будоражили оккупированные врагом районы.

Работа по ликвидации партизанских районов, начатая в мае 1935 года, закончилась в начале ноября того же года с ликвидацией Чэчанцзыского партизанского района.

В Чэчанцзы эта работа проводилась на полгода позже, чем в других местах. Это было, прежде всего, следствием жесточайшей блокады: враг окружил партизанскую базу двойным, тройным кольцом и ждал, пока все жители умрут голодной смертью. Правда, отчасти вина в этом падает и на безответственных и неспособных работников, которые должны были заботиться о

жизнеобеспечении данного участка.

Когда на Минюегоуском совещании был обсужден вопрос: где именно создавать партизанские районы, Чэчанцзы в качестве наиболее подходящего места предлагали прежде всего выходцы из уезда Хэлун. Их мнение разделял делегат из уезда Аньту Ким Чжон Рён. Плодородная земля, девственный лес, крутые горы придавали этой местности черты идеальной природной крепости, на которую зарились и враги, и наши. Это была унылая глухомань, ничем не отличающаяся от других мест в Цзяньдао. А в ходе партизанской войны ценность Чэчанцзы возросла до предела благодаря модным сторонникам геомантики, более или менее сведущим в военном деле.

Происхождение названия местности не имело ничего таинственного с точки зрения военного дела. По словам коренных жителей, Чэчанцзы означало место, где зацепляют телегу. В доказательство достоинств Чэчанцзы как важного военного пункта для партизанского отряда хэлунцы приводили пример, что в свое время отряд Хон Бом До заманил японские войска на берег реки Гудунхэ и разгромил их в Циншаньли. А возможно это было, говорили они, только благодаря необычной привлекательности этой местности.

Чтобы помочь вооруженными силами созданию Чэчанцзы-ского партизанского района, мы направили весной 1934 года отдельный полк в район Аньту. Ким Иль Хван, Ким Ир и другие подпольщики пошли в Чэчанцзы.

Этот отдельный полк без особого труда вышвырнул оттуда одну роту марионеточной армии Маньчжоу-Го, дислоцировавшуюся поблизости от Чэчанцзы, и стал новым хозяином этой местности. При поддержке этих вооруженных сил жители Юй-ланцуньского партизанского района влились в Чэчанцзы и на противоположном берегу реки Гудунхэ возвели здание Хэлун-ского уездного народно-революционного правительства. Вскоре вслед за ними сюда один за другим перешли люди из

Ванъюйгоу и Саньдаованя через Шэньсянъдун и у входа в ущелье Дуннаньча подняли флаг Яньцзиского уездного народно-революционного правительства. Таким образом, в Чэчанцзы одновременно существовали два народно-революционных правительства двух уездов. Такое странное сосуществование продолжалось на протяжении года.

Чэчанцзыский партизанский район напоминал автомобиль с двумя двигателями или повозку, запряженную двумя воронами лошадьми, которые резво помчались вперед. Вначале положение с продовольствием здесь было не столь тяжелым. Согласно решениям Яоингоуского совещания работой по ликвидации Чэчанцзыского партизанского района должна была ведать группа партийных руководителей, присланная из Аньту. Между тем члены этой группы не разъяснили армии и народу курс на ликвидацию партизанского района, к тому же попытались казнить присланного в Чэчанцзы специального посланца, обвиняя его в причастности к «Минсэндану». Узнав позже об этом, я не мог сдержать удивления.

Чэчанцзы стало последней базой, на которую до последних дней опирались революционные массы в Цзяньдао, в частности в Яньцзи, Хэлуне и Аньту. И ощущение «последней опоры», видимо, породило нерешительность работников, отвечающих за ликвидацию этого участка.

В плотной блокаде жители Чэчанцзы вместе с армией защищали партизанский район до ноября 1935 года, что было просто поразительно.

Как уже было немного сказано, в те дни атмосфера в Чэчанцзы была неспокойной. Из-за разгула левачества, выражавшегося в борьбе против «Минсэндана», в партизанском районе царило беззаконие, а страшный голод угрожал смертью многим из числа революционно настроенных масс.

Когда мы начали развертывать объединенные операции крупных отрядов в районе гор Пэкту, Ким Пхен, Рю Ген Су, О

Бэк Рен, Пак Ен Сун нередко вспоминали о тех голодных днях. У партизанок Ким Мен Хва, Ким Чен Сук, Хван Сун Хи, Ким Чхоль Хо и Чон Хи даже после освобождения страны всякий раз за едой проливали слезы, воскрешая в памяти жизнь в Чэчанцзы. В то время Ким Мен Хва и Ким Чен Сук работали кухарками в партизанском штабе.

Положение с продовольствием в партизанском районе отразилось и на обеденном столе военного командования.

Для Ван Дэтая и других командиров штаба партизанкам-поварихам каждый день приходилось с утра подниматься в горы, чтобы содрать сосновую кору. Две вязанки сосновой коры величиной в обычную связку бобов — это был суточный рацион командиров штаба. Варили ее не менее трех часов в золе. Затем хорошо уварившуюся кору промывали в ручейке и отколачивали на камне деревянным валиком, потом снова промывали. До вечерней зари несколько раз повторяли эту процедуру, после чего готовили из полученного продУкта жидкую похлебку с добавлением рисовых отрубей или паровые хлебцы. И такое кушанье в Чэчанцзы считалось первосортной едой.

Съедая хлебцы из сосновой коры, люди страдали запором. Особенно тяжело приходилось детям. В таких случаях матери, глотая слезы, очищали им задний проход палочкой. И взрослые часто страдали от запора. Но на следующий день опять-таки ели это «кушанье».

Не было соли, и люди ели несоленую пищу. Жидкую похлебку и паровые хлебцы без соли есть еще было можно, но салаты и щи из съедобных диких трав без соли употреблять было трудно. Иногда заходили в Чэчанцзы связные и давали несколько щепоток соли, которую они хранили в кошельке на поясе. Соль с зернышко величиной по очереди облизывали кончиком языка и передавали другому. Казалось, что в горле появлялся ком.

Когда кончилась собранная сосновая кора, с мельниц при-

везли отруби, готовили из них жидкую похлебку. Говорили, что намного легче было глотать ее, чем похлебку из прошлогодних трав. Грубые, твердые травы в похлебке царапали горло. Люди же порой не имели даже такой грубой еды и умирали с голоду. Умерших было очень много.

Все с нетерпением ждали весны. Люди надеялись: в марте, когда придет весна, благодатная, богатая земля спасет бедных от угрозы голодной смерти. Но и весна не могла избавить их от этой угрозы. Все, что весной земля дарила беднягам, — убогие, ничтожные побеги, чуть высунувшие голову из-под сугроба. И они не позволяли жителям партизанского района хотя бы свести концы с концами.

Люди стали питаться змеями, не успевшими еще проснуться от зимней спячки. Потом взялись за мышей. В Чэчанцзы исчезли грызуны. Лягушки и их икра также стали для голодающих средством пропитания. Ким Чхоль Хо вспоминала, что вареная икра лягушки обладает клейкостью и мягкостью, как пшено, сваренное на пару, очень вкусна. Когда она однажды напомнила мне об этом, я будто почувствовал в горле эту неприятно вязкую «еду» и передернулся. Хотя и я, как бойцы, ел всякую пищу, что попадалась в руки, но все-таки не могу иметь определенного представления о вареной икре лягушки.

В обеденный котел клали и *тороги*[11], в которых ходили люди во время сева. Выпив по чашке настойки *тороги с* неприятным, как бы соленым, привкусом, люди ползали по полю, как солдаты в бою, рассеивая семена. Сегодня сеяли семена, а через день-два выкапывали их и поедали. Народно-революционное правительство и массовые организации вынуждены были ставить у посевов часовых, чтобы семена остались в почве. Но порой в сами стоявшие на часах, не вытерпев голода, избегая посторонних глаз, выковыривали и ели посеянные зерна.

Ночью детвора украдкой пролезала в кухню военного ко-

мандования. «Что ни говори, это называется столовой для командира корпуса и других военных начальников — неужели не найдется здесь что-нибудь поесть, хотя бы крошки?» — думали они. Но их предположения были просто наивной мечтой. Дети не знали, что когда они остаются без еды, без еды остается и Ван Дэтай. Но если бы дети не могли хотя бы тешить себя надеждой: «Достану пригорелый рис в штабной столовой», — то, кто знает, может быть, от отчаяния они не смогли бы устоять перед черной пастью смерти.

Поданный партизанками-поварихами пригорелый рис они, дрожа и всхлипывая, уничтожали мгновенно. Потом, охваченные чувством стыда, клялись: «Больше не будем приходить». Но на следующий день партизанки опять заставали у дверей столовой ватагу малышей, стоявших в ожидании подаяния.

Преодолевая такой страшный голод, жители Чэчанцзы ползком пропалывали борозды суходолов. Скребли руками землю и падали в изнеможении, но снова вставали и скребли из последних сил, измочаливая все ногти. Когда кончилось время второй прополки, заколосился ячмень. Из не налившихся еще зерен извлекалась только молочная жижа, которую вместе с шелухой мгновенно поедали голодные люди. Обессилевшие, они уже не могли встать на ноги и, лежа у борозды, с трудом рвали стебли, бережно вкладывали в рот одно за другим зернышки и разжевывали их.

Даже на грани голодной смерти жители Чэчанцзы сохраняли благородный человеческий облик. Это стало возможно лишь благодаря тому, что коммунистические идеалы, вошедшие вот уже несколько лет в их помыслы и поступки, а также коммунистическая мораль, приучившая их жертвовать собой ради коллектива, преобразили революционно настроенные массы в Цзяньдао в «святых совершенных людей». Варварского злодеяния — людоедства в Чэчанцзы не было.

Наступил период весеннего голода. Не вытерпев его, первы-

ми умирали дети — один за другим. Затем быстро стало расти число умерших от голода среди мужчин. На долю женщин, которым было суждено гнуть спину до последней минуты жизни ради мужа и детей, наряду с постоянным недоеданием выпадало еще одно огромное несчастье. Мертвые тела мужей и детей женщины засыпали сухой листвой без гробов, готовы были над каждым трупом рыдать до смерти, убитые горем. Но и на рыдания у них не хватало сил, высыхали и слезы. Вот какие адские муки выпали на долю наших женщин.

За все страдания Чэчанцзы из-за голода должны нести в полном объеме ответственность японские войска — захватчики, которые блокировали этот район и подвергли его непрерывной варварской карательной операции.

Но и ответственные работники партизанского района, в свою очередь, не сделали всего, что в их силах, чтобы хоть чем-нибудь накормить людей. Пробравшиеся в руководство реакционные и неблагонадежные элементы издевались над массами, выкрикивая ультрареволюционные лозунги: «Терпи голод, держись. Не сдаваться ни в коем случае! Умереть все равно что капитулировать!»

Жители Чэчанцзы умирали либо обвиненные в причастности к Минсэндану», либо от голода, но не уходили в контролируемые врагом районы и до последней минуты жизни боролись в защиту партизанского района. Проявленные ими стойкость и непреклонный революционный дух до сих пор, через полвека, трогают нас до слез.

В октябре 1935 года, когда на повестку дня был поставлен вопрос о ликвидации партизанского района, двадцать с лишним человек из семей а, Нам Чхан Су, Ли Ге Сун, Квон Иль Су и других, обвиненных в причастности к «Минсэндану», организовали так называемое объединенное хозяйство и, обосновавшись в глубине ущелья Дуннаньча, продолжали борьбу до самого лета 1936 года. Таким образом они пытались

снять с себя ярлык «минсэндановцев». Объединенное хозяйство — это
особая форма жизни, при которой разные семьи сообща вели единое хозяйство, вместе жили и боролись. В одном бревенчатом доме члены разных семей соединяли свои пожитки, избирали руководителя, ежедневно, еженедельно и ежемесячно распределяли между собой посильные поручения, совместно подводили итоги проделанного. Таким образом, они вели жизнь в организации.

Эти люди, члены семей, объединенных в одном хозяйстве, были последними защитниками Чэчанцзы.

Враги подняли на ноги несколько тысяч солдат и перешли от прежней односторонней военной тактики «выжженной земли» к тактике крупного комплексного блокирования — военного, политического и экономического. Карательные операции велись непрерывно, чтобы полностью подавить Чэчанцзы, и все-таки каждый раз терпели неудачу.

На участие в крупной карательной операции, имевшей место в октябре 1935 года, было брошено несколько тысяч вражеских солдат.

Мужественные защитники Чэчанцзы и на этот раз героически отразили нашествие врага. Они совершили ратные подвиги, сбив из стрелкового оружия самолет, совершавший воздушный налет на партизанский район.

В ноябре того же года жители Чэчанцзы распустили и покинули партизанский район, большинство из них вместе с армией отправились в сторону горы Нэдо.

Один из защитников Чэчанцзы, который в условиях вражеской блокады долгое время делил с народом одну судьбу — томился в голоде, страдал из-за недугов, сражался в окопах, Пэк Хак Рим восклицает: «Если не знаешь, в каких трагических условиях прожили жители Чэчанцзы во время антияпонской войны, не смей говорить о каких-либо трудностях жизни. Если

не знаешь, какой голод и холод переносили армия и жители Чэчанцзы, оказавшиеся во вражеской блокаде, срывая карательные операции врага, не смей хвастаться своей стойкостью в борьбе с трудностями!»

В ходе организации работы по ликвидации партизанских районов и при ее практическом осуществлении мы до конца убедились в организованности, стальной дисциплинированности, преданности революции и несгибаемой стойкости нашего народа, обрели твердую уверенность в том, что в любых трудных условиях мы вполне сможем одержать победу, если только как следует мобилизовать народ и умело направлять его силы.

Когда народ любой страны как один поднимается на борьбу не на жизнь, а на смерть против несправедливости, его никогда и никому не покорить ни блокадой, ни тактикой «выжженной земли». Таков поучительный урок, который преподносит нам история международного коммунистического движения. И поныне народы мира хорошо помнят, чем кончилась международная блокада, установленная четырнадцатью странами-интервентами против новорожденной Советской России. И гитлеровской Германии не удалось блокадой сломить Ленинград. Несмотря на тяжелые условия непрерывных бомбежек и обстрелов, защитники города Ленина пекли хлеб, выпускали танки, поднимали производство. Именно в 1943 году, когда буржуазия всех стран мира громко твердила о возможном падении Ленинграда, трудящиеся этого города совершили чудо, перекрыв уровень производства 1942 года. И в Китае неоднократная блокада и карательные операции чанкайшистской армии против антияпонских опорных баз каждый раз терпели поражения. США вот уже 30 лет продолжают блокировать Кубу, но им, разумеется, не удалось добиться своего. Они затратили огромные силы и средства на блокаду этого небольшого островного государства, но все усилия не принесли им желаемого эффекта. В последнее время на сессии ГА ООН была принята резо-

люция Кубы, отвергающая «закон Торриселли». Тем самым международное сообщество с насмешкой отнеслось к изжившей себя политике блокады, проводимой США, Ф. Кастро напомнил: «В момент опасности в организме человека больше выделяется адреналина». Адреналин — это гормон, усиливающий функцию сердца. Здесь термин использован как символ оптимизма кубинских коммунистов.

Сегодня современный империализм, прежде всего американский и японский, подвергает КНДР блокаде в политическом, экономическом и военном отношениях. Но и корейские коммунисты имеют в своем организме огромную массу гормонов, называемых чучхе, позволяющих успешно прорвать их блокаду. Если кто-то надеется, что сможет покорить военной силой, удушить и подавить в политическом и экономическом отношениях ТПК, КНДР и корейский народ, то это такая же наивная фантазия, как, скажем, попытка разбить скалу скорлупой ореха...

После ликвидации партизанских районов активизировалось выступление в Корею мелких отрядов и подпольщиков. На обширной земле Маньчжурии и Кореи рассыпалось бесчисленное множество семян революции.

И после ликвидации партизанских районов я никогда не забывал Ванцин, не ослаблял свое внимание к Цзяньдао.

Несмотря на ликвидацию партизанских районов, пять уездов в Цзяньдао по-прежнему служило главным театром наших боевых действий против Японии, к которому неизменно было приковано наше внимание. В одном только районе Ванпина крупные и мелкие отряды Народно-революционной армии, в том числе отряд Чвэ Хена, провели многочисленные бои и нанесли врагам сокрушительные удары. К ним относятся налет на коллективное поселение Шаниунь в Бэйхаматане, налеты на Сыдаохэцзы, на Чжунпи вдунь в Байцаогоу и на Далишугоу, бой из засады в Чжанцзядяне, штурмовые бои в Шанбажэньгоу,

Тайянцуне и Дахуанвэе, бой из засады в Цзяпигоу, налет на Юнцюцунь в Сяобайцаогоу, на лесоразработки в Шилипине, бой в Шитоухэ в Чуньфанцуне, налет на Шанлаомучжухэ в Лоцзыгоу и т.д.

Враги делали все, чтобы отразить налеты частей антияпонской партизанской армии, использующих тактику неуловимости. На важных железнодорожных магистралях в Цзяньдао впереди военных эшелонов и пассажирских вагонов для обеспечения их безопасности всегда шли бронепоезда, оснащенные тяжелым вооружением. Когда поезда ночью проходили через горные местности, требовали плотно закрывать окна светомаскировочными шторами, а жандармы, сыщики в гражданской форме и железнодорожные охранники блокировали каждый вагон, контролируя каждое движение пассажиров. Если кто-то поднимал штору и выглядывал в окно, к нему придирались: мол, помогаешь бандитам, и давали ему «леща».

Враги усиливали охрану коллективных поселений, насильственно мобилизуя население. В некоторых поселках переселенцев они даже раздавали жителям деревянные винтовки и взрывчатку с капсюлем на случай возможного налета революционной армии. До чего велик был испуг перед активной военной деятельностью Народно-революционной армии, хорошо показывает тот факт, что японские полицейские полностью переложили на китайских и корейских охранников ночную караульную службу в коллективных поселениях, а сами каждую ночь меняли места ночлега.

Среди японских полицейских и охранников Маньчжоу-Го один за другим появлялись курильщики опиума, зараженные чувством ненависти к войне и военной службе.

Достаточно упомянуть об одном только «случае с Мацумурой», имевшем место в районе Шисяня, чтобы понять, до чего разрослись пораженческие настроения японцев по отношению к собственной империалистической агрессии в

середине 30-х годов. Мацумура — это интеллигент, который одно время учительствовал в Японии, потом эмигрировал на чужбину в связи с преследованием красной профсоюзной организации преподавателей. Получив 2000 *иен* в виде аванса, он взялся служить десятником на лесозаготовительном предприятии в горах Пэкту, принадлежавшем одному японцу. Всего несколько месяцев спустя после начала его работы десятником наш отряд совершил налет на предприятие, а Мацумуре пришлось тащить на спине трофеи революционной армии, следуя за нами. Он имел возможность встретиться со мной, посмотреть выступление художественной самодеятельности и сказал, что уверен в могучей силе революционной армии. По возвращении к себе на предприятие он заявил об уходе с работы и вернулся на родину. Он понял, что поражение Японии в войне — вопрос времени.

В Ванцине и его окрестностях лесорубы, прошедшие раньше школу партизанских районов, подряд пускали под откос вражеские эшелоны. Партизанские районы были ликвидированы, но их дух по-прежнему жил на земле Цзяньдао и заставлял неприятеля дрожать от страха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Водораздел революции

В Северную Маньчжурию

к боевым друзьям

Странные узы

На берегу озера Цзинбоху

Соратники мои — на север,
а я — на юг

Знаменитый военачальник Чвэ Хен

Июнь 1935 —март 1936

1. В Северную Маньчжурию к боевым друзьям

Подготовка Народно-революционной армии ко 2-му походу в Северную Маньчжурию завершилась боевыми операциями в Лаохэйшане и в Тайпингоу. Экспедиционный отряд был сформирован из нескольких рот Ванцинского и Хуньчуньского полков и Молодежной добровольческой армии.В третьей декаде июня 1935 года отряд, торжественно провожаемый местными жителями, покинул Тайпингоу. Он добрался до Бажэньгоу через Шитоухэпзы и Сыдаохэцзы и двинулся в трудный горный поход. Нам предстояло преодолеть перевал Лаоелин. В рядах длинной походной колонны находилось и несколько бойцов отдельного полка из Аньту. Кажется, из людей, оставшихся ныне в живых, о 2-м походе в Северную Маньчжурию может помнить лишь один О Чжин У, бывший тогда бойцом 4-й Ванцинской роты. Среди соратников, участвовавших в этом походе, были Хан Хын Гвон, Чон Ман Сон, Пак Тхэ Хва, Ким Тхэ Чжун. Ким Ре Чжун, Чи Бен Хак, Хван Чжон Хэ, Хен Чхор, Ли Ду Чхан, О Чжун Ок, Чон Чхоль Сан. Однако они уже ушли от нас.

Во время 1-го похода в Северную Маньчжурию перевал Лаоелин был завален глубокими сугробами. Когда начался 2-й поход, лето уже вступило в свои права и все вокруг было покрыто густой зеленью. И если в октябре 1934 года отряд преодолевал этот перевал, пробиваясь сквозь снежные бури, то в июне 1935 года — страдая от палящих лучей солнца и несметных полчищ комаров. Нелегко было превозмогать лютый мороз, пробиваться через снежные заносы. Но жгучее солнце, зной тоже

изрядно помучили нас.

Строевые лошади, навьюченные минометом и станковыми пулеметами, выбиваясь из сил на крутых тропинках, заросших густым кустарником, то и дело останавливались. Мы продвигались вперед медленно, пядь за пядью, срезая штыками колючие кусты, с помощью пил расчищая тропинки от бурелома.

В те дни, когда мы шли через Лаоелин, во Внутреннем Китае Рабоче-крестьянская Красная армия Китая, возглавляемая Мао Цзэдуном и Чжу Дэ, прорвав двойное и местами тройное кольцо окружения чанкайшистских войск, успешно совершала исторический Великий поход в 25 тысяч *ли.* 30 мая 1935 года Красная армия, достигнув реки Дадухэ, после ожесточенного боя захватила старинный канатный мост Лудинцяо и открыла путь вперед нескольким десяткам тысяч своих отважных воинов. 30 мая — это как раз тот день, когда Ши Дакай, один из руководителей движения «Тайпин тяньго» (Небесное государство великого благоденствия — ред.), пытался форсировать реку Дадухэ. Вместе с тем это день 10-й годовщины трагедии в Шанхае. В такой знаменательный день доблестный ударный отряд Красной армии открыл проход через мост Лудинцяо. Это имело серьезное значение.

Весть о форсировании реки Дадухэ, пришедшая в Цзяньдао вслед за сообщением о Гуйчжоуских военных событиях, сильно вдохновила нас. После боя у Лудинцяо Красная армия преодолела гору Дасюэшань, одно из самых больших препятствий на пути Великого похода, а затем гору Цзяцзиныцань и вступила на равнину Ганьсу.

Наше внимание в ту пору привлекали, я бы сказал, романтические известия о том, что в Брюсселе открылась всемирная выставка, что в Москве введена в действие первая линия метро, что Красная армия Китая, начавшая Великий поход, прошла такой-то пункт, заняла такой-то район и тому подобные сообщения. Меньше обращалось внимания на трагические вести о том,

что Чанцзян вышла из берегов и унесла жизни сотен тысяч человек, что на Тайване землетрясением разрушено несколько тысяч жилых домов...

Наш переход через перевал Лаоелин был важным событием. Его можно сравнить с преодолением Красной армией горы Дасюэшань на пути Великого похода. Каждый раз, едва слышался приказ о привале, большинство бойцов экспедиционного отряда валялись с ног от изнеможения и отдыхали. Тотчас отовсюду раздавался храп всех ладов и оттенков. Людям трудно переносить голод, но не менее тяжко шагать и шагать без сна и отдыха. И все-таки никто из бойцов не жаловался, не роптал на то, что слишком быстро идем, не предлагал замедлить темп. Все, как один, действовали по приказам командиров быстро и точно, словно часовой механизм. Дело в том, что мы заранее провели основательную политическую работу. Бойцы сознавали цель похода в Северную Маньчжурию и духовно были полностью готовы к преодолению любых трудностей.

Народно-революционная армия могла бы развернуть свою деятельность и в Восточной Маньчжурии южнее перевала Лаоелин, и в Южной Маньчжурии. Тогда по какой же причине она, покинув Восточную Маньчжурию, свою колыбель и гнездо, решилась на новое большое дело? Почему она, определив Северную Маньчжурию как первую цель своего похода после ликвидации партизанских районов, пошла на величайшие трудности, двинулась на перевал Лаоелин? Какие политические и военные факторы побудили нас вести экспедиционный отряд в Северную Маньчжурию, где были сосредоточены японские войска и марионеточная армия Маньчжоу-Го? Самая главная цель состояла в том, чтобы укрепить солидарность с корейскими коммунистами, действовавшими в Северной Маньчжурии, открыть путь к всестороннему сотрудничеству, взаимодействию, совместной деятельности с ними.

Большинство зачинателей, руководителей и инициаторов

коммунистического движения в Восточной Маньчжурии были корейцы. Зачастую и в Северной Маньчжурии основоположниками коммунистического движения тоже являлись корейцы. Они были пионерами, играли роль ядра в развертывании в тех краях партизанского движения. Чжоу Баочжун при каждом удобном случае высоко оценивал большие усилия и заслуги корейцев перед революцией на Северо-Востоке Китая.

— К 1930 году большинство секретарей уездных и участковых комитетов партии во всех местностях Северо-Востока Китая были корейские товарищи. Не только во многих уездах Яньбяня. но и в Нинане, Боли, Танюане, Жаохэ, Баоцине, Хулине, Илане и многих других уездах Северной Маньчжурии почти все секретари и члены укомов были представителями корейской нации, — говорил Чжоу Баочжун.

Однажды весной, когда антияпонская революция вступила в завершающий этап, мы гуляли с ним по песчаной дорожке у Северного тайного лагеря в окрестностях Хабаровска. Неподалеку была видна река Амур. Он с глубоким волнением вспоминал дни совместной борьбы объединенной антияпонской армии.

— Нельзя говорить об истории развития объединенной антияпонской армии, не воздав должное заслугам корейских товарищей. Всему миру известно, что более девяноста процентов личного состава 2-го корпуса составляли корейцы... Да и в организации 1-го, 3-го, 4-го, 6-го и 7-го корпусов главными инициаторами тоже были корейские товарищи; Ли Хон Гван, Ли Дон Гван, Чвэ Ён Гон, Ким Чак, Хо Хен Сик, Ли Хак Ман. После смерти Лаовэя и Ян Цзинюя вы, командующий Ким Ир Сен, уже несколько лет возглавляете не только 2-й, но и 1-й корпус и руководите антияпонской войной... Нам же, хозяевам революции на Северо-востоке Китая, зачастую хотелось бы, прямо скажу, низко вам за все это поклониться. Мы решили после нашей победы в антияпонской войне непременно воздвигнуть

на земле Северо-востока Китая памятник павшим корейским бойцам.

Действительно, после окончания антияпонской войны Чжоу Баочжун добился того, чтобы Гиринский провинциальный комитет партии принял постановление о сооружении в районах Гирина и Яньбяня памятников павшим корейцам.

В Северной Маньчжурии корейцы были вынуждены жить, как скот, под гнетом японских и маньчжурских чиновников и местных помещиков. Обширная Южная и Северная Маньчжурия, где раскинулись безбрежные равнины, в том числе Сунляо и целинные земли, являлась известной всему миру житницей, дающей десятки миллионов тонн зерновых в год. Но даже здесь наши бедные соотечественники, люди, пришедшие осваивать эту целину, постоянно страдали, беспокоясь о питании, одежде и жилье.

Вскоре после войны на одном скромном банкете я видел, как проливал слезы Ли Ен Хо, вспоминая о голоде, который он переживал в детские годы в Северной Маньчжурии. По его словам, это было время, когда его семья жила то ли в Вужэньбане, то ли в Саньчакоу или Жаохэ. Значит, это было, наверное, около 1915 года. В семье кончились продукты, едва сводили концы с концами, питаясь всю осень капустными покрышками. Вначале и они казались вкусными, но когда эту пищу ели подряд три дня, от нее тошнило. Маленький Ен Хо, потихоньку от родителей, выплескивал под стол горьковатую кашицу и глотал лишь отвар. Мать, заметив это, горевала, плакала, прикрыв свое лицо подолом юбки.

В те годы бедный Ли Ен Хо носил штаны, сшитые из пенькового мешка. На мешковине было напечатано крупными синими иероглифами: «白米» («белый рис»—ред.). При раскройке не обращали внимания, как выглядит одежда, и оба слова «красовались» на правой штанине. Но юный Ен Хо ни чуть не досадовал на это, не ведая, что означают эти знаки. Наоборот,

он воспринимал надпись словно какой-то таинственный талисман от матери и старался сохранить ее в своей памяти. Каждый день бедный Ен Хо ходил в единственных штанах с чудной надписью, но ни разу, кстати, не попробовал того риса, который невольно «рекламировал» своей одеждой. Так и прошло его детство.

Этот эпизод — пример той нищеты, которую в прошлом переживали наши соотечественники в Северной Маньчжурии.

В свое время Ли Дон Хва опубликовал в журнале «Кэбек» («Сотворение мира» — ред.) статью «Путешествие по Южной Маньчжурии», где сказано: «В Маньчжурии кишмя кишат конные грабители, совершая неописуемые бесчинства». Но в Северной Маньчжурии они вели себя еще неистовее, чем в Восточной и Южной. Это угнетало население не менее, чем карательные экспедиции японских войск и марионеточной маньчжоугоской армии. Для североманьчжурских бандитов убить людей — пара пустяков. После того, как шайка из сотен бандитов, вооруженных кинжалами и карабинами, налетала, как стая воронья, и совершала убийства, поджоги и грабежи, наши соотечественники, полные страха и тревоги, часто переселялись в другие места. Бандиты уводили невинных жителей в качестве заложников, требуя выкуп. укрыв человека в глубоком лесу, отрезали ухо, палец руки или ноги и посылали их его родным с угрозой: мол, это ухо вашего сына; если не пришлете такую-то сумму до такого-то числа, он будет убит. Семьям, получившим подобное послание, оставалось только продавать все имущество, чтобы спасти своего сына. Если деньги, которых требовали бандиты, не посылались, то в большинстве случаев заложников возвращали домой мертвыми.

Северная Маньчжурия не была «обетованной землей» и краем «примирения и согласия пяти наций». Там господствовали растущее социальное зло и волчьи законы. В этих краях корейцев ждала участь рабов, рабочего скота, обслуживающих интересы

японских высокопоставленных чиновников, военщины, магнатов, банкиров и торговцев. Эта проклятая действительность много лет назад заставила корейцев Северной Маньчжурии войти в антияпонский фронт спасения страны, начать борьбу за свободу и независимость Родины.

Передовые люди Кореи, проживавшие в Северной Маньчжурии, как и в Цзяньдао, давно взялись за активное прокладывание пути коммунистического движения. Среди образованных, разумно мыслящих, восприимчивых корейцев почти не было таких, кто не включался бы в коммунистическое движение. Толковые корейцы, все без исключения, считали коммунизм единственно верным идейным убеждением и отдавали себя революционному движению, исповедуя лозунги свержения японского империализма, свержения ига помещиков и капиталистов,

Пионеры — основатели комдвижения в Северной Маньчжурии с начала 30-х годов проводили подготовку к вооруженному сопротивлению во имя победы над японскими империалистами. В уезде Баоцин под руководством Чвэ Ён Гона были организованы учебные курсы для двухсот с лишним корейских юношей. Так началась работа по закладке фундамента антияпонского партизанского отряда. Как показывает само название, эти учебные курсы явились военным училищем для политической и военной подготовки молодежи, призванной стать в дальнейшем костяком революционной армии. Как и в училище «Хвасоньисук», где я занимался, так и здесь молодые люди изучали историю, осваивали тактику, тренировались в стрельбе. Учебные курсы были сформированы из 10 рот. Командующим и главным начальником штаба был Чвэ Ён Гон, комиссаром — Пак Чжин У (настоящее имя — Ким Чжин У).

«Утвержденные усы» Ким Рён Хва, автор книги «Поход в тысячу *ли»,* был командиром одной из рот учебных курсов. Прозвища «утвержденные усы», думается, он удостоился, однако,

гораздо позже, в середине 50-х годов, когда закончилась в нашей стране великая война против империализма США, С началом строительства основ социализма в образе жизни нашего народа произошел ряд изменений. Среди них особенно заметно бросалось в глаза то, что на улицах исчезли щеголи с усами, стиляги с длинными волосами, люди с наголо постриженными головами или в коротких штанах. Не был принят государством закон о том, какие брюки должны носить граждане, как им стричь волосы и брить ли усы. Но в жизни, в быту населения сами по себе произошли удивительные перемены.

Только ветеран антияпонской борьбы генерал-майор Ким Рён Хва, начальник арсенала Народной Армии, ходил по-прежнему без стеснения с длинными усами, как у АН Чхан Хо. Некоторые соратники советовали ему сбрить их. Жена, дети и даже вышестоящие работники настойчиво склоняли его к этому, но он пропускал их советы мимо ушей. Наоборот, по утрам стоя перед зеркалом, он еще усерднее и заботливее ухаживал за своими усами.

Как-то раз Ким Рён Хва спросил меня:

— Уважаемый Председатель, что вы думаете о моих усах?

— Думаю как о великолепном шедевре. Как же может жить Ким Рён Хва без этих усов, ты бы не был таким красавцем! Я никогда не представлял себе Ким Рён Хва без усов.

— То есть вы утверждаете вот эти мои усы?

— Какое тут утверждение-то? Народ предоставил мне, Председателю, большие полномочия. Это факт. Но вот права распоряжаться чужими усами пока не дал. Решающее право у тебя, товарищ Рён Хва. Тебе это нравится — можешь растить их дальше, а если нет — сбрить...

— Понял. Чего греха таить, уважаемый Председатель. Из-за этих усов я изрядно намучился. Но теперь другое дело — все образуется.

И Ким Рён Хва с сияющим лицом вышел из моего кабинета.

Прошло несколько месяцев. Однажды он приехал в здание Кабинета Министров, чтобы встретиться со мной. Но у ворот офицеры охраны задержали его—из-за усов. Как правило, в мой кабинет не пропускали тех, у кого внешний вид не очень опрятный, и не соблюдающих как следует личную гигиену.

Со стороны парадных дверей донесся шум ссоры, и я открыл окно.

— В чем дело, товарищ офицер?

— Мы сказали товарищу генерал-майору, что нельзя ходить с усами, А он ответил — это, мол, «утвержденные усы». Правда ли, что вы, товарищ Верховный, утвердили их?

Офицер охраны подозрительно глядел на Ким Рён Хва.

— Вот так вопрос! Больше не обижайте товарища генерал-майора. Эти усы совершенно неприкосновенны!

После этого случая в войсках распространилось прозвище Ким Рён Хва «утвержденные усы».

Ким Рён Хва женился в 9 лет, а с 11 лет взялся за соху, став опорой семьи. Это был искушенный воин с богатой ратной биографией: в 13 лет стал связным у Хон Бом До, участвовал в знаменитой битве под Иманом, которая повлекла за собой несколько десятков тысяч убитых и раненых.

Итак, вначале учебные курсы в Баоцине были созданы исключительно из корейской молодежи. Иначе и быть не могло: в то время преобладали утверждения, что для достижения независимости Кореи необходимо сформировать отряд только из корейцев, с чужеземцами возникнут осложнения в управлении отрядом. Однако постепенно громче стали звучать голоса о том, что чисто корейский состав затруднит создание коалиции с китайскими антияпонскими отрядами, да и изолирует отряд от китайского народа. И вот организаторы курсов приняли на них двух китайских юношей. Но эти двое китайцев, как назло, в ходе обучения оказались предателями и разгласили врагу тайну

курсов.

Чтобы избежать повальных арестов, курсы перебазировали в другое место, в километрах 120 от Баоцина, где специально построили новый учебный корпус. Но и там не было покоя от карательных операций врага. В конце концов, курсы пришлось распустить.

Чвэ Ён Гон переместил свою базу в Жаохэ. Вместе со своими соратниками Пак Чжин У, Хван Ге Хыном, Ким Рён Хва, Ким Чжи Меном он организовал в Саньитуньской начальной школе новые курсы, приняв на них примерно семьдесят юношей. Из отборных курсантов, хорошо подготовленных в военно-политическом отношении, он создал Красный спецотряд, который называли еще и группой красного террора. В его основную задачу входила ликвидация вражеских прихвостней, охрана военно-политических кадров, добыча оружия. Позже Чвэ Ён Гон на его основе создал Жаохэский рабоче-крестьянский партизанский отряд.

И до и после организации партизанских отрядов в Танюане и Жаохэ один за другим появлялись вооруженные отряды в Нинане, Мишане, Боли, Чжухэи Вэйхэ, которые начали трудный путь антияпонской войны под командованием Ким Чака, Хо Хен Сика, Ли Хак Мана, Ким Хэ Сана и других.

Ким Хэ Сан и Ли Гван Рим вместе с Чжоу Баочжуном заложили фундамент 5-го корпуса, а опытные военачальники Ким Чак и Хо Хен Сик совместно с Чжан Шоуцзянем и Чжао Шанчжы сформировали 3-й корпус. Чвэ Ён Гону, Ли Хак Ману, Ли Ен Хо, Ан Ену, Чвэ Иру вместе с Ли Яньлу принадлежали большие заслуги в организации 4-го и 7-го корпусов. При этом они сыграли роль знаменосцев.

Военные песни корейских коммунистов звучали чуть ли не во всех районах Северной Маньчжурии — на территории в несколько сотен тысяч квадратных километров: от перевала Лаоелин на юге до реки Амур на севере, от реки Уссури на востоке до

перевала Дасинаньлин на западе.

Ким Чак командовал партизанами, главным образом, в районе Биньцзяна, охватывающем местность восточное и северо-восточное Харбина, в то время как Чвэ Ён Гон и Ли Хак Ман совершали непрерывные налеты на коллективные поселения и тыловые базы противника, базируясь в горах Ваньдашань.

Во второй половине 30-х годов Хо Хен Сик совместно с Ким Чаком и Ма Док Саном организовал Северо-западный экспедиционный отряд, а потом выступил в Хайлунь и многие другие уезды, налаживая связи с партизанскими отрядами, действовавшими по соседству. Затем он смело взялся за освоение этих краев.

Кан Гон, базируясь в горах Лаолиншань, искусно бил врагов, исходив вдоль и поперек леса и равнины на обеих берегах реки Муданьцзян. Он хоть и был молодым командиром, но, обладая незаурядным умом и неиссякаемой энергией, быстро вырос в многообещающего военачальника.

Борцы из Цзяньдао, можно сказать без преувеличения, оказали весьма большое влияние на углубление, развитие партизанского движения в Северной Маньчжурии. Ким Чак, Хан Хын Гвон, Пак Киль Сон, Ан Ен, Чвэ Ир, Чон Чхан Чхор и другие товарищи, достаточно проверенные и закаленные практической борьбой в Восточной Маньчжурии, стали и в Северной Маньчжурии активными организаторами, пропагандистами и руководителями. Они ценой большого труда открыли пути к наступлению в развертывании антияпонской войны.

Корейские коммунисты в Северной Маньчжурии всегда с большим интересом следили за всем ходом развития революции в Восточной Маньчжурии и прилагали неустанные усилия к установлению связей с действовавшими там корейскими коммунистами. По различным каналам они постоянно получали известия о событиях в Восточной Маньчжурии.

Чжоу Баочжун больше всех передавал людям Северной Маньчжурии вести о Цзяньдао. Широко информировали о делах

в Восточной Маньчжурии также связные 5-го корпуса под командованием Чжоу Баочжуна. Они часто навещали Ванцин, базируясь в Нинане. То же можно сказать о тех, кто был направлен из 2-го корпуса в 5-й, 3-й, 4-й, 7-й, 6-й, 8-й, 9-й корпуса и многие другие части Северной Маньчжурии.

Руководство Восточногиринского бюро (Восточногиринский провинциальный комитет) тоже играло роль важного пропагандистского центра. Отсюда поступала информация о положении в Восточной Маньчжурии. Через Восточногиринское бюро соратники в Северной Маньчжурии принимали печатные издания лагеря красных, выпускаемые в Восточной Маньчжурии, в том числе такие секретные документы, как «Программа ЛВР из десяти пунктов».

Тогдашнее Восточногиринское бюро также играло роль коммутатора, соединяющего Восточную, Южную Маньчжурию и Северную Маньчжурию между собой.

Известно, что Ли Ен Хо, будучи заведующим отделом пропаганды Жаохэского Укома партии, побывал в Восточногиринском бюро, где по официальным каналам получил «Программу ЛВР из десяти пунктов». Вернувшись к себе, он подробно сообщил соратникам о материалах, касающихся Восточной Маньчжурии, которые он собирал с помощью Восточногиринского бюро. Впоследствии он очень сожалел, что подлинники этих материалов утрачены во время антияпонской войны.

Среди соратников в Северной Маньчжурии наиболее активно пропагандировали нас Ким Чак и Чвэ Ён Гон. «Они энергично, умело разъясняли бойцам Народно-революционной армии, рабочим и крестьянам, какую генеральную линию, стратегию и тактику, какие актуальные задачи мы наметили для победы корейской революции. Они постоянно твердили о необходимости учиться на наших ратных подвигах, брать в пример высокие наши моральные качества.

— Сейчас, говорят, революционная борьба в Восточной Маньчжурии продвигается по стратегическому замыслу командира Ким Ир Сена,—так сказал Чвэ Ён Гон своим бойцам при создании Жаохэского партизанского отряда. — Как мне известно, командир Ким — молодой руководитель, он пользуется глубокой любовью народных масс. Это поистине большое счастье для белоодежной, нашей корейской нации, которая ощущает отсутствие руководителя. Очень хотелось бы, выкроив время, хоть разок встретиться с ним. Но как мне осуществить свою мечту, пока не знаю. Очень досадно.

Чвэ Ён Гон четыре раза направлял мне письма из Северной Маньчжурии. Однако все связные, которые должны были передать мне эти письма, погибли в пути. Ни один из них не добрался до меня. Лишь один связной, пройдя сквозь жестокие кордоны, чудом достиг места близ Дуньхуа — района действий нашего отряда. Но и он погиб, не успев выполнить порученное задание. Если бы он сумел уберечься от врага еще день-другой, то мог бы повидаться со мной. И тогда моя встреча с Чвэ Ён Гоном состоялась бы не в 1941 году, а еще в середине 30-х годов, где-нибудь в Цзяньдао — театре наших действий или в Южной и Северной Маньчжурии.

В 1941 году я, встретившись с Ким Чаком и Чвэ Ён Гоном в Хабаровске, очень удивился: они подробно знали мою биографию и историю моей семьи! Оба знали даже о том, что ямочка на моей щеке и зуб, расположенный вне зубной дуги, являются особыми приметами для тайных агентов Японии, которые более 10 лет ищут меня в надежде получить огромную денежную премию: за мою голову обещали несколько десятков тысяч *вон*.

Они хорошо знали нас, но и мы, конечно, были достаточно осведомлены по тем или иным каналам о людях Северной Маньчжурии. Если Ким Чак хорошо знал о том, что мне активно помогал священник Сон Чжон До, когда я сидел в тюрьме в Гирине, то мне был хорошо известен факт, что Ким Чак

пользовался большой помощью Хо Хона[12], когда был заточен в Содэмунскую тюрьму. На жизненном пути революционеров, прошедших огонь, воду и медные трубы, было немало удивительных событий, сногсшибательных эпизодов, о которых нельзя слышать без волнения. Разнообразие, богатство таких событий характерно особенно для жизни людей, которые много работали и совершали большие подвиги. Но нечего рассказать тем людишкам, которые ничего не делали — били баклуши, гоняли лодыря!

Однажды один из связных нашего отряда вернулся из Северной Маньчжурии с шокирующей байкой о том, что командир 7-го корпуса Ли Хак Ман рос до 11 лет, вскармливаемый грудью. Этим он насмешил боевых друзей. Слушая его рассказ, все мы, закинув головы, громко хохотали. Бойцы атаковали связного: «Чепуху ты мелешь. Ну, виданное ли это дело? Кормиться грудью в 11-летнем возрасте, когда уж и жениться пора? Это вымысел, ложь». И я, разумеется, думал, что рассказ связного слишком преувеличен.

Позже, в Северном тайном лагере в Хабаровске, впервые встретившись с Ли Ен Хо, племянником Ли Хак Мана, я спросил у него:

— Правда ли, что твоего дядю до 11 лет кормила грудью жена старшего брата?

Ли Ен Хо ответил утвердительно.

— Если твой дядя кормился грудью жены старшего брата, значит, его кормила твоя мать. Твой большой дядя, наверное, эксплуатировал и твою долю?

Когда я пошутил так. Ли Ен Хо поспешно заступился за своего дядю.

— Нет, тут никакой эксплуатации не было. Я бы не допустил этого. Дядя кормился лишь одной частью груди, а другая была моей.

— Вот видишь, он эксплуатировал пятьдесят процентов

твоего продовольствия. Не двадцать или тридцать процентов, а добрую половину? А ты, вижу, все же заступаешься за такого дядюшку!

Слушая мою шутку, Ли Ен Хо смеялся до слез.

— Мне хватало одной части груди. Видимо, у моей матери было достаточно молока. После моего рождения ее грудь набухла от молока. Избыток она сцеживала и выливала. Сцеживать молоко вручную больно и трудно, тем более до конца. Поэтому моя бабушка однажды велела дяде Хак Ману немножко пососать грудь моей матери. Он так и сделал. Вначале выплевывал все высосанное молоко, но как-то раз глотнул для забавы. Потом и говорит: «Вкусное же молоко у тебя, тетенька, как у моей матери». После этого он каждый день сосал молоко моей матери.

— Твой дядя, оказывается, был таким неразборчивым в еде.

— Да, он был особого характера. Бабушка с беспокойством говорила; «Ты высосешь все молоко. Беда какая! Чем кормить Сок Сона?» А он в ответ: «Не беспокойся, бабушка. Я же кормлюсь лишь одной частью груди». Сок Соном звали меня в детстве. Когда мне шел второй или третий год, дядю отняли от груди. Но когда я сосал молоко у матери, он всегда глотал слюну, сидя перед ней.

В тот день Ли Ен Хо рассказал мне еще несколько эпизодов о своем дяде.

Я был полностью очарован человеческим образом Ли Хак Мана. Но его, к сожалению, уже не стало. В 40-е годы, когда состоялась моя первая встреча с Ли Ен Хо, уже многие борцы из антияпонских отрядов Северной Маньчжурии легли костьми в землю.

Ан Ен, служивший раньше во многих частях объединенной антияпонской армии Северной Маньчжурии, со слезами на глазах называл имена боевых друзей, похороненных в горах и на равнинах этого района.

Но в то время, когда мы после боя под Тайпингоу переправлялись через перевал Лаоелин, большинство из них были живы и беспощадно, как бесстрашные тигры, громили врагов, стремительно передвигаясь по равнинам и через горы Северной Маньчжурии. Именно они, соратники в Северной Маньчжурии, так страстно жаждали встречи с нами. У них было немало трудных проблем, требовавших решения не только ради сотрудничества с нами, но и для налаживания связей с Коминтерном, китайскими коммунистами, китайским народом и китайскими антияпонскими отрядами. У нас тоже был ряд вопросов, была потребность поделиться с друзьями мыслями и чувствами. Если мы в Восточной Маньчжурии ломали голову над проблемой «Минсэндана», то и они, в свою очередь, испытывали затруднения в решении собственных проблем.

Подобные обстоятельства заставили нас торопиться со 2-м походом в Северную Маньчжурию. От соратников в Северной Маньчжурии мы ждали только одного — любви к соотечественникам. Шумиха с борьбой против «Минсэндана» превратила партизанский район Цзяньдао, где прежде царила атмосфера любви и доверия, в место, лишенное человеческой теплоты. В такой обстановке черствости мы за несколько лет истосковались по человеческой привязанности и жаждали ее, как ждут оазиса идущие через пустыню. Пусть высок и крут перевал Лаоелин, но это препятствие не могло преградить путь нам, неудержимо, как плывущие облака, стремящимся душой к друзьям в Северную Маньчжурию.

Другая цель организации нами 2-го похода в Северную Маньчжурию заключалась в упрочении боевого союза с китайскими коммунистами Северной Маньчжурии, которому было положено начало уже во время 1-го похода в Северную Маньчжурию. Предстояло лучше наладить совместную с ними борьбу в соответствии с требованиями новой эпохи. Империалисты, приведенные в растерянность и замешательство антиимперия-

листическими и антивоенными выступлениями прогрессивного человечества и социалистических сил, с середины 30-х годов начали укреплять международную коалицию против сил мира, выступающих в защиту самостоятельности. Гитлеровская Германия, Италия Муссолини и Япония готовились ввергнуть человечество в пучину новой мировой войны. Они спешили сколотить антикоммунистический альянс, выступающий против мира.

Такая ситуация диктовала срочную необходимость укрепления международной солидарности с коммунистами разных стран, в частности, с китайскими, для того, чтобы развивать антияпонскую революцию согласно велению нового времени. Отрядам объединенной антияпонской армии всей Маньчжурии нужно было избавиться от замкнутости и изолированности, укрепить взаимосвязь, чтобы громить врагов соединенными силами. Таким было и неизменное требование Коминтерна,

В те времена силы корпусов, организованных на Северо-Востоке Китая, были неравными. Ощущались известные различия в их боеспособности, подготовленности, в зависимости от личных качеств командиров. Как правило, каждый корпус без связи с соседями вел нелегкие бои в одиночку, окопавшись в определенной зоне. Распыленность мешала комплексно использовать силы партизанских отрядов, находившихся во всех районах Маньчжурии, в соответствии со сложившимися обстоятельствами и изменениями военно-политического положения. Это было чревато опасностью, что в дальнейшем партизанские отряды, действующие каждый сам по себе, замкнуто и разобщенно, могут быть разбиты неприятелем поодиночке.

Именно поэтому партизанские отряды, существовавшие в Восточной, Южной и Северной Маньчжурии, должны были установить контакты с отрядами других местностей. Перед всеми партизанами Маньчжурии стояла боевая задача — выйти за рамки старого образа действий. В опорных партизанских

базах в виде постоянного освобожденного района они действовали изолированно и безо всякой помощи, защищая ограниченный участок. Требовалось развернуть шире и смелее военно-политическую деятельность, тесно сотрудничая друг с другом и поддерживая друг друга. Без выполнения этой стратегической задачи нельзя было поднять партизанское движение в Маньчжурии на более высокую ступень, углубить, развить его по единому плану.

В процессе «антиминсэндановской» борьбы возникли раздоры и недоверие между коммунистами двух стран — Кореи и Китая. Это могло затруднить их совместную борьбу. Атмосферу отчуждения можно было начисто устранить, наладив сотрудничество с китайскими коммунистами в Северной Маньчжурии.

Пока мы переправимся в Северную Маньчжурию с отрядом и будем воевать там несколько месяцев, из Москвы с заключительным ответом Коминтерна вернутся Вэй Чжэнминь и Юн Бен До. Встреча с ними была еще одной важной целью, которую мы поставили перед собой при организации 2-го похода в Северную Маньчжурию.

С большим трудом преодолевали перевал Лаоелин бойцы рот Хуньчуньского полка, сформированных из перешедших после путча на нашу сторону солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го. Не привыкшие к горным условиям, они изрядно изнемогли уже после двухчасового перехода. По моему приказу Чан Рён Сан из Ванцинского полка взял на себя эти три роты и помогал бойцам. Он много лет работал сплавщиком между Чжуаньцзяолоу и Саньчакоу и слыл богатырем. С одного взмаха кинжалом Чан Рён Сана кусты падали, словно подкошенные. Он без труда карабкался на крутой перевал, взвалив на плечи винтовки и вещмешки двух-трех бойцов.

— Ребята, кто не может осилить этот перевал, тот не достоин быть мужчиной. Тому следует тут же отрезать «орудие»,

— ободрял он бойцов соленой шуткой.

Титаническими усилиями мы преодолели перевал Лаоелин. Но лишь в июле едва разыскали близ Шаньдунтуня место, где находился Чжоу Баочжун. Теперь на плечи вчерашнего заведующего военным отделом Суйнинского главного укома партии была возложена новая ответственная должность — должность командира 5-го корпуса объединенной антияпонской армии. Еще несколько месяцев назад Чжоу Баочжун встречал нас, неуклюже опираясь на палку. На сей раз он обнял меня, дойдя без трости до Лаоцюаньгоу, расположенного в четырех километрах от тайного лагеря.

— У меня рана уже залечена начисто. После того, как ушел ваш экспедиционный отряд, мы организовали новый корпус. Теперь в Нинане активно действуют партийные и массовые организации. Всем этим мы обязаны вам, командующий Ким. В прошлом году ваш экспедиционный отряд хорошо помог нам.

Мы не успели задать ему вопросы, как он уже взволнованным голосом без передышки рассказывал о положении в Нинане.

— Рад, что у вас, уважаемый Чжоу, излечена рана. Кажется, последние несколько месяцев время славно поработало на вас. Сколько у вас отрадных дел! Поздравляю с назначением командиром 5-го корпуса.

Поздравив Чжоу Баочжуна, я спросил у него о Пин Наньяне.

Как только я вступил на североманьчжурскую землю, невольно вспомнилась мне дружба с ним, скрепленная год назад на поле боя. Поистине удивительно, но в память мою глубоко запал образ этого упрямого военного человека, словно закадычного друга детства, хотя мы провели вместе с ним всего месяц-два.

По прибытии на базу 5-го корпуса мы без промедления обменялись с Чжоу Баочжуном мнениями о вопросе взаимодействия. Тут возникли незначительные трения. Чжоу Баочжун пытался навязать командиру Хуньчуньского полка Хоу Гочжуну свой план действий, касающийся экспедиционного отряда из

Восточной Маньчжурии. По этому поводу диалог между обеими сторонами на некоторое время зашел в тупик. Ху Жэнь, комиссар 5-го корпуса, со своим отрядом действовал тогда в районе Мулина, и Чжоу Баочжун требовал от нашего экспедиционного отряда направиться в Мулин и воевать там, помогая Ху Жэню, а потом выступить в район Вухэлиня и занять его.

Это была не очень-то трудно выполнимая просьба, но самолюбивый Хоу Гочжун наотрез отказал в ней, восприняв ее, видимо, как руководящее распоряжение. Ан Гир и Ким Ре Чжун присоединились к его мнению. «У нас есть цель похода, есть свой маршрут. Значит, вы не вправе отдавать нам приказ. 2-й корпус — это второй, а 5-й — это пятый», — возражали они.

И это не было капризом. Ведь мы прибыли в Северную Маньчжурию, представляя 2-й корпус, так что не могли под предлогом совместной борьбы бездумно менять планы по мановению чужой дирижерской палочки.

Далее, Чжоу Баочжун повел разговор о том, что партизаны имеют такое тяжелое оружие, как пушка и станковый пулемет. Это, сказал он, авантюра, такое вооружение не соответствует особенностям партизанской войны.

Я не отвергал с порога его утверждения — в них есть свой резон. Я полагал, что время покажет, соответствует ли тяжелое оружие особенностям партизанской войны или нет. Мы сами, начиная антияпонскую войну, утвердили принцип: основным видом вооружения, которым будет пользоваться партизанский отряд, должно быть легкое оружие. Однако мы попробовали в бою под Тайпингоу миномет и познали его мощь. После этого у нас сложилось мнение, что нет надобности огульно отрицать возможность применения тяжелого оружия в партизанской войне. При соответствующих обстоятельствах и условиях его продуманное использование может дать большой эффект. Например, советские партизаны применяли орудия и станковые пулеметы «Максим» во время гражданской войны. К тому времени и

некоторые китайские партизаны иногда имели на вооружении пушки.

Называя авантюрой то, что экспедиционный отряд из Восточной Маньчжурии носит с собой орудием станковый пулемет, Чжоу Баочжун, можно сказать, допустил оплошность.

Чтобы смягчить напряженную обстановку, я предложил всем как следует отшлифовать свои мысли, касающиеся совместных действий, а потом снова сесть за стол, чтобы составить план, приемлемый для обеих сторон. Чжоу Баочжун охотно согласился. Таким образом мы получили возможность разработать конкретный план совместных операций с североманьчжурскими отрядами и в то же время выкроить немного времени для отдыха бойцов экспедиционного отряда, уставших в походе.

Китайское село Шаньдунтунь состояло из ста с лишним крестьянских дворов. Названо оно было так потому, что жители его были выходцами из местности Шаньдун. Решив блокировать это село, враги постоянно держали карательный отряд в двести-триста штыков километрах в шести от него. Во время пребывания в Шаньдунтуне я взаимодействовал с секретарем Нинаньского Укома партии и с Шаньдунтуньской сельской парторганизацией.

В это же время я встретился в Шаньдунтуне с комкором Ли Яньлу. Тогда мы остановились в доме какого-то помещика. Хозяин дома, хоть и был помещик, оказался, однако, добрым человеком. Поэтому и гости старались побольше помогать ему по хозяйству.

Однажды мы помогали ему убирать пшеницу и были застигнуты в поле дождем. Мы аккуратно уложили скирды, чтобы не намокли сжатые снопы, и вернулись в дом. Тут Лю Ханьсин сказал, что в такую непогоду лучше бы пообедать и отдохнуть. Сам приготовил разнообразные блюда и накрыл обильный стол. Когда отряд Ли Яньлу находился в Ванцине, я убедился, что Лю Ханьсин отменный кулинар. Удивительно, что интеллигентный

человек, учившийся в средней школе, обладал таким поварским искусством, которому позавидовали бы даже профессионалы. Он был не только искусным кулинаром, но и большим любителем водки. Пока мы пили один стаканчик, он, словно в бочку, успевал влить в себя три. Мы пили водку, закусывая приготовленными им блюдами, ели суп с пшеничными клецками. В тот день и я выпил несколько стаканчиков водки, скорее всего потому, что слишком уж вкусны были закуски.

Когда мы с аппетитом хлебали суп с клецками, во дворе вдруг раздался взрыв гранаты. Мы выбежали из дома и увидели, что у кучи пшеничной соломы валяются несколько десятков убитых змей. От взрыва гранаты погибли все змеи, которых хозяин разводил как приносящих счастье. Он не трогал этих «друзей дома», даже когда они ползали в комнате под обеденным столом. В этой местности существовал суеверный обычай считать змею своего рода духом-покровителем.

В тот день у дома стояли на часах бойцы Молодежной добровольческой армии, которые были прикреплены к нашему отряду и следовали за нами до Северной Маньчжурии. Пока они по очереди стояли на посту, дождь прекратился и засветило солнце. Змеи, скрывавшиеся в скирде, высунули свои головки из соломы. Наш часовой, не имея понятия о том, что местные жители считают змею священным животным, с перепугу, не подумав, спешно швырнул гранату в скопище пресмыкающихся.

Хозяин дома и его жена весьма огорчились, глядя на убитых змей. У них лица побледнели, как полотно, будто произошло событие, предвещавшее большую беду. Чжоу Баочжун и Лю Ханьсин пытались утешить их добрыми словами, но они никак не успокаивались. И нам пришлось покинуть этот дом, не успев даже как следует отобедать.

В третьей декаде июля 1935 года на Шаньдунтунь надвигались, словно черная туча, крупные отряды конницы, состоящей из солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го и полицейских.

Враги узнали, что из Восточной Маньчжурии пришла «корёская красная армия». На первый взгляд, конница насчитывала несколько сотен человек.

Тогда главные силы 5-го корпуса действовали в Мулине и на северо-западе уезда Нинань. В командовании 4-го корпуса было немного бойцов. По численности противник превосходил нас примерно в два раза.

Принять бой или избежать его? Чжоу Баочжун и Лю Ханьсин спросили, каково мое мнение.

Я решил принять бой. Таким образом наши планы о совместной операции 4-го и 5-го корпусов и нашего отряда сразу были составлены, перешли в русло практических дел, причем не за столом, а фактически перед разомкнутым строем мчащейся вражеской конницы, поднимающей за собой облака пыли. Древние мудрецы учили: «Избегать сильного противника, а слабого — уничтожать», и это было правилом для партизан. Но невозможно было всегда и везде непременно следовать этому правилу. В каком-то смысле необходимо продемонстрировать разок нашу боевую мощь в Северной Маньчжурии с тем, чтобы добиться цели, которую мы поставили перед собой при организации этого похода. И вполне можно было рассчитывать на победу, если лучше использовать сложившиеся обстоятельства и рельеф местности.

Поэтому мы после короткого совещания, решив сразу вступить в бой, начали энергично действовать.

Не желая причинить ущерба местным жителям, мы заняли позиции, выдвинувшись навстречу врагу, чтобы встретить его до того, как он успеет напасть на село Шаньдунтунь. Каждому отряду дали боевое задание. Бойцы минометной батареи, отличившиеся в битве под Тайпингоу, и меткие стрелки пулеметной роты ждали моего приказа. Они заранее установили необходимые данные для ведения огня по направлению, откуда ожидалась

атака неприятеля.

Враги, бешено наступавшие по тропинкам вдоль реки Ляншуйлинцзыцуньхэ, карабкались на гору, чтобы занять северозападный участок Шаньдунтуня. Мы подпустили противника на расстояние 150 — 200 метров, а потом обрушили на него шквальный огонь. Уцелевшие враги, отступив, вновь попытались атаковать нас по гребням южной горы через Ляншуйлинцзыцуньхэ. Но и там наши смельчаки, защищавшие проход, метко разили неприятеля. Итак бой возобновлялся не один раз.

Вражеские командиры перестроили свои боевые порядки, стремясь изменить неблагоприятную для них ситуацию. Когда они сосредоточились на КП, командир минометной батареи отдал приказ: «Огонь!» Один за другим снаряды с металлическим скрежетом падали на скопления противника. Уцелевшая его конница кинулась отступать в сторону Нинаня. Наш миномет вел огонь по откатывающемуся неприятелю. Вражеские солдаты, попав в заколдованный круг, метались, словно мыши в чане, в пороховом дыму с воплем: «Не думали и во сне, что у коммунистической армии есть даже орудие». Под покровом тьмы они удрали кто куда.

То, что в этом сражении мы применили миномет, имело большой резонанс. Неприятель шумел, что мы вооружены минометами, полученными в виде помощи от СССР. Одно упоминание о «корёской красной армии» заставляло его теперь трепетать от страха. Когда мы израсходовали все мины, захваченные в бою в Лаохэйшане, в битве под Шаньдунтунем, сам миномет пришлось зарыть в землю.

В этой битве враги потерпели такое жестокое поражение, что после этого долго не смели нападать на нас. Они наглухо закрыли крепостные ворота и не выходили из городка. Получая наши письма, враги безропотно присылали нам продовольствие, растительное масло, обувь, различные материалы первой необ-

ходимости.

Наша славная победа в сражении под Шаньдунтунем вновь потрясла североманьчжурскую землю. Это был один из тех боев, которые на всю жизнь оставили в моей памяти неизгладимое впечатление, наряду с неожиданным происшествием — истреблением змей гранатой.

Неприятель дрогнул от стрельбы нашего орудия, тогда как народ от этой канонады испытывал большой прилив воодушевления. Итак, с самого начала совместная борьба с китайскими коммунистами в Северной Маньчжурии принесла хороший результат. Этот успех послужил надежным фундаментом упрочения боевого союза между коммунистами обеих стран. С тех пор Чжоу Баочжун больше не говорил о нерациональности тяжелого оружия.

После ухода из Шаньдунтуня мы прибыли в поселок Доугоуцзы. И здесь мы, остановившись в доме человека по фамилии Фан, снова обсуждали вопрос о совместной с североманьчжурскими коммунистами антияпонской борьбе. По нашей инициативе и при согласии Чжоу Баочжуна было решено разделить наш экспедиционный отряд на несколько групп, чтобы выступить в район деятельности 5-го корпуса и развернуть совместные действия там. Экспедиционный отряд направился в Мулин, где действовал комиссар 5-го корпуса Ху Жэнь. Было также выслано небольшое подразделение в район, где воевал Пин Наньян.

Чжоу Баочжун прикрепил некоторых бойцов 5-го корпуса к нашим группам, отправляющимся в Мачан, Туаныпаньцзы, Волянхэ и Шитоухэцзы. Это были плодородные с точки зрения революции местности, землю которых мы деятельно обогатили во время 1-го похода в Северную Маньчжурию. Прочно опираясь на революционные организации этих районов, мы развернули энергичную военно-политическую деятельность.

Подпольная организация Волянхэ распространила свою

сеть не только на окрестности, но и на далекий Дунцзинчэн, и мы пользовались большой помощью этой организации. Когда вспоминаю о Волянхэ, перед глазами встает облик одной китайской старухи. Когда мы находились там во время 1-го похода в Северную Маньчжурию, она активно участвовала в работе Общества женщин. Невзирая на свой шестидесятилетний возраст, она без отдыха по ночам шила обмундирование, ухаживала за бойцами нашего экспедиционного отряда. Глядя на нее, мы все вспоминали своих матерей или бабушек, оставленных в родных краях. Говорят, если меня не было видно хоть один день, она тут же спрашивала моих ординарцев: «Почему же не видно Цзиньсылина (командующий Ким)?» Только узнав, что ничего не случилось со мной, ложилась спать.

Весть о том, что из Цзяньдао пришла «корёская красная армия», долетела до старухи. Она тут же взяла с собой фазана и все необходимое для приготовления *куксу,* пришла в Доугоуцзы, откуда наш отряд собирался тронуться в путь.

— Осенью прошлого года я не успела угостить командующего Кима как следует. Это не давало мне покоя, и вот пришла с продуктами для *куксу.* Буду очень рада, если вы примете это как мой скромный подарок, —сказала старуха нашим товарищам, отдавая принесенное.

Оказалось, она так подробно расспрашивала моих ординарцев обо мне, что даже вызнала, что я люблю *куксу.*

В тот день мы вместе с Чжоу Баочжуном с аппетитом ели угощение, с благодарностью поминая искреннюю доброту старухи. Необыкновенно вкусным было *куксу* в бульоне из фазана, поданное вместе с гарниром из овощей и фазаньим мясом.

Чжоу Баочжун уничтожил две порции *кУксу* и не то в шутку, не то всерьез сказал:

— Видать, вы, командующий Ким, в Северной Маньчжурии уже успели завоевать на свою сторону даже неизвестную китайскую старуху. Я всегда восхищаюсь вашей способностью

завоевывать массы. Прошу вас на этот раз обучить наши роты, прикрепленные к вашему отряду, методам политической работы.

В сентябре того года, когда наш отряд действовал в районе Эму, комиссар 5-го корпуса Ху Жэнь официально предложил нам вести совместные операции. Но тогда нам пришлось на время отложить это предложение, чтобы вести работу с Ким Чаком, отряд которого продвигался на юг в район Вэйхэ. Позже мы так и не смогли откликнуться на предложение Ху Жэня из-за непреложных обстоятельств. Но весь период антияпонской войны я с благодарностью вспоминал о его доверии к нам.

При освоении Северной Маньчжурии мы придавали первоочередное значение Нинаню, потом району Эму. В Эму почти не ступала наша нога. Китайские отряды пытались взять этот район под свое революционное влияние, но потерпели фиаско и отказались от своего намерения.

Однако для ведения борьбы совместно с 3-м корпусом, в котором состоял Ким Чак, было необходимо обработать землю Эму «плугом». Как враги, так и мы с вожделением зарились на эту загадочную, неведомую землю. Эта местность на северо-западе граничит с Вэйхэ и Чжухэ — районами действий 3-го корпуса, а на западе — с районами действий 1-го и 2-го корпусов.

Различные вооруженные отряды Северной Маньчжурии пытались освоить Эму, но потерпели неудачу потому, что среди местных жителей глубоко укоренились антикоммунистические настроения. В районе Нинаня, конечно, было сильно антикоммунистическое влияние. Но это не шло ни в какое сравнение с положением в Эму. Район Эму превратился в край с угаром антикоммунизма. Произошло это отчасти по вине фракционеров группировки Эмэльпха. Сектанты, базируясь в этой местности, спровоцировали такие безрассудные левацкие бесчинства, как, например, Первоавгустовское восстание, и этим дискредитиро-

вали коммунизм. Вследствие этого восстания жители Эму понесли весьма серьезный ущерб от репрессий японских империалистов и реакционной военщины. С тех пор местные жители махнули рукой на коммунистов.

Японские самураи направили туда «группу умиротворения» с целью вбить клин между населением и коммунистами.

О том, до какой степени были отравлены антикоммунистическим угаром местные жители, красноречиво говорит случай с одним парнем. Раньше он заготовлял древесный уголь в тайге Цингоуцзы уезда Эму, а потом пошел в партизаны. Его родители и братья рано умерли от заразной болезни. Стал он круглым сиротой и влачил жалкое существование, клянча подаяния у чужих ворот. Словом, жил на грани смерти. Добрался до земли Эму и занимался каторжным трудом на стройке дороги. Там парень научился у одного рабочего революционной песне. Это была первая песня, которую он разучил после появления на свет.

Позже он нанялся на сезонную работу у какого-то крестьянина близ села Жэньцзягоу. Однажды в одной семье этого села была свадьба. И парень вместе с хозяином пошли на торжество поздравить жениха и невесту. По просьбе распорядителя он спел песню. Пел ту самую революционную песню, которой научился на стройке дороги. И вдруг на свадьбе поднялась кутерьма. Один образованный влиятельный житель села, выслушав песню, обозвал парня коммунистом. Он, тыча пальцем в крестьянина-середняка, нанявшего парня, упрекал: «Хочешь нанять работника, следовало бы взять толкового человека. Зачем ты нанял этакого закоренелого коммуниста, что выступает за обобщение имущества и жен?» Обиженный крестьянин-середняк в тот же день выдворил парня из своего дома. Трагедией было то, что парень пел сочиненную коммунистами революционную песню, вовсе не зная, что эта песня пропагандирует коммунизм. Иные говорили, что скандал

на свадьбе — это результат невежества. Но это было, скорее, следствием антикоммунистических настроений.

Японские империалисты вели лживую пропаганду, приписывая коммунистам даже деяния местных разбойников и конных грабителей.

То, что наш экспедиционный отряд решил освоить Эму в подобной обстановке, можно было назвать, откровенно говоря, чуть ли не авантюрой. И в самом деле нас ждал очень холодный прием местных жителей с первых же дней, как только мы ступили на землю Эму через озеро Цзинбоху. Мы вошли в уютный китайский поселок, который можно было бы назвать восточными воротами района Эму. Когда мы появились, большинство жителей убежало с детьми из поселка, говоря, что пришли «хунхузы». В поселке остались одни лишь старики, старухи, физически слабые, но они попрятались в домах и не выходили на улицу.

Я приказал бойцам разбить палатки в лесу невдалеке от поселка и сделать перерыв, а сам стал обходить поселок. Вижу, — в начальной школе все учителя и ученики тоже скрылись. Это был слишком холодный прием гостей из Восточной Маньчжурии. Ведь мы прибыли в Эму, преодолев далекий путь, чтобы разжечь пламя борьбы.

Я вынес орган на школьную площадку и, играя на нем, начал петь вместе с бойцами роты молодых добровольцев «Песню о Су Ву» и песню о фрейлине Ян. Наши ребята хорошо пели и ханьские народные песни. Обе песни известные—они пользовались среди трудящихся Китая особой любовью. Патриотическую «Песню о Су Ву» я выучил в годы жизни в Гирине. Настоящее ее название «Су Ву пасет овец».

Су Ву был знаменитым верноподданным Ханьской династии, проживавшим во II веке до новой эры. Он направился посланником императора Ханьской династии к племени гуннов на севере, а последние задержали его в качестве заложника и

заявили, что не выпустят его на волю, если он не капитулирует перед ними. Они разглагольствовали, что он не сможет вернуться к себе до тех пор, пока баран не родит ягненка. Таким образом Су Ву был заточен племенем гуннов на 19 лет, но не нарушил своей верности.

Словом, «Песня о Су Ву» ярко выражала патриотические идеи и чувства китайского народа.

Когда мы пели «Песню о Су Ву» и песню о фрейлине Ян, играя на органе, сначала с любопытством и удивлением вокруг нас собрались старшеклассники начальной школы. Они тоже пели песню под аккомпанемент органа, на котором играл я. Потом незаметно собрались один за другим учителя и взрослые сельчане. Они удивились, что «корёская красная армия» прекрасно исполняет китайскую песню, и в то же время, может быть, ощущали через песню какую-то неясную пока близость между ними и красной армией.

Так или иначе люди, вначале столь холодно отнесшиеся к экспедиционному отряду, стали смотреть на нас глазами, полными любезности и доброты.

Когда на площадке собрались все разбежавшиеся поначалу сельчане, я произнес антияпонскую речь на китайском языке. Выслушав эту речь, люди стали понемногу раскрывать душу. Они не жалели похвал в наш адрес: «Эта «корёская красная армия» не бандиты, не конные грабители. Это настоящая патриотическая, революционная армия, да и благородная».

Можно сказать, что тогда мы «Песней о Су Ву» оказали благотворное воздействие на китайцев Северной Маньчжурии.

После этого случая я на собственном опыте убедился, с какой огромной силой воздействуют литература и музыка на людей и пробуждают их. На основании этого же опыта, можно сказать, мы стали обращать серьезное внимание на литературу и искусство как на революционное оружие.

Жизненный опыт, накопленный мной в китайском поселке на берегу озера Цзинбоху во время 2-го похода в Северную Маньчжурию, произвел на меня до того сильное впечатление, что после освобождения страны я приложил много усилий для того, чтобы разыскать текст «Песни о Су Ву». Но лишь недавно я, при помощи наших сотрудников, сумел достать китайский текст этой песни.

Я был тогда очень рад и пел «Песню о Су Ву», забыв даже о том, что мне уже восемьдесят лет. Разумеется, восьмидесятилетний старик пел не очень хорошо. Голос застревал в горле, не звучал нормально, но в душе воскресла ушедшая в далекое прошлое молодость, и мною овладевала неуемная тоска по земле Северной Маньчжурии, которую мы освоили, превозмогая трудности и лишения.

Каждый раз, когда невольно вспоминаются незабываемые дни тяжелой борьбы, проведенной совместно с китайскими коммунистами, я играю эту песню на органе. Порою насвистываю ее, но не получается таким чистым звук, как это было в 20 — 30-летнем возрасте. Ниже следует текст «Песни о Су Ву».

СУ ВУ ПАСЕТ ОВЕЦ

Су Ву заточен в край, что варварски дик и постыл,
Но верности своей он и тут не изменил,
Девятнадцать лет ходя за чужими стадами
На суровой гуннов земле,
покрытой снегами и льдами.
В тоске и муках из года в год
У моря Северного чужих он овец пасет.
Утоляя жажду снега комком,
Голод — шерстяного одеяла куском.
А душой в стране Хань он был всегда неизменно,

Но до старости вырваться к ней
так и не мог из плена.
Но лишенъя, невзгоды, тяжкая на чужбине доля
Не смогли сломить его железную волю.
А темной ночью на окраине
вдруг грустно свирель запоет,
Тронет сердце, на родину-мать позовет.

Су Ву заточен в край, что варварски дик и постыл,
Но верности своей он и тут не изменил.
Время пришло, подул северный ветер холодный,
Журавли летят в страну Хань первородную.
А седая мать ждет не дождется сына,
А молодая жена сидит дома одна у заветного тына.
Только ночью глубокой видят они во сне
Родное лицо, которого нет родней.
Хотя в океане все воды иссякнут неудержимо,
Превратится в пылинку скала надбурунная,
Но незыблема верность сына отчизны родимой,
Восхищавшая даже бесчувственных гуннов.

Из событий, имевших место в дни, когда мы находились в Эму, до сих пор свежа в памяти встреча в Санькэсуне со стариком Кимом, родина предков которого — Чончжу. Слово «Люкэсун» означает шесть сосен, а «Санькэсун» — три сосны. В поселке Санькэсун мы установили штаб в усадьбе какого-то помещика, расположенной невдалеке от уездного центра. А метрах в пятистах от этой усадьбы жил маленький старик, обрабатывая небольшую рисовую плантацию. По словам ординарца, старик, видимо, кореец, но не говорил по-корейски и вел себя,как китаец, говоря только на ломаном китайском языке.

Однажды вечером я навестил его дом. Представились мы друг другу, и оказалось, что он кореец, и к тому же у него одна со мной родина предков с фамилией Ким — Чончжу. Когда-то он

даже участвовал в бою в Циншаньди под командованием Хон Бом До. Но после этого боя, когда разошлись бойцы отряда, он пришел в Эму, женился и жил уединенно. Узнав, что моя фамилия тоже Ким, общее место происхождения которой — Чончжу, он очень обрадовался. Преисполненный глубоких чувств, он говорил, что не ожидал такой встречи с однофамильцем на немилой чужбине. Он попросил старуху очистить рис на ножной крупорушке и приготовить рисовую кашу. Так я в первый раз после прибытия в Северную Маньчжурию попробовал кашу из белого риса.

— И мы вначале лелеяли большую надежду. Когда мы завершили крупной победой сражение в Фэнвудуне под командованием полководца Хон Бом До,. нам казалось, что Корея вот-вот станет независимой. Тогда мне часто снилось, будто мы с триумфом входим в Сеул через Ворота независимости. А теперь стал я, так сказать, песчинкой или галькой на обочине дороги. Не могу совершить ничего большого, а лицо покрыто морщинами. Вот обидно и досадно! Если и есть у меня, старика, одно утешение, то это встретиться на этом уединенном краю Северной Маньчжурии, в мире ханьской нации, с корейцами — своими соотечественниками. Тогда я словно вижу звезды в сезон дождей. Как хорошо было бы, если бы отряд Полководца Кима не вернулся в Цзяньдао и остался навсегда на земле Эму! —сказал старик с глубоким вздохом.

И мне было горько при мысли, что так избороздили морщины лицо старика; так и канула в вечность заветная его цель добиться независимости страны, за что он когда-то боролся с фитильным ружьем в руках. Еще более окрепла моя решимость: «Хотя бы и для того, чтобы осуществить сокровенную мечту этого старика, мы, молодое поколение, должны не прекращать борьбу в любой трудной обстановке и стать непобедимыми борцами».

У старика не было одного уха. После ужина мы разговаривали о том, о сем, и я спросил, между прочим, почему у него

нет одного уха. Он ответил, что потерял его при ловле сазана на реке Муданьцзян, и усмехнулся горько. Он вырубил во льду лунку и вытащил крюком крупного сазана. Обхватил рыбу, а она, извиваясь, ударила хвостом по его замерзшему уху. Так случилась беда. Я чувствовал глубокое сочувствие к несчастному старику. Пробыв в селе Санькэсун около недели, каждый вечер я посещал дом старика и слушал его рассказы о Хон Бом До.

Люди открыли душу, и оказалось, что жители Эму, как и население Цзяньдао, пронизаны антияпонским духом. А их антикоммунизм стал возможен потому, что не было здесь влияния революционной организации. В ходе работы с массами мы завязали дружеские отношения также и с Лю Юншэном, старостой стодворового поселка № 4 в Цингоуцзы, и впоследствии в его доме разместили свой штаб.

Лю Юншэн думал, что наш отряд — это армия особой категории. Наши бойцы не облагали население никаким бременем, а по вечерам устраивали у костра развлечения, партизаны танцевали вместе с партизанками и занимались учебой. Войска, которые он видел до тех пор, были сворой насильников, кричащих на население с вытаращенными глазами, под какой бы вывеской они ни действовали. А бойцы этой «корёской красной армии», прибывшей из Цзяньдао, таскали местным жителям воду, подметали дворы домов, стригли детей, бережно относились друг к другу, как родные братья, и не было никакой разницы между начальством и подчиненными. Все село шушукалось: это, мол, странная армия.

Однажды вечером мы получили от старосты Лю Юншэна неприятное донесение о том, что солдаты расквартированного в поселке № 6 японского гарнизона и марионеточной армии Маньчжоу-Го готовятся к нападению на поселок № 4. Все взвесив, я приказал всем бойцам пораньше ложиться спать. И им пришлось лечь спать рано, еще до отбоя.

Это еще больше удивило старосту. «Другая армия дала бы сразу тягу, избегая врагов, а войска этой «корёской красной армии» вовсе не собираются удирать, а, наоборот, только думают спать, обосновавшись в поселке. Какая это странная армия!»—думалось ему. Всю ночь он сам не спал. То выходил на улицу, то входил в комнату, опасаясь, как бы противник не напал вот-вот.

Я пригласил к себе старосту и сказал:

— Господин староста, не беспокойтесь. Прошу вас спокойно отдыхать. Наша армия надежно охраняет село.

— То есть как охраняет село надежно? Войска с раннего вечера валяются под одеялом...

Староста никак не мог успокоиться и не находил себе места.

— Бойцы стоят на часах. «Корёская красная армия» не бросает слов на ветер. Так что нынче вечером вы можете нормально отдыхать. А завтра утром, после нашего ухода, идите к врагам и доложите, что была здесь «корёская красная армия» и ушла. Скажите обо всем, что вы видели своими глазами.

— Как это доложить? Не хочу доносить на такую замечательную армию, как «корёская красная армия»!

— Нет, господин староста, это моя искренняя просьба. Не отказывайтесь и делайте так, как я предлагаю. Это и есть путь к спасению и для нас, и для вас, и для всего села. Скоро все будет ясно.

Мы предложили старосте подробно доложить в полицию о действиях «корёской красной армии» с тем, чтобы выманить врагов из коллективного поселения. Утром следующего дня мы покинули поселок № 4 и направились по шоссе к Эму. По пути одну роту укрыли в засаде на юго-западном гребне.

Получив донесение старосты Лю Юншэна, враги бросили в погоню за нами карательный отряд из сотен штыков. Противник настойчиво преследовал наши главные силы, находившиеся на марше.

Таким образом, североманьчжурский экспедиционный отряд после выступления в Эму вел первый бой из засады, заманив противника. Японский гарнизон (его называли также жандармерией), участвовавший в этом бою, был целиком уничтожен. Только одного солдата, чудом уцелевшего под градом пуль Народно-революционной армии, взял на свой борт самолет. Но, говорили, самолет разбился вдребезги при посадке, и уцелевший было солдат тоже отправился на тот свет. Мне доложили, что еще до 1959 года, когда наша экскурсионная группа побывала в Эму, в поселке № 6 в Цингоуцзы стоял по-прежнему «памятник павшим верноподданным», воздвигнутый японскими империалистами.

В декабре 1935 года мы вели еще один бой близ Гуаньди. Этот бой называют и битвой под Люцайгоу. Двести с лишним вражеских солдат, вступивших в схватку с нами, были разгромлены почти целиком. Со времени этого же боя передается анекдот, что насмерть напуганный нашим преследованием офицер противника спрятался на поле в гробу вместо трупа.

Трудно перечислить бесчисленные сражения, которые вели мы на земле Северной Маньчжурии. Осенью 1935 года, когда мы усердно осваивали район Эму, Коминтерн сообщил мне через Чжоу Баочжуна о том, что сформировано объединенное командование для совместной операции 2-го и 5-го корпусов и что я назначен комиссаром этого командования и командующим Вэйхэского отряда. Коминтерн выбрал меня комиссаром объединенного командования 2-го и 5-го корпусов, видимо, с учетом того, что я уже работал комиссаром батальона, полка и дивизии.

Это назначение не обрадовало меня. Я желал не должности, а больше жаждал встречи с корейскими коммунистами-активистами, действовавшими в Северной Маньчжурии. Неожиданное назначение на должность комиссара объединенного командования свело эту жажду на нет. На меня было возложено большое бремя — не только командовать

деятельностью экспедиционного отряда, но и заниматься политической работой других корпусов. Взвалив на свои плечи дела, связанные с этой весьма тяжелой ответственностью, я был вынужден отложить встречу с соратниками, действовавшими в Северной Маньчжурии, до Наньхутоуского совещания, а может, и на более позднее время. Мне приходилось мотаться в хлопотах в Нинане и окрестных уездах, выполняя политическую работу в двух корпусах.

В процессе этой работы мы успели поставить на более прочную основу связи с китайскими коммунистами. Этот успех оказался намного большим, чем мы предполагали в начале похода.

Жаль только было, что нам не удалось добиться непосредственной встречи с Ким Чаком и Чвэ Ён Гоном, что было одной из главнейших, актуальных задач нашего похода. Ее пришлось отложить на далекое будущее. И поддерживая в эти дни связи с китайскими коммунистами, мы никогда не забывали корейских коммунистов и патриотов, которые развернули кровопролитную борьбу на раздолье Северной Маньчжурии, превозмогая всякие трудности и лишения. Чем дальше оттягивалась встреча, тем сильнее и глубже становилась тоска по товарищам.

Корейские коммунисты Восточной, Южной и Северной Маньчжурии впервые встретились, предстали друг перед другом, обнялись с глубоким волнением и чувством горячей любви лишь в начале 1941 года. После этого все мы проводили подготовку к решающей битве за освобождение Родины в одном тайном лагере, питаясь из общего котла. Затем вернулись вместе на возрожденную Родину и окунулись в горнило государственного строительства.

Все они — преданные борцы. В самые драматические годы **XX** века они вместе со мной вели не только антияпонскую, но и антиамериканскую войну, неутомимо преодолевали трудности демократических преобразований и социалистического строите-

льства.

И поныне борцы, воевавшие в Северной Маньчжурии, делят со мною горе и радость, прославляя социализм нашего образца. Желаю, чтобы у этих верных товарищей, которые на протяжении более полувека шли неизменно по единому пути, поддерживая меня и наше великое дело, было только лучезарное, счастливое завтра и остались одни лишь хорошие, прекрасные воспоминания.

2. Странные узы

Связи с районом Эму в Северной Маньчжурии мы имели еще в годы жизни в Гирине. В те времена к уезду Эму принадлежал Цзяохэ, Синьчжань и Шаньсун, где мы в сотрудничестве с Кан Мен Гыном создали революционную организацию «Ресинский союз молодежи» и вели работу с вовлеченными в него юношами и девушками. Кажется, в конце 30-х годов уезд сменил название — стал называться Цзяохэ.

Во время 2-го похода в Северную Маньчжурию мы в одном только Эму исходили несколько тысяч *ли.* Цингоуцзы, Пипадинцзы, Наньтяньмынь, Саньдаогоу, Малугоу, Синьсинтунь, Гуаньди, Люцайгоу, Санькэсун, Муданьцзянцунь, Хэйшисян, Тояоцзы — все эти местности освоили мы тогда. Это незабываемые места боевой славы, ратных подвигов нашего экспедиционного отряда.

Здесь мы пережили немало интересных событий и встречались со многими людьми, произведшими на нас глубокое впечатление.

До 2-го похода в Северную Маньчжурию в этих местах было немало белых пятен, где вовсе не ощущалось революционное влияние. И не случайно, когда мы обсуждали вопрос о походе в Эму, Чжоу Баочжун с беспокойством сказал:

— Не сомневаюсь в ваших будущих успехах. Ведь вы, командующий Ким, за один день привлекли на свою сторону такого упрямого старика, как У Ичэн. Но минувшей весной, находясь в Эму, мы всюду получили от ворот поворот как «хунхузы».

Китайское слово «хунхуз», о котором напомнил Чжоу

Баочжун, буквально означает в переводе «бандит». Говорят, У Ичэн, одно время чуждавшийся коммунистов, ругательно обзывал Чжоу Баочжуна «хунхузом». Впоследствии, — не знаю с каких пор, — это слово использовалось как оскорбительное прозвище коммунистической армии.

Предупреждение Чжоу Баочжуна оправдалось. Вначале, когда мы вступили на землю Эму, ведя за собой экспедиционный отряд, нас встречали именно как «хунхузов». Заведя нас, жители Эму оставили село и убежали, говоря: «Пришла «корёская красная армия». Значит, они боялись нас не меньше, чем «хунхузов». Да и слово «хун» (красный) употреблялось ими как синоним аморальности и жестокости.

Учитывая это обстоятельство, мы в походе уделяли много времени работе с массами, ибо понимали, что это не потерянное время. Благодаря этой работе люди, ранее чуждавшиеся Народно-революционной армии, становились ее близкими друзьями и помощниками, а те, кто относился к нам враждебно, вставали на путь коалиции, сотрудничества с коммунистами. И тогда мы испытывали ни с чем не сравнимое удовлетворение, неуемный восторг.

Такие результаты работы в Эму доставляли нам поистине непередаваемую радость. Ведь до недавнего времени перед нашими глазами то и дело вставали лица жителей, которые со слезами покидали опорную партизанскую базу после Яоингоуского совещания, а нас до смерти изнуряла тревога о судьбах революции. Самая большая радость для революционера — приобрести товарищей и друзей, а самое большое горе — потерять их.

Еще до вступления в пределы уезда Эму в Сяошаньцзуйцзы, находящемся на берегу озера Цзинбоху, мы познакомились с китайским рыбаком по имени Чай Хэ и смогли с его помощью беспрепятственно переправиться через озеро. Прежде, до встречи с нами, он тоже чурался революционной армии. Этот простой

рыбак с 19-летнего возраста почти тридцать лет ловил рыбу на озере Цзинбоху, — это была его одна-единственная профессия. Он верил лживой пропаганде японцев, изображавшей «корёскую красную армию» «шайкой бандитов». Но, увидев внушительный и дисциплинированный вид экспедиционного отряда, восхищаясь простотой и скромностью наших бойцов, рыбак изменил свое представление о революционной армии и стал относиться к ней с тех пор тепло.

Говорят, водная преграда на пути походной армии равноценна дороге в тысячу *ли.* Вот почему запомнилась на всю жизнь помощь Чай Хэ, усилиями которого экспедиционный отряд переправился через озеро незаметно для вражеских глаз.

В 1959 году наша экскурсионная группа, посетившая Китай, вернулась с его фотографией. На снимке он был уже 70-летним стариком, с лицом, изборожденным глубокими морщинами. Но знакомые черты его облика — высокий рост, длинноватая шея— навеяли волнующие воспоминания.

На земле Эму мы приобрели много искренних друзей, завоевывая на свою сторону массы. Среди них — староста ста дворов Лю Юншэн и старик Юй Чуньфа. Лю Юншэн во время боя под Цингоуцзы снабжал нас припасами с риском для собственной жизни. Старик Юй Чуньфа послал сына в партизаны вблизи Хэйшисяна.

Мы вошли в гущу народа, ведя работу с различными слоями населения. В ходе ее мы наладили близкие, тесные отношения даже с командиром полка марионеточной армии Маньчжоу-Го.

Это случилось, наверное, в начале 1936 года. Однажды наш экспедиционный отряд всю ночь напролет совершал форсированный марш, чтобы напасть на лесоразработки, находящиеся в стороне уезда Дуньхуа. Когда забрезжил рассвет, мы остановились на привал, воспользовавшись домом какого-то помещика, стоявшим у большака. Дом выглядел внушительно, усадьба была обнесена большим земляным валом и даже имела форт. Но в

«крепости» не было помещичьей полиции, поскольку в то время уже была организована марионеточная армия Маньчжоу-Го, а японцы не разрешали иметь частные вооруженные формирования.

Дом помещика состоял из двух корпусов. В одном разместились бойцы, в другом — командный состав и интендантская служба. Мы поставили у ворот сменный пост из трех бойцов, переодетых батраками, для наблюдения за окрестностью, а остальным бойцам дали отдохнуть.

Около четырех часов пополудни с поста поступило сообщение, что к дому помещика, где мы остановились, приближается коляска. Немного времени спустя коляска остановилась возле дома. Из нее вышла дама, поддерживаемая солдатом, и направилась прямо в дом, говоря, что ей хочется немного погреться в помещении.

Я выглянул во двор. Там под метелью стояла красивая молодая женщина, закутанная в две шубы из лисьего меха. Наши бойцы, пораженные роскошным нарядом дамы, сгрудились ватагой вокруг шикарно одетой незнакомки, одолевая ее вопросами.

Я спросил у юного часового, что это за женщина.

— Товарищ командующий, это подозрительная особа, — ответил он важно, словно изловил какую-то крупную шпионку.

Часовой не отрывал цепкого взгляда с женщины. Молодая китаянка, насмерть перепуганная, не могла вымолвить ни слова и дрожала точно осиновый лист. Часовой собирался даже обыскать женщину. Я с упреком остановил его и приказал:

— Товарищ часовой, пропустите женщину в комнату погреться.

Женщина вошла, но она по-прежнему дрожала, не смея поднять голову. Я успокаивал ее, заговорив по-китайски:

— Не бойтесь, госпожа. Погрейтесь как следует. Если мой часовой чем-то обидел вас без причины, то прошу прощения.

Я предложил женщине чай и пододвинул к ней жаровню,

чтобы она могла согреться.

— Не знаю, как вы это, госпожа, воспримете, но мы — Народно-революционная армия. Жители нас называют «корёской красной армией». Вы слышали о «корёской красной армии»?

— Да, немножко, — ответила женщина чуть слышным голосом, по-прежнему склонив голову.

— Хорошо. Мы — «корёская красная армия», а не свора бандитов, не те, кто посягает на жизнь и имущество народа, как говорят о нас японцы. Наша революционная армия — это народные вооруженные силы. Наша цель — сопротивление Японии, спасение Родины. Мы только воюем против японских империалистов, посягнувших на две страны — Корею и Китай, и против их прислужников. Мы ни на йоту не покушаемся на жизнь и имущество народа. Так что вы можете не беспокоиться.

Женщина сложила ладони в знак благодарности. Но с ее лица еще не сходила сложная гамма чувств: беспокойство, страх, недоверие.

Я продолжал говорить, пока женщина не успокоилась.

— Мы не собираемся обижать и наказывать вас за то, что вы ездите в сопровождении солдата марионеточной армии Маньчжоу-Го. Не будем и спрашивать, зачем он вас охраняет. Нам незачем оскорблять и притеснять вас, путников, если вы не причиняете вреда народу и революционной армии. Мы тоже гости. С разрешения хозяина остановились здесь на короткий отдых. Вам не надо думать о плохом. Можете погреться как следует, а потом продолжить свой путь.

Только тогда женщина облегченно вздохнула и осторожно подняла голову. Она посмотрела на меня, и вдруг во взгляде ее сверкнуло изумление. Скрестив руки на груди, она судорожно облизнула пересохшие губы.

— В чем дело? Все еще не верите моим словам?

— Нет. Не это... По правде говоря, ваше лицо, господин

начальник... Я с самого начала знала, что вы добрый человек... — бормотала она бессвязно и снова поглядывала на меня.

В этот момент О Бэк Рён, допрашивавший охранника, появился у двери с видом охотника, поймавшего тигра. Он вполголоса доложил на корейском языке, непонятном китайской даме:

— Полководец, по словам охранника, это жена командира 12-го полка марионеточной армии Маньчжоу-Го. Значит, крупная рыба сама попала в сеть.

— Товарищ Бэк Рён, не надо так хвастаться. Крупная это рыба или мелкая — потом будет ясно.

Сказал я так, но, честно говоря, не на шутку удивился тому, что она является женой командира полка марионеточной армии Маньчжоу-Го. Комполка — это была не простая должность. По военной табели маньчжоугоской армии это четвертый ранг сверху, а снизу тринадцатый. Нелегко было карабкаться по служебной лестнице, чтобы занять этот пост. Нередко район, контролируемый одним полком этой армии, охватывал несколько уездов. Надо ли объяснять, какими большими полномочиями наделен командир, управлявший такой обширной территорией. Тогда в уезде Эму был дислоцирован 12-й пехотный полк 9-й смешанной бригады этой армии, штаб которой находился в Цзяохэ.

В то время дезорганизация вражеских войск была поставлена в качестве своего рода важной стратегической задачи. В этой ситуации встреча с женой командира полка марионеточной армии, можно сказать, была небезынтересным событием. Разумеется, я и не изменил выражения на лице от того, что передо мной сидит жена комполка.

— А вы, госпожа, полагали, что мы жестоко накажем вас за то, что вы супруга комполка?

Женщина смущенно потирала руки.

— Нет, что вы... Может, я ошибаюсь... Извините, не вас

зовут Ким Сон Чжу, господин начальник?

Совершенно неожиданный вопрос. Пришел мой черед удивиться. Если мое детское имя знает жена командира полка марионеточной армии Маньчжоу-Го, случайно встреченная в Северной Маньчжурии, отдаленной на сотни *ли* от Цзяньдао, то это уже ЧП, какое нельзя обойти молчанием. Откуда узнала мое имя эта совершенно незнакомая дама, которую я нигде и никогда не видел? Вслед за удивлением мной овладело стремление разгадать эту загадку.

— Трудно верить ушам, когда слышу свое детское имя на земле Эму. Меня зовут и Ким Сон Чжу, и Ким Ир Сеном. А откуда вы, госпожа, знаете мое имя?

Супруга комполка покраснела до корней волос. На ее лице я читал желание высказать что-то, о чем ей трудно говорить.

— Когда вы, господин Сон Чжу, руководили молодежно-ученическим движением в Гирине, я училась в женской средней школе. С тех пор я вас знаю.

—Да?! Очень рад!

Только теперь я понял, что означал ее изумленный взгляд, когда она подняла голову и впервые глянула на меня. Как это удивительно! На этой далекой земле встретился с бывшей ученицей женской средней школы в Гирине, где тоже прошли годы моего ученичества. Одно упоминание слова «Гирин» вдруг вызвало в моем сердце теплое чувство наподобие тоски по родине. И тогда (да и сейчас) я питал глубокую привязанность к этому городу, который несколько лет держал меня в своем теплом лоне.

Женщина читала на моем лице искреннюю тоску по давним дням и сказала уже спокойным голосом:

— И вы, господин Сон Чжу, наверно, не забыли осень 1928 года, когда развернулась кампания против прокладки железной дороги Гирин— Хвэрен. Какими бурями кипел той осенью весь Гирин! Может, вы не поверите, но я тоже участвовала тогда в

демонстрации учащихся. До сих пор свежо в памяти то, о чем вы, господин Сон Чжу, говорили, выступая на площади перед Домом провинциального собрания...

Печально текли слезы из глаз женщины, которая когда-то была ученицей женской средней школы Гирина и скандировала лозунги на демонстрации, а теперь стала женой командира полка и ездит в лисьей шубе к своим родителям в гости в сопровождении охранника.

Я по-новому всматривался в жену комполка, ощущая, будто попал в другой мир. Еще вчера эта женщина участвовала в антияпонском движении, а сегодня она «села в поезд», идущий по прояпонской колее. Я глубоко задумался над тем, что толкнуло ее на этот путь. Быть может, духовно разложилась, разочаровавшись в судьбе своей нации? Но при виде женщины, с таким глубоким волнением вспоминающей годы в Гирине, я понял, что она все еще тоскует по тем дням, когда вела антияпонскую борьбу. Тем более, что она раскаивается со слезами в своем поступке и, превозмогая чувство стыда, вспоминала годы своего ученичества. Почему эта женщина так удивилась и даже затрепетала в тот момент, когда взглянула на меня? Вероятно, от чувства страха перед совестью.

— Почему вы молчите, господин Сон Чжу? Извините меня. Та девочка, которая, сжав кулак, откликнулась на вашу речь... Теперь так встретилась с вами, господин Сон Чжу, мыкающимися в военной форме... Не могу выразить глубоких чувств… Стыдно мне...

По ее щекам снова заструились слезы.

— Успокойтесь, госпожа. Не надо так убиваться. Ситуация слишком суровая, она не позволяет впадать в отчаяние, отрешиться от мира. Внутренняя и внешняя обстановка зовет на поприще антияпонской борьбы за спасение страны всех сыновей и дочерей, всех интеллигентов Китая, любящих отечество и народ. Ведь не может быть, чтобы вы, жена комполка, не могли

участвовать в антияпонской борьбе.

Выслушав мои слова, женщина утерла слезы и подняла голову.

— Значит, есть путь для антияпонской борьбы и в моем положении?

— Есть. Если вы сможете оказать нужное влияние на своего мужа и он откажется от карательной операции против революционной армии, это уже станет вкладом в антияпонскую борьбу. Собственно, командир полка маньчжоугоской армии не такой уж низкий чин. Но думаю, что дело не в чине. Дело в том, чтобы ваш муж не забыл, что он китаец.

— Правда, мой муж комполка, но он там служит не по своему желанию. Он тоже дорожит национальной совестью. Я сделаю так, как вы, господин Сон Чжу, советовали. Попробую убедить мужа, чтобы он не гонял подчиненных на карательные операции против партизан. Верьте моим словам.

— Как хорошо, если так будет! Переориентация одного комполка от прояпонской на антияпонскую позицию будет означать, что и его подчиненные встают на путь патриотизма. Именно в этом путь возрождения для вас и для вашего мужа.

Я вселил в женщину уверенность, приведя ряд примеров того, как раньше в Цзяньдао бывшие офицеры марионеточной армии Маньчжоу-Го перешли с прояпонской позиции на антияпонскую.

— Сегодня бог дал мне счастье встретиться с вами. Ваши слова заставляют меня думать о многом. Можно сказать, что сегодня вы вернули мне дух периода жизни в Гирине и вывели меня с мужем на путь возрождения. Всю жизнь не забуду вашу помощь, — сказала она и выразила свою решимость жить достойно, как дочь китайской нации.

Я показал ей сделанные нами агитлистовки, а также Программу сопротивления Японии и спасения отечества из шести пунктов, опубликованную Сун Цинлин, Чжан Найци и

другими в Шанхае. Это была та же Программа из шести пунктов, которую Ву Пин показал мне в горном шалаше Чжоу Баочжуна в Нинане, когда мы совершали 1-й поход в Северную Маньчжурию.

Жена комполка, посмотрев на часы, достала из-за пазухи вещь, завернутую в белую бумагу, и положила передо мной. Это были китайские бумажные деньги. Она сказала, что эти деньги выручила за опиум, и попросила принять в качестве взноса в военный фонд.

Мы были благодарны за ее сердечный дар, но не смогли принять его.

— Эти деньги возьмите себе. Сегодня я вновь обрел потерянную было бывшую подругу по учебе. Мне кажется, что я и так получил большое достояние.

Слушая меня, жена комполка снова прослезилась.

Перед расставанием мы накрыли на ужин обильный стол. Уходя из дома помещика, она сказала мне свои фамилию и имя. До сих пор помню ее фамилию — Чы, а вот имя, к сожалению, забыл.

Спустя некоторое время мы получили письмо от того командира полка. В письме он писал: «Вы самые благородные в мире люди. Вы сохранили жизнь моей жены, избавили меня от пучины преступлений и вывели на путь патриотизма. Я решил помогать вам, оправдывая ваше благодеяние».

Длинное письмо было написано патетическим тоном. Имя комполка тоже забылось, в памяти сохранилась только его фамилия — Чжан.

После этого мы готовились к празднованию Нового года по лунному календарю. На окраину уездного центра Эму был направлен интендант, чтобы закупить мороженую свинину и другие продукты для приготовления блюд на новогодний праздник. Но интенданту не довелось выполнить задание: он был схвачен в городке уездной полицией. Каким-то образом слух об этом дошел до того самого командира полка. Он потребовал от

полицейского участка передать ему арестованного интенданта — мол, дело с Народно-революционной армией касается военного ведомства.

Вначале интендант подумал, что комполка велит его убить. Но тот попросил свою жену накрыть стол так обильно, что он ломился от яств, и оказал интенданту теплое гостеприимство, как дорогому гостю. Комполка сказал: «Я благодарен отряду командующего Кима за оказанную моей жене сердечную помощь. Впредь при любых обстоятельствах не буду вести карательных операций против вас. Говорю это, ручаясь головой. Вы можете верить моим словам. При встрече с вашим отрядом выстрелю трижды в воздух. Знайте тогда, что перед вами наш отряд. И проходите спокойно, как будто ничего не заметили. Даже умирая, не забуду благодеяния командующего Кима. Передайте ему мой сердечный привет».

Впоследствии командир полка сдержал свои обещания.

В то время, когда мы остановились в поселке Санькэсун, в стороне села Гуаньди были дислоцированы японские войска, а в стороне уездного центра Эму — полк марионеточной армии Маньчжоу-Го. Обе части направлялись на карательные операции, но 12-й полк, возглавляемый вышеупомянутым командиром полка, нарочно избегал боя при каждом столкновении с нашим отрядом. И мы в свою очередь наносили удар только по японским войскам.

В те времена одним из важных признаков, различающих японские войска и марионеточную армию Маньчжоу-Го, были каски. Во всех партизанских отрядах ходила своего рода формула: противник в каске—японское войско, без нее—маньчжоугоская армия. Но позже и солдаты последней появились на поле боя в касках. Поэтому мы заявили, что будем безусловно стрелять по солдатам в касках, считая их японскими самураями, а тем, кто не хочет воевать с партизанами, следует снять каски. После этого предупреждения отряды маньчжоугоской армии,

приближаясь к нам, снимали каски, чтобы дать нам понять, кто перед нами.

Партизаны били врагов, разбирая их по каскам, где бы они ни находились — впереди или сзади отряда. Японские войска вопили: «Партизаны бьют, к удивлению, только по нам». Мы требовали от марионеточной армии Маньчжоу-Го давать партизанам сигнал — случайным одиночным выстрелом или другим способом, когда она участвует в карательной операции. И наше требование обязательно исполнялось. В случае, если не было возможности произвести такой выстрел, подразделения марионеточной армии сообщали о своем месте нахождения большой шумихой галдящих десятков, сотен солдат.

Комполка Чжан помогал нам и продовольствием. Порой он велел нагрузить до отказа повозки свининой и мороженными пельменями и выйти с места дислокации под предлогом карательной экспедиции, а потом приказывал подчиненным доставить продукты до пункта, где будут контакты с нашим отрядом. А сам, ведя за собой часть, направлялся в другую сторону, где не было никаких партизан, и проводил там несколько часов, обходя разные места, чтобы потом вернуться в казарму.

Это было во время, когда наш отряд квартировался в одном из сел близ Гуаньди. Однажды несколько командиров пришли ко мне и, доложив о настроениях бойцов накануне новогоднего праздника, попросили разрешения достать у местных жителей муку гречихи или картофеля, чтобы приготовить хотя бы *куксу* на праздник.

Учитывая, что это может быть бременем для населения, я не только не дал разрешения, но и отдал вскоре отряду приказ об эвакуации. Тем более, что сами сельчане солидно готовились к торжествам по случаю Нового года. Они заявили: будем рады отметить праздник вместе с отрядом командующего Кима. Они в этом случае потратили бы запас своего продовольствия на несколько месяцев, чтобы приготовить праздничные блюда для

нашего отряда. Вот почему мы с отрядом поспешно покинули село — эвакуировались для того, чтобы не ущемлять интересы населения. Но, прямо скажу, бойцы почти все дулись, точно мышь на крупу.

Бойцы экспедиционного отряда, переместившегося в глухомань Хуаннихэцзы, починили шалаш-барак, которым пользовались рабочие лесорубного пункта, и отметили в нем новогодний праздник. Да был праздник, но каждому из нас досталось лишь по одной миске каши из чумизы. Конечно, бойцам хотелось еще чего-нибудь вкусненького. И в это самое время нас досыта порадовали свинина и пельмени, присланные командиром полка марионеточной армии.

Позднее, когда дружеские отношения между нами укрепились, тот комполка передавал нашему экспедиционному отряду даже оружие и разведданные. Искренняя забота, которую мы проявили об одной женщине, принесла такие большие и ценные плоды. Командир полка, хотя по-прежнему носил на плечах погоны армии Маньчжоу-Го, своей смелой практической деятельностью по сотрудничеству с коммунистами, ценой подвига искупил свою вину перед историей и народом.

Можно сказать, и в работе с этим комполка большой результат дал наш курс на дезорганизацию вражеских войск. Суть этого курса —делая главный упор на завоевание низовых солдатских масс, составляющих абсолютное большинство рядов марионеточной армии Маньчжоу-Го, завоевать также среднее и низшее офицерство и даже часть высших офицеров, не потерявших совести, изолировать и уничтожить ничтожную горстку злостных представителей офицерства.

Это был огромный успех, превосходивший наши ожидания. Командир полка, ни разу не имевший контакта с нами, под влиянием своей жены превратился из приспешника контрреволюции в патриота, солидаризировавшегося с коммунистами. Видимо, жена комполка, учившаяся в женской средней школе

Гирина, так сказать, развернула активную идеологическую работу по перевоспитанию своего мужа. Это была замечательная женщина!

Через некоторое время тот командир полка был переведен в район Хуадяня. Работу с ним я передал Вэй Чжэнминю. С тех пор мы долгое время ничего о нем не знали. Только в 1941 году получили краткое известие о нем через Квак Чжи Сана, который помогал в Хуадяне Вэй Чжэнминю в его деятельности.

Квак Чжи Сан сообщил, что расквартированные в Хуадяне 12-й и 13-й полки марионеточной армии Маньчжоу-Го вскоре будут передислоцированы в сторону Жэхэ и что командиры обоих полков выразили свое намерение присоединиться к антияпонской революционной армии до передислокации в Жэхэ. Но в то время в Хуадяне не было такого отряда, который мог бы одновременно принять в свои ряды два полка, да и не было таких командиров, которые могли бы принять ответственное решение по смелому предложению обоих комполка. Квак Чжи Сан пришел к нам, чтобы получить совет по этому поводу. После гибели Вэй Чжэнминя в бою военные и политические кадры 2-го корпуса получали от нас рекомендации по разрешению больших и малых проблем, возникавших в деятельности корпуса.

Я отправил Квак Чжи Сана в Хуадянь с экстренным заданием немедленно привлечь на нашу сторону упомянутые части марионеточной армии Маньчжоу-Го, прежде чем они будут переброшены в Жэхэ. К сожалению, он опоздал и не успел осуществить большое дело по привлечению двух полков на нашу сторону. Позже стало известно, что тот комполка в Хуадяне сдал свой полк новому командиру полка по фамилии Ян. Сдавая полк преемнику, он наставлял Яна, чтобы тот шел по пути антияпонской борьбы, советовал и командиру соседнего 13-го полка, с которым имел дружеские отношения, содействовать антияпонской революции.

После этого я нигде не мог найти материалы о дальнейшей

судьбе 12-го и 13-го полков, переведенных в сторону Жэхэ. Лишь в последнее время, знакомясь с документами о крушении марионеточной армии Маньчжоу-Го на завершающем этапе войны с Японией, я узнал, что эти части в решительный момент выступили против японских империалистов.

Один добросовестный друг, находящийся в стане вражеских войск, позволяет завоевать тысячи, десятки тысяч друзей. Поэтому с самого начала антияпонской вооруженной борьбы мы выдвинули лозунг «Соорудим во вражеских войсках твердыню революции!» Соорудить твердыню в стане вражеских войск — значит утвердить наши позиции в армии противника. Иначе говоря, создать наши революционные силы в рядах армии противника с целью ее дезорганизации.

В те годы в применении к задачам дезорганизации армии противника употребляли, как правило, выражение «политическая работа в отношении неприятеля». Разгромить противника пулями, с одной стороны, а с другой —дезорганизовать его силы путем политической работы— это были, можно сказать, два аспекта стратегической линии антияпонской борьбы. В любую эпоху, в любой войне и с любой стороны борьба с противником всегда велась в двух направлениях. Одно из них — борьба посредством вооруженных сил, другое — борьба духовная, при помощи идеологической пропаганды.

И японские империалисты в так называемой «работе по обеспечению безопасности и спокойствия» указывали на три мероприятия: «устранение поверхностных причин», «идеологическая обработка» и «искоренение основных причин». В общем это тоже сводится к двум моментам; истребление «бандитов» силой оружия и «идейная обработка» путем пропаганды и «умиротворения». Противник тоже лез из кожи вон в попытках разложить духовно наши революционные ряды.

Однако, когда мы впервые поставили вопрос о создании нашей революционной организации в стане вражеской армии с

целью ведения политической работы в отношении неприятеля, многие люди не очень-то откликнулись на это.

Конечно, не было ни одного труса, который выступал против курса на дезорганизацию армии противника ради безопасности собственной шкуры. Главная причина была в том. что иные люди считали этот метод отклонением от классовой линии.

«Мы армия рабочих и крестьян, а другая сторона — армия буржуазии. Враги и мы нетерпимы по отношению друг к другу. Вода и огонь не могут дружески соседствовать — это азбучная истина, известная даже маленькому ребенку. Как же можно создать революционную организацию в войсках противника?» — так твердили они и качали головой.

Те, кто носил на плечах вещмешок, полный марксистской классики, декларировали, что создание революционной организации в рядах армии противника есть правый уклон, смахивающий на своего рода классовое сотрудничество с противником. Они твердили: «Это нацеливает на сотрудничество с классовыми врагами, находящимися в отношениях непримиримых противоречий с нами. А в трудах классиков не найдешь положения о дезорганизации армии противника». Слушая такое, молодежь наших дней наверняка усмехнулась бы, называя подобных «теоретиков» людьми, которые, зажав нос, кричат: «Душно!» Но в те времена, когда ни шагу нельзя было ступить без ссылки на положения классиков, подобная односторонняя позиция имела значительное влияние,

В условиях, когда шла острая классовая борьба и обида на классовых врагов была нестерпимой, почти никто не считал такую позицию, если кто-то ее занимал, каким-либо серьезным отклонением. Многие люди начали революцию и преодолевали все тяготы, исходя из чувства ненависти к классовым врагам, и, следовательно, не хотели делать ни малейших уступок перед именем существительным «класс». Вдобавок догматическое толкование теории классовой борьбы, выдвинутой основоположни-

ками марксизма, вызывало у многих коммунистов больше чувств ненависти, непримиримости, стремление осуждать и наказывать, нежели чувство любви, прощения и доброжелательного привлечения на свою сторону. Марксисты-стилисты, считая безоговорочную непримиримость главным свойством революционера, даже делали молодых людей, незрелых в духовно-идейном отношении, узколобыми и безжалостными «хунхузами» в буквальном смысле слова. Из-за такого порока марксистская революция переживала на практике «родовые муки» и запятнала репутацию коммунистов. «Левые» элементы и догматики, ратовавшие за одни лишь классовые интересы под лозунгом о защите класса и классовой непримиримости, видели, как многие люди поворачиваются спиной к коммунистической революции и переходят во вражеский лагерь, но не могли предотвратить это.

Дело было не в том, есть ли в классике предыдущего периода положение о дезорганизации вражеских войск или нет, а в том, что люди не хотели разрабатывать линию и курс, отвечающие коренным интересам революции.

Мы считали, что революцию надо начинать с чувства любви к своему народу, и при изучении марксистской литературы старались найти в первую очередь не непримиримость, а идею любви и сплоченности.

Мы полагали, что вполне возможно создать революционные силы в рядах вражеской армии. Ибо считали, что, не говоря уже об абсолютном большинстве солдат — детей рабочих и крестьян и о средних и низших офицерах, даже среди некоторых высших офицеров могут быть те совестливые люди, которые сочувствуют нашей революции и жалеют страдальцев в эксплуататорском обществе. Если завоевать их на сторону революции и превратить в дружественную с нами армию, то насколько же ослабнут враги, а как возрастут наши революционные силы! Это станет такой крупной наступательной акцией,

которая позволит разгромить классовых врагов без винтовочных и орудийных залпов. Это — лучшая пропаганда, убеждающая людей в том, что именно коммунисты являются носителями благородного идеала, стремящимися к счастью и дружбе человечества.

По крайней мере с таким идеалом и целью мы выдвинули лозунг «Соорудим во вражеских войсках твердыню революции!» в качестве главного лозунга в политической работе в отношении неприятеля.

Наша идея о возможности сооружения твердыни революции в стане армии противника основана на самобытном понимании существенных свойств человека. Человек является великим существом, обладающим самостоятельностью, творческой способностью и сознательностью, и вместе с тем представляет собой прекрасное существо, защищающее справедливость и стремящееся к ней. По своей природе человек чтит доброе и благородное и презирает злое и мерзкое. Эта свойственная ему природа и есть человечность.

Средние и низшие слои населения, составляющие его большую часть, и некоторые высшие слои, за исключением ничтожной горстки реакционеров из высших слоев, можно превратить в тех, кто поддерживает, сочувствует и содействует революции, если только мы с великодушием будем оказывать на них благотворное воздействие. Пусть тот или иной человек служит классам помещиков и капиталистов, но если у него есть человечность и благородное чувство любви к родине и нации, эти человеческие качества станут основой для завоевания его на нашу сторону.

Именно из такой позиции исходит наша политика, направленная на то, чтобы сплотить всех членов нации, за исключением кучки реакционеров и злодеев, под знаменем великой национальной консолидации.

После освобождения Кореи люди называли Ким Гу[13] гла-

варем террористов и поставили его, как реакционера, на одну доску с Ли Сын Маном. И было за что. Он всю жизнь не только питал антипатию к коммунистам, но и враждебно относился к ним. Народ так ненавидел Ким Гу и Ли Сын Мана, что в ходу была даже карикатура, на которой изображены они, как люди, безрассудно лезущие на рожон. Рабочие Кансонского сталелитейного завода даже на заводской трубе начертали лозунг «Долой Ким Гу!» К тому времени среди нашего народа никто не считал возможным перевоспитать Ким Гу. Но случилось так, что Ким Гу во время Апрельского совместного совещания представителей Севера и Юга[14] подвергся нашему влиянию, превратился из антикоммуниста в такого деятеля, который сблизился с коммунистами и пошел на коалицию с ними. Он смог пройти процесс перевоспитания, конечно, под нашим влиянием, но в то же время это был результат того, что он сам воочию наблюдал действительность северной части страны. В ходе этого у него полностью раскрылось чувство любви к Родине и нации, чему была посвящена вся его жизнь, и выявился весь заряд его человечности.

Если бы мы не учитывали чувства любви к Родине, нации и человечность,то не работали бы рука об руку с Чвэ Док Сином[15], который некогда атаковал нас с передовой линии антикоммунизма, не устраивали бы диалог и с нынешними правителями Южной Кореи. Мы садимся за один стол с южнокорейскими правителями для переговоров, чтобы объединить Родину. Ибо мы надеемся на их национальную совесть и человечность, хотя и видим в этом ограниченность, ибо верим, что эти два качества расцветут когда-нибудь цветами на прекрасной клумбе национального согласия.

Мы вели немало дискуссий также по вопросам о том, кого и как надо завоевывать на нашу сторону в армии противника. Не пришли к единству мнений, в частности, в дискуссии о политической работе в отношении неприятеля — японской армии. Боль-

шинство товарищей считали, что средних и низших военнослужащих марионеточной армии Маньчжоу-Го можно завоевать на нашу сторону. Но японских воинов, с детства воспитанных в духе «Ямато» и слепой преданности императору и вымуштрованных насильственной дисциплиной, считали непримиримыми врагами, теми существами, которых никак нельзя завоевать на свою сторону. «Трудно выкорчевать антикоммунистические идеи из сознания вожаков Армии независимости — выходцев из японского военного училища. И об офицерах и солдатах японской армии нечего говорить», — качали они головой. Однако неожиданный случай однажды опроверг такое мнение.

Некогда в селах Цзяньдао распространился тиф. Японские войска совершили вопиющие зверства — бросили больных в дома и сожгли их заживо. Карательная экспедиция вторглась и в поселок, где жил заболевший Тун Чанжун.

Японский офицер заметил Тун Чанжуна, лежащего в комнате, и тут же приказал подчиненному запереть двери и поджечь дом. Японский солдат готов был выполнить приказ начальника. Тун Чанжун уже думал, что наступила последняя минута, но перед смертью решил попробовать убедить японца, чтобы умереть с достоинством. Окончив вуз в Японии, он свободно говорил на японском языке. Колотя кулаком по полу, он агитировал: «Ты, наверно, тоже сын рабочего или крестьянина. Зачем пришел сюда и так безжалостно убиваешь бедных людей? Что получаешь за такое убийство? Разве не совестно тебе убивать больного?»

Японский солдат, тронутый страстным криком, стучащим в двери совести, выбил ногой заднюю дверь и увел Тун Чанжуна из комнаты, прячась от глаз начальника, а потом поджег дом.

Тун Чанжун спрятался в огороде между грядками и чудом спасся от смерти.

Этот эпизод заставил прикусить язык тех, кто настаивал на том, что нельзя завоевать японских воинов на нашу сторону.

С тех пор мы с уверенностью выбирали и смело посылали в

стан вражеских войск товарищей — стойких, мужественных, умных и находчивых.

Многие известные и неизвестные подпольщики успешно вели политическую работу в отношении неприятеля, не изменив своих убеждений, находясь в полной изоляции в стане врага. Благодаря их усилиям чуть ли не каждый день возникали бунты в марионеточной армии Маньчжоу-Го и отрядах самоохраны.

Мы готовили всех без исключения партизан к тому, чтобы они могли активно участвовать в политической работе в отношении неприятеля, применяя разнообразные формы и методы — устную агитацию, распространение печатных изданий, общественного мнения, песен и тому подобное.

Наша энергичная и убедительная пропаганда проводилась внутри и вне стана врага, индивидуально и коллективно. В результате многие части марионеточной армии Маньчжоу-Го отказывались воевать против партизан и стали надежными «поставщиками оружия».

Направим им письмецо — пришлют нам оружие, боеприпасы и продовольствие. На поле боя громко кричим им: «Яоцян буяомин (Нужно только ружье, а не ваша жизнь)!» — они бросают винтовку и капитулируют.

Карательные отряды противника убивали без разбору наших людей, но мы гуманно и тепло относились к пленным и тем влияли на них. Будь это воины маньчжоугоской или японской армии, мы, отпуская их, вручали даже деньги на дорожные расходы.

Был случай, когда один солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го семь раз приходил с винтовкой в наш отряд сдаваться в плен. Мы говорим ему в шутку: «Опять пришел к нам, дружок!» А он, расплываясь в улыбке, отвечает: «Пришел сдать ружье революционной армии».

В Восточной Маньчжурии мы завоевали на нашу сторону и множество офицеров противника ранга комроты и выше. В их

числе — ротные командиры батальона Вэня, дислоцированного в Лоцзыгоу уезда Ванцин.

В 1934 году Цянь успешно выполнил работу по дезорганизации внутри отряда Ма Гуйлиня в Наньхаматане. Раньше он был командиром роты маньчжоугоской армии. Под нашим влиянием он был перевоспитан и стал коммунистом.

Среди солдат японской армии тоже были незабываемые друзья, которые оказали нам активную помощь.

Это было во время боя за оборону Сяованцина. О Бэк Рён производил осмотр поля боя. Вдруг он нашел в кармане убитого шофера японской агрессивной армии письмо в адрес партизанского отряда и принес его нам. Оказалось, этот шофер был выходцем из рабочего класса, членом Коммунистической партии Японии. Он гнал машину, нагруженную сотней тысяч патронов, в нашу сторону, но был обнаружен у подножия горы вблизи партизанского края. Он покончил с собой, оставив в кармане письменное завещание.

Высокий революционный дух пролетарского интернационализма этого солдата взволновал всех нас. Поныне живет в нашем сердце образ японского коммуниста, который, оставив на родине любимых родителей, жену и детей, переправился в Маньчжурию через широкое море и крутые горные хребты и безымянно погиб у подошвы горы чужой страны, оказывая нам помощь. Говорили, что сяованцинцы дали имя этого интернационалиста-воина начальной школе в своем краю, но неизвестно, носит ли она это имя до сих пор.

На основе опыта завоевания командира полка маньчжоугоской армии в Эму мы позднее искусно вели работу по дезорганизации вражеских войск и в местности Дапучайхэ, расположенной на границе между уездами Аньту и Дуньхуа.

В Дапучайхэ был расквартирован батальон марионеточной армии Маньчжоу-Го, снискавший себе дурную славу во время карательных операций против партизан. Этот пресловутый от-

ряд имел богатый боевой опыт и был безупречен в системе командования и управлении личным составом. Наши подпольщики никак не могли проникнуть в этот батальон, хотя мы и пытались заслать их туда. Мы начали всесторонне изучать этот отряд, чтобы найти уязвимое место. И вот, наконец, мы узнали, что комбат недоволен своим начальством из-за низкой зарплаты и, стремясь заработать деньги, занимается через адъютанта торговлей опиумом. Этот веский мотив позволял нам приступить к работе по дезорганизации отряда.

Однажды группа наших бойцов, устроив засаду у дороги, арестовала адъютанта комбата, который возвращался с покупкой — большим количеством опиума. Адъютант очень беспокоился, как бы бойцы революционной армии не отняли у него опиум, находящийся в обращении как валюта. Но наши товарищи не тронули опиума, а, поговорив с адъютантом как следует, отпустили его в свой батальон. Глубоко тронутый, адъютант, вернувшись в отряд, подробно доложил комбату о случившемся: мол, считал до этого коммунистическую армию «сворой бандитов», как пропагандируют японцы, а встретился с ней, и оказалось, что ее бойцы — люди вежливые и цивилизованные. Комбат тоже был до глубины души тронут его словами.

Позже мы через того адъютанта послали комбату мою визитную карточку и письмо. В нем говорилось:.. партизаны не хотят воевать с вами. Хоть вы и сделали немало пакостей, преследуя революционную армию, но мы не намерены рассчитываться за них. Мы не требуем от вас ничего. Только не наносите вред народу и Народно-революционной армии! Вот чего мы хотим. Если вы раскаиваетесь в своих прошлых проступках и желаете иметь дружеские отношения с революционной армией, то присылайте нам почаще такое печатное издание, как «Тецзунь» («Железная армия» — ред.)...

Откликаясь на это письмо, адъютант комбата пришел к нам, взяв с собой журнал «Тецзунь», и договорился с нами о явке, где

можно передавать печатные издания. После его возвращения они, пользуясь дуплистым деревом, периодически передавали нам различные газеты и журналы, издаваемые внутри и вне армии, и важную информацию. Когда мы просили на наши деньги достать товары ширпотреба и военные материалы, необходимые для нашего отряда, они аккуратно выполняли наши просьбы.

Тот комбат, очень тронутый нашей симпатией, даже добровольно взял на себя лечение раненных партизан, лечили наших бойцов до полного выздоровления, укрыв их в казарме и кормя хорошей пищей.

В конце концов, он воспринял Народно-революционную армию как подлинно народную армию и, когда дружеские отношения с нами углубились, прислал мне волнующее письмо «К соратникам в горах».

Следовать истине и восхвалять любовь — это присущая человеку совесть.

Мы постоянно подчеркивали перед товарищами: враги пытаются дезорганизовать наши отряды обманом и ложью, угрозой и шантажом, а коммунисты должны тронуть сердце неприятеля правдой и любовью.

Многие подпольщики и подпольщицы свято запомнили эти слова и правильно проводили политическую работу в отношении неприятеля. Среди них была и юная партизанка по имени Им Ын Ха.

Широко известная пьеса «Подсолнечник» представляет собой художественное произведение, изображающее ее практическую борьбу.

Мы встретились впервые с этой девушкой весной 1936 года в тайном лагере в Михуньчжэне.

В те времена мы обсуждали ряд важных вопросов, таких, как формирование новой дивизии КНРА и подготовка к созданию

Лиги возрождения Родины. И эта девушка тоже хотела идти вместе с нами в район гор Пэкту, у нее было «чемоданное настроение».

Это была красивая и милая, тихая, но стойкая девушка. Тогда ей еще не минуло и двадцати лет, она была маленькая, как девочка.

— Дорогой Полководец, на сей раз вы наверняка возьмете меня с собой, да? — упрашивала она при каждой встрече со мной включить ее в главный отряд КНРА, который я вел за собой.

Однако мы оставили ее у больного Вэй Чжэнминя для ухода за ним.

Когда рухнула ее надежда идти на Родину с нами, у девушки повлажнели глаза.

— Не очень горюй. Когда мы будем базироваться в горах Пэкту, возьмем туда товарища Вэй Чжэнминя для лечения. Тогда и ты придешь с ним, — утешал я девушку.

— Поняла, Полководец. Не беспокойтесь обо мне, — ответила она, стараясь не тревожить нас, но долго глядела на южное небо с досадой.

Спустя несколько дней мы покинули Михуньчжэнь и остановились в поселке близ Сяофуэрхэ. В уединенном горном поселке было всего четыре-пять дворов. А тут случилась неожиданная беда. На рассвете на поселок напали враги, находившиеся в Дапучайхэ.

Мы быстро заняли выгодные позиции и обрушили огонь на атакующего противника. Но не успели прорваться к нам те товарищи, которые стояли биваком отдельно напротив ущелья. Там в доме находились Вэй Чжэнминь, начальник отдела Ли (он учился в университете имени Сунь Ятсена в Москве и направлен был к нам недавно), жена Чао Яфаня и Им Ын Ха.

Отразив атаку неприятеля, мы осмотрели поле боя и нашли Вэй Чжэнминя на чердаке дома. Кровь текла из его бедра,

простреленного пулей.

Говорили, что в тот день состояние больного еще более ухудшилось, он не мог даже двигаться. Им Ын Ха с трудом спрятала его на чердаке, а сама убежала в горы, укрываясь от вражеского огня, но была ранена в ногу и арестована. В тот день погибли жена Чао Яфаня и начальник отдела Ли.

Враги увезли Им Ын Ха в роту марионеточной армии Маньчжоу-Го, расквартированной вблизи Дапучайхэ, и заставили ее стирать белье и варить кашу. Вначале японский инструктор подверг ее жестоким пыткам, чтобы выведать тайны. Когда это оказалось напрасным, японец изменил тактику — заставил ее заниматься черной работой с целью выведать постепенно то, что она скрывала.

Даже в условиях, когда она оказалась одна в стане врага, Им Ын Ха постоянно думала о том, чем помочь революции. Наконец, она пришла к дерзкому замыслу — привлечь на сторону партизан целую роту марионеточной армии Маньчжоу-Го.

Девушка решила сначала растрогать своими красивыми песнями огрубевшие сердца мужчин, страдающих от тяжелой солдатской жизни. Чтобы иметь возможность установить контакты с солдатами этой армии, она намеренно протянула бельевую веревку во дворе казармы и, суетясь около нее, пела грустную песню, вызывающую тоску по родине.

У нас в то время была хорошая песня, сочиненная специально в целях политработы в отношении неприятеля. Слова революционного содержания соединили с мелодией старинной песни, содержание которой — грустное пение жены у могилы своего мужа, умершего на стройке Великой китайской стены.

Им Ын Ха пела другую, обычную песню у офицеров, а у солдат — названную выше песню.

Солдаты роты, которых она обслуживала, ранее были бойцами Армии спасения отечества, но вследствие предательст-

ва верхушки загнаны в марионеточную армию Маньчжоу-Го, так что у них были сильны антияпонские настроения.

Красивая, задушевная песня девушки овладела сердцами солдат. И офицеры, слушая ее грустную песню, погружались в глубокое раздумье и глядели в далекое небо отсутствующими глазами.

Распространились слухи о том, что пленница-партизанка — настоящая певица. И иные солдаты специально приходили к ней слушать песню.

— Девушка-партизанка, спой-ка разок песенку! — просили они.

— Могу петь хоть сто раз. Не стоит же денег моя песня, — отвечала она, улыбаясь, и пела чистым и печальным голосом. Грустная мелодия отражала кровную обиду китайцев, гибнущих, истекая кровью, под игом японских самураев.

В старину на каторжном труде на стройке Великой китайской стены множились могилы китайцев, теперь под штыками самураев появляются новые могилы. Вставайте, пойдемте вперед в бой ради возмездия за обиды китайцев... Такими были слова ее песни. Напевая, плакала сама девушка, проливали слезы и здоровенные солдаты.

Им Ын Ха не только пела солдатам песни, но и чинила мундиры, готовила и оставляла любимые блюда, чтобы потом угощать их. Постепенно между девушкой и солдатами завязалась сердечная дружба. Среди солдат было несколько совсем юных, которые привязались к ней, словно к родной сестре. Рано лишившиеся родителей, они бродили по улицам, собирая милостыню, и вступили в армию, чтобы избежать голодной смерти.

Им Ын Ха особенно тепло заботилась об этих одиноких и бедных юношах. Им, жаждавшим человеческой ласки, она стала так же дорога, как родная сестра или мать.

Однажды трое юных солдат пришли к ней и предложили вступить в побратимство с ними.

— Ын Ха, ты наша старшая сестра. Для тебя мы, младшие братья, готовы даже отдать свою жизнь, — поклялись они торжественно и искренне.

Конечно, Им Ын Ха приняла их предложение, тепло пожала им руки и сказала:

— И я, ваша старшая сестра, тоже не буду щадить свою жизнь для вас, младших братьев.

Девушка еще более расширяла ряды побратимов, сделав их ядром, а потом превратила их в Антияпонское общество. В то же время она подошла и к командиру роты марионеточной армии Маньчжоу-Го, чтобы осуществить свой большой замысел. Комроты тоже был выходцем из АСО и постоянно был в обиде, недовольный произволом японского инструктора.

Вовремя уловив такое настроение комроты, Им Ын Ха однажды посетила его, долго и живо рассказывала ему о жизни многих бывших солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го, перешедших на сторону партизан. И смело предложила:

— И вы, господин командир роты, переходите к партизанам вместе с подчиненными!

Неожиданным предложением девушки комроты вначале был ошарашен.

— До каких пор вы будете жить в унижении, как скотина?! И вчера японский инструктор до полусмерти избил вашего любимца, рядового Вана. Но вы не посмели вымолвить ни слова.

Комроты дрожал от гнева, слушая девушку. Им Ын Ха продолжала:

— Я вам помогу. Перейдите к партизанам! Все ваши подчиненные — мои побратимы, члены Антияпонского общества.

Комроты удивленными глазами смотрел в ее глаза, полные пламенного призыва. Вот каким делом ты занималась, маленькая девушка-партизанка! Какое большое у тебя сердце! Ощутил в себе комроты огромный душевный толчок.

—Стыдно мне, как мужчине! — бросил он и ушел торопливо, словно обращаясь в бегство.

На следующий день солдаты, находившиеся под влиянием Им Ын Ха, выступили с коллективным протестом, требуя зарплаты, выплату которой задерживали уже шестой месяц. И в тот день японский инструктор беспощадно бил представителя солдат, осыпая его грубой руганью.

Девушка поняла, что именно сейчас наступил решающий момент. Она смело встала перед солдатами и призвала: «Дорогие мои братья! Расправляйтесь с этим наглецом — японским инструктором! Бросьте позорную жизнь в марионеточной армии Маньчжоу-Го и пойдемте со мной к антияпонскому партизанскому отряду!»

Откликнувшись на ее призыв, солдаты маньчжоугоской армии расправились с японским инструктором и, быстро выстроившись, тронулись в путь к антияпонскому партизанскому отряду.

Тогда они взяли с собой три пулемета чешского производства, девятнадцать винтовок, один пистолет, более 4700 патронов.

Так, юная девушка, которой не минуло и двадцати лет, сумела привлечь на свою сторону целую роту противника. Это был редчайший случай в истории. И японские империалисты в своих секретных документах отметили спровоцированный партизанкой бунт этой роты как беспрецедентное, сногсшибательное событие.

Им Ын Ха была цветком партизанского отряда, дочерью Кореи с большим сердцем. Поддерживая нашу волю, она своей искренностью, любовью и необыкновенным великодушием коммуниста повела солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го по верному пути.

Со второй половины 30-х годов еще более оживилась наша политическая работа в отношении неприятеля. В итоге сеть революционных организаций распространилась даже в злейшей Цзинъаньской армии. Что касается отрядов самоохраны, марионеточной армии Маньчжоу-Го и полиции, было немало случаев,

когда в них хозяйничали наши организации. Поэтому, когда мы развернули боевые операции последнего этапа антияпонской войны по освобождению Родины, почти все части марионеточной армии Маньчжоу-Го либо повернули стволы винтовок против японских империалистов, либо оказались в состоянии распада.

Бесславный конец несправедливых армий — агрессивных войск японского империализма и марионеточной армии Маньчжоу-Го — явился закономерным итогом неотвратимого развития истории.

Человек, как правило, обязательно встает на сторону справедливости и правды — прямым или обходным путем, не сегодня-завтра.

По сей день мне неизвестна дальнейшая судьба командира-полка марионеточной армии Маньчжоу-Го, с которым я познакомился в Эму. Но я уверен в том, что не только комполка, но и его жена и дети, если они живы где-нибудь, самоотверженно борются за свое отечество и китайскую нацию.

3. На берегу озера Цзинбоху

Озеро Цзинбоху принадлежит к числу известнейших достопримечательностей Маньчжурии. На южном его берегу лежит небольшое село — Наньхутоу, что означает поселок, находящийся на южном краю озера. А на северном берегу —другое село под названием Бэйхутоу. Если подняться на несколько десятков *ли* вверх по течению реки Сяоцзяцихэ, впадающей в озеро, то увидишь в глубоком горном ущелье два ветхих сруба. В одном из них мы и проводили в феврале 1936 года свои заседания.

Теперь, говорят, там все поросло густым лесом, и это место отыскать невозможно. А более полувека назад перед срубом стояли всего два больших дерева — береза и кедр. Они служили надежным ориентиром для тех, кто приходил на совещания. Именно здесь началась история второй половины 30-х годов — в избе, названной нашими историками как «бревенчатый дом в Сяоцзяцихэ».

После завершения еще одного похода — 2-го похода в Северную Маньчжурию мы направились в эту местность. Была середина февраля 1936 года. Позади «день начала весны» и уже наступал «день дождевой воды». Но если по календарю весна уже началась, то на деле было иначе: лютые морозы Северной Маньчжурии никак не хотели отступать и беспрестанно дул студеный континентальный ветер. На озере Цзинбоху то и дело трещал лед, а в лесу за Сяоцзяцихэ потрескивали от мороза дубы и березы. Стужа была так сильна, что опытные кашевары никак не могли доварить пищу, если котлы ставили на дворе. При сорокаградусных морозах рис на дне котла подгорал, а на поверхности зерно не проваривалось. Северная Маньчжурия так

и запомнилась мне на всю жизнь, как местность, в которой мне пришлось больше, чем где-либо, питаться недоваренной пищей.

Минуло четыре года с того времени, как грянул первый выстрел великой антияпонской войны. Собственные силы нашей революции заметно выросли как в военном, так и в политическом отношении. Вырисовывалась оптимистичная перспектива борьбы. Антияпонская революция, переживавшая разные перипетии и зигзаги, несомненно, стремительными темпами шла вперед к периоду нового перелома.

После завершения похода некогда было снять накопившуюся в дороге усталость. Я поспешил в Наньхутоу, где мы договорились встретиться с Вэй Чжэнминем. В голове роились разные мысли о будущем революции, на душе было тревожно.

Как и во время похода в Северную Маньчжурию, после его окончания, уже находясь в Сяоцзяцихэ, я с нетерпением ждал возвращения из Москвы посланцев, отправившихся туда полгода назад.

Вэй Чжэнминь, согласно решению Яоингоуского совещания, формально должен был представить на рассмотрение Коминтерна вопрос о «Минсэндане», в связи с которым были устранены тысячи корейских коммунистов в Восточной Маньчжурии. Но по сути главным, можно было сказать, здесь был вопрос о самостоятельности корейской революции. Иначе говоря, требовался точный ответ: не противоречит ли принципу Коминтерна — «одна страна, одна партия» борьба коммунистов Кореи, поднявших лозунг о корейской революции; правильна или неправильна она, законна или незаконна? Если об этом судить с позиций нынешнего времени, то все совершенно естественно и не вызывает никаких сомнений. Но во времена существования Коммунистического Интернационала был обязательным принцип представительства одной партии от одной страны. Этот вопрос оказался чрезвычайно сложным и острым. Решить его было не просто. Но для нас решение проблемы было равносильно жизни

или смерти. От этого зависела наша судьба.

Весьма властными и грозными были утверждения тех, кто, исходя из принципа «одна страна, одна партия», рассматривал призыв корейцев к корейской революции как еретическое действие, недопустимое для коммуниста, как непартийный, сектантский акт.

Они говорили: «Коммунист — это интернационалист. Как же он, поддавшись идеалам узкого национализма, может думать о своей родине, где нет даже партии, вместо того, чтобы отдать всего себя революции в той стране, в чьей партии он состоит? Значит, у него та же позиция, какую заняли ревизионисты 2-го Интернационала с лозунгом о «защите отечества». В свое время Ленин клеймил позором и осуждал сторонников «защиты отечества» как изменников, врагов социализма и коммунизма. Если вы, коммунисты Кореи, будете упрямо ратовать за концепцию корейской революции, то не ляжет ли на вас клеймо позора как на изменников, врагов социализма? Поэтому вам не следовало бы поступать легкомысленно».

Однако этот вопрос больших тревог у меня не вызывал: я в определенном смысле, можно сказать, уже предвидел результат, с каким вернется Вэй Чжэнминь. Ведь выдвинутая нами проблема была справедлива, к тому же и Вэй Чжэнминь обладал пониманием, представлением о сути данного вопроса. Я был твердо уверен, что сотрудники Коминтерна наверняка дадут положительный ответ на наше предложение о коренных проблемах корейской революции.

Я был глубоко убежден в том, что Коминтерн справедливо решит нашу наболевшую проблему, стоя на стороне правды. Ибо неизменно верил, что предложения, выдвинутые нами на рассмотрение Москвы через Вэй Чжэнминя, во всех отношениях соответствуют революционным принципам, интересам революции. Во многом эта убежденность была связана и с тогдашней обстановкой, когда Коминтерн стремился к новой линии.

В 1919 году, когда Лениным был организован Коммунистический Интернационал, существовала только одна правящая партия рабочего класса—Российская коммунистическая партия (большевиков). Правда, из ревизионистских социал-демократических партий 2-го Интернационала выделилось революционное левое крыло, которое начало организовывать коммунистические партии. Но они пока еще были незрелыми как в организационном, так и в идейном отношениях, не выросли в силу, способную самостоятельно совершить революцию в своей стране.

После победы социалистической революции в России энергично развернулась в мировых масштабах борьба за разрыв цепей капитала, за создание советских республик, как своего рода веление времени, но борьба эта терпела неудачи, не принося должного результата. Сложилась благоприятная объективная ситуация: появилось первое в истории социалистическое государство. Но собственные революционные силы в каждой стране не были достаточно подготовлены в таком зрелом виде, чтобы преодолеть врагов и одержать окончательную победу над ними.

Такая ситуация поставила коммунистов всего мира перед назревшей необходимостью переформировать и сплотить организационно международное коммунистическое движение, сделав его осью новорожденную Россию и РКП (б), потребовала утвердить принцип демократического централизма в формах организации и методах деятельности Коммунистического Интернационала, безоговорочно подчинив партию, революционное движение каждой страны директивам международного центра.

Эти требования некоторые коммунисты восприняли догматически. В их среде возникла низкопоклонническая тенденция—слепо следовать любому московскому веянию, оторвавшись от целей революции в своей стране и от национальных интересов. Из-за этого революционное движение в различных странах понесло немалый ущерб.

Тем не менее под единым руководством Коминтерна революционное движение в различных странах развивалось, росли и ширились их революционные силы. Коммунисты каждой страны начали выступать в качестве силы, способной самостоятельно вести революцию в своей стране.

С начала 20-х годов в колониальных и полуколониальных странах Азии тоже складывались одна за другой коммунистические партии, под руководством которых быстрыми темпами развивалась национально-освободительная борьба. В этом процессе партии многих стран обретали собственный голос, росло их стремление самостоятельно определять свою линию. В самом деле, Коминтерну было трудно, будучи у руля мировой революции, из Москвы давать своевременные рекомендации, отвечающие конкретным условиям рассеянных по разным континентам стран, управлять и руководить революционной борьбой этих стран в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами и условиями. Коминтерн, организованный в качестве объединения людей многих стран, неизбежно имел определенные ограничения при выработке и доведении «до мест» своей линии и политики.

Международное коммунистическое движение стало осознавать, что для организации революционных сил и развития борьбы в мировом масштабе необходимо постепенно менять форму их организации, методы руководства ими. Понимая, что революция не ведется посредством ее экспорта и импорта, и учитывая насущную необходимость сплотить воедино революционные силы в каждой стране, коммунисты всех стран пришли к пониманию необходимости установить принципы чучхе при разработке линии и проведении ее в жизнь, придерживаться самостоятельности своих партий. Подобное изменившееся положение послужило важным мотивом подтверждения Коминтерном самостоятельности корейской революции.

Летом 1935 года Вэй Чжэнминь отправился в СССР в

направлении Хуньчуня, обещав мне вернуться через Харбин или Мулин и встретиться затем со мной в Нинане. Поэтому после похода в Эму мы направились в Нинань.

До и после того периода, когда мы спешили в Наньхутоу, на международной арене день ото дня росла опасность фашизма.

Гражданская война в Испании перерастала в ожесточенную войну международного характера вследствие открытой интервенции фашистов.

На Востоке в очаг новой войны превращались Японские острова. Милитаризация Японии ускорялась час от часу. Вслед за «инцидентом 15 мая» 1932 года там сформировался кабинет министров Сайте. В результате был положен конец периоду кабинета министров политических партий и начался период кабинета министров военных. Без всякого стеснения шло в Японии лихорадочное расхваливание на весь мир войны: «Война есть отец творчества и мать культуры».

Тенденция к фашизации Японии достигла кульминационной точки вследствие инцидента 26 февраля 1936 года, в канун нашего совещания в Наньхутоу. Крайне опасная ситуация возникла после начала реализации выдвинутой группой молодых военных теории заморской экспансии.

Молодые офицеры, свыше 1000 сержантов и солдат подняли бунт, совершили налет на резиденции премьера и многих министров, были убиты или тяжело ранены начальник императорской канцелярии, министр финансов, главный военный инспектор по учебным делам, начальник ведомства, обслуживающего императора, и другие члены правительства. Бунтовщики заняли полицейское управление столицы, военное министерство, генштаб, резиденцию военного министра и тем самым взяли в свои руки так называемую «сердцевину японской политики».

Вооруженный мятеж, вспыхнувший под лозунгом «уважения императора и устранения лицемеров», был подавлен на

четвертый день, его зачинщики приговорены к смертной казни. Ситуация стабилизировалась. Но этот инцидент явился сигналом об опасности разгула японского милитаризма.

«Инцидент 26 февраля» был плодом непримиримых противоречий внутри военных кругов Японии — между группой лиц, верных императору, и группой, ратующей за контроль военных, Он наглядно показал, как далеко зашло в Японии утверждение милитаристской системы с помощью фашизации и военной диктатуры. Интриги милитаристских сил внутри Японии были чреваты опасностью перехода к более крупным военным акциям, опасностью новой войны.

Мы весьма бдительно следили за развитием событий в Японии и пересмотрели стратегию нашей борьбы, предвидя возможные их последствия. Мятеж потерпел неудачу, но он ясно показал, насколько грубо вмешивается японский милитаризм в политическую жизнь страны, лихорадочно прокладывая путь к внешней агрессии. В самом деле не менее чем через полтора года после этого Япония развязала китайско-японскую войну и начала раскручивать маховик большой агрессии.

Фашизация Японии ускоряла и процесс удушения колониальной Кореи. На Корейском полуострове развернулась бешеная крупномасштабная кампания, направленная на уничтожение всего корейского, на подавление всех форм антияпонского движения и любых антияпонских элементов.

Говорить не на японском, а корейском языке, одеваться не в цветную, а белую одежду, не водружать «флаг с изображением восходящего солнца», не совершать паломничество в синтоистский храм, не зубрить «присягу верноподданных японскому императору», не надевать японские тапочки *гета* — все это считалось антияпонскими проявлениями, предательством, антигосударственным преступлением, достойным всякого наказания —штрафа, ареста, заключения в тюрьму.

Вчерашние «патриоты», лишенные последней крупицы сове-

сти в ужасающем водовороте уничтожения нации, шли дорогой измены — для спасения собственной шкуры кричали, что-де «японцы и корейцы — от одних предков» и «Япония и Корея — одно целое».

Настало время, когда стал выкорчевываться патриотизм и процветало предательство. Корея была на грани гибели,

Именно эта трагическая действительность все настоятельнее требовала от нас выступить в горы Пэкту и доказать: Корея жива! Корея борется! Корея непременно возродится!

Таким образом, в период до и после Наньхутоуского совещания происходили одна за другой подобные грозные перемены в международной и внутренней жизни. Такие международные события, правда, тяжело подавляли нас, но мы не впали в уныние. Я был уверен в том, что вполне возможно победить японский империализм, если продвинуть вооруженную борьбу вглубь Кореи.

Поход был трудным, бойцам было нелегко. Но их вел высокий боевой дух, рожденный мыслью о дне выступления в район гор Пэкту, который настанет в ближайшем будущем. Помнится, по дороге в Наньхутоу мы вели дискуссии о глубокомысленном уроке, который дает легенда о селе Чжэньчжумынь, связанная с озером Цзинбоху. Очень интересным был сюжет этой легенды, которую мы слышали тогда.

В селе Чжэньчжумынь на берегу озера Цзинбоху жили-были бедный старик и его дочь. Девушка, еще не достигшая двадцати лет, была несравненной, удивительной красавицей, и все окрестные парни мечтали жениться на ней.

А отец девушки обладал чудесной силой видеть сквозь глубокую воду, превышающую человеческий рост в тысячу раз. Однажды старик говорит дочери:

— На днях я удил рыбу в озере и заметил: глубоко на его дне лежит золотое зеркало. Чтобы достать его, надо уничтожить живущее в воде трехглавое чудовище. А для этого мне нужен

необыкновенно мужественный и сильный духом помощник. В последние дни я ломаю голову над тем, как найти подходящего кандидата.

Выслушав отца, верная дочь отвечает:

— Если найдется парень, который решится помочь тебе достать золотое зеркало, то я выйду за него замуж.

Отец поддержал решение дочери. Он позаботился о том, чтобы слух об этом пошел по окрестным деревням. Услышав молву, множество юношей стекалось в село Чжэньчжумынь. Но никто из них не вызвался стать помощником отца девушки, когда он подробно рассказал, каким путем можно достать золотое зеркало.

Наконец, появился парень по фамилии Ян и заявил, что готов стать помощником. Отец с дочерью сразу согласились на предложение парня, и старик обещал отдать дочь за него, если они достанут золотое зеркало.

В один из ясных дней, когда на небе не было ни облачка, отец девушки и Ян пошли на озеро. Садясь в лодку, старик дал парню три меча — большой, средний и малый, и сказал:

— Слушай, молодой человек. Когда я всплыву на поверхность воды в первый раз, дашь мне малый меч. Всплыву во второй раз — средний, а в третий раз — большой. Не забудь, парень: подавая мечи, ты должен действовать моментально, как молния. Не надо бояться. Испугаешься и удерешь до находки золотого зеркала — погибнем оба.

— Отец, не беспокойся ни о чем, — успокоил его парень.

Тут же старик нырнул в воду.

Ян внимательно вглядывался в воду с лодки, а девушка следила за ним с берега. Немного погодя на поверхности воды появилось бледное лицо старика. Парень быстро передал ему малый меч, как договорились. Получив оружие, старик вновь ушел под воду. С той минуты вдруг на глубине озера начался водоворот. Старик вновь вынырнул на поверхность. В руках его была голова чудовища величиной с человеческую голову, с

которой капала кровь. Получив второй меч, он вновь скрылся под водой. Спустя немного времени на озере поднялись огромные волны, раскачивая лодку и чуть не опрокидывая ее.

На этот раз старик, весь в крови, поднялся с отрубленной головой чудовища величиной с лошадиную голову и, получив от парня третий, большой меч, опять нырнул в озеро, где кипел водоворот. В небе грохотал гром, на озере бушевали гневные волны. Лодка, на которой сидел парень, страшно раскачивалась из стороны в сторону и, казалось, вот-вот пойдет ко дну. Девушка на берегу, глядя на ужасное зрелище, вся в напряжении, не находила себе места от страха, чувствовала, что вот-вот разорвется ее сердце.

Испугался парень и, потеряв присутствие духа, стал изо всех сил грести к берегу. Он забыл про обещание, данное старику, и даже не думал о девушке, что следила за ним с берега. Рассерженная девушка на берегу топала ногами, упрекая парня, и уговорила-таки его повернуть лодку назад. Вместе с парнем в лодке она стала искать отца. Ветер утих, улеглись волны, но отец больше не появлялся на поверхности озера. Девушка и парень во весь голос отчаянно звали и звали старика, но не было ответа на их горестный зов. Старик погиб в озере.

Девушка, проливая слезы, бранила парня, нарушившего свое обещание. Спорили они долго, не замечая, как идет время. А потом растаяли, исчезли в тумане...

Таков был общий сюжет легенды. Вариации чуть-чуть разные и в Эму, и в Нинане — в зависимости от местности. По-видимому, название озера «Цзинбоху» тоже исходило из легенды о селе Чжэньчжумынь. Легенда заставила нас много размышлять о двух моментах — о чувстве долга и о самоотверженности. Тогда наши товарищи осуждали парня как труса, лишенного чувства долга. Резонанс этой легенды был очень силен: всякий раз, когда в партизанских рядах появлялся трус, бойцы осуждающе называли его «похожим на парня Яна с озера Цзинбоху».

Прежде чем отправиться в горы Пэкту, я решил созвать в Сяоцзяцихэ совещание военных и политических кадров КНРА. Было необходимо обсудить и уяснить, какие меры следует принять для разрешения очередных исторических задач, которые ставят перед нами судьбы Родины и нации, оказавшихся на перепутье жизни и смерти.

Ожидая посланцев, уехавших в Москву, я писал доклад к совещанию. В середине февраля, к вечеру, когда я почти закончил черновик доклада, неожиданно с шумом отворилась дверь сруба. Передо мной вдруг появился Вэй Чжэнминь.

Он сказал, что вернулся позже, чем предусмотрено, потому что заболел и лечился несколько месяцев в больнице. За это он попросил извинения. Хотя он задержался дольше намеченного срока, его надо было поздравить с тем, что вернулся в Маньчжурию выздоровевшим. Казалось, он стал совсем здоровым, видимо, под московским влиянием. И уже до начала подробного разговора по его внешнему виду и уверенному выражению лица можно было догадаться, что поездка в Москву принесла хороший результат.

Нелегким был путь возвращения Вэй Чжэнминя. Он доехал по железной дороге до Нинаня через Харбин и, встретившись там с товарищами из 5-го корпуса Чжоу Баочжуна, отправился в Наньхутоу. На пути близ поселка Ваньгоу он нарвался на полицейский патруль. После короткого допроса полицейский счел его подозрительным лицом и хотел отвести в полицейский участок. У Вэй Чжэнминя был узелок с важными документами, полученными от Коминтерна. Попасть в полицейский участок значило — сорвать все дело. Он сунул 50 *юаней* в руки полицейскому и был благополучно освобожден. Вэй Чжэнминь шутил: «Я думал, что моя жизнь стоит нескольких десятков тысяч *юаней,* а оказалось, всего 50 *юаней».*

Почему-то Вэй Чжэнминь предложил мне снова обменяться рукопожатиями.

— Товарищ Ким Ир Сен, дайте мне еще раз пожать вашу руку, — сказал он.

— При чем тут новое рукопожатие? Ведь только что мы пожали друг другу руки, — ответил я с недоумением.

— Есть дело, с чем надо поздравить вас. Это значимое рукопожатие. Можете радоваться, товарищ Ким Ир Сен. Коминтерн, получив ваше предложение, серьезно обсудил его и сделал вывод, что совершенно правильны все выдвинутые вопросы, и отдал ряд важнейших директив в их поддержку. Все дела получились так, как желали корейские коммунисты!

Я невольно почувствовал, как повлажнели мои глаза, и крепко сжал плечи Вэй Чжэнминя.

— Это правда?!

— Да, Коминтерн отметил, что в деятельности восточно-маньчжурской парторганизации были частично серьезные левацкие ошибки, в том числе в борьбе против «Минсэндана». Об этом высказали одинаковое мнение как ответственные сотрудники Коминтерна, так и работники находящегося там представительства Коммунистической партии Китая. Самое главное в том, что Коминтерн признал неотъемлемым, священным правом корейских коммунистов то, что они взяли на себя ответственность за корейскую революцию, и поддержал это. Коминтерн сделал четкий вывод — размежевать ответственность между китайскими и корейскими коммунистами, чтобы они взяли на себя ответственность за революцию в своей стране.

Почему-то Вэй Чжэминь сделал здесь долгую паузу.

Я догадался, что он испытывает серьезные угрызения совести и раскаяние за что-то. Может быть, он вспоминает о тех днях, когда мы, краснея лицом и повышая голос, вели горячие споры, чтобы доказать правильность своего мнения? Какие серьезные дискуссии мы развернули на Дахуанвэйском и Яоингоуском совещаниях! А вне зала заседаний...

Однако благодаря поездке Вэй Чжэнминя в Москву столь сложная проблема была разрешена так успешно, как мы и хотели.

По некоторым материалам, связанным с поездкой Вэй Чжэнминя в Москву, получается, что он не принимал участия в работе VII конгресса Коминтерна, а отправился от Хуньчуня в сопровождении 10 кадровых работников местных партийных и комсомольских организаций для учебной инспекции, в то время как его главным заданием было доложить о проблеме «Минсэндана» китайской делегации, находящейся в Коминтерне. Имеются также и другие многие данные, но они не соответствуют фактам. Поныне в архиве Коминтерна сохранились материалы, свидетельствующие о том, что он присутствовал на VII конгрессе Коминтерна.

Вэй Чжэнминь сказал, что в Москве он представил в Коминтерн подробную информацию о партизанской борьбе в Маньчжурии. Доклад, представленный им в Коминтерн, назывался «докладом Фэн Кана». В Москве он действовал под этим псевдонимом.

В материалах, свидетельствующих о левацкой направленности борьбы против «Минсэндана», имеются противоречащие
друг другу сведения. Из одних вытекает, что главная ответственность за это крайнее левачество лежит на Вэй Чжэнмине, из других — наоборот: отмечается, что перегибы в борьбе против «Минсэндана» стали исправляться после того, как Вэй Чжэнминь был назначен секретарем ВМООК.

Я не считал, что на Вэй Чжэнмине лежит вся ответственность за вредные последствия борьбы против «Минсэндана».

Откровенно говоря, вначале Вэй Чжэнминь фактически весьма растерялся и не смог разобраться в сложной ситуации, связанной с проблемой «Минсэндана», когда зимой 1934 года, будучи секретарем Харбинского горкома партии, был направлен в Восточную Маньчжурию инспектором провинциального парткома. В то время он во многом придерживался старого образа

мышления и считал, что «Минсэндан» пустил свои глубокие корни в революционных организациях и партизанских отрядах и что следует ликвидировать это зло до основания. Позже он признался, что вначале и сам думал, что большинство корейцев, видимо, являются «минсэндановцами».

Судя по материалам о нас, представленным Вэй Чжэнминем в Коминтерн, его слова в общем-то, кажется, правдивы. «Ким Ир Сен. Кореец. Смел и активен. Хорошо говорит по-китайски. Выходец из партизан. Многие говорят о нем как о «минсэндановце». Любит беседовать с бойцами, пользуется доверием и уважением среди них. Таким же доверием и уважением пользуется и в Армии спасения отечества».

Во всяком случае правильно было бы отметить большой вклад Вэй Чжэнминя в исправление ультралевацкой ошибки в борьбе за «ликвидацию реакционеров». Несмотря на те или иные ошибки начального периода, он поехал в Москву и вернулся с заключительным ответом Коминтерна на вопрос о «Минсэндане». А во время Дахуанвэйского совещания он показал свое понимание моей позиции по отношению к «Минсэндану».

Заслуживает благодарности то, что, поднявшись выше национальной концепции, он правильно доложил Коминтерну о реальном положении в Восточной Маньчжурии и вернулся, успешно разрешив дела в нашу пользу.

— Спасибо. Благодарен я и Коминтерну. Особенно глубоко благодарен вам, товарищ Вэй Чжэнминь, за то, что вы, невзирая на болезнь, поехали в Москву и постарались ради нашего дела. Не забуду об этой заботе.

Это была моя искренняя признательность.

Вэй Чжэнминь сказал, что это чрезмерная похвала, и очень смутился.

— ВМООК и подведомственные ему китайские коммунисты в борьбе против «Минсэндана» рассматривали проблему узколобо и решали судьбу людей с крайней позиции, что породило

серьезные ошибки. Многие коммунисты и революционеры Кореи, прямо скажу, были обвинены без основания. За несправедливость борьбы против «Минсэндана» я тоже чувствую большую ответственность. И в Коминтерне была серьезная критика по этой проблеме.

Слова Вэй Чжэнминя я воспринял как его искреннюю самокритику.

— Лаовэй, коммунисты тоже люди, ведь они не застрахованы от ошибок. Главную причину осложнения проблемы «Минсэндана» я вижу в происках японцев, которые разжигают национальную рознь.

— Правильно. Значит, мы одно время попали на удочку, закинутую врагом, и развернули жестокую междоусобицу. И били по своим людям...

— Когда я впервые прибыл в Восточную Маньчжурию, кто- то мне сказал: «Корейцы заявляют — земля Цзяньдао наша. И они хотят вновь занять ее». Утверждалось, что корейцы наверняка намерены занять Цзяньдао под эгидой японцев и надо максимально остерегаться их. Пожалуй, вначале я немножко поверил этим словам, — горько усмехнулся Вэй Чжэнминь.

Глядя на него, я испытывал смутное чувство сострадания.

— Лаовэй, не будем больше говорить о прошлом. Ведь все дела пошли на лад. Откровенно говоря, у меня было очень тяжело на душе, когда провожал вас в Коминтерн. Но я верил в вашу искренность, когда вы охотно приняли наше предложение и заявили, что все ответственно доведете до сведения Коминтерна.

— Спасибо. Я был уверен, что вы так подумаете.

Коминтерн сделал четкий вывод: то, что коммунисты Кореи выдвинули лозунг корейской революции, — не преступление, это их священный долг, который Коминтерн должен был бы поручить корейским коммунистам; это их законное право, которое нельзя у них отнять, даже ссылаясь на принцип «одна страна, одна партия».

Нам казалось, что подарена полная свобода, — летай вольно, словно птица, выпущенная из клетки! Мы обрели, образно говоря, крылья, а корейская революция получила возможность взлететь на этих крыльях ввысь.

Вэй Чжэнминь подробно рассказал также о ходе VII конгресса Коминтерна.

В те времена перед Коммунистическим Интернационалом встала актуальная задача — энергично развернуть в мировом масштабе борьбу против фашизма.

Фашизм, возникший после первой мировой войны и по-настоящему организованный прежде всего в Италии и Германии, породил тревожные, зловещие политические изменения во многих странах Европы, сгущая тучи новой войны над головой человечества. Фашизм, начатый с «национальной фашистской партии» Муссолини в Италии, достиг своего апогея с Гитлером и созданной им нацистской партией в Германии.

Фашизм раздувал крайний национал-шовинизм, ставший идеологическим источником развязывания Германией новой мировой войны. Ультраантикоммунистические настроения, которыми чреват фашизм, сочетаясь с антисемитизмом, превратились в самое злобное и вредное течение среди всех реакционных идеологических течений, существовавших до сих пор на Востоке и Западе, в прошлой и современной истории. Фашисты стали в политической жизни Германии и многих других стран силой, которую нельзя было игнорировать.

Крупная буржуазия Германии считала, что только мощный кулак фашистского диктатора, вроде Гитлера, поможет подавить коммунизм, преодолеть весь кризис, переживаемый Германией, и добиться нового возрождения Германской империи.

После захвата власти гитлеровские фашисты первым делом взялись за провокации против Коммунистической партии Германии. Пресловутый поджог здания рейхстага, ошеломивший весь мир, явился редким фарсом, состряпанным по их сценарию.

Политическая цель, которую преследовали Гитлер и Геринг при поджоге рейхстага, не сбылась — их планы потерпели позорное фиаско. После поджога рейхстага они, конечно, сумели поставить вне закона Компартию и превратить парламент в номинально существующий. Но перед лицом мира они обнажили нутро фашизма как наиболее реакционной, неприкрытой буржуазной политической системы.

Германский фашизм во всем мире был заклеймен позором как провокационный и диктаторский, как поджигатель войны.

Усиление фашизма в Германии пробудило прогрессивное человечество. Перед лицом разгула фашизма и опасности новой войны Коммунистический Интернационал поставил перед собой важную стратегическую задачу—предотвратить раскол коммунистических и социалистических партий, едиными действиями противостоять фашизму. В международном масштабе широко развернулось движение антифашистского Народного фронта.

Среди угнетенных наций Востока, в колониальных и зависимых странах движение антифашистского Народного фронта вылилось в движение единого антиимпериалистического национального фронта, направленного на объединение всех национальных сил против империалистической агрессии.

Исходя из таких стратегических задач, VII конгресс Коминтерна потребовал от компартий разных стран сплотить все антифашистские и антиимпериалистические силы.

Вэй Чжэнминь сказал, что весьма впечатляющим был доклад Димитрова об активном развертывании в мировом масштабе борьбы против империализма и фашизма, и выразил глубокое уважение к нему.

К Димитрову, герою Лейпцигского процесса, были устремлены взоры всего прогрессивного человечества. Мы считали его великой личностью нашего века. Его призыв к активизации борьбы против фашизма мощно отозвался в сердцах передовых людей планеты.

Именно он, болгарин, встал во главе Коммунистического Интернационала, сменив советских граждан Зиновьева, Бухарина и Мануильского. Это, можно сказать, символизировало начало нового этапа в развитии международного коммунистического движения, явилось живым примером вступления Коминтерна в новую эпоху, эпоху его деятельности на основе самостоятельности каждой коммунистической партии. И то, что VII конгресс Коминтерна в своей резолюции допустил в значительной мере самостоятельную деятельность каждой партии, можно сказать, было ответом на эту потребность эпохи.

К большому счастью, конгресс полностью признал право и ответственность коммунистов Кореи за корейскую революцию.

Слушая информацию Вэй Чжэнминя, я еще глубже убедился в правоте нашего дела, в точности нашей линии. Он дал мне номер журнала «Коммунистический Интернационал», органа Исполкома Коминтерна, где была напечатана статья Ян Суна «О едином антиимпериалистическом фронте в Маньчжурии», а также письмо Коминтерна в адрес ответственного работника восточногиринского района, где поставлена подпись Ван Мина и Кан Шэна, работавших в Восточном бюро Коминтерна. Здесь, добавил он, дано полное истолкование основной части резолюции Коминтерна о Корее.

В своей статье Ян Сун предложил исправить левооппорту-нистические ошибки и незамедлительно сформировать единый антияпонский фронт. Автор отметил, что теперь Коммунистическая партия Китая должна выдвинуть лозунг о едином фронте китайской, корейской, монгольской и маньчжурской угнетенных наций. Он также подчеркивал, что китайская и корейская нации должны, тесно сплотившись, свергнуть японское господство над марионеточным Маньчжоу-Го, создать корейский национальный автономный округ Цзяньдао. Частям Корейской Народно-революционной армии, продолжал автор, следовало бы войти в состав

объединенных китайско-корейских антияпонских войск и бороться за независимость корейской нации. Ян Сун — посланец Коминтерна Ву Пин, с которым я встретился в горном шалаше Чжоу Баочжуна во время 1-го похода в Северную Маньчжурию.

Коминтерн не ограничился выражением только идейной, духовной поддержки в отношении нашей линии. Он поддержал нас практическими действиями, предложив ряд мероприятий, которые помогли бы нам энергично продвигать дальше корейскую революцию.

Одним из них было указание о разделении антияпонских партизанских отрядов, ведущих тогда совместную, общую борьбу, на два отдельных отряда — корейский и китайский.

Такая мера фактически составляла главный стержень вопроса об ответственности и правах коммунистов Кореи в корейской революции. Эта проблема заняла весьма важное место в обеспечении самобытности и самостоятельности корейской революции.

Если по указанию Коминтерна сформировать отдельный отряд из корейцев, собранных из всех партизанских отрядов Маньчжурии, то вполне можно было бы развернуть одними этими силами кровопролитную борьбу против двух дивизий японской армии, находящихся в Корее. Когда мы поведем кровавую битву с японскими войсками в духе «один против десятка», то не будет сидеть сложа руки корейская молодежь, не останется в позиции созерцателей. Если же она присоединится к нам, то изменится военная ситуация и значительно ускорится процесс возрождения Родины.

Однако мы не смогли предать забвению чувство долга как братья и соратники. Ведь мы, коммунисты, до сих пор уже много лет вели совместную борьбу в одном окопе против общего врага, идя по пути коалиции в сопротивлении Японии. Если бы мы отозвали корейцев из всех отрядов с учетом только своей пользы, то рухнул бы, например, 2-й корпус, девяносто процентов

личного состава которого составляли корейцы.

За исключением 2-го корпуса, в других партизанских частях больше половины контингента составляли китайцы, но большинство из них являлось выходцами из китайских антияпонских отрядов, коммунистов было немного. К тому же в любой части большинство командного состава представляли корейцы. Ядром сил всех частей также были корейские бойцы. Организуй в таких условиях отряды отдельно из корейцев и китайцев — и трудно было бы сохранить боеспособные части объединенных анти японских войск.

С середины 30-х годов корейские коммунисты, сформировав вместе с китайскими коммунистами объединенную антияпонскую армию, организовали и развернули совместную борьбу под знаменем сопротивления Маньчжоу-Го и Японии и тем самым успешно развивали антияпонскуго вооруженную борьбу. Нельзя было ослаблять борьбу совместную с антияпонскими вооруженными отрядами китайского народа под предлогом того, что в новой обстановке части КНРА должны вступить в пограничный район и приложить главные усилия ради корейской революции.

Тогда в Испании н других странах прогрессивные силы, поддерживающие Народный фронт, сплотившись, боролись против сил фашистской коалиции. В такой обстановке разделение корейско-китайских антияпонских вооруженных сил на корейскую и китайскую части не отвечало бы велению времени, да и было бы аморальным.

Мы разворачивали свою вооруженную борьбу на китайской земле. Если бы в этих условиях корейцы отделились и организовали свой отряд, то ослабла бы поддержка и помощь нам со стороны китайского народа.

Мы требовали признания права на самостоятельность, а не разделения. Мы требовали признать и уважать самостоятельное право, которое позволяло бы корейцам вести корейскую революцию без ограничения, стеснения и препятствий. Разделения сил не

требовали.

Разумеется, об этом хорошо знали Вэй Чжэминь и другие китайские товарищи. Однако Вэй Чжэминь, видимо, полагал, что именно возможность разделения является самым большим подарком, который он мог бы дать мне после возвращения из Москвы. Он не раз говорил, что, по мнению Коминтерна, следовало бы составить соответствующий план разделения отряда по национальным признакам.

— Товарищ Вэй Чжэминь, я вполне вас понимаю. Но, думаю, не следует рассматривать вопрос так односторонне. Мы — коммунисты, так что ко всем проблемам должны подходить с точки зрения принципов революции и классовых интересов. Корейские коммунисты говорят о революции в своей стране отнюдь не потому, что они преследуют только узконациональные интересы. Мы полагаем, что национальные интересы революции всегда должны сочетаться с интернациональными. И наоборот. Считаем, что не может быть никаких интернациональных интересов, противоречащих национальным. В такой плоскости я не могу не задумываться над тем, что будет полезнее для революции — сохранять по-прежнему корейско-китайский антияпонский отряд, тот же единый вооруженный отряд, который уже несколько лет воюет в одном окопе, или разделить его по признакам нации. Предложение разделить антияпонский вооруженный отряд по нациям, можно считать, исходит из уважения к корейским коммунистам. Но мы ни в коем случае не рассматриваем вопрос формально. К тому же мы, воюя вместе с китайскими коммунистами, практически действуем как КНРА с точки зрения существа дела. При таком условии, думаю, формальное разделение излишне.

Вэй Чжэминь не мог скрыть своей радости, но спросил с явным беспокойством:

— А не означает ли это нарушения директивы Коминтерна? Ведь с точки зрения морали мы не вправе задерживать корейских

товарищей в рядах объединенных антияпонских войск.

— Об этом, думаю, вы можете не беспокоиться. По моему мнению, мы можем действовать по системе объединенных войск.

Внутри Кореи и в корейских поселках Северо-Востока Китая будем называть себя КНРА, а в китайских деревнях — объединенными антияпонскими войсками. Тогда можно будет сохранять систему объединенных войск и в то же время выполнить директиву Коминтерна. Как, по-вашему?

— Спасибо. Я не думал, что вы, товарищ Ким, будете понимать это в столь широком смысле. Если корейские коммунисты относятся к данной проблеме с таким великодушием, то это большая поддержка в отношении китайской революции.

Я, улыбаясь, взял его за руку.

— Лаовэй, ведь мы воевали вместе не один год-два. Разве мы сможем так расстаться после совместной борьбы еще только одного года-двух? Наша дружба будет вечной до тех пор, пока Китай находится рядом с нами и остается страной, где побежда ют коммунистические идеалы.

— Благодарю вас, товарищ Ким. Я считаю для себя честью бороться в едином строю вместе с такими корейскими товарищами, как вы. Я хочу стать впредь комиссаром отряда командующего Ким Ир Сена. Хотел бы помогать делу корейской революции, теснее сплотившись с корейскими товарищами.

Мы обнялись и смеялись с большим удовлетворением.

Собственно, я стал понимать Вэй Чжэнминя по-новому после встречи с ним в Наньхутоу. А сам Вэй Чжэминь не избавился от чувства своей вины за прошлые ошибки. После перестройки системы партийных организаций Маньчжурии, вслед за VII конгрессом Коминтерна, он занимал ответственный пост секретаря Южноманьчжурского провинциального комитета партии, совмещая его с должностью комиссара 1-й армии Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Но тем

не менее он немало времени провел у меня в отряде, а не в тех частях, которыми командовали китайские товарищи. Как он сам говорил в шутку, Вэй Чжэнминь, так сказать, стал моим комиссаром. Почему-то он любил всегда быть вместе со мной. И не случайно в документах японского ведомства отмечалось, что Вэй Чжэнминь (Вэй Миншэн) был комиссаром моего отряда. В самом деле он вместе со мной долго находился в районе Чанбая, несколько раз побывал и на Пэктусанской тайной базе.

После Наньхутоуского совещания Вэй Чжэнминь почти не возражал против выдвинутых нами линии и предложений.

Союз корейских и китайских коммунистов, переживавший временные испытания из-за борьбы против «Минсэндана», вступил в новый этап в связи с Наньхутоуским совещанием.

И после этого мы продолжали почти 10-летнюю вооруженную борьбу против японских империалистов совместно с коммунистами, антияпонскими силами Китая. В те годы мы, с одной стороны, продвигали вперед корейскую революцию, а с другой — активно помогали делу китайской революции. Таким образом, история взаимной поддержки и солидарности корейских и китайских коммунистов взяла свой старт с начала 30-х годов.

Один из руководителей Китая, оценивая братскую дружбу и поддержку между корейскими и китайскими народами, отметил: поддержка Китая со стороны корейского народа тонкая, но длинная, а поддержка Кореи со стороны китайского народа толстая, зато короткая. Думаю, что в этом таится сердечная оценка заслуг нашего народа, который, будучи народом малой страны, долгое время оказывал помощь братскому народу Китая.

Встреча с Вэй Чжэнминем явилась одним из впечатляющих событий, которые оставили в моей памяти неизгладимое впечатление на всю жизнь. По сей день я благодарен ему за то, что его поездка в Москву сыграла немаловажную роль в устранении

препятствий на пути корейской революции.

Расскажу здесь еще об одном эпизоде, который сделал нашу встречу с Вэй Чжэнминем такой впечатляющей и незабываемой.

Мы проводили подготовку к совещанию военных и политических кадров. Однажды в час обеда прибежал ко мне ординарец и доложил, что крупный тигр угрожает наблюдательному посту на возвышенности, и просил разрешения издать звуки выстрела. По его словам, наблюдательный пост установили на обрыве, где хорошие условия для наблюдения, а под ним оказалось логово крупной тигрицы с двумя тигрятами. Часовые боялись и хотели переместить пост. Но другое такое подходящее место трудно было найти. Да и тигрица, видимо, не собирается нападать на них. И бойцы продолжали там наблюдение. Но со вчерашнего дня тигрица словно взбесилась. Так доложили.

Я думал: раз начал так свирепствовать зверь — был наверняка какой-нибудь повод. И я направился на место, где расположен наблюдательный пост. С обрыва был виден очень большой тигр, сидящий перед логовом. Оказалось, раздражали зверя наши бойцы, стоявшие на часах. Они ласкали тигрят, сидевших на солнцепеке у логова, а те царапали им руки когтями. Бойцы ради забавы слегка шлепали их по мордашкам. Эту картину увидела тигрица, возвращаясь в логово с добычей. Рассвирепевшая тигрица несколько раз в день подпрыгивала с грозным ревом до середины высокого обрыва, где расположен наблюдательный пост.

— Не стоит слишком беспокоиться. Наверное, тигрица опасается, как бы вы на наблюдательном посту не повредили ее детенышам, и так свирепствует, чтобы предупредить вас. Можно сказать, что это своего рода демонстрация силы. Это вроде сигнала тревоги — мол, не будет пощады, коли вновь обидят детенышей. Можете успокоиться, поскольку и тигрица, вероятно, не хочет вступать в бой с людьми, имеющими порох, знает,

что бой не обещает ей победы.

Выслушав меня, бойцы наблюдательного поста отказались от намерения охотиться на тигра. Теперь они решили жить в дружбе с грозным царем лесов. Первым делом бросили с обрыва вниз ногу косули. И продолжалось несколько дней снабжение кормами. Разумеется, тигр прекратил демонстрацию силы. Так тигр стал нам дружественным соседом. И после того, как мы покинули Наньхутоу и направились в район гор Пэкту, командиры и бойцы Народно-революционной армии, действовавшие в этой местности, поддерживали «добрососедские отношения» с тигром.

По словам Рим Чхун Чху, это тигровое логово было обнаружено впервые ротой Чвэ Ин Чжуна, находившейся в ущелье Дацзяцихэ. В ущелье были расположены и госпиталь, и оружейная мастерская, и связной пункт. Здесь находилась также интендантская служба.

Мы пригласили Рим Чхун Чху в конце 1935 года. Он отправился из Ванцина в сторону Наньхутоу, вслед за нашим экспедиционным отрядом. Одно время пришелец лечил больных, устроив госпиталь в бесхозном танчжамаке, находящемся в Сяогоу, а потом, обнаружив лучшее место для тайного лагеря в поляне Дацзяцихэ, переместился туда. Слово «танчжамак» означает лесной шалаш, где жили те, кто вел уединенную жизнь в горах. Они уходили в горы молодыми и до 70 — 80 лет в одиночестве жили в таких лесных шалашах, повернувшись спиной к белому свету и добывая пропитание охотой, сбором лекарственных трав и выращиванием опиумного мака. Хозяева горных шалашей в большинстве своем были долгожителями. Но и их жизни приходит конец. Когда умер одинокий горец, его шалаш стал бесхозным.

В госпитале Рим Чхун Чху лечились не только наши партизаны, но и раненые 5-го корпуса. В этом же госпитале лечился и потом умер из-за болезни Рю Ран Хан, начальник штаба

Ванцинского полка.

3-я Ванцинская рота под командованием Чвэ Ин Чжуна была обязана охранять и кормить раненых и больных. Как-то раз рота совершила налет на казарму размещенной невдалеке марионеточной армии Маньчжоу-Го, чтобы достать оружие и продовольствие. В этом бою рота захватила более 100 винтовок. Отыскивая подходящее место для хранения оружия, бойцы обнаружили пещеру в обрыве ниже поляны, где были расположены госпиталь и связной пункт. Чвэ Ин Чжун сложил в нее 100 с лишним винтовок и, заложив входное отверстие камнями вразброс, спустился с обрыва. Тут он и обнаружил еще одну пещеру — логово тигра.

Каждый раз, когда вспоминается Наньхутоуское совещание, в моей памяти живо всплывает образ Вэй Чжэнминя и в то же время перед глазами встает тот тигр в тайном лагере в Дацзяцихэ, который стал темой интересного разговора во время совещания.

С третьей декады февраля 1936 года около недели мы проводили в Сяоцзяцихэ совещание военных и политических кадров КНРА. Это совещание называется также и Наньхутоуским совещанием. В работе совещания участвовали вместе с Вэй Чжэнминем и другими китайскими товарищами 30—40 военных и политических работников, в том числе Ким Сан Хо, Хан Хын Гвон, Чвэ Чхун Гук, Чон Ман Сон, Чвэ Ин Чжун, Пак Тхэ Хва, Ким Ре Чжун, Рим Чхун Чху и Чон Чхан Чхор. На этом совещании присутствовал также Юн Бен До, который был направлен в Коминтерн и после лечения в советской больнице вернулся сюда. В Сяоцзяцихэ состоялась его волнующая встреча с Вэй Чжэнминем через многие месяцы.

Вэй Чжэнминь сообщил участникам совещания о мнении и директивах Коминтерна по ряду вопросов, выдвинутых нами в Дахуанвэе и Яоингоу,

Участники совещания выразили ему глубокую благодар-

ность за то, что он, невзирая на болезнь, направился в Москву и вернулся с положительным заключением.

В докладе я подытожил опыт военно-политической деятельности, которую мы развертывали в первую половину 30-х годов в бассейне реки Туман, поставил перед корейскими коммунистами важные задачи по усилению и развитию антияпонской национально-освободительной борьбы в период нового подъема революции, наметил новые стратегические установки по выполнению выдвинутых задач.

Иначе говоря, представил на обсуждение новые установки, направленные на крутой подъем корейской революции в целом, и прежде всего антияпонской вооруженной борьбы. Речь идет о курсе на выдвижение главных сил КНРА в пограничную зону и район гор Пэкту и постепенное расширение арены борьбы внутрь Кореи, курсе на расширение движения единого антияпонского национального фронта, курсе на активное ускорение подготовки к созданию партии, курсе на реорганизацию комсомола в Антияпонский союз молодежи.

Выступившие в прениях выразили абсолютную поддержку и одобрение всех установок, выдвинутых в докладе. Почти не было случая, когда бы вели какие-либо споры, одобряя курс или оппонируя ему. После начала антияпонской революции я провел множество совещаний, но впервые было такое совещание, где столь гладко шло обсуждение линии и было столь приподнятое настроение у участников собрания. Совещание началось с улыбок и кончилось тоже весело, с приподнятым настроением. Участники совещания выступали наперебой в прениях, представляя себе день отправления в район гор Пэкту, день, когда они проникнут вглубь Кореи и развернут решительную битву с врагами.

Выступление в район гор Пэкту и вглубь Кореи — это была самая решительная боевая линия, которая направлена на то, чтобы укрепить собственные силы нашей революции и, мобили-

зовав все силы, разгромить японских империалистов силами самого нашего народа. Мы выступили с предложением двинуться в горы Пэкту, надежно укомплектовать главные части и, заняв сначала пограничный район, расширять дальше арену нашей борьбы вглубь Кореи. Наше предложение получило абсолютную поддержку и одобрение участников совещания.

Если мы превратим горы Пэкту в опорную базу и активно развернем вооруженную борьбу в пограничной зоне и внутри Кореи, то это станет зарей возрождения Родины для нашего народа, изнывающего под варварским военно-фашистским господством японского империализма, даст веру в победу двадцати миллионам наших соотечественников, которые с нетерпением ждут нашей революционной армии и желают видеть хотя бы ее облик. Это станет мощной демонстрацией, что сильнее ста слов.

На совещании был принят стратегический курс нашей революции, направленный на создание организаций Лиги возрождения Родины в масштабе всей страны и ускорение работы по созданию коммунистической партии.

После Наньхутоуского совещания корейская революция вступила в период нового подъема. В этом смысле его можно назвать водоразделом в корейской революции, разграничившим первую и вторую половины 30-х годов. Решения, принятые на этом совещании, стали для корейских коммунистов новой вехой, позволившей им поднять корейскую революцию в целом, и прежде всего антияпонскую вооруженную борьбу, на более высокую ступень развития.

Словом, Наньхутоуское совещание можно назвать таким совещанием, которое впервые полностью установило принципы чучхе в истории коммунистического движения Кореи и антияпонской национально-освободительной борьбы. Ряд решений, принятых на совещании, впоследствии дали корейским коммунистам возможность твердо придерживаться самостоятельной позиции на различных этапах революции и в

любых трудных условиях неизменно стоять на ней, считая ее жизненно важным фактором для существования нации.

Наньхутоуское совещание можно назвать также торжественным форумом победителей. Эта победа была завоевана ценой огромных жертв, священной крови и титанических усилий корейских коммунистов, с честью выполнявших свои обязанности перед Родиной и народом, перед историей и эпохой. Сектантская грызня коммунистов раннего периода, роспуск Коммунистической партии Кореи, ошибки «левых» оппортунистов в борьбе против «Минсэндана» — из-за всего этого раньше Коминтерн, партии братских стран и даже наш народ, хотя и частично, чуждались коммунистического движения Кореи. Но с момента Наньхутоуского совещания оно смыло с себя позор прошлого времени и стало развиваться победоносно.

В Сяоцзяцихэ около недели продолжались семинары с целью проведения в жизнь курса совещания. Проходило также совещание партийно-политических работников, обсуждавшее меры по осуществлению курса на основание партии.

На семинарах и собраниях мы, подробно разъясняя курс Наньхутоуского совещания, выдвинули очередной лозунг, отразивший его основной дух. «Ступим смело на родную землю и дадим военный сигнал!» — таков был лозунг, выдвинутый нами для достижения крутого подъема нашей революции.

После Наньхутоуского совещания мы твердо встали на путь к Родине.

Антияпонская вооруженная борьба вступала в новую фазу своего развития.

4. Соратники мои — на север, а я — на юг

После совещания в Наньхутоу мы покинули Сяоцзяцихэ, чтобы переместиться в район гор Пэкту. Утром того дня ветер был каким-то необычайно шумным.

Быстро закончив сборы, мы двинулись на юг. С первыми шагами похода мне вспомнилась корейская поговорка, которая гласит: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага». Покинув двор бревенчатого домика в Сяоцзяцихэ, мы начали наш поход, оставляя следы на свежевыпавшем снегу.

В нашем строю шли и китайские военно-политические работники, такие, как Ван Дэтай и Вэй Чжэнминь.

В тот день даже Вэй Чжэнминь был в хорошем настроении. А ведь он совсем недавно вернулся к нам из советской больницы — снова барахлило сердце. Шагая рядом с Ван Дэтаем, Вэй остроумно шутил. Погода была холодная и ненастная, но поход шел весьма энергично.

В соответствии с решением Наньхутоуского совещания мы должны были выйти в район гор Пэкту. Для этого нам нужно было держать путь прямо на юг: от исходного пункта Сяоцзяцихэ до горы Пэкту через перевал Лаоелин — Эрцинпай — Минюегоу — Аньту. Но мы шли на север в направлении Эму в обход: Сяоцзяцихэ — Цингоуцзы уезда Эму — Гуаньди — Аньту — уезд Фусун — горы Пэкту. Эта дорога была почти вдвое длиннее, чем прямой маршрут.

Почему же мы выбрали этот долгий обходной путь? Да потому, что нас ждал тайный лагерь в Цингоуцзы уезда Эму, созданный товарищами, которые участвовали вместе с нами во 2-м походе в Северную Маньчжурию. Они хотели узнать от нас новости о совещании в Наньхутоу. Там же ждали меня пришед-

шие из Восточной Маньчжурии партизаны, старики, физически слабые, раненые и больные люди, лишившиеся родителей дети.

Мы не сомневались, что Цингоуцзыский тайный лагерь с бурным восторгом воспримег решения совещания в Наньхутоу. Ведь они положили конец всем ультра левацким бесчинствам, имевшим место в партизанских районах Цзяньдао в связи с «Минсэнданом», и провозгласили на весь мир самостоятельное право корейцев вести корейскую революцию.

Чего хотели, к чему стремились они, ведя на протяжении многих лет кровопролитные битвы на обширной территории Восточной и Северной Маньчжурии? И во сне и наяву они грезили только Родиной, мечтая о том времени, когда ступят на родную землю.

Однако большинство моих соратников, находящихся в районе Гуаньди и в тайном лагере в Цингоуцзы, не могли идти вместе с нами на юг, на родную землю. Они, наоборот, были вынуждены продвигаться дальше на север и развертывать там совместную борьбу с товарищами из отрядов Северной Маньчжурии.

Совещание в Наньхутоу явилось переломным моментом в развитии корейской революции. С этой поры первейшим желанием корейских коммунистов стало базирование в горах Пэкту и развертывание вооруженной борьбы в глубине Кореи. Однако мы не могли оставить на полпути высокие идеалы совместной борьбы с китайским народом. Всем нам нельзя было уйти в горы Пэкту. Ведь мы же постоянно прилагали усилия для организации общей борьбы, считая ее важнейшей стратегической задачей антияпонской революции. Если бы мы заботились только о революции в своей стране и вывели всех корейских бойцов в горы Пэкту, то партизанская борьба на Северо-Востоке Китая натолкнулась бы на серьезные затруднения.

Североманьчжурские отряды, ощущавшие острую нехватку военных и политических кадров и политически зрелых бойцов,

часто обращались к отрядам Восточной Маньчжурии с просьбой о проведении совместных операций. Нашим ответом стали два похода в Северную Маньчжурию. И во время проведения Наньхутоуского совещания в Сяоцзяцихэ из разных отрядов Северной Маньчжурии к нам поступили просьбы о пополнении их рядов. Это побудило нас поставить на повестку дня Наньхутоуского совещания дополнительный вопрос об оказании боевой помощи отрядам объединенной антияпонской армии Северной Маньчжурии и принять ряд практических мер для его решения.

Именно по этой причине в преддверии большого события — продвижения в район гор Пэкту мне пришлось первым делом пойти на север, чтобы расстаться с моими соратниками, с которыми уже много лет я делил горе и радость. Подготовка к историческому вступлению в район гор Пэкту заставила нас прежде всего пережить горечь разлуки на неопределенное время со своими боевыми друзьями, которых мы много лет бережно растили, не покладая рук.

«Они не смогут вместе с нами пойти в район гор Пэкту. Им, напротив, придется все дальше и дальше двигаться на север, отдаляясь от родной страны. Каково будет у них на душе?» — эта мысль все время терзала меня с той самой минуты, когда я покинул Сяоцзяцихэ.

Оглядываю мысленным взором пройденный много жизненный путь— сколько было горьких разлук с тех пор, как я встал на стезю революционной борьбы! Когда мне шел четырнадцатый год, я вынужден был расстаться с людьми родного края Мангендэ. А потом в Хуадяне, сразу же после основания Союза свержения империализма, пришлось расстаться с друзьями, с которыми успел духовно породниться.

Но за разлукой следовали все-таки встречи, сопровождавшиеся до боли крепкими объятиями и рукопожатиями. Опять встречались в Гирине первые сыны ССИ, разлучившиеся в

Хуадяне. Под знаменем свержения империализма они стали сплачивать молодежь и учащихся. Под этим знаменем начали собираться молодые люди — богатыри, готовые броситься в огонь и в воду. Каждый товарищ действительно был бесценным сокровищем, дорогим человеком: дороже брата и груды золота.

После выхода из тюрьмы я должен был перенести арену своей борьбы из Средней Маньчжурии в Восточную. И вновь мне довелось испытать горькую разлуку. Мои соратники, действовавшие группами по три-пять человек, с новыми задачами направлялись в разные уголки необъятной земли — Средней, Южной и Северной Маньчжурии. В отличие от разлуки в Хуадяне тогдашняя была серьезнее, мучительней, — прощаясь, никто не мог обещать друг другу снова встретиться в будущем.

Мучительно больно было расставаться с Чвэ Чхан Гором, Ким Вон У, Ке Ен Чхуном, Кан Бен Соном, Пак Со Симом, Чвэ Иль Чхоном, Ко Чжэ Боном и Пак Иль Пха. Такой же была и разлука с Хан Ен Э, которая сопровождала меня до Харбина.

Когда я собирался уезжать из Харбина после встречи с представителями пункта связи Коминтерна, Хан Ен Э пришла ко мне и стала умолять позволить ей пойти вместе со мной в Восточную Маньчжурию. «Раз уж я пошла в революцию, — сказала она, — то хочется работать под вашим непосредственным руководством, товарищ Хан Бер[16], как это было в годы деятельности в Гирине. Таково мое сокровенное желание. Помогите, чтобы сбылась моя мечта». В то время я поручил ей две задачи, которые мы не успели выполнить. Одна из них — оставаясь по-прежнему в Харбине, восстановить прерванные связи с организациями и поработать с инспектором Маньчжурского провинциального комитета партии.

Мне тоже хотелось пойти в Восточную Маньчжурию вместе с Хан Ен Э, но ради дела я вынужден был отказать в ее просьбе. Терзаемый противоречивыми чувствами, я покинул Харбин. При расставании с ней меня согревала радостная мысль о том,

что мы сможем встретиться не более чем через два-три месяца. Ведь я буду работать ответственным секретарем комсомольской организации восточногиринского района.

Так, наперекор желанию Хан Ен Э, я оставил ее специальным представителем в районе Харбина. Ибо я верил в ее надежность, ответственность за порученное дело, которые были столь необходимы для развития революционной работы в районе Харбина. Хан Ен Э всегда с жаром бралась за любое поручение, если этого требовала организация. И каким бы тяжелым или легким оно ни было, выполняла его старательно. Почему-то каждый раз мне приходилось оставлять близких мне соратников там, где им не очень хотелось быть, или направлять их далеко-далеко.

Таким образом я поехал на юг, а Хан Ен Э осталась на севере. Действительно грустным было тогда наше расставание. У меня на сердце скребли кошки — я оставлял в одном конце Северной Маньчжурии ту искреннюю соратницу, которая не раз делилась со мной последним куском блина. А попрощался с ней — лишь взмахом руки.

Итак, можно сказать, разлука, как тень, следовала за нами всякий раз, когда открывалась новая страница революции. Для того, чтобы сохранить и укрепить революционные организации, которые мы создавали с таким трудом, нужно было оставлять там людей, выпестованных в ходе борьбы. А нам приходилось снова перебираться на новое место и начинать закладку фундамента — воспитание новых людей,

Иначе говоря, мы неустанно поднимали новые пласты целины, а мои соратники брались за превращение освоенных нами земель в плодородные поля и богатые фруктовые сады.

Именно такое требование революции делало нашу разлуку неизбежной. Разлуку с верными товарищами. Если бы за наше дело понадобилось умереть, они без колебания пошли бы и на смерть. Но вот перед лицом разлуки, которой требовала револю-

ция, они часто не желали подчиняться указаниям и даже скандалили.

Когда я переносил арену своей деятельности в Восточную Маньчжурию, не одна Хан Ен Э упрямилась, как ребенок, говоря, что пойдет вместе с нами.

Конечно, разлука соратников, связанных дружбой, деливших уже три-четыре года горе и радость в кровопролитной борьбе, не могла быть такой же обычной, как прощание людей, познакомившихся накоротке, в командировке. Я и увещевал их, и бранил, и упрекал, но они стояли на своем.

Даже Чха Гван Су, который как никто больше должен был бы понимать меня, набросился со словами: «Неужели мы делили жизнь и смерть, чтобы вот так разлучиться? Давай подумаем о самом лучшем варианте, чтобы делать революцию без разлуки». Он следовал за мной целых восемь километров и беспрестанно досаждал мне. Мун Чжо Ян, словно женщина, даже расплакался навзрыд, не выдержав столь мучительного для него расставания со мной.

Я не раз задавал себе вопросы: неужели революция так сурова? Нельзя ли найти вариант ведения революции без разлук, как говорил Чха Гван Су? Но разлуки, увы, были почти неизбежны.

Я уговаривал друзей: «Скоро мы повстречаемся вновь, Разлука — вещь временная. Давайте думать о дне новой встречи, пересилим горечь расставания. Простимся не со слезами, а с улыбкой! Недаром говорят: разлуки сто раз, и встречи сто раз. Не так ли?»

Но жизнь порой изменяла моему пророчеству. Тех, кто после расставания остался в живых и снова встретился со мной, были считанные единицы. Но и они один за другим уходили от нас на вечное прощание.

Встречаются люди, которые говорят: жизнь —это бесконечный черед разлук и встреч. Но для нас было очень много таких

расставаний, после которых мы больше не могли увидеть друг друга. Именно поэтому во время прощания с друзьями, прямо скажу, меня часто одолевало тревожное, зловещее предчувствие.

А теперь мне опять было суждено в тайном лагере Цингоуцзы проститься со своими боевыми друзьями, плечом к плечу с которыми несколько лет сражался на территории Восточной Маньчжурии. И без надежды на новую встречу! Эта горечь, надо сказать, и омрачала нашу радость при мысли о передвижении в район гор Пэкту.

Вэй Чжэнминь прочитал в моих глазах тревогу и грусть. А ведь я, как никто другой, должен был особенно радоваться предстоящему рейду в район гор Пэкту! И он спросил, чем я озабочен.

Я ответил ему, что никакой особой заботы нет. Ибо одним-двумя словами не передать всего, что творилось в моей душе. Да и не хотел я показывать другим свои душевные переживания.

— Мне известно, что вы, товарищ Ким Ир Сен, только на днях узнали о своем брате Чхоль Чжу, который погиб в прошлом году. Ничего не поделаешь, такова судьба. Вы уж возьмите себя в руки, слишком не переживайте.

Мое мрачное настроение Вэй Чжэнминь оценил по-своему.

Что и говорить, потеря родного брата тоже принесла мне невыносимую душевную боль.

В то время я плохо знал и о братишке Ен Чжу, о том, остается ли он в живых, как живет он, единственно родной человек на немилой маньчжурской земле.

К этой печали прибавилась и горечь разлуки с товарищами, и все это, возможно, оставило глубокий след на моем лице.

Стараясь развеять мое мрачное настроение, Вэй Чжэнминь пошутил.

— Товарищ Ким Ир Сен, знаете, самое лучшее лекарство

от душевной муки—это юмор. Хотите, я расскажу вам об одной давней истории. О том, как мы, любящие супруги, ссорились. Знать о буднях супружеской жизни вам тоже будет неплохо, товарищ Ким Ир Сен. Ведь не век же вам жить холостому.

— Конечно же! Мужчина 24 лет, так сказать, уже упустил время. А кто знает, может, сейчас командующий Ким переживает о предстоящей разлуке с любимой... — Подключившись к беседе, Ван Дэтай тоже старался как-то изменить мое настроение. Вэй Чжэнминь с воодушевлением сказал:

— Правильно, и так может быть. Раз зашла речь о разлуке, лучше бы рассказать не о супружеской драме, а древнюю притчу, известную в нашей стране под названием «Ломают ветку ивы». В ней идет речь о разлуке.

Вэй Чжэнминь напомнил, что этот древний китайский ритуал разлуки обязательно приносит счастье расстающимся.

А история эта, говорят, передается из уст в уста со времен государства Хань. Недалеко от столицы государства Хань был мост. По преданию, ханьские люди при разлуке с друзьями обязательно выходили на этот мост и в знак пожелания будущего счастья ломали ветки ивы и отдавали уходящим.

С тех пор в Китае стало обычаем давать ветку ивы во время разлуки. И в родном краю Вэй Чжэнминя, по его словам, эта традиция жива. Вэй Чжэнминь посоветовал мне поступить так же. Он сказал: если при разлуке с любимыми людьми дать им ветку ивы, то обязательно придет счастье.

Ветка ивы, о которой повествует древнее предание, по-видимому, символизирует родной край. А смысл предания, думается, таков: «Находясь в разлуке, гляди на зеленую ветку ивы и не забывай о растившем тебя родном крае и земляках».

Чтобы каждому товарищу дать при расставании по одной ветке ивы, понадобилась бы большая охапка веток, А где же их взять в такую ледяную стужу, когда в Северной Маньчжурии

царил трескучий мороз? Да и улягутся ли мои тревоги, если я это сделаю? И все-таки я был весьма благодарен Вэй Чжэнминю, который напомнил мне эту притчу, чтобы хоть так-то облегчить мне тяжесть на душе.

Как-то, расставаясь со мной на берегу река в Гуюйшу, заросшем ивняком, Чвэ Чхан Гор сказал мне:

— Я, Чвэ Чхан Гор, уйду бесшумно, без всяких церемоний и прощального банкета, как расстались Намган и Танчжэ.

Намган и Танчжэ, о которых говорил Чвэ Чхан Гор, — это Ли Сын Хун и Син Чхэ Хо. Как я уже писал, Намган, крупнейший богач Кореи, с юных лет отдавал всю свою жизнь патриотическому просветительскому движению и филантропии. Потомкам хорошо известно, что Осанскую школу в Чончжу основал Намган. Оттуда уходили за границу борцы за независимость. Намган, помогая им, в это время близко сдружился с Танчжэ.

По настоянию Намгана Танчжэ некоторое время преподавал в Осанской школе историю Кореи и Запада. Его лекции по истории были столь интересны, что слухи о них ходили даже за рубежом. И естественно, что сама жизнедеятельность Танчжэ была частой темой горячих разговоров между учащимися в Гирине.

Накануне года Кенсур, когда наша страна окончательно превратилась в колонию японского империализма, Танчжэ провел зиму в Осане. Однажды он неожиданно заявил Намгану:

— Мне, думается, все равно придется уезжать.

Намган очень удивился и стал отговаривать его:

— Да куда же ты вдруг пойдешь в этакий-то холод? Хочешь уехать — отправляйся уж лучше попозже. Дождись, когда оттает земля.

— Чего там дожидаться?! Не могу жить под японцами. Уеду, — настаивал Танчжэ.

На следующий день, даже ни с кем не попрощавшись,

Танчжэ покинул Чончжу.

По слухам, Син Чхэ Хо направился тогда через Китай в Россию.

Намган, искренне сожалея об отъезде Танчжэ, говорил про себя: «Ну и человек! Хоть бы предупредил, взял бы немного денег на дорогу. Уехал, как в воду канул!..»

Каждый раз, провожая деятелей движения за независимость, Намган устраивал обильный банкет в честь уезжающих и давал им немало денег на дорогу. И, естественно, его очень огорчила и расстроила разлука с Танчжэ, которому он не смог на прощание даже пожать руку.

Вот такой была разлука Намгана и Танчжэ, о которой сказал Чвэ Чхан Гор при уходе в Люхэ.

Ким Хек осуждал поступок Танчжэ: мол, он ушел, даже не попрощавшись с Намганом, это слишком бессердечно. А Чвэ Чхан Гор рассудил по-иному: «Коль не ведаешь всего о человечности Син Чхэ Хо, то лучше бы уж молчал. Он был страстным человеком и, как никто другой, дорожил Намганом». По его мнению, Син Чхэ Хо так внезапно уехал из Чончжу потому, что не хотел причинять лишние хлопоты деятелям движения за независимость. Да к тому же и пережить душевные муки при расставании.

Чвэ Чхан Гор был прав. Танчжэ был человек-огонь и исключительно дорожил Намганом.

Неговоря уже о Чвэ Чхан Горе, который решил последовать примеру Танчжэ при разлуке с Намганом, и другие мои соратники, в том числе Ким Вон У и Ке Ен Чхун, получив задания, тоже покидали меня потихоньку, как Танчжэ.

Такими были мои друзья.

Позднее, когда в Восточной Маньчжурии развернулась вооруженная борьба, я пополнял личный состав многих отрядов Южной и Северной Маньчжурии кадрами, выпестованными

нами: способными военными и политическими работниками, нашими любимыми ординарцами и другими бойцами — нашим золотым фондом. Слезы, проливаемые при каждой разлуке, западали в душу и вызывали невыносимую боль. А горечь после печальных известий о том, когда, в каком бою и как погибли такие товарищи, оставалась навеки незаживающей раной, терзающей душу.

При таких разлуках, расставаниях я всеми фибрами души ощущал, насколько искренна любовь между товарищами по революционной борьбе, какое огромное место занимает товарищ в жизни революционера.

Доверяясь своему жизненному опыту, после освобождения страны, в дни строительства социализма я часто говорил и говорю нашим работникам: на свете есть любовь разного рода — любовь между родителями и детьми, любовь между мужем и женой, любовь между братьями и сестрами, любовь между друзьями и так далее, но среди них на самом первом месте можно поставить любовь между товарищами по революции.

Настоящую товарищескую любовь нельзя познать, не пережив революцию в ее подлинном смысле. Ею нельзя пользоваться, не разделив горе и радость на поле боя под градом пуль.

В прошедшие времена нашим товарищам порой приходилось по нескольку дней поддерживать жизнь одной водой, ведя при этом кровопролитные бои. В таких суровых условиях они думали о своих товарищах — мерзлую лесную ягоднику, найденную в снегу, отдавали прежде всего товарищу.

Как показывает печальная легенда о Ткачихе и Волопасе[17], чем искреннее любовь, тем горше и глубже печаль разлуки. Именно поэтому разлука товарищей по революции приносит столь невыносимые муки.

Но что ж поделаешь! Как ни горька разлука, без нее нельзя вести революцию.

Я глубоко думал о каждом из моих соратников, которые

вот-вот за перевалом разойдутся на все четыре стороны. Мою душу словно разжигало пламя мыслей о будущем.

Юные ординарцы О Дэ Сон и Чвэ Гым Сан, не зная о моих душевных переживаниях, радовались, что теперь увидят Родину. В приподнятом настроении они следовали за мной. Но одного из них мне все-таки пришлось отправить в одну из воинских частей, расположенных в Северной Маньчжурии.

Когда солнце уже клонилось к западу, закончился наш долгий поход. Мы, наконец, достигли тайного лагеря Цингоуцзы.

Из бревенчатой избы, затаившейся в лесу, выбежала группа людей и, окружив нас, радостно зашумела. Это были товарищи из Ванцина и Хуньчуня, которые должны были остаться на земле Северной Маньчжурии. Раненых и больных, старых и слабых предполагалось отправить в Советский Союз.

Маленькая девочка, зовя меня, стремглав подбежала ко мне и схватилась за мой рукав.

— Кого я вижу! Вот ты и попалась! — Я подхватил ее на руки и внимательно вгляделся в ее маленькое личико. Это была Рян Гвидон Не, дочь Рян Сон Рёна. Она потеряла родителей и даже бабушку на Ванцинской партизанской базе.

— Я услышала, что вы, Полководец, придете сюда. И вот я здесь. Скажите, пожалуйста, вы сейчас пойдете в горы Пэкту?

— Откуда ты это знаешь?

— Дядя Ли Ын Ман сказал. Мы все вместе, говорит, пойдем в Корею вслед за вами, Полководец.

Я посмотрел в ту сторону, куда показывала девочка. Там, среди бойцов, опершись на костыли, стоял Ли Ын Ман и широко улыбался.

У меня словно дух захватило, и я долго не мог вымолвить ни слова.

Я уже писал ранее, что он был командиром роты Ванцинского

партизанского отряда. Его способности и умение позволили бы ему стать крупным военачальником, которому впору командовать батальоном или полком. Но, к несчастью, он потерял одну ногу и был вынужден оставить военную службу, перейдя, как говорится, во второй эшелон.

Хотя рана его не совсем зажила, бывший комроты чинил оружие в оружейной мастерской. Но не унывал и был полон оптимизма.

— Верно я сказал, Полководец? Я и здесь знаю, о чем там у вас ведутся речи.

С вдохновением и подробно высказавшись, Ли Ын Ман очень просил меня рассказать о совещании в Наньхутоу.

Приведя в порядок после долгого пути вещи, я попросил собраться бойцов и все население тайного лагеря. Я сообщил им о решениях Наньхутоуского совещания.

Люди, собравшиеся в бревенчатой избе, высоко подняв руки, кричали: «Ура!» Я рассказал им о том, что Коминтерн признал ультралевацкий характер развязанной против «Минсэндана» борьбы в Цзяньдао и провозгласил святое право корейцев на осуществление корейской революции, на которое никто не вправе посягнуть. Выслушав меня, собравшиеся были растроганы до слез. Они думали: «Теперь мы можем идти на землю своей страны, родного края, можем на родной земле, где мы родились дать решительный бой японским империалистам». Даже родившиеся на чужбине не могли скрыть своего волнения — «Поскорее бы побывать на Родине!» Кто-то стал с восторгом рассказывать собравшимся о горе Пэкту.

И никто, казалось, среди них не думал о том, что кому-то придется остаться в Северной Маньчжурии. И чем больше волновались люди, тем тяжелее было у меня на душе, ибо я должен был рассказать им о необходимости расставания.

Но, как бы ни было больно, мне все-таки пришлось сообщить о предстоящей разлуке.

— Товарищи, вспомним! Диалектика вооруженной борьбы всякий раз создавала новую обстановку. И в каждый такой момент нам приходилось, как правило, расставаться друг с другом. Это придется сделать и сегодня, когда в связи с Наньхутоуским совещанием корейская революция вступила в переломную фазу. Стало быть, все должны быть готовы к новым разлукам. Военно-фашистская группировка Японии, спровоцировав «инцидент 26 февраля», в открытую прибегает к агрессии в северном регионе. Она захватила Цицикар и Северный Китай и совершает непрерывные провокации на советско-маньчжурской границе, чтобы найти повод к нападению на Советский Союз. Это и вы хорошо понимаете. В такой ситуации партизанские отряды Северной Маньчжурии стараются укреплять антияпонские силы. При этом они испытывают большие трудности — не хватает актива. Поэтому они уже не раз обращались к нам за помощью. Что же будет, товарищи, если в такой ситуации мы все уйдем в направлении гор Пэкту?

Я прервал свою речь, чтобы слушатели могли осмыслить сказанное мною, и окинул взором собравшихся. В толпе послышалея тревожный ропот. Сначала этот ропот тихо звучал только в углу, а потом, как набегающая волна, постепенно заполнил всю аудиторию и, наконец, превратился в такой невообразимый гул, словно разворошили улей. Конечно, я предвидел возможность сильного противодействия, но все-таки от такой реакции несколько растерялся. Предчувствуя, что предстоящая разлука с боевыми товарищами будет сопряжена с огромными трудностями, я не мог уже говорить спокойно.

Прекратив вскоре беспорядочные реплики, собравшиеся обратили свои взоры ко мне.

Поняв, что пришла пора сказать о разлуке, я напрямую изложил план изменения состава отрядов, который уже десятки раз перебирал в мыслях с момента отправки из Наньхутоу.

— Сейчас Ванцинскому полку передвинуться в район, где действует товарищ Чвэ Ен Гон, Хуньчуньскому — в район действия 3-го корпуса. В 3-м корпусе работает товарищ Ким Чак. Часть сил Ванцинского и Хуньчуньского полков обязана вместе с 5-м корпусом Чжоу Баочжуна осуществлять совместные операции в районах Нинаня, Мулина, Вэйхэ. Раненые, старые и слабые должны отправиться в Советский Союз на лечение и поскорее восстановить здоровье. Простите, товарищи. Как видите, я пришел сюда не для того, чтобы вместе с вами пойти в горы Пэкту. Пришел, чтобы с вами проститься.

В воцарившейся тишине собравшиеся несколько секунд не сводили с меня глаз. Я опасался, что возникнет суматоха, возможно, даже неповиновение. Но, вопреки моему предположению, в комнате наступила мертвая тишина. Среди гнетущего безмолвия люди настороженно смотрели на меня. Просто удивительное дело. Я, собственно, больше боялся этого безмолвия, заменяющего тысячи, десятки тысяч фраз протеста.

Но тишина продержалась недолго. Кое-где эту странную тишину нарушили всхлипывания.

Смущенный, стоял я перед бойцами, подавленными моим объявлением о предстоящем расставании.

Большое понимание обстановки проявил Чвэ Чхун Гук, который несколько лет был у меня политработником. Он стад успокаивать меня: «Полководец, идите отдохните с дороги, не беспокойтесь. Дела мы приведем в порядок». А ведь и он должен был расстаться с нами — организовать отдельную бригаду и действовать вместе с ней.

Работу с людьми, которым необходимо было остаться в Северной Маньчжурии, я поручил Чвэ Чхун Гуку. Потом я пошел лично проститься с ранеными, старыми и слабыми, которых предстояло отправить в Советский Союз. В ходе многолетней партизанской борьбы в наших рядах было немало раненых и физически слабых. Во времена, когда еще существова-

ли партизанские районы, их лечение брали на себя больницы партизанских баз. А после ликвидации этих районов лечение стало очень затруднительным. Большинство раненых, старых и физически слабых пришлось отправлять в Шахэчжан и район близ озера Цзинбоху, где они получали временное лечение. А после создания тайного лагеря в Цингоуцзы всех их собрали здесь. Конечно же, это нельзя было считать совершенно безопасным.

К счастью, Вэй Чжэнминь по договоренности с соответствующей организацией Коминтерна успешно решил вопрос лечения раненых и слабых — самый больной для нас. Все было сделано в соответствии с нашими требованиями. По этой договоренности раненые бойцы Народно-революционной армии и физически слабые получили возможность в течение некоторого времени лечиться на территории Советского Союза. Посоветовавшись с Коминтерном, Вэй Чжэнминь договорился и о конкретном порядке передачи и приема раненых, направляемых на территорию Советского Союза. Благодаря его усилиям успешно был решен вопрос направления работников для обучения в учебных заведениях Коминтерна. Когда бойцы Ванцинского и Хуньчуньского полков отправятся в североманьчжурские отряды, их группы пойдут вместе с ранеными в Советский Союз.

Первым делом были созданы две группы из раненых, старых, физически слабых людей нашего отряда, а также из детей, оставшихся без родителей. Отправлять их в Советский Союз решили в два этапа по одной группе. Охрану раненых и сопровождение их до границы поручили Ван Жуньчэну с несколькими бойцами.

Дело это мы запланировали уже в Наньхутоу, и раненые в Цингоуцзы об этом еще не знали.

Я пошел к ним. Вдруг путь мне, опершись на костыли, преградил Ли Ын Ман.

— Да разве можно так, Полководец? Гром среди ясного неба! Значит, и мне, Ли Ын Ману, идти в Советский Союз? — С первой фразы голос прозвучал резко. От нахлынувшего волнения у него даже тряслись щеки.

— Не сердись, Ын Ман. Давай присядем здесь.

Я помог ему сесть на бурелом, лежащий в лесу. Схватив меня за руки, он стал умолять:

— Полководец, разрешите мне остаться у вас. Хочу с вами до конца жизни бороться за революцию. Нога у меня одна, но могу и стрелять, и чинить оружие. Агитировать за революцию тоже могу; язык у меня цел. Товарищи идут в неравный бой, проливают кровь — как же мне ехать в Советский Союз, спокойно жить?

Я все, конечно, предвидел: бывший партизанский комроты, человек горячего характера, непременно будет протестовать. Ведь он позволил сделать ему ампутацию ноги, чтобы продолжать революцию.

Взяв Ли Ын Мана за руку, я стал его увещевать:

— Послушай, дружок. Коль ты так упрямишься — больше будут протестовать и другие раненые. Мне тоже тяжело при мысли о том, что наши товарищи выходят из рядов антияпонской вооруженной борьбы. Но ведь в жизни и быту вы всегда испытываете физическое неудобство. Не так ли? Когда у нас еще были партизанские районы, это было дело более или менее терпимое. Ну а теперь новая обстановка в борьбе. Мы вышли с насиженных мест и должны моментально появляться то здесь, то там, как Хон Гиль Дон[18]. Как же вам действовать вместе с отрядом?

Более часа я уговаривал его, но все было напрасно: он словно пропускал мои слова мимо ушей.

— Я не хочу, Полководец, спокойно сидеть да есть чужой хлеб в стране, где уже победила революция. Если бы я хотел пребывать в блаженстве и не заниматься революцией, зачем бы

стал продавать все нажитое семьей имущество, покупать целый ящик браунингов и идти в партизаны? Прошу вас, оставьте меня у себя. Я не хочу покидать строй.

Ли Ын Май пуще смерти боялся выбыть из рядов революции. Это был настоящий коммунист. Но его мышление, я бы сказал, таило в себе чрезмерные крайности. Идти в Советский Союз — не значило отказаться от революции и вести спокойную жизнь. Мы хотели, чтобы в безопасном месте он получил гарантированное лечение и вернулся затем к нам хотя бы и с протезом.

Я не мог отвечать на горячую просьбу Ли Ын Мана. Молча расхаживал по снегу в тайном лагере, вспоминая те волнующие, незабываемые дни в Ванцине, когда мы с ним защищали партизанский край. Долгое, гнетущее душу молчание неожиданно подействовало на моего собеседника.

Он довольно долго вглядывался в мое лицо и вдруг, уткнувшись в мое плечо, разрыдался:

— Извините, Полководец! Из-за меня вы, я вижу, маетесь душой. Теперь я решил — уеду в Советский Союз! Там я буду молиться каждый день, обращаясь в сторону гор Пэкту. Молить ся за ваши победы в боях, Полководец!

Не менее, чем расставание с Ли Ын Маном, остро терзала мою душу разлука с девочкой Рян Гвидон Не. И она, совсем юная, все время плакала, узнав, что ее отправят в Советский Союз. Поэтому в дни пребывания в Цингоуцзыском тайном лагере я всегда был вместе с ней — вместе ели и спали.

В канун дня нашего отъезда из Цингоуцзы, ночью девочка не сомкнула глаз и все время щебетала под одеялом: — Скажите, пожалуйста, Полководец, там, в Советском Союзе, холоднее, чем здесь?

Девочка, по-видимому, слыхала от взрослых о морозе на советской территории — дескать, там лежит страшная тундра.

— Не беспокойся, девочка. Там, где ты будешь, мороз такой же, как здесь.

Отвечать так мне было больно и мучительно. До слуха доносился рев североманьчжурского ветра, что выл во дворе срубового домика. Слишком жестокая игра судьбы! Посылать ее, сироту, с чужбины на чужбину!

В ее сознании всплывало, может быть, только два понятия: пурга да холодный ветер. Земля с суровым климатом, однако, была иным краем. Это была страна социализма, где ни самураев, ни эксплуатации, ни кнута угнетателя.

«Она будет там. Раз и навсегда расстанется с проклятым миром, в котором угнетают и преследуют добрых людей. Будет жить так весело, как соловей, так вольно, как орел, так счастливо, как голубь! Станет взрослой — вернется в наши ряды, продолжит революцию», — Утешение и надежда побуждали нас отправлять на советскую землю бедняжек-сирот, таких, как Рян Гвидон Не.

— Знаете, что сказал дядя Ын Ман? Вы, Полководец, говорит он, воевать будете в горах Пэкту, а раз в месяц обязательно приезжать ко мне. Это правда?

Лгал Ли Ын Ман, видимо, оттого, что девочка настойчиво упрашивала не отправлять ее в Советский Союз.

Я просто молча смотрел в ее чистые, светлые глазенки. Да, я ни разу не попадал в заколдованный круг перед детскими вопросами. Но тут меня, к большому счастью, спасла она же сама.

— А если вы приедете к нам — гора Пэкту будет пустой, Полководец! Япошки опять начнут убивать корейцев. Беда-то какая будет! Не приезжайте ко мне, а будьте все время в горах Пэкту, Полководец.

— Ты молодец, девочка! Настоящий молодец! Запомню твою просьбу — не покину горы Пэкту. И там я отомщу врагу. За твоего папу, за твою маму!

Я, сам того не замечая, обнял девчушку. Рян Гвидон Не уткнулась мне в грудь лицом. Она вся дрожала, как крохот-

ная пичужка. Не знаю почему. Возможно, оттого, что в воображении девочки, видевшей страшную смерть многих и многих отцов и матерей, встали душераздирающие картины горького прошлого.

Не оставить горы Пэкту пустыми — в этих словах девочки, думалось мне, таились желания и просьбы всех и каждого корейца. Через некоторое время Рян Гвидон Не опять обратилась ко мне:

— Полководец! Горы Пэкту, говорят, так высоки, что таким детям, как я, на них не подняться. Это верно? Потому-то я и не могу идти в горы Пэкту, меня пошлют в Советский Союз вместе с дядей Ын Маном.

Я молча поглаживал ее по головке. А сердце кричало: «Милая Гвидон Не! Настанет пора — приходи к горам Пэкту. Тогда и наша Корея будет такой страной, где люди будут жить хорошо, как в Советском Союзе!»

В ту ночь мне совсем не спалось. Мешала спать тоска, связанная с разлукой, предстоящей на рассвете. Меня терзали видения картин мучительного прощания. Каким образом проститься с ними? Согласно обычаю «Ломают ветку ивы» — каждому из них дать ветку со здешнего дерева? Или же потихоньку исчезнуть, как Танчжэ?

Перед рассветом ко мне пришел Чвэ Чхун Гук:

— Когда будете уходить, Полководец?

— Пораньше. После завтрака, конечно. Меня ждут не дождутся товарищи из роты в Гуаньди. Ну скажи, как настроение у людей? Может быть, здешние товарищи успокоились?.. Ведь и вам скоро в поход на север...

Рассветало. Начался день разлуки. Сладким сном спала Рян Гвидон Не, протараторившая всю ночь возле меня.

— О наших товарищах не беспокойтесь, Полководец. Будем хорошо воевать в Северной Маньчжурии. Прошу вас не тревожиться. Желаю всего доброго.

— Какие же вы все хорошие товарищи! Поэтому-то мне мучительно расставаться с вами всеми. Значит, и с тобой, дружок Чхун Гук... — Я не мог докончить фразы и взглянул на собеседника.

Долго смотрел ему в глаза, крепко сжимал его руку.

— Хоть с тобой, Чхун Гук, прощаюсь так с напутствиями. А вот с Хан Хын Гвоном даже не увиделся. Так и ухожу. Это больше всего мучит меня. Застанешь его потом в североманьчжурском отряде — передай все, что осталось в моей душе, что не успел высказать на прощание.

В этот день простой завтрак заменил нам прощальный банкет. Пришел час расставания. Товарищи из Цингоуцзы, как предсказал Чвэ Чхун Гук, провожали меня, уходящего в сторону Гуаньди, улыбками. Горько рыдала только Рян Гвидон Не.

Отчаянно не хотела расстаться со мной девятилетняя девочка. Освободившись от рук малышки, я передал ее Ли Ын Ману. Тяжелы, трудны были первые шаги. И ныне терзается мое сердце при воспоминании о том, как я покидал тайный лагерь в Цингоуцзы.

Позже мне стало известно, что Ли Ын Ман и Рян Гвидон Не уехали в Советский Союз — то ли в первой, то ли во второй партии. Долгое время не было весточки о них. О судьбе обоих впервые мы узнали от бывшей партизанки из швейного отряда Чон Мун Чжин, которая, тоже простившись со своим отрядом в тайном лагере в Цингоуцзы, ушла в Советский Союз, а после освобождения страны вернулась на Родину. Радости моей не было предела, когда я узнал, хотя и с опозданием, что они живы и здоровы.

Рян Гвидон Не сейчас, пожалуй, стукнуло лет семьдесят. Такой возраст в человеческой жизни можно сравнить с идущим к закату солнцем.

Но и поныне порою перед моими глазами встает образ Рян Гвидон Не — дочки бывшего комбата, который страдал и

жил в унынии, заподозренный в причастности к «Минсэндану». В моей памяти всплывает, однако, каждый раз не образ бабушки в преддверии 70-летнего юбилея, а свежая девятилетняя девочка-бутончик. Представить ее старухой просто не могу. В моей памяти всегда останется только образ миленькой девочки, щебетавшей словно воробей: «Хочу с вами идти в горы Пэкту».

В Цингоуцзы Чвэ Чхун Гук сумел убедить своих бойцов, которым предстояло двигаться дальше на север. Поэтому там разлука не вызвала особого напряжения. А вот в Гуаньди нам оказалось очень сложно отправить в североманьчжурские отряды роту Ким Ре Чжуна и роту, в которой служил О Чжин У. Бойцы последней не хотели отказаться от своего решения идти вместе с нами в горы Пэкту,

На наши неоднократные уговоры они отвечали, что в отряд Северной Маньчжурии пойдут, но просили разрешить сопровождать нас хотя бы до рубежа Аньту. В довершение этого бойцы взвода Молодежной добровольческой армии из Хуньчуня тоже просили нашего разрешения идти до Аньту. В том взводе был Хван Чжон Хэ. Одно время он по нашему приказу вел в Хуньчуне работу с бойцами марионеточной армии Маньчжоу-Го, убеждая их совершить военный переворот. Хван и был главной фигурой в «операции» по получению моего согласия идти вместе.

Я много часов уговаривал их, рассказывая о положении дел в Северной Маньчжурии.

Вэй Чжэнминь очень хотел оставить у себя взвод молодых добровольцев из Хуньчуня, в котором служил Хван Чжон Хэ. И я решил выделить ему один этот взвод. А бойцы роты, где служил О Чжин У, уходили из Михуньчжэня в расстроенных чувствах.

Я вместе с Вэй Чжэнминем на бугре Михуньчжэня, где грустно выл ветер, провожал этих бойцов, в глазах которых блестели слезы. И моя душа была переполнена чувством печали перед разлукой.

В части объединенной антияпонской армии Северной

Маньчжурии были направлены в индивидуальном порядке и другие товарищи. Прощание с ними отзывалось в моем сердце особенно мучительной болью. Эти части, лишь недавно сделавшие первые шаги на боевом пути, переживали большие трудности из-за нехватки военных и политических кадров. По их просьбе в Северную Маньчжурию направлялись командные кадры, такие, как ХанХын Гвон, Чон Чхан Чхор, Пак Киль Сон, Пак Рак Гвон, Ким Тхэ Чжун и многие другие, а также даже мой ординарец О Дэ Сон. Иначе говоря, в то время нами были целиком переданы те кадры, которые бережно пестовались в Цзяньдао.

О Дэ Сон — младший брат О Чжун Хыба. Он состоял в Детском авангарде в Шилипине и видел, как его братья один за другим идут в партизаны. Завидуя братьям и желая последовать их примеру, он добровольно пришел к нам и стал моим ординарцем.

Я сказал ему: «Иди в североманьчжурский отряд». Вначале губы его расплылись в улыбке — видимо, он полагал, что я шутя так говорю. Однако, узнав, что это не шутка, О Дэ Сон сильно огорчился и буквально набросился на меня.

— Зачем вы хотите меня отправить туда, Полководец? Не могу. Я такой маленький. Ведь если не пойду в североманьчжурский отряд, революция от этого не пострадает? Прошу оставить меня по-прежнему у вас, Полководец.

Он был таким безропотным парнем, что я, приказывая, всегда слышал только удовлетворяющий ответ: «Слушаюсь!» А вот теперь он обращался ко мне с таким напором.

Мне пришлось долго уговаривать его, прежде чем он согласился отправиться в отряд в далекую Северную Маньчжурию.

Перед самым прощанием О Дэн Сон, прежде столь настойчиво отвергавший мое предложение, стал по-взрослому утешать меня. Увидев мои увлажненные глаза, он даже весело пошутил:

«Полководец, уходить-то я ухожу, но беспокоюсь вот о чем: сможет ли этот Гым Сан помогать вам так, как я?»

В канун прощания со мной О Дэ Сон всю ночь вел тихий разговор с другим ординарцем Чвэ Гым Саном. Речь шла о предстоящей разлуке.

Обычно я ложусь спать за полночь, встаю с началом рассвета — в три-четыре часа. Но в ту ночь я рано погасил керосинку и лег спать, заботясь о моем ординарце, которому предстоит уходить в далекий путь. Но оба ординарца всю ночь напролет без отдыха перешептывались друг с другом. На рассвете оба вышли из комнаты на воздух.

«Что затеяли эти юнцы?» — Я с любопытством насторожил слух.

— Послушай, дружок мой, Гым Сан. Я ухожу, а ты хорошенько помогай нашему Полководцу.

Узнаю — это тихий шепот О Дэ Сона. Со стороны Гым Сана послышался только вздох.

— Ты пойдешь, Гым Сан, в сторону гор Пэкту. Не забудь достать там сою с перцем и каждый раз подавай на стол Полководцу. Там живет много корейцев. Достать это будет нетрудно. Только надо постараться. Ты знаешь, как он любит сою с перцем? А мы-то пока не можем угостить его таким блюдом. И имеем ли мы право вообще называться ординарцами? Решился-таки уйти от Полководца, но вот эти дела беспокоят меня.

— Все сделаю так, как ты просил. Не беспокойся, иди. Мы разлучаемся, когда можем увидаться? — грустно звучал голос Чвэ Гым Сана.

— Кто знает, когда... Слушай, Гым Сан. Там будешь, не забывай заходить в дома пхеньанцев. У них, думаю, бывают соленые мизиды. Их очень любит Полководец. О! Если был бы в горах Пэкту — достал бы все, что он любит, и угощал бы его вдоволь...

Когда забрезжил рассвет, я проводил О Дэ Сона. Меж страниц книги я нашел маленькую записочку, оставленную им, в которой говорится: «Дорогой Полководец! Я, ваш ординарец, ухожу. Чувствую себя виноватым за то, что все время беспокоил вас. Знаю, вам ни одну ночь из 365 дней в году не спалось спокойным сном — одолевали мысли о том, как вернуть потерянную Родину. Там я воевать буду хорошо. Прошу не беспокоиться. В трудный час вспомню ваши слова: «Пройдем через все муки, дружок, чтобы возродить Родину». Клянусь не запятнать верность патриотическому делу, выкованную в окружении вашей заботы. Без колебания готов посвятить собственную жизнь и содействовать всем, чем могу, священному делу возрождения Отчизны. Не беспокойтесь обо мне, дорогой Полководец. Желаю вам доброго, крепкого здоровья». Письмо для юного ординарца было довольно содержательным.

Вот с таким глубоким чувством долга и человечности жили все мои соратники.

В тот день Вэй Чжэнминь, взволнованный, со слезами на глазах, сказал, что на всем пути Наньхутоу — Цингоуцзы — Гуаньди — Михуньчжэнь всей душой и сердцем ощущал, какими глубокими чувствами дружбы связаны корейские товарищи.

— Недаром гласит поговорка, — говорил он, — «У сильного военачальника нет слабых воинов». Вижу, все ваши бойцы, товарищ Ким Ир Сен, смелы и мужественны, необычайно человечны. Просто завидую. Вот хотя бы Хван Чжон Хэ. Какой завидный юноша!

Я передал Вэй Чжэнминю взвод молодых добровольцев из Хуньчуня, а вместе с ним и Им Ын Ха в качестве поварихи.

Хван Чжон Хэ ушел за Вэй Чжэнминем. Прощаясь с нами, он так же, как и О Дэ Сон, горевал.

Однако, проливая слезы, Хван Чжон Хэ успокаивал нас: «Все сделаю так, как просили вы, дорогой Полководец. Буду

хорошенько заботиться о товарище Вэй Чжэнмине. Прошу вас не беспокоиться». Он, надежно опекая Вэй Чжэнминя, держал свое слово до последних минут своей жизни.

Когда болезнь Вэй Чжэнминя достигла опасной черты, Хван Чжон Хэ стал носить больного на спине. При каждом налете карательной экспедиции противника он спасал Вэя, вступая в кровопролитные схватки.

В предсмертный час Вэй Чжэнминь, — об этом я узнал позже, — дружески называя имя Хван Чжон Хэ, тепло говорил: «И на том свете не забуду тебя, Чжон Хэ. Не забуду искренность корейских товарищей. Воюй храбро и победителем вернись на Родину вместе с товарищем Ким Ир Сеном».

Но Хван Чжон Хэ, которого не забывал и которому так был благодарен Вэй Чжэминь, не смог вернуться ко мне. Он пал смертью храбрых на пустынных просторах обширной маньчжурской земли.

И сейчас при воспоминании о нем прежде всего вспоминается тот обходной путь в тысячи *ли* от Наньхутоу до гор Пэкту — путь марша на юг.

В тайном лагере в Цингоуцзы он, по-ребячески топая ногой, настойчиво просил меня взять его с собой. Оттуда он сопровождал нас до Михуньчжэня, а потом ушел за Вэй Чжэнминем. Далекий путь, южный поход от лагеря в Цингоуцзы до гор Пэкту, казалось, еще более углубил мою привязанность к Хван Чжон Хэ.

Дорога на юг, от Наньхутоу до гор Пэкту, протянулась на тысячи *ли*. Сколько уходило тогда моих соратников на север!

Пак Киль Сон, Хан Хын Гвон, Чан Рён Сан, Чон Ман Сон, Пак Тхэ Хва, Чвэ Ин Чжун, О Дэ Сон, О Сэ Ен, Ким Тхэ Чжун... Их так много, что не перечислить по пальцам. Многие и многие мои соратники, проливая молодую кровь, сложили головы в горах и на просторах Южной и Северной Маньчжурии.

Конечно, больно, что погиб Чан Рён Сан — мастер стрельбы, человек удивительной доброты. Но не менее прискорбно, что больше я не смог увидеться с О Дэ Соном, который еще в юном возрасте дни и ночи проводил в хлопотах, чтобы быть максимально полезным мне. Его просто обожал старший брат О Чжун Хыб.

Когда мы прощались с О Дэ Соном, О Чжун Хыб находился во 2-м полку 1-й дивизии, принимая участие в походе в Цзяохэ, и не смог даже проводить своего брата на далекую североманьчжурскую землю.

Однажды в районе гор Пэкту мне довелось отведать вареной молодой кукурузы и соленых мизид с приправой, которые достал Гым Сан. Это, конечно, очень удачное сочетание, вкусное кушанье. Понимая, что в этом проявилось искреннее желание О Дэ Сона доставить мне удовольствие, я специально уделил обеду особое внимание.

Два брата воевали вдалеке друг от друга: старший — на юге, младший — на севере. Но я был абсолютно убежден, что в день возрождения Родины оба брата непременно встретятся, гордясь своими ратными подвигами. Однако оба сложили головы на немилой чужбине, так и не вернувшись на родную землю.

В различных районах Южной и Северной Маньчжурии наши товарищи, которые тогда погибли, славно воевали, как мы и ожидали, не потеряв боевой дух революционера Кореи.

Через полтора года после того, как мы в слезах расстались со своими соратниками в тайном лагере Цингоуцзы, я снова встретился с Чвэ Чхун Гуком, а с другими товарищами — через 5 — 6 лет. Волнующая встреча с некоторыми моими соратниками по борьбе состоялась на родной земле только после освобождения. Все они с глубоким чувством чтили память погибших боевых друзей.

Оставшиеся в живых вернулись к нам. На их счету немало впечатляющих ратных подвигов, о которых можно рассказывать

очень много.

Одни из них, будучи непобедимыми, героическими командирами отдельных отрядов, прославили свои имена, другие, став достойными военными и политическими кадрами — командирами рот, бригад, комиссарами дивизий, также совершили блестящие боевые подвиги. Но у них по-прежнему остались привычки избалованных бойцов далеких времен. Они, утирая слезы, говорили: «Вдали от вас, Полководец, нам казалось, что просто ушли от родительского тепла. Тосковали по вам, часто плакали».

Когда я горевал, что к нам не вернулись незабвенные боевые друзья, они теплыми словами утешали меня. Точно также, как и в дни антияпонской войны.

— Полководец, слишком не горюйте. Как же было обойтись без жертв в борьбе за освобождение Родины? Дни прощаний с ними стали вечной разлукой. Но ценой их крови мы смогли вернуть Отчизну. Поэтому они не жалели бы о своей гибели.

Такой заботой и любовью соратников был окружен я всю свою 80-летнюю жизнь. Вечная разлука с теми, кто больше не вернулся к нам, оставила в моей душе неизлечимые глубокие раны. Но они ярко, как звезды, вошли в летопись нашей антияпонской революционной борьбы, историю родной страны.

Стало быть, и я не каюсь в столь горестных прощаниях и разлуках в дни антияпонской войны, в дни, когда нам приходилось отправлять своих боевых друзей и на север, и на юг.

5. Знаменитый военачальник Чвэ Хен

Мы начали поход из Наньхутоу в горы Пэкту. Одним из важных пунктов маршрута был выбран Михуньчжэнь на Муданьлинском горном хребте — на границе уездов Дуньхуа и Аньту. Здесь находилась тайная тыловая база 1-й отдельной дивизии Народно-революционной армии. В этой обширной зоне, в безбрежной тайге, расположились повсеместно большие и малые тайные лагеря. Мы планировали здесь обсудить вместе с Ван Дэтаем, Вэй Чжэнминем и другими ведущими командирами 2-го корпуса ряд мероприятий по претворению в жизнь курса Наньхутоуского совещания.

Михуньчжэнь — нехоженая горная глушь. Говорят, что в этих краях трудно ориентироваться даже тем, кто уже побывал здесь раз-два. Горные вершины и долины похожи друг на друга. А впервые попавшим сюда трудно определить, где они находятся, сложно выбраться из лабиринта гор. Нельзя не восхищаться проницательностью и наблюдательностью людей старых времен, которые назвали эту местность с дремучими лесами Михуньчжэнем (Михунь в переводе означает лабиринт — ред.).

Вначале мы тоже, плутая, не сумели сразу найти секретный лагерь. К большому счастью, в Нюсиньдинцзы мы встретились с товарищами 1-й роты 1-го полка 1-й отдельной дивизии, в которой находился Пак Сон Чхор. Мы попросили их проводить нас до Михуньчжэня. Но им не очень хотелось выполнять нашу просьбу. Объяснялось это тем, что ущелья Михуньчжэня были сплошь заражены брюшным тифом. В лагере лежали несколько десятков пораженных заразной болезнью и, как сказали встреченные нами товарищи, нельзя гарантировать безопасность руководящих кадров, если проводить их туда.

— Там многие больные уже умерли, а похороненных не

перечислить. Как же провожать вас туда, Полководец! Мы не вправе идти на такой риск.

Они наотрез отказались быть проводниками.

В то время Народно-революционная армия несла большие потери в людях из-за эпидемии. Сыпной и брюшной тиф, возникшие еще при существовании партизанского района, словно тень следовали по пятам за нашим отрядом и после ликвидации партизанского края. Болезнь беспощадно косила бесценные жизни. Это стало самой страшной причиной ослабления боеспособности Народно-революционной армии.

— Коль брюшной тиф возникает в теле человека, значит, человек может справиться с ним своими силами. Так кто кого пересилит? Человек, а не заразная болезнь! И не надо слишком бояться. Сейчас вы, вижу, относитесь к брюшному тифу как к чему-то мистическому, — порицал я их за страх перед заразной болезнью. Но бойцы, продолжая говорить об опасности брюшного тифа, упрямо отговаривали меня идти в Михуньчжэнь.

— Вы говорите, что заразную болезнь пересилит человек? Да перед той болезнью нет ни сильного, ни слабого. Все словно мышь перед кошкой. Уж какой сильный человек ротный командир товарищ Чвэ Хен! Но и он уже несколько недель лежит в Михуньчжэне с брюшным тифом.

— Да? Неужели поражен болезнью этот железный вояка? Раз он страдает брюшным тифом, тем более я должен пойти в Михуньчжэнь. Как досадовал бы он позже, если бы я, добравшись до Нюсиньдинцзы, не зашел, боясь заразной болезни, в Михуньчжэнь и ушел в горы Пэкту! Знаю, что вы беспокоитесь о моем здоровье, но я еще в Ванцине болел тифом. Приобрел иммунитет. Значит, о заражении вы можете не беспокоиться.

Лишь тогда командиры 1-й роты прикрепили к нам около взвода бойцов, поручив охранять и вести нас в назначенное место. Они только просили нас в Михуньчжэне не заходить в

казарму к больным.

Откровенно говоря, в то время меня очень огорчило, что Чвэ Хен болен тифом. Хотя я и заверял на словах, что человек вполне может пересилить брюшной тиф, но на самом деле это очень страшное заболевание, заставляющее людей трепетать. Не могло быть надежды на снисхождение от этой проклятой болезни и командиру революционной армии. Наоборот, в организме таких нетерпеливых людей, как Чвэ Хен, любое заболевание, как правило, особенно злобствует и свирепствует. Болезнь протягивает свои щупальца ко всем без исключения, но всегда почему-то больше творила бед тем, у кого горячий характер и не хватает терпения. Ни на минуту меня не покидала мысль о том, что жизнь дорогого соратника на волоске.

— О чем вы, командующий Ким, так задумались? Беспокоитесь, наверное, о товарище Чвэ Хене? — спросил потихоньку Ван Дэтай, заметив, как мрачное настроение делает тяжелой мою поступь.

Этот командир был не очень общителен. Сухой, молчаливый, он обладал, однако, поразительной способностью точно всматриваться в душу человека.

— Да. А как вы догадались об этом?

Я был благодарен ему за нарушение гнетущей тишины. Ведь закроешь рот — и не справишься с обилием набежавших мыслей и раздумий.

— Почему бы мне не догадаться? Рядом с вами, командующий Ким, я, ваш друг, Ван Дэтай. А вот вы молчите, не ведете разговор. Раз так — это сигнал о глубоком раздумье о судьбах людей.

— Правильно ваше рассуждение. Все время у меня думы о Чвэ Хене. Очень беспокоюсь, как бы не случилось с ним непоправимой беды. Постоянно тревожусь, в каком он сейчас состоянии.

— Успокойтесь. Чвэ Хен превозможет болезнь. Он силен волей.

— Да? Как было бы хорошо, если бы это было так!

— Значит, Чвэ Хен настоящий счастливец. Сниться во сне другим, остаться в памяти других, жить окруженным вниманием других... Какое это большое счастье!

Тронули меня простые и в то же время глубокомысленные слова Ван Дэтая. Я целиком одобрил мнение комкора Вана.

— Вот это значимые слова. Впрочем, о такой вещи я ни разу еще не думал.

— В эту минуту, пожалуй, и Чвэ Хен тоже тоскует о вас, командующий Ким. Честное слово, меня взяла даже ревность, когда видел, как он всегда почитает вас. Если память мне не изменяет, у вас с Чвэ Хеном была встреча только один раз. А по какому поводу завязалась у вас с ним столь сердечная дружба?

— Этого я сам не могу толком объяснить. Вместе с ним провел всего две ночи, а в итоге между нами завязалась уже десятилетняя дружба. За эти дни я всецело был очарован этим человеком. Может, я и люблю-то его без взаимности...

— Ха-ха! Какая тут любовь без взаимности? И Чвэ Хен тоже. Проветрился разок в Мацуне и без устали рассказывал о вас.

«Проветрился в Мацуне», — это значит, что Чвэ Хен однажды пришел в Мацунь в Сяованцине, встретился со мной и вернулся. О моей первой встрече с Чвэ Хеном уже было сказано в «Воспоминаниях антияпонских партизан», изложен короткий эпизод и в третьем томе моих мемуаров.

Всем известно, что поводом для той встречи была организация рейда в уездный центр Дуннин. По вине связного Чвэ Хен не получил вовремя приказ об участии в битве и прибыл в Мацунь с опозданием, принял запоздалые меры. Узнав, что бой в Дуннине уже кончился, он очень огорчился, осыпал связного нецензурной бранью, а потом, немножко успокоившись, спросил меня:

— В бою участвовали и ванцинцы, и хуньчунцы, и даже вот

эти отряды АСО. Лишь слизняки из Яньцзи не смогли даже подойти к воротам Дуннина, топчутся на месте. Я просто вне себя от ярости. Уважаемый начальник Ким Ир Сен, нет ли еще плана налета на другое место?

— Молодому человеку не подходит слово «уважаемый»! Прошу называть просто Ким Ир Сеном, — ответил я не без стеснения.

Ветеран войны, от которого крепко пахло пороховым дымом, поднял брови, словно нагрянула большая беда, и молвил:

— При чем тут большой или малый возраст? В душе я уже давно возвел вас, начальника Кима, во главу корейских войск. Поэтому величать вас с почтением вполне естественно.

— Если так захваливать молодых людей, они могут сразу стать высокомерными, у них может закружиться голова. Коли и впредь вы будете так захваливать меня, то мне придется порвать с вами отношения.

— Вот как! У меня жилы крепкие, а вы, начальник Ким, оказывается, крепче меня. Теперь буду разговаривать с вами запросто, как вы хотите.

С той поры Чвэ Хен изменил манеру разговора. Он был мужчиной с типично военным характером. Человек с таким характером, если захочет что-то сделать — сделает, откажется — никогда не сдвинешь. Он говорил со мной на «вы» только в официальных случаях. Это освободило нашу дружбу от скорлупы излишней церемонности и неестественных норм этикета, сделало ее еще искреннее и сердечнее.

В те годы каждый товарищ, которого я приобретал с таким же трудом, с каким добывают жемчуг на дне океана, стал «золотым фондом» нашей революции, необходимой частицей движущей силы для неуклонного подъема революции и расширения ее диапазона. Именно в такое время я встретил нового спутника — такого настоящего мужчину, как Чвэ Хен. Это,

несомненно, стало исключительно важным событием, счастьем в моей жизни.

Наша встреча в Мацуне с самого начала доставила мне большое удовлетворение. Хоть она и была первой, но душевный толчок от нее был у меня весьма огромным. К моему удивлению, Чвэ Хен, с которым я впервые беседовал, показался мне старым знакомым. Мне представлялся очень привычным на слух его голос, знакомыми его жесты и внешний вид. Даже чудилось, будто когда-то я с этим здоровенным и славным мужчиной обсуждал вопрос о сопротивлении Японии и советовался о спасении Родины.

Почему Чвэ Хен показался мне давно знакомым человеком? Потому что он был близок к тому характерному типу военачальника, который до тех пор я часто представлял себе в мыслях и совершенствовал как цельный образ. И потому что, еще прибыв в Цзяньдао, я уже был много наслышан о тех или иных штрихах биографии Чвэ Хена...

Руки Чвэ Хена взяли весло на лодке человеческой жизни в «океане» чужой земли — на лессовой цзяньдаоской земле. Это был 1907 год, когда неудержимо достигала кульминационного апогея трагедия страны, обреченной на гибель. 1907 год стал годом горестей, бедствий и лишений, годом, оставившим уйму позорных пятен в истории нашей нации. Именно в том году Ли Чжун вспорол себе живот кинжалом в Гааге. Именно в том году был отрешен от престола Кочжон и объявлено о роспуске корейских войск. В том же году вся власть во внутренней жизни Кореи перешла в руки империалистов Японии в результате заключения «договора года Чонми из 7 статей» и насильственного внедрения «управления через японских заместителей министра».

На земле, на которую с небывалой разрушительной силой нахлынули свирепые волны экономического кризиса, родители Чвэ Хена дрожали от тревоги за судьбу новорожденного ребенка.

«Аннексия Кореи Японией», Первомартовское народное восстание, жестокая карательная операция в Цзяньдао в году Кенсин были драматическими событиями, которые заставляли кипеть кровь юного Чвэ Хена.

Если в тот период тьмы и отчаяния тлела смутная надежда, то только благодаря существованию Армии независимости, которая оказывала врагу отчаянное вооруженное сопротивление в районе Цзяньдао. Хон Бом До, Им Бен Гук были его предшественниками и учителями. Детство и отрочество Чвэ Хена были неразрывно связаны с деятельностью этих мужественных, непреклонных, опытных военачальников. У них он обучился стрелковому делу и искусству верховой езды. Чвэ Хва Сим, его отец, воевавший под командованием Хон Бом До в рядах Армии независимости, стал поручать своему 11-летнему сыну задания, как связному. В том же году Чвэ Хен получил в подарок от отца пистолет.

Убийственная резня года Кенсин оставила свои кровавые следы во всех уголках Цзяньдао, где проживали корейцы. В карательном погроме Чвэ Хен лишился матери. Вместе с отцом он перешел в Приморье, следуя за отрядом Им Бен Гука. Незнакомо было все — и природа, и люди, и язык. Но непреклонным было желание Чвэ Хена посвятить свою жизнь борьбе с империалистами Японии. Начальник Им Бен Гук назначил его связным и направил в один из подчиненных ему отдельных отрядов. Чвэ Хен, отличавшийся необыкновенным мастерством верховой езды, с честью выполнял долг связного, разъезжая на коне между штабом и отдельным отрядом. И русские с восхищением и завистью любовались 13-летним мальчиком небольшого роста, который вихрем несся на коне по раздолью.

Как-то раз, получив задание по передаче информации, он вместе с тремя товарищами — всадниками ринулся верхом к передовой линии под градом пуль. Трое пали от вражеских пуль, а он был ранен в руку. Невзирая на боль, Чвэ Хен смело рвался

вперед сквозь град пуль и вовремя передал сведения в штаб. Им Бен Гук, перевязывая ему руку бинтом, похвалил его: «Ты же кандидат в полководцы Армии независимости!»

После поражения того отряда Армии независимости Чвэ Хен вернулся в Цзяньдао. Потом по рекомендации Юн Чхан Бома, ставшего позже командиром отдельного полка, вступил в Молодежную федерацию Восточной Маньчжурии. Для Чвэ Хена период деятельности в МФВМ был, можно сказать, периодом перехода от националистического движения к коммунистическому. Процесс такой переориентации ускорился в период заключения в Яньцзиской тюрьме, где он пробыл более семи лет. В 1925 году власти реакционной военщины неожиданно арестовали Чвэ Хена и вынесли ему жестокий приговор — пожизненное заключение, обвинив в «незаконном сборе средств» на военные цели.

После восстания 30 мая, выступлений по поводу осеннего урожая и борьбы периода весеннего голода Яньцзиская тюрьма была битком набита заключенными — патриотами и передовиками цзяньдаоской революции, которые шли во главе масс при вышеупомянутых выступлениях. Люди были лишены свободы, но и в тисках гнета они, эти оптимисты и романтики, жили с гордо поднятой головой. Это малое общество стало для Чвэ Хена школой и горнилом, оказавшими решающее воздействие на его рост и развитие. В этой тюрьме он вступил во внутритюремные подпольные организации Антиимпериалистический союз и отряд красных ополченцев. Испытания в застенке окончательно превратили бывшего связного Армии независимости из националиста в коммуниста.

Всем партизанским районам Восточной Маньчжурии были широко известны тюремные эпизоды и приключения, инициатором и главным исполнителем которых в Яньцзиской тюрьме, названной администрацией военщины Гиринскои тюрьмой №4, выступал Чвэ Хен.

Тюремная жизнь Чвэ Хена началась с противоборства с

«гантоуром» — «атаманом» камеры. В камере, где находился Чвэ Хен, «гантоуром» был разбойник-убийца. Он изощрялся в жестоком притеснении узников. У каждого нового заключенного он отбирал личные вещи и присваивал их. Когда подавали пищу, отнимал долю других и набивал до отказа свой живот.

Чвэ Хен решил проучить «гаитоура». Однажды он дал каждому из узников своей камеры по одной высокосортной сигарете «Кар» и закурил сам. Лишь одному «гантоуру» нарочно не предложил курева. Этот своего рода молчаливый вызов засел у него в печенках.

Сердитый «гантоур» угрожающе потребовал от Чвэ Хена отдать все вещи, которые у него имеются. Вместо ответа Чвэ Хен выпустил изо рта облако густого табачного дыма. Потеряв терпение, «гантоур» набросился на Чвэ Хена. Чвэ Хен, перепрыгнув через головы нескольких человек, ударил его в морду кулаками в наручниках и громко крикнул:

— Ты, сволочь, на кого смеешь поднимать руку? Вне тюрьмы убил человека, а здесь, в камере, не даешь покоя бедным братьям. Есть ли кто-нибудь жесточе и грешнее тебя? Скажи: разве ты не сын простолюдина, такого же, как мы? На сей раз тебя прощу с великодушием, но не забывай вести себя, как надо. Отныне твое место вон там — у «параши». А это верхнее место займу я.

«Гантоур» понял, что ему не тягаться с Чвэ Хеном, направился на указанное место и покорно сел на пол, как тот велел. С тех пор узники, избавленные от гнета «гантоура», видели в Чвэ Хене благодетеля и стали чтить его.

Прошло немного времени после того, как Чвэ Хена приговорили к пожизненному заключению. Администрация военщины то и дело организовывала экскурсию учеников Тэсонской, Тонхынской, Енсинской, Енсинской женской, Ынчжинской средних школ и многих других учебных заведений города Лунцзина по камерам тюрьмы. Таким способом враги

пытались выхолостить революционное сознание и подавить боевой дух учащихся, молодежи и детей этого района, среди которых одна за другой появлялись и активно действовали идеологические организации и группы, выступающие против японского империализма и военщины.

Чвэ Хен заранее установил связи со всеми камерами и предложил узникам изготовить «водяные пистолеты». Когда, пришли ученики и стали осматривать камеры, узники выстрелили из этих «водяных пистолетов» вонючими нечистотами из унитаза в идущих вместе с учениками реакционных учителей и тюремщиков, осыпая их руганью.

— Мерзавцы, что вы, сволочи, хотите показать здесь ученикам?!

Застигнутые врасплох реакционные учители поспешно удрали из тюрьмы, уводя с собой своих воспитанников.

Администрация тюрьмы лезла из кожи вон, пытаясь поймать главного зачинщика, но не смогла добиться своего: каждый узник заявлял — «Я и есть организатор».

Отбывая заключение, Чвэ Хен работал на многих предприятиях при Яньцзиской тюрьме: то обувщиком на обувной фабрике, то наборщиком в литографии, то портным на швейной фабрике, где шил костюмы высокого качества. Поработал даже плотником в столярной мастерской и парикмахером. Стриг не только узников, но также рядовых и старших тюремщиков, начальника тюрьмы. Где бы и кем он ни работал, Чвэ Хен никогда не щадил и жестоко карал всех тех, кто унижал и оскорблял его без всякого основания. Однажды Чвэ Хен мастерил шахматные фигуры из крушины, употребляемой для изготовления столов и стульев. Заметив это, надзиратель тюремного завода жестоко избил его. Ему было не привыкать подвергать узников побоям. Рассерженный Чвэ Хен ударил его изо всех сил ножкой стула, который он собирал. Администрация тюрьмы на неделю упекла его в карцер, но после этого инцидента надзира-

тель больше не смел допускать по отношению к узникам произвол.

В борьбе Чвэ Хена за решеткой особое место занимала организация побега узников из тюрьмы. Вместе с Юн Чхан Бомом и другими товарищами ему удалось обеспечить тайный побег из тюрьмы Им Бен Гука, бывшего его начальника в Армии независимости, и многих других революционеров. Чтобы защищать и отстаивать справедливое дело, Чвэ Хен был готов совершить самосожжение или броситься с крутого обрыва. Таковы были его природная воля и закаленный в бурях характер.

После выхода из тюрьмы Чвэ Хен вошел в отряд красных ополченцев в Тайянмао, в ходе суровой борьбы стал членом коммунистической партии, затем политруком роты Яньцзиского партизанского отряда Народно-революционной армии...

Таковы были в общем мои знания о Чвэ Хене, этом знаменитом волевом человеке, которыми я располагал до встречи с ним в Мацуне.

— Раз так обернулось дело, останусь в Ванцине на денек-другой и послушаю рассказ командира Кима. Это не будет вам помехой? — спросил меня Чвэ Хен после знакомства при первой встрече.

Я охотно согласился на его предложение.

Мы разговаривали всю долгую ночь напролет, не заметив, как она прошла.

Наутро часовые сообщили командованию о нападении врага на партизанский район. Я расположил бойцов отряда на высоте и, поднимаясь на гору, попросил прощения у Чвэ Хена:

— Придется принять бой. Подождите, пожалуйста, немножко в доме. Скоро вернусь.

Выслушав меня, Чвэ Хен вскочил с места, как ужаленный.

— Как же мне ждать здесь?! Ведь подвернулся хороший шанс. Чвэ Хен не достоин называться Чвэ Хеном, если он не последует за вами, командир Ким, а будет ждать сложа руки в

доме ночлега. Видно, бог помог мне сегодня. Хочется хоть разок повоевать под вашим командованием, командир Ким. Прошу взять и меня с собой на высоту.

— Коли такое у вас желание, давайте подеремся вместе.

Чвэ Хен, расплываясь в улыбке, стал подниматься на высоту вслед за мной.

Противник не отважился атаковать рубеж, где его ожидала партизанская засада. Только вслепую палил издалека и поджег сложенные стога хлебов, выращенных потом и кровью жителей партизанского района.

Я приказал партизанам беспощадно уничтожать врагов прицельной стрельбой на дальнее расстояние, а потом обратился к Чвэ Хену:

— Слыхал, что вы, товарищ Чвэ Хен, меткий стрелок. Покажите, пожалуйста, ваше искусство!

Чвэ Хен сразил одним выстрелом из винтовки типа «Марешан» вражеского солдата, подбегающего к скирде с горящим факелом в руке. Враги находились метрах в 500 от нас, но он без единого промаха скашивал их каждым выстрелом. Поистине поразительным было его мастерство снайпера.

— Ну как? Теперь улеглась немножко досада, что не успели поучаствовать в нападении на Дуннинский уездный центр? — спросил я после боя.

Он покачал головой и промолвил как бы нехотя:

— Да, немножко, но не так, чтобы уж совсем.

И в ту ночь мы продолжали беседу без сна. Главной темой нашего разговора стал вопрос об очередных задачах корейской революции и путях их выполнения. Я поставил ряд проблем, касающихся важных линий борьбы, и продолжал обсуждать вместе с ним практические меры. В их числе — вопросы об объединенном фронте с китайскими антияпонскими отрядами, о едином антияпонском национальном фронте, об основании партии нового типа, руководствующейся идеями чучхе.

Чвэ Хен остался очень доволен результатом проведенной беседы.

— Теперь, кажется, немного унялась досада, что не участвовал в рейде на Дуннин. Хоть и не смог быть вместе с вами тогда, но зато здесь, в Мацуне, многое наверстал из упущенного.

Провожая Чвэ Хена в дорогу, я, на память о нашей первой встрече, подарил ему четыре ружья «Датайгань», что мы взяли в качестве трофеев в бою в Дуннине. Подарил ему также янтарный мундштук. С тех пор этот мундштук стал для него самой любимой вещью.

Каждый раз, когда Чвэ Хен погружался в напряженное раздумье, решающее судьбу предстоящей битвы и военной операции, из мундштука в его рту извергались клубы густого табачного дыма. Вокруг Чвэ Хена было немало заядлых курильщиков, с вожделением взиравших на этот мундштук и норовивших присвоить его. Одни пробовали отнять у него мундштук силой, другие — соблазнительными словами, третьи — предложением «бартера». Нашлись даже такие жадные, которые пытались выкрасть мундштук из кармана Чвэ Хена, когда он был во хмелю. Пускался в ход весь арсенал приемов и средств. Но старания были напрасны.

После освобождения страны среди любителей курить, работавших на ответственных должностях в партийных органах и правительстве, оказались люди, которые пытались торговаться: «Товарищ Чвэ Хен, дайте и нам покурить хоть разок с этим мундштуком. Ведь говорят, что он придает сигаретам вкус меда. «Амортизационные» щедро выплатим». С упрямым Чвэ Хеном такие торги не проходили. Только одному Ким Ик Сону, — кстати, он с Чвэ Хеном отдыхал в Рачжине в одной партии и сблизился с ним, — удалось одолжиться у него янтарным мундштуком, но лишь на один день.

В настоящее время этот янтарный мундштук находится в экспозиции Музея корейской революции. Вначале работники

музея рассчитывали, что им можно будет без труда взять у Чвэ Хена мундштук — достаточно нескольких слов. Но это было не так. Чвэ Хен, узнав, что они хотят забрать у него именно тот мундштук, который он на протяжении нескольких десятков лет хранит при себе бережнее и заботливее, чем жемчуг или золото, рассердился и выгнал их со словами:

— Что вы говорите? Неужели хотите выставить в музее янтарный мундштук Чвэ Хена? Не забывайте, что этот мундштук не общенародная, а моя, личная собственность. Его подарил мне наш Полководец для того, чтобы пользовался им я, Чвэ Хен. Это же не общественная собственность, которую может осматривать и трогать любой человек! Если уж хотите забрать что-нибудь у меня, так лучше вам выдернуть у меня вот эти усы. Поняли?

Работники музея чуть не потеряли головы от возмущенного крика Чвэ Хена, но не утратили надежды и без устали продолжали навещать его. Только с пятого раза им удалось уговорить этого старого и упрямого военачальника. Еще за несколько дней до того Чвэ Хен рычал на них, как тигр, но на сей раз встретил гостей весьма любезно, словно это был другой человек.

— С сегодняшнего дня мундштук этот не будет собственностью Чвэ Хена. Он станет общенародной собственностью. Подождите, ребята, немножко. Сейчас покурю с этим мундштуком в последний раз, а потом отдам вам.

Чвэ Хен вставил сигарету в мундштук, чиркнул спичкой и прикурил. Глубоко и жадно вдыхал он дым и медленно выпускал клубы в воздух. Прищуренные глаза старого военачальника были долго устремлены в далекое северное небо. Под тем небом находились и Мацунь, где состоялась историческая наша первая встреча, и поля брани, пропитанные пороховым дымом, где он вплоть до сорока лет с маузером на боку партизанил и ходил до боли в ногах.

Те памятные две ночи и три дня, связавшие меня с Чвэ Хеном

едиными узами и сделавшие нас вечными спутниками, оградили историю нашей дружбы великой стальной стеной, которую не разрушить любыми силами и средствами в буквальном смысле этих слов.

Первая встреча с Чвэ Хеном породила во мне немало впечатлений. Самое большое из них — то, что он очень откровенный, простой человек. Он из тех людей, что говорят прямо то, что видят, и выражают без утайки то, о чем думают. Его мысли и чувства тут же отражались на лице такими, какие они есть. На такого человека не действуют ни обман, ни манипуляция, ни дипломатия. Ребяческая простота Чвэ Хена обладала чудотворной обаятельной силой, очищающей души других людей. Плененный этой притягательной силой, и я был вынужден открыть ему всю свою душу.

По прибытии в тайный лагерь Михуньчжэня я первым долгом посетил казарму-полуземлянку, где лежали пятьдесят с лишним больных в лихорадке. Среди них оказался и Чвэ Хен, с которым я так хотел увидеться.

Тайный лагерь охраняли интенданты. Распахнув настежь дверь, они сообщили, что пришел командующий Ким. Чвэ Хен с трудом встал с постели и пополз к выходу.

Его лицо изменилось до неузнаваемости: одна кожа да кости. Почти не осталось следа того образа, что сохранился в моей памяти от первой встречи с ним в Мацуне.

— Командир Ким, прошу вас, не входите! Нельзя входить! — сказал он, размахивая обеими руками и следя за мной горящими, как огонь, глазами.

И я поневоле на мгновение замешкался у двери.

— Видно, не очень гостеприимны люди Михуньчжэня. Пришел с желанием видеться с Чвэ Хеном, а тут дают от ворот поворот. Какое это безобразие! — шутил я, но упрямый Чвэ Хен не унимался.

— Нельзя иначе, даже если вы посчитаете нас негосте

приимными. Но неужели вы, командующий Ким, не знаете, что здесь ворота в царство мертвых?

— Ха-ха! Какой симулянт вышел из Чвэ Хена, что расстрелял сто мешков патронов! Этого я еще не знал!

Убедившись, что его слова не действуют, он начал осыпать бранью интендантов, приведших меня в казарму.

— Эх, какие же вы, ребята, тупицы! Куда же вы привели командующего Кима?! Не надо так встречать командующего Кима!

Интенданты, совсем растерявшись, дали тягу оттуда. Пока Чвэ Хен ругался, я размашистыми шагами направился к середине казармы.

— Такой крепкий, как дуб, Чвэ Хен поражен брюшным тифом. Совсем не верится, — сказал я, подойдя к его изголовью, чтобы пожать ему руку. Чвэ Хен поспешно спрятал руки под одеяло.

— Командующий Ким, не трогайте меня руками. Брюшной тиф, уйма бактерий. Зачем вы пришли сюда? Зачем появились в этом «великолепном» Михуньчжэне — царстве заразы?

— То есть как это зачем? Пришел увидеться с Чвэ Хеном. Да, всякое бывает! Невероятно, чтобы Чвэ Хен заболел заразной болезнью.

Я сунул руку под одеяло, крепко пожал горячую, как раскаленный уголь, руку Чвэ Хена и долго не выпускал ее из своей.

Вмиг глаза у него повлажнели.

— Очень рад видеть вас, командующий Ким, спасибо! Я же такой ничтожный... Думал, что отправлюсь на тот свет, так и не увидев вас...

Только что он упрашивал меня даже не подходить, а теперь так крепко, словно клещами, сжал мою руку и не выпускал ее.

В этот момент Чвэ Хен точь-в-точь напоминал ребенка.

Он задал несколько вопросов о 2-м походе в Северную Маньчжурию, потом подробно рассказал об ущербе, нанесенном брюшным тифом.

Я перевел тему нашего разговора на личную проблему Чвэ Хена, связанную с его судьбой.

— Мне сказали, что вас обвинили в причастности к «Минсэндану». Думаю, в эти дни вы испытываете немало душевных мук. Это ведь так?

— Да, это факт, — уныло кивнул он головой и стал торопливо рассказывать, как приклеили ему ярлык «минсэндановца».

— Как много рассказывали вы, командующий Ким, о едином фронте в Мацуне! Я считал эту линию самой выдающейся, единственно правильной на свете. Вернулся в Яньцзи. Пропагандировал ее среди товарищей нашего отряда. Даже комкор Ван Дэтай говорит: без единого фронта жить не можем. Я старался формировать единый фронт, а вот на меня надели этакий колпак «минсэндановца».

После того как мы тронулись в 1-й поход в Северную Маньчжурию, Чвэ Хен со своей ротой выдвинулся на рубеж уездов Дуньхуа и Хуадянь. Там развернул активную военно-политическую деятельность по расширению зоны партизанских действий. Предпосылкой для этого было умелое ведение работы с китайскими антияпонскими отрядами, расположенными в глухомани Дахуангоу.

В то время в ущелье Дахуангоу находились два лесных отряда, примерно по 80 и 100 бойцов в каждом.

Отряд из 80 бойцов держался прогрессивной тенденции. Это было результатом того, что партизанские подпольщики проникли в этот отряд и широко вели антияпонскую пропаганду. Этот отряд имел хорошие отношения и с окрестными отрядами самоохраны, которые перешли с прояпонской позиции на антияпонскую и оказывали этому лесному отряду активную помощь

различными методами и в разнообразных формах.

А отряд с 100 бойцами заполнял дни грабежами местных жителей. Кроме того, он, установив тайные связи с вражескими войсками и полицией Люшуцуня, даже готовился к коллективной капитуляции. Антагонизм отрядов (один стремится к сопротивлению Японии, а другой — к предательской капитуляции) был чреват критической опасностью перехода в кровопролитный вооруженный конфликт. Если оставить в покое отряд, намеревающийся капитулировать, нельзя было вести другие лесные отряды на путь антияпонской борьбы и формировать совместный антияпонский фронт.

Чвэ Хен устроил банкет, объявив, что ему хочется добиться согласия двух лесных отрядов. На прием были приглашены и командиры отряда из 100 бойцов, пытавшегося капитулировать. Когда они появились в зале банкета, рота Чвэ Хена моментально разоружила их. А другой лесной отряд из 80 бойцов не трогала. Она не применяла силы, конечно, и к отряду самоохраны, имевшему дружеские отношения с последним отрядом.

Чвэ Хен был прав, не трогая отряд самоохраны, что полностью соответствовало линии на формирование единого фронта. Однако начальник политотдела корпуса и другие леваки вышестоящих органов сочли правильные меры Чвэ Хена преступными, сняли его с должности политрука роты, отняли у него даже любимый маузер. Они говорили: «Такое отношение к врагу равносильно капитулянтству». Это было настолько несправедливо, что даже Ван Дэтай сетовал: «Если товарищ Чвэ Хен «минсэндановец», то кто же, я спрашиваю, не «минсэндановец» в нашем 2-м корпусе?» После снятия с должности Чвэ Хен был разжалован в рядовые и потом целый год работал начальником отдела военного снабжения при командовании корпуса Ван Дэтая. Только к концу 1935 года он был назначен командиром роты...

— Могу сказать, что я спасся благодаря вашей заботе,

командующий Ким. На Дахуанвэйском совещании вы заступились за нас, рискуя собственной жизнью. Иначе я навеки оставался бы «минсэндановцем» и жил бы всю жизнь, как крот. Скажите, пожалуйста, командующий Ким, разве то, что я не тронул тот отряд самоохраны, — капитуляция? — сказал Чвэ Хен и вскочил с места.

Он пристально всмотрелся в меня. Его суровое лицо вдруг покраснело от волнения.

Я тепло взял его руку обеими руками и покачал головой.

— Какая это капитуляция? Это было дело справедливое для антияпонского фронта... То, что сняли вас за причастность к «Минсэндану», совершенно беспочвенно. Это абсолютно абсурдно.

— Так-то оно так! Разве я, Чвэ Хен, могу из-за ничегонеделания стать «минсэндановцем»? Сукины дети! Зла на них не хватает!

— Досадно, многие тысячи человек или наказаны, как вы, товарищ Чвэ Хен, или убиты по необоснованному обвинению в соучастии в «Минсэндане». При мысли об этом просто дух захватывает.

— Все их дела вымышленные. Как же такие революционеры, как Юн Чхан Бом и Пак Тон Гын, могут быть «минсэндановцами»? Кого наказали мерзавцы? Исключительно активистов и храбрых борцов. А эти проходимцы, вижу, кичатся, будто совершили большие подвиги. Если бы это считалось коммунизмом, я бы вообще не вернулся в Цзяньдао из Приморья.

— «Антиминсэндановская» борьба была страшной трагедией — такой, какая не должна повториться в истории нашей антияпонской борьбы. Сколько безвинно погибло корейских коммунистов! К счастью, Коминтерн официально отметил, что наша позиция на Дахуанвэйском совещании была правильна и что «антиминсэндановская» борьба, которую до сих пор

направляла восточноманьчжурская парторганизация, пошла по ультралевацкому руслу. Коминтерн поставил задачу — срочно принять меры для исправления допущенных ошибок.

Слушая мои слова, Чвэ Хен проливал слезы.

— Если это факт, то он достоин троекратного ура! Спасибо вам, командующий Ким!

— Главное — как смыть обиду наших соратников, которые погибли опороченными без основания? Чем возместить столь огромный ущерб, который понесла наша революция? Не так ли?

— Ваша правда, командующий Ким. Нам надо своими усилиями восполнить эти пробелы. Нам, оставшимся в живых, быть семенами.

Я был очень доволен ответом Чвэ Хена. Этот командир был сведущ не только в военном деле, но и в политике. Позже, на протяжении десятков лет совместной деятельности, я твердо убедился в том, что он и мастер военных операций, и солидный политический деятель со своими собственными взглядами. Он был и талантливым военным стратегом, и многоопытным политработником, и испытанным агитатором. Чвэ Хен искусно вел и военную дипломатию, и работу по дезорганизации вражеской армии. Войска и полиция Маньчжоу-Го, которые он держал под своим влиянием, систематически снабжали части Народно-революционной армии боеприпасами и оружием, часто сообщали им о положении противника.

Считать Чвэ Хена простым военным человеком — это, безусловно, была бы близорукая оценка. Когда-то ветераны антияпонской войны, посмотрев советский фильм «Чапаев», обменивались своими впечатлениями.

— Этот Чапаев совсем похож на нашего генерала армии Чвэ Хена. Они как две капли воды похожи друг на друга. Те же манеры, жесты, образ мыслей и приемы ведения боя...

Чвэ Хен, весь разъяренный, бросил:

— При чем тут Чапаев?! Чвэ Хен есть Чвэ Хен!

Это было выражением его открытого недовольства мнением своих коллег, которые привыкли считать его военным командиром, который берет все с потолка. Нельзя считать правильным механическое приравнение Чвэ Хена и Чапаева, При оценке Чвэ Хена надо всегда иметь в виду, что он, до того как стать военным, был одним из умелых политработников, с опытом партизанского политрука и члена Политбюро ЦК партии за плечами...

С доверием глядя в глаза Чвэ Хена, полные страсти и уверенности в себе, я положил на тыльную сторону его ладони свою и продолжал:

— ...Пусть из этих семян растут новые ростки — десяток, сотня, тысяча человек. А тысяча пусть превратится в десять тысяч человек. Тогда мы рано или поздно станем богаты людьми. Это великое дело корейские коммунисты должны решить в первую очередь. А для этого следует, как мы подчеркнули на Наньхутоуском совещании, выступать в граничащие с Родиной районы Чанбая и гор Пэкту. Там надо создать опорные базы новой формы.

Услышав про «опорные базы новой формы», Чвэ Хен резким движением приподнялся, и брови его непроизвольно задергались.

— Новые партизанские районы создать? Ведь у нас только что ликвидировали партизанский край.

Я объяснил Чвэ Хену, чем продиктована необходимость создания опорных баз новой формы, чем они отличаются от прежних. Поистине поразительной была политическая ориентированность Чвэ Хена, который быстро схватывал и чутко воспринимал все вопросы. Он полностью поддержал установки Наньхутоуского совещания, послужившие впоследствии мощным рычагом самостоятельного развития корейской революции. Решения совещания увели от пропасти

отчаяния Чвэ Хена и всех других больных, лежавших в лихорадке в тайном лагере Михуньчжэня.

— Лихорадка приковала меня к постели. Смерть не раз стучалась в мои двери. Болезнь так тяжело мучила меня, что даже хотелось умереть. Были и такие моменты, когда приходила в голову нелепая мысль: «Умру — всему будет конец, больше не будет таких мучений». Но сегодня встреча с вами, командующий Ким, привела в порядок все перепутанные мысли. Вижу ваше лицо — испытываю жажду жизни, убежден, что выживу и доведу дело до конца, — сказал он.

Чвэ Хен дал многозначительное толкование смысла встречи со мной. И я, в свою очередь, придавал нашей встрече глубокий смысл:

— Вы говорите: чувствуете в себе прилив новой силы, глядя на мое лицо. А я, смотря на ваше, ощущаю пульс новой силы. Радости моей нет конца, когда вижу вас: в вихрях дела с «Минсэнданом» вы не погибли, остались в живых! Остаться в живых в нынешней обстановке — это уже своего рода подвиг!

В тот день я вместе с Ли Дон Бэком осмотрел весь тайный лагерь. Условия медпомощи и положение с продовольствием были там неописуемо трагичны. Вблизи Михуньчжэня расположилась 7-я рота 1-й дивизии. Ее бойцы иногда доставали продовольствие и привозили его больным, но этого было крайне мало. Десятки человек с трудом сводили концы с концами. Когда кончилось зерно, не из чего было приготовить даже жидкую похлебку, и люди утоляли голод гнилыми протертыми отрубями кукурузы, растворяя их в кипятке. Но и эта скудная пища имелась не всегда.

Некий Ким отвечал за хозяйство в тайном лагере. Но он оказался человеком трусливым, заботившимся только о своей шкуре. Когда Чвэ Хена эвакуировали в этот госпиталь, он просил Кима взять на себя работу управляющего делами тайного лагеря. Но тот под тем или иным предлогом саботировал свою

работу. Возле лагеря был зарыт в землю немалый запас зерна и других продуктов, которые осенью 1935 года Чвэ Хен в районе Дуньхуа захватил у помещика. Но Ким только сетовал на нехватку зерна и не снабжал как следует раз-два в день больных даже бобовой похлебкой. Он перепоручил нескольким партизанкам-швеям уход за больными, а сам, боясь эпидемии, ушел в другой тайный лагерь за четыре с лишним километра. Там он жил на широкую ногу, питаясь белым рисом и мясом.

Ким и караульную службу переложил на плечи партизанок. В то время как Ким Чхоль Хо, Хо Сон Сук, Чвэ Сун Сан и другие партизанки Михуньчжэня, ухаживая за больными, сбивались с ног и испытывали смертельную усталость. В тайном лагере находились интенданты Ким, Квак и Рю, но им, занятым делами, связанными с внешним миром, некогда было заботиться о больных. Партизанки по очереди занимались шитьем, стояли на часах и ухаживали за больными.

Больные, день и ночь страдавшие брюшным тифом, капризничали, беспрестанно требовали от ухаживающих за ними внимания к себе. Тифозные буквально сходили с ума оттого, что им не давали пить холодную воду. Почему-то среди бойцов Народно-революционной армии бытовала версия, что пить холодную воду равнозначно для больных брюшным тифом совершить самоубийство, приняв яд. И ее запрещалось давать при лечении больных. В госпитале тайного лагеря Чвэ Хен отдал приказ, запрещающий употребление холодной воды, и угрожал суровым наказанием за нарушение этого приказа. По всей вероятности, он явно переборщил с этой версией.

Тем не менее больные, лежавшие в лихорадке, безумствовали от жажды и настойчиво требовали холодной воды. Иные, тайком от своих сиделок, срывали ледяные сосульки из-под стрех крыши и глотали их. Люди, которые покорно и честно соблюдали партизанскую дисциплину, теряли от жажды терпение и вели себя, словно малые дети. Когда партизанки вместо холодной

воды подавали им миску похлебки, они бросали ее и разражались нецензурной бранью. Но партизанки наотрез отказывались выполнять эти требования больных. Они по очереди бдительно дежурили у чана с водой и вели тщательное наблюдение, чтобы больные не имели доступа к ней.

Однажды ночью связной, со странным именем Мэн Сон, не вытерпел жажды и, обезумев, пополз на четвереньках к чану с водой. В ту ночь дежурила партизанка Хо Сон Сук. Увидя Мэн Сона, она поспешно подбежала к чану, вырвала у больного черпак и громким, разносящимся по всей казарме голосом стала упрекать его:

— Товарищ Мэн Сон, вы уже забыли приказ? Умереть хотите, что ли? Идите сейчас же на свое место!

Но Мэн Сон уже потерял голову. Он схватил полено, лежащее у топки, и больно ударил им по ногам Хо Сон Сук. Затем жадно напился воды из чана и, укутавшись в одеяло, пролежал всю ночь словно мертвый.

Хо Сон Сук казалось, что Мэн Сон умрет. После караульной смены она не могла заснуть и провела всю ночь, сидя у его изголовья. Другие больные тоже беспокоились, как бы не случилось чего с Мэн Соном. Однако, когда забрезжил рассвет, Мэн Сон, который, по их понятию, должен был отправиться на тот свет, встал с нар, откинул в сторону одеяло и крепко обнял Хо Сон Сук.

— Спасибо вам, товарищ Сон Сук! Я жив. У меня совсем упала температура. Это потому, что вы закрыли глаза на то, что я пил воду. Куда делась такая высокая температура?

— Как куда? Испарина у вас была. Вот видите: даже от одеяла идет пар.

Хо Сон Сук высоко подняла одеяло Мэн Сона, промокшее от пота, и оглянулась вокруг. Все больные проснулись и смотрели на него.

После этого приказ о запрещении употребления холодной

воды был отменен, и люди стали пить ее вдоволь. Постепенно один за другим выздоравливали многие больные в Михуньчжэне, побывавшие во время брюшного тифа на грани смерти. Они вместе с партизанками готовили пищу, как будто отмечают праздник.

Близ тайного лагеря нам вместе с интендантом Рю удалось найти множество продовольствия и мяса, которые захватил Чвэ Хен в Дуньхуа. И на столе обитателей тайного лагеря стала появляться калорийная пища. Мои боевые друзья, закаленные в неоднократных походах и боях, не успев снять усталость, накопившуюся от длительного похода, каждый день стояли на часах, освободив от этой службы партизанок Михуньчжэня.

Люди, избавленные от недугов, с радостью возвращались к полноценной жизни. Тогда мы в Михуньчжэне вместе с Ван Дэтаем и Вэй Чжэнминем созвали совещание военных и политических работников Народно-революционной армии и выработали практические меры по претворению в жизнь курса Наньхутоуского совещания. На совещании присутствовали Ким Сан Хо, Пак Ен Сун, Ким Мен Пхар и многие другие представители Народно-революционной армии, начиная от политрука и выше.

В решениях Наньхутоуского совещания были намечены стратегические задачи, которые коммунистам Кореи нужно было неукоснительно выполнять во второй половине 30-х годов. Корейские коммунисты, ликвидировав опорные партизанские базы, как форму постоянного освобожденного района, начали расширять арену своей деятельности в разных местностях Маньчжурии и на всем Корейском полуострове. Для решения этих задач был необходим ряд тактических мероприятий.

Мы намеревались впредь сделать зону гор Пэкту главным опорным пунктом корейской революции. Мы предполагали, свободно маневрируя по Южной и Северной Маньчжурии и по территории Кореи, вести крупными отрядами активное военное

наступление и политическую деятельность, чтобы поднять на более высокую ступень антияпонскую национально-освободительную борьбу и коммунистическое движение в Корее. Словом, решили развернуть действия с широким размахом. Чтобы реализовать такой замысел, прежде всего было необходимо разрешить проблему, связанную с людьми, в трех аспектах. Требовалось полностью подготовить партийные силы, военные силы и силы единого фронта в общенациональном масштабе. Только тогда можно было бы поднять революцию на новую, более высокую ступень развития.

В ответ на это требование времени мы на Михуньчжэньском совещании обсудили вопрос о переформировании частей Народно-революционной армии и определили районы действий вновь создаваемых дивизий и бригады.

Первым делом было решено вновь создать одну дивизию и одну отдельную бригаду, что резко увеличило бы боевые силы Народно-революционной армии. Вместо двух дивизий наша армия имела бы три и одну отдельную бригаду.

На основе принятого решения были распределены районы действий между частями: новая 3-я (позже переименована в 6-ю) дивизия будет действовать в пограничной зоне бассейна реки Амнок вокруг гор Пэкту. Районы Фусуна, Аньту и Линьцзяна закреплялись за 1-й дивизией, 2-й дивизии предстояло действовать в Цзяньдао и Северной Маньчжурии. Вновь формируемая отдельная бригада должна была сначала развернуть маневренную операцию в зоне Северной Маньчжурии, а потом, постепенно переходя в бассейн реки Амнок, подавить врагов, которые появляются в пограничном районе. Это было решением, поистине боевого характера, требующим едва ли не удвоения боеспособности Народно-революционной армии в кратчайший срок, буквально молниеносным способом.

Военные и политические кадры, участвовавшие в работе

совещания, расценивали перестройку Народно-революционной армии как новый шаг вперед в антияпонской вооруженной борьбе в целом и горячо поддерживали это мероприятие. Но не все вопросы шли гладко. При обсуждении мер по исполнению решений были и кривотолки, тормозившие проведение совещания. Эти кривотолки исходили в основном из беспокойства о нехватке кадров.

Был свой резон в том, что некоторые люди, безоговорочно одобряя перестройку Народно-революционной армии, в то же время выражали сомнения в надежной перспективе этой работы из-за нехватки кадров. В процессе борьбы против «Минсэндана» в рядах Народно-революционной армии были отстранены от работы многие военные и политические работники. Последствия ультрademократии в войсках тоже послужили одним из факторов растущего дефицита кадров. До того времени ко многим, работающим на соответствующих должностях, все еще был приклеен ярлык «минсэндановца». Во многих частях Народно-революционной армии то и дело шла речь о пополнении командного состава.

Мы придерживались принципа: смело верить и смело выдвигать. С опорой на этот принцип и был разработан план расстановки кадров во вновь формируемых частях. Согласно намеченному плану 3-я дивизия подчинялась нам непосредственно. Ан Бон Хак остался командиром 1-й дивизии, а Чвэ Хен выдвинут с должности комроты на пост командира 1-го полка 1-й дивизии.

На Михуньчжэньском совещании мы обсудили также и проблему организации подготовительного комитета для создания Лиги возрождения Родины.

Если Наньхутоуское совещание стало своего рода водоразделом первой и второй половины 30-х годов, то Михуньчжэньское совещание, можно сказать, мостило переправу через бурный поток, по которому вместе с Дунганским,

Сиганским и Наньпайцзыским совещаниями корейская революция пришла к великому событию 40-х годов. Поезд «экспресс», отбывший из Наньхутоу, мчался на всех парах к Сяохаэрбалину через Михуньчжэнь, Сиган и Наньпайцзы, которые на историческом пути от Наньхутоу к Сяохаэрбалину явились незабываемыми промежуточными станциями, где в полную силу проявилась наша братская дружба и духовная сила.

Я поздравил Чвэ Хена с выдвижением на пост комполка и расстался с ним.

— Встретимся позднее в районе гор Пэкту. Желаю здоровья и боевых успехов!

Чвэ Хен взял мою руку и настойчиво, как ребенок, стал упрашивать.

— Не выпущу эту руку, пока не решите взять меня с собой. Я тоже хочу идти в горы Пэкту и воевать под вашим руководством, командующий Ким.

— Товарищ Чвэ Хен, и мне жаль расставаться с вами. Я тоже человек, жажду добиться своего и не лишен человеческого тепла. Но что станет с другими частями, если все пойдут вместе со мной? Пусть каждый из таких командиров, как Чвэ Хен, Чвэ Ён Гон, Ли Хак Ман и Хан Хын Гвон, возьмет на себя по одному большому фронту и развернет борьбу. Лишь тогда наша революция широко распахнет свои крылья и ускорит темпы. Не так ли? Я хочу видеть Чвэ Хена ставшим не хвостом быка, а тигром.

— Эх, как же я смогу быть тигром!

Чвэ Хен повторил «Эх!» и вгляделся куда-то вдаль прищуренными глазами.

— Ладно. Сегодня я больше не буду упрашивать. Но в следующий раз не отступлюсь. И во сне не забывайте Чвэ Хена. Я тоже буду видеть во сне, что нахожусь рядом с вами, командующий Ким.

Моя третья встреча с Чвэ Хеном состоялась в тайном лагере Янмудинцзы в Сигане, в уезде Фусун. Разумеется, Чвэ Хен снова попытался добиться своей цели, что не получилось в Михуньчжэне. Но и на сей раз ему не удалось осуществить свою мечту. Едва он увиделся со мной, как стал домогаться моего согласия на перевод его в главную часть. Но опять-таки не смог уговорить меня.

Всю жизнь Чвэ Хен хотел быть рядом со мной и делал все, что в его силах, чтобы реализовать это чаяние. Но каждый раз его попытки уступали место другому соблазну, значительно более актуальному и реальному. Это был соблазн поставить себя на самую суровую передовую линию, о которой я беспокоился и на которую обращал серьезное внимание. В этом нашла свое яркое выражение кристально чистая совесть и самоотверженность Чвэ Хена.

Он хотел поддерживать нас, находясь рядом со мной, и в то же время горел необычайной жаждой работы, считая своим долгом идти первым на самый трудный участок, на который мы направим его. Именно в этом проявлялся весь облик Чвэ Хена, его верность и необыкновенное обаяние, умножающие его человечную красоту. Эти два желания сосуществовали в душе Чвэ Хена всю жизнь, как близнецы, и непрерывно соперничали друг с другом. Горевший пламенем этих двух желаний, Чвэ Хен каждый раз, когда возникала трудность, уходил от нас вперед, крепко сжав кулаки. Уходил на тот пост, к которому было обращено мое главное внимание.

Несомненно, это были приятные противоречия, красной нитью проходившие через всю жизнь Чвэ Хена. Кроме последних лет, когда Чвэ Хен помогал мне в работе, будучи министром народных вооруженных сил и министром в Административном совете, вся его жизнь, можно сказать, протекала на переднем крае, окутанном пороховым дымом. Только во второй половине 30-х годов он провел несколько сотен боев. Битвы в Саньдаогоу,

Вудаогоу, Сяотанхэ, на перевале Хуангоулин, в Цзиньчане, в Пульгынбави, Комчжари, на горе Цзяньсаньфэн, в Наэрхуне, Лаоцзиньчане, Муцзихэ, Фуэрхэ, Вэйтангоу, на горе Тяньбаошань, в Дашахэ-Дацзянгане, Яоче, Ханьцунгоу... Сотни больших и малых сражений связаны с именем Чвэ Хена, они ярко раскрыли его талант и несравненное мужество выдающегося военачальника.

В секретных документах, составленных японскими империалистами, часто фигурирует выражение «дерзкий мужик», которое они дали Чвэ Хену. Японские солдаты и полицейские дрожали от страха при одном упоминании об «отряде Сай Кэна» (японский аналог имени Чвэ Хена — ред.). «Сай Кэн» стал синонимом непобедимого полководца, заставлявшего врагов трепетать от страха...

И в дни государственного строительства Чвэ Хен обеспечивал охрану построения новой Родины вооруженными силами на передовой линии, откуда были как на ладони видны пограничные столбы 38-й параллели[19]. А в дни войны против империалистов США командовал корпусом на восточном участке фронта. На местах ожесточенных битв, приковавших внимание Родины и народа, всегда была слышна уверенная команда Чвэ Хена, зовущего солдат в атаку.

Чем дальше находился Чвэ Хен от меня, тем более близким и дорогим человеком становился он в моей душе. Пословица гласит: «Для милого друга семь верст не крюк». Кажется, не властны время и расстояние над любовью и уважением между людьми. Верный Чвэ Хен, даже находясь от меня дальше всех, поддерживал меня надежнее, чем кто-либо.

Еще со времени развертывания движения за государственное строительство он носил с собой в записной книжке мою фотографию величиной с спичечный коробок. Загадка была в том, что я сам, хозяин фотографии, не знал, откуда она. Видимо, он уговорил Чен Сук и достал у нее мою фотографию, когда отправлялся в зону 38-й параллели, будучи назначенным коман-

диром бригады. Но так ли это, остается неясным. Когда Чвэ Хен создал второй фронт во вражеском районе и действовал партизанским методом, он часто доставал из кармана мою фотографию и смотрел на нее, если его брала тоска обо мне.

Как-то раз Чвэ Хен решил наградить от своего имени командира отделения, который совершил большой подвиг, действуя во вражеском районе. Командира отделения звали Ким Ман Соном. В ходе боевых действий во вражеском районе его отделением были захвачены 50 автомашин, из них 22 полуторки и 28 тягачей, убито и ранено свыше 150 вражеских солдат. Этот ратный подвиг был бы достоин и ордена высшей степени. Однако в штабе корпуса, не имевшем связи со Ставкой Верховного Главнокомандования, не было ни орденов, ни похвальных грамот. Но Чвэ Хен, никогда не мешкавший с выполнением принятого им решения, вызвал Ким Ман Сона и вручил ему мою фотографию, которую он носил с собой с первых дней освобождения страны.

— Вот тебе награда — выше ордена. Ты знаешь, что Полководец Ким Ир Сен — руководитель нашей страны. Он был нашим вождем еще во время, когда мы партизанили в Цзяньдао. Знаешь, как мы тосковали по нему? Храни эту фотографию, и пуля не пробьет твое сердце.

Такой была речь Чвэ Хена при вручении моей фотографии.

Позже Чвэ Хен приехал в Ставку Верховного Главнокомандования и доложил мне о происшедшем. Выслушав его, я с иронией поддразнил его:

— Что ни случись, Чвэ Хен есть Чвэ Хен. А этот Ким Ман Сон, командир отделения, понес большой ущерб. Маленький снимок, величиной с коробок спичек, не может заменить ордена.

— Это слишком черствые слова. Кто, если не Чвэ Хен, вручит такую награду? Впрочем, снимок есть снимок, а вам, Полководец, тоже следовало бы щедро наградить наших ребят. От имени Верховного.

Это была совершенно неожиданная контратака. Я, сам того не заметив, попался на удочку мастера отвлекающего маневра. До слез меня растрогал необыкновенным великодушием «батька комкор», безмерно любящий своих солдат.

— Ну, ладно. Так и сделаем. Снимок-то ваша доля, това рищ Чвэ Хен...Давайте объявим благодарность от имени Верховного и вручим ордена.

Эта незначительная деталь, малая, как капля воды, позволяет нам еще глубже понять Чвэ Хена. В этом эпизоде виден сгусток его благородного мировоззрения.

Вот таким человеком был Чвэ Хен.

Просто не знаю, о чем еще нужно рассказать, чтобы более убедительно передать его человеческое обаяние. Уж очень многими историями и событиями наполнена его биография, пропитанная пороховым дымом и вылинявшая от дождей и ветров.

Чвэ Хен оптимист — всю жизнь не знал уныния и отчаяния. Это был мужчина, похожий на танк, который рвался только вперед, не колеблясь ни перед какими бурями.

Какого склада людей он любил? Честных, простых, трудолюбивых, смелых, искренних, с большим размахом, не шушукающихся за глаза, умеющих принять нужное решение... Такие люди ему нравились.

Больше всего он не любил подхалимов, трусов, лодырей и болтунов. Он всегда остерегался тех, кто неискренен, двоедушен, у кого на языке мед, а под языком лед.

Вся страна знает, что Чвэ Хен отчаянный любитель игры в шахматы. Проиграв одну партию, он так огорчался, что даже терял аппетит. А если кто-нибудь нарочно ему проигрывал или предлагал ничью, чтобы порадовать его, то ему становилось совсем не по себе.

Чвэ Хен слыл также первым в стране заядлым кинолюбителем. Он так любил кино, что секретарь ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ир послал ему киноаппарат. Больше

любил Чвэ Хен батальные фильмы. Но он не любил таких кинокартин, где на войне гибнет слишком много людей.

Когда Чвэ Хен, болея, лежал на смертном одре, я не раз посещал его. Тело Чвэ Хена, крайне изможденное схваткой с недугом, выглядело маленьким и иссохшим, напоминая подростка, чуть старше десяти лет.

Мне даже невольно подумалось: «Неужели этот маленький человек и есть Чвэ Хен, «дерзкий мужик», знаменитый военачальник, бесстрашно рассекавший волны двух крупных войн, бравший в оборот врагов?»

Руки его, прежде твердые, словно дерево, ослабли и высохли, стали мягкими, как у ребенка. Я беру его руку и говорю:

— Слушай, Чвэ Хен. Разве может так падать «Сай Кэн», напоминавший тигра?

Вдруг он зашевелил губами и всхлипнул. Я успокоил его, утер ему слезы носовым платком.

— Не плачь, товарищ Чвэ Хен. От плача иссякают силы.

— Дорогой вождь, вспомнился мне Михуньчжэнь. Ведь и тогда вы так же взяли мою руку.

— Михуньчжэнь! Да, почему-то берет меня тоска по тем дням. Время было трудное. Но тогда мы с вами были энергичными юношами в возрасте чуть более 20 лет. А тебе, товарищ Чвэ Хен, кажется, было тогда 30?

— Да. По нынешнему методу исчисления было 29 лет. Помню, как мы вместе с вами тогда поклялись, взявшись за руки: «Будем и жить вместе, будем и умирать вместе!»... Вы это помните?

— Помню. Как же не помнить!

— А я не могу уже сдержать клятву, данную в тот день... Прошу вас извинить меня...

— Нет, я сам должен извиниться. Ты не оказался бы в таком положении, если бы я больше заботился о тебе. А я все время заставлял тебя работать. И постоянно давал трудные задания. Я

раскаиваюсь в этом.

— Нет, я всю жизнь причинял вам беспокойство. Пусть я умру, но вы, дорогой вождь, будьте здоровы. Чтобы объединить Родину. Прошу вас позаботиться о своем здоровье. Это последняя просьба Чвэ Хена. Беда, что вы слишком пренебрегаете своим здоровьем...

Говорят, Чвэ Хен до самой смерти все время говорил обо мне. Каждый раз, когда мои помощники навещали больного, он спрашивал: «Здоров уважаемый вождь?», «Здоров секретарь по оргвопросам товарищ Ким Чен Ир?»

Когда он умер, моему сердцу было нестерпимо больно оттого, что я всю жизнь заставлял его заниматься трудными делами. И я утешал себя тем, что в свое время посоветовал создать художественный фильм, героем которого был бы Чвэ Хен, и распространить его по всей стране. Так появилась на свет кинолента «Революционер».

Заслуга Чвэ Хена, как главы семьи, состоит в том, что он воспитал жену и детей беззаветно верными партии и вождю.

Ким Чхоль Хо, жена его, была непреклонным борцом, посвятила всю свою жизнь делу революции. Она занималась подпольной деятельностью во вражеском районе, участвовала в вооруженной борьбе вместе с нами.

Женщине, в течение 10 лет сражавшейся в жарких боях с оружием в руках против врагов в крутых горах, суровой тайге, на заснеженных равнинах Маньчжурии, где температура воздуха порой ниже 40 градусов холода, приходилось гораздо труднее, чем экспедиционной разведке на Северном полюсе. Ким Чхоль Хо родила ребенка в сугробе, напуганная внезапным винтовочным выстрелом во время карательной операции неприятеля. Без помощи акушерки она перерезала пуповину своими руками и тут же продолжила перестрелку с преследовавшим противником. Это была женщина, напоминавшая птицу феникс. Она считала неимоверные невзгоды периода партизанской борьбы таким

ценнейшим уроком, что и после освобождения страны обязательно раз-два в месяц варила похлебку из кукурузной крупы и кормила ею своих детей. Так делала это до самой смерти.

Если Чвэ Хен был, фигурально говоря, верным двигателем, приведшим Ким Чхоль Хо к свету, то его жена — теплым лучом, позволившим жизни Чвэ Хена, полной перипетий и зигзагов, цвести яркими цветами.

Она вместе с мужем растила своих детей строго. Словно закаляли их в сугробах гор Пэкту. Сыновья, которых она родила и вырастила, в настоящее время работают на постах, порученных им секретарем ЦК партии по организационным делам Ким Чен Иром. Они активно воспитывают представителей третьего, четвертого поколений революции верными борцами, развивая социализм нашего образца, при котором народные массы — превыше всего.

Чвэ Рён Хэ, главный руководитель нашей молодежи, совершил настоящий подвиг во время проведения 13-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который вошел ярчайшей страницей в историю коммунистического движения нашей страны. Когда скончалась его мать — Ким Чхоль Хо, Чвэ Рён Хэ направился после похорон в Народный дворец культуры для участия в заседании международного подготовительного комитета по организации фестиваля. Узнав об этом, я подумал: каков отец, таков и сын.

На яблоне родится яблоко, а на грушевом дереве — груша. Таков непреложный закон природы. Так и в жизни общества. У подножия горы Пэкту непременно рождается поколение с духом Пэкту. Дело корейской революции началось и развивалось титаническими усилиями первого ее поколения, прошедшего сквозь снежные вихри и бури. Теперь оно под руководством секретаря ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ира наследуется и непрерывно совершенствуется представителями второго, третьего, четвертого поколений, полными чувств пре-

данности, почтительности и единомыслия. Да, это поистине славное дело! Я глубоко убежден в том, что наши подрастающие поколения останутся до конца верны идеалам старшего поколения. От замечательного старшего поколения рождается, как правило, и замечательное новое поколение.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Приближая весну возрождения

Создание новой дивизии Двадцать юаней

Соратник по революции Чжан Вэйхуа (1)

Соратник по революции Чжан Вэйхуа (2)

Лига возрождения Родины

Март 1936 — май 1936

1. Создание новой дивизии

Когда мы оставили Михуньчжэнь, в нашем строю было меньше двадцати человек. Двое юных ординарцев, отряд охраны из десяти человек во главе с О Бэк Рёном, Ким Сан Хо и «старик с трубкой», пришедший к нам из хэлунской глухомани, где он учительствовал в частной школе *содан*. Вот и вся наша семья, которую я возглавлял. За нами из Гуаньди следовала одна рота Ванцинского полка, а она тоже двинулась в сторону уезда Илань, чтобы присоединиться к отрядам, действующим в Северной Маньчжурии.

Я отправился в путь в легком походном снаряжении, был несказанно рад при мысли о том, что сбудется моя заветная мечта.

«Поскорее бы добраться до Фусуна. В Мааньшане меня ждет 2-й полк. На его основе буду формировать новую непобедимую дивизию!» — к такому решению я пришел, покидая Михуньчжэнь.

Вопрос о формировании новой дивизии был ключевым. Разрешить его следовало в первую очередь для осуществления самостоятельной линии нашей революции.

Теперь никто не смел придираться к нам или клеветать на нас за то, что главное внимание мы уделяем делу корейской революции. На ее пути, который мы давно искали и прокладывали, уже не было запретного шлагбаума.

Если мы будем продвигаться по избранному пути, то сможем добраться и до площади победы, имя которой — Возрождение Родины, до сказочного мира, называемого страной народа. Но для того, чтобы помчаться по намеченной дороге, нужен был надежный локомотив и вагоны. Не обойтись и без

соответствующего диспетчерского пункта.

Что подразумевалось под локомотивом, ведущим корейскую революцию? Это, можно сказать, ведущая дивизия Корейской Народно-революционной армии, которую мы решили сформировать. Лигу возрождения Родины, которую мы намерены создать, можно было сравнить с вагонами, следующими за локомотивом. А горы Пэкту, где было решено скоро базироваться, можно считать диспетчерским пунктом корейской революции. К осуществлению этой задачи мы должны были приступить немедленно.

Тогда мы думали создать новую дивизию не только в буквальном смысле этого слова, как силу, способную предпринимать военные действия для подавления японских войск и полиции. Новая дивизия призвана была выполнять и новую функцию: сформироваться и как политическая сила, которая, расположившись в горах Пэкту, где было решено создать базу, должна была повсеместно расширить сеть партийных организаций в Корее, через Лигу возрождения Родины и различные антияпонские организации мобилизовать и возглавить весь народ, поднимая его на антияпонское сопротивление. Такую функцию, конечно, предстояло выполнить и другим дивизиям. Однако необходима была ведущая дивизия, призванная вести их за собой, выступать в роли первопроходца. Поэтому, характеризуя эту дивизию, я и назвал ее локомотивом корейской революции.

Но каким образом следует формировать эту могучую главную силу, призванную сыграть роль локомотива корейской революции?

Почти все, с кем я советовался по этому поводу, утверждали, что необходимо собрать всех корейских юношей, разбросанных по различным частям объединенной антияпонской армии, и создать из них крупную армейскую группу, с которой затем продвинуться в район гор Пэкту. Находились и такие соратники, которые подчеркивали необходимость создания главной силы

только из специально отобранных, бравых, молодцеватых партизан, состоящих в различных отрядах 2-го корпуса. Это были дельные варианты, но их инициаторы, все без исключения, упускали из виду и судьбу китайских товарищей, сражавшихся вместе с нами против общего врага, и перспективы развития нашей совместной борьбы. Они видели отправной пункт своего замысла лишь в создании главной для нас части. По-современному это может называться узковедомственной тенденцией, тенденцией защиты только интересов своей воинской части.

В конце концов, я решил передать продвинувшийся вместе со мной в Северную Маньчжурию экспедиционный отряд из сотен человек частям, действовавшим в Вэйхэ, и отправиться в Фусун, чтобы создать новую главную силу в основном из бойцов 2-го полка, действующих там. В их состав я намеревался зачислить лучших юношей из районов Восточной Маньчжурии и Кореи.

Когда мы покинули Михуньчжэнь, Ван Дэтай преподнес нам в дар более двадцати лошадей, взятых в качестве трофеев во время налета на лесоразработки врага.

— Нам очень совестно смотреть на вас, командующий Ким, — сказал он. — Вы отдали всех своих образцово воспитанных смельчаков людям Северной Маньчжурии и отправляетесь в путь один. Вместо людей прошу взять как спутников хотя бы лошадей, чтобы ехать верхом. Кажется, они обученные и пригодятся вам.

Мы верхом отправились на юг. Во время одного из привалов чуть не потеряли трех лошадей. Мы оставили коней свободно попастись, но они бесследно исчезли в зеленой роще, где разыскать их было невозможно. Выяснив, что поблизости нет противника, я приказал ординарцу произвести несколько выстрелов. И как только раздались выстрелы, откуда ни возьмись, появились три исчезнувшие было лошади и прибежали прямо к нам.

В горах мы встретились с жителями бывшего Чэчанцзыского партизанского района. Им мы и отдали лошадей, чтобы их использовали в качестве тягловой силы.

В том году поход на юг — начиная от ущелья Сяоцзяцихэ Северной Маньчжурии и кончая глухоманью северной окраины Кореи, называемой лесной глушью Собэксу, — продлился более полугода. Во время похода нам пришлось претерпеть большие трудности и страдания на пути от Михуньчжэня до Маанышаня.

У нас было немного людей, и повсюду враги преграждали нам путь, что замедляло наше движение. С первого же дня после ухода из Михуньчжэня по раз-два на день приходилось вступать в бои. А иногда и три-четыре раза. Враги не давали нам ни минуты передышки: порой некогда было даже сварить кашу, зашить продырявленную одежду. Бывали даже такие дни, когда «старику с трубкой», который мог прожить без еды, но без табака — ни дня, целый день не приходилось курить. Не трудно догадаться, как часто нам приходилось вести бои с врагом.

Только с наступлением темноты мы забирались в безлюдную глушь, где могли кое-как сварить кашу и просушить мокрую обувь. Однако и ночью почти некогда было отдыхать: не хватало людей, чтобы выставить необходимые посты. В каждой смене надо было иметь по крайней мере один пост у «дверей», два — у подножия горы, два — на возвышенности. Если исключить раненых и ухаживающих за ними, то бойцов для смены часовых не хватало. Поэтому и мне вместо них приходилось не раз стоять в карауле.

Однажды ночью Ким Сан Хо, проверявший патрульную службу бойцов, увидев меня, стоявшего на посту, поднял шум, как будто возник какой-то крупный скандал. Командующий, мол, слишком няньчится с бойцами. Когда Ким Сан Хо приставал ко мне, его не легко было уговорить. Взяв за руку, я умолял; ради бога, подумать о юных бойцах. Надо понять, как они

переутомились: днем маршируй и воюй, а ночью бессменно стой на посту. Если мне придется за них быть часовым, то это лишь несколько дней. Доберемся до Мааньшаня, тогда людей хватит, и, пожалуй, больше не будет у меня случая, когда я находился бы в карауле.

Зная, что меня не уломаешь никакими уговорами, Ким Сан Хо, не сказав ни слова, покинул пост.

«Скорее бы добраться до Мааньшаня! Достигнем Мааньшаня, думал я, и нас ждут там объятия бесчисленных друзей, тепло, уют и покой. Тогда наступит конец всем мукам и страданиям, которые выпали нам за это время». Такие радужные, окрыляющие мысли придавали силу и мужество нам, одуревшим от безостановочного марша и боев, которые приходилось вести чуть ли не каждый день полуголодным, без сна и отдыха.

На половине нашего маршрута на юг лежали Аньту и Фусун, где все горы и реки, долины и взгорья были так близки и знакомы мне. Каждое деревце и каждая травинка рождали в душе неизгладимые воспоминания прежних лет. Все края — Сунцзян, Синлунцунь, Шивули, Сяошахэ, Люцзяфэньфан, Фуэрхэ, Дадяньцзы, Люшухэ, Наньдяньцзы, Дуцзидун, Ваньлихэ, Нэдосан — были неразрывно связаны с моими молодыми годами тысячами, десятками тысяч невидимых нитей. Впервые за прошедшие несколько лет я увидел эти знакомые реки и горы. В душу нахлынули волнующие воспоминания, заставляя меня трепетать.

По пути на юг мы поднялись на вершину к западу от Дасибэйча. И вдруг открылась поразительная картина, пробудившая во мне многие чувства. У подножия горы лежала небольшая глухая деревня. Именно здесь, в этой незабываемой деревне в дни подготовки к созданию партизанских отрядов я, переодевшись батраком, развертывал подпольную деятельность. А вершина горы, на которой мы стояли, служила тогда

явочным пунктом, где мы часто собирались вместе с членами подпольных организаций. Действительно, это был заветный уголок, где нельзя было равнодушно относиться к каждому деревцу, каждой заветной травинке, каждому камню.

С волнением вспоминая о безвозвратно ушедшем прошлом, я взирал на набегающие, точно волны, южные горные вершины. Моему взору вдали открылся вид на поляну Сяошахэ, где четыре года назад было провозглашено создание антияпонской партизанской армии. Если спуститься с поляны и пройти немного вперед, на солнечной подошве горы можно увидеть могилу моей матери.

«Может быть, пойти к материнской могиле по тропинке, что хранит мои следы, низко ей поклониться перед тем, как отправиться в Фусун?» — эти неотвязные, терзающие душу мысли удержали меня, точно спутывая ноги.

Вот уже четвертый год идет с тех пор, как я, со слезами простившись с покрытой местами дерном могилой матери, покинул поселок Туцидянь. За эти четыре года, наверное, крепко срослись корни дерна на могиле! Вдруг душу мою обуяло горячее желание хотя бы несколько минут поговорить на могиле с матерью, прислониться щекой к молодым побегам могильной травы, которые, видимо, сейчас пробились из-под земли сквозь прошлогодние листья. Я не заметил, что моя свита уже спустилась с вершины, а я так и остался на сопке один.

Видимо, от того, что скоро должен наступить хансик (день жертвоприношений —ред.), мою душу так жгла тоска по матери. Мне известно, что могилу отца в Яндицуне посещают члены семьи господина Кан Чжэ Ха два раза в год. Совершают жертвоприношение, скашивают траву на могиле. Но что с могилой матери в Туцидяне...

— Полководец, почему вы не спускаетесь с горы?

Чвэ Гым Сан, направившийся было к подножию, вернулся

за мной и смотрел недоумевающе на меня.

Лишь тогда я, очнувшись от глубокого раздумья, двинулся вперед.

— Полководец, что с вами? Говорили, что в Сяошахэ могила вашей матери. Видимо из-за... — прошептал Чвэ Гым Сан, поднеся руки рупором к моему уху. Я был поражен удивительной проницательностью юного ординарца. Казалось, он насквозь видит меня, и я ответил ему с откровенностью:

— Совершенно верно! Я только что вспоминал о моей матери...

— Тогда не сходить ли вам на могилу?

— Очень хочу, но время не позволяет.

— Сяошахэ отсюда рукой подать. Виданное ли дело, чтобы из-за занятости не посетить могилу матери? Говорили, что в Туцидяне есть и ваш младший брат...

— Но я не могу, если и время найдется. Мать этого не позволяет.

— Странное дело! Почему она не позволяет?

— Мать мне завещала: пока Корея не станет независимой, не переносить могилу на родину. Я уважаю ее завещание и не могу пойти на могилу в Туцидянь.

Но эти слова, видимо, не устраивали Чвэ Гым Сана. Чем-то недовольный, он покачал головой.

— Вы, Полководец, думаете, что если вы пойдете к могиле, то Корея не станет независимой? Завещание есть завещание. Но прошу сходить.

— Нет, так нельзя. При жизни моей матери я не был почтителен к ней. Хотя бы после ее смерти хочу стать почтительным сыном. Больше не говори об этом. Я не вправе посетить мать, пока за плечами у меня нет ничего особенного, совершенного мной.

Присоединились к разговору и Ким Сан Хо и О Бэк Рён. Они

предлагали мне сходить в Сяошахэ, но я все же не поддался уговорам. Однако душа моя по-прежнему летела к матери в Туцидянь.

Спускаясь с вершины, мысленно послал поклон матери.

«Мама! Я очень спешу и не успел заглянуть в Туцидянь. Круглый год ты лежишь в сырой земле под снегом и под холодным дождем, но я не мог покрыть твою могилу хоть горстью земли, не мог хотя бы разок скосить траву на могиле и достиг Аньту. Ах, как мне совестно и тягостно! За это время не мог как следует позаботиться и о братьях. В прошлом году, говорят, Чхоль Чжу погиб в битве. А я даже не знаю, где покоятся его останки. Но, мама! Радуйся, корейскую революцию ожидает светлое будущее! Пойду в Мааньшань и создам там большую дивизию! Возглавив ее и базируясь на горы Пэкту, разверну крупные битвы. Не возродив страну, не приду по твоему завету, мама, на твою могилу! Верь и жди. Непременно верну себе Родину и переведу твою могилу в Мангендэ!..»

Мы форсировали наш марш в Мааньшань. Велика была наша надежда на этот поход. Поэтому когда из-за вершин леса показалась горная цепь, похожая на лошадиное седло, у всех вырывались легкие возгласы восхищения: «Вон видишь — Мааньшань!»

Первой нас встретила плантация женьшеня. У ее края стояли два ветхих бревенчатых дома. Они пустовали. Когда уже спускались вечерние сумерки, мы нашли в глубоком ущелье еще одну небольшую избу. В ней жили два-три человека, скрываясь от людских глаз. Здесь нас встретил начальник политотдела 1-й дивизии Ким Хон Бом, который пек картошку.

— Где же 2-й полк?

— Его нет. В начале этого месяца он отправился в сторону Цзяохэ.

Его безыскусный ответ был для меня словно снег на голову! Отсутствие 2-го полка делало невозможным организацию ново-

го главного отряда, о чем я думал всю дорогу от Наньхутоу. Значит, мечта моя лопнула, как мыльный пузырь.

Что касается 2-го полка, это был один из отрядов, состоящих целиком из корейцев. Он слыл «корёской красной армией», снискавшей себе боевую славу еще тогда, когда действовал как отдельный полк. Он был организован из рот, отобранных по одной в партизанских районах Яньцзи, Ванцина, Хэлуна и других уездов Восточной Маньчжурии. Большинство из них имело со мной глубокую связь. Квон Ен Бек, Ким Чжу Хен, О Чжун Хыб, Ким Пхен и другие стержневые люди полка, составляющие его костяк, не говоря уж о командире полка Юн Чхан Боме и комиссаре полка Ким Рак Чхоне, были непосредственно подготовлены нами.

Последний раз я встретился с бойцами 2-го полка в мае 1935 года, когда по моему вызову они приехали в Таншуйхэцзы уезда Ванцин. Более десяти дней мы были вместе с ними. Организовали для них занятия, обучали военному делу, водили их в бои. Уровень их подготовленности рос не менее быстро, чем у бойцов моего отряда. Именно они и есть те герои, которые до последней минуты, до момента ликвидации стойко обороняли Чэчанцзыский партизанский район, положив тем самым основу для были-легенды о «непокоренном Чэчанцзы».

После того, как мы отправились во 2-й поход в Северную Маньчжурию и был ликвидирован Чэчанцзыский партизанский район, 2-й полк передвинулся в Южную Маньчжурию. А в начале того же года он, преодолев гору Нэдосан уезда Ань ту, переместился в Мааньшань в уезд Фусун. Полк, со своим командованием и базой материального снабжения в Мааньшане, должен был ждать нас зимой в районе Фусуна. Таковы были все сведения, связанные с действиями 2-го полка, о чем нам удалось узнать в Наньхутоу. Когда я, отправляясь в Мааньшань, передавал другим частям всех бойцов отряда, совершивших поход в Северную Маньчжурию, я рассчитывал, что 2-й полк послужит

хорошей основой для создания новой дивизии.

— Вы не получили наше распоряжение, направленное 2-му полку? — спросил я Ким Хон Бому.

Когда я прибыл в Михуньчжэнь, я немедленно направил связного в эту местность, чтобы 2-й полк не трогался с места и подождал меня.

— Не получил. После отправки 2-го полка в поход никто к нам не приходил.

Если это так, то, видимо, случилась неприятность со связным. Допустим, что он благополучно добрался, и все равно ему не удалось бы встретиться со 2-м полком, так как здесь его уже не было.

— Цель и причина похода 2-го полка в сторону Цзяохэ?

— Об этом я тоже...

— Не говорил ли кто-нибудь, когда он вернется?

— Нет.

— Кто вел полк?

— Командир полка Чан Чжон Сур и его комиссар Чао Яфань.

— Значит, все отправились в поход, остались только вы в Маанынане? Что вы делаете здесь? — спросил я, переведя разговор на другую тему.

С языка Ким Хон Бома сорвался более удивительный ответ:

— Там, в Сампхоском тайном лагере (тайный лагерь у женьшеневой плантации — ред.) есть более ста «минсэнданов-цев». Я остался следить за ними.

— Откуда так много «минсэндановцев»? Избы у той самой плантации были пусты.

— Подозреваемых в причастности к «Минсэндану» сейчас нет. Они пошли в направлении Маихэ уезда Линьцзян за продовольствием.

— Какие же это «минсэндановцы», если они ходят за продовольствием?

— Нельзя же их оставлять умирать с голоду.

— Есть ли у вас какие-либо достоверные доказательства, что они «минсэндановцы»?

— На каждого есть досье: их письменное признание, показание, акт допроса...

Ким Хон Бом принес мне из темного уголка комнаты документы, увязанные в большой платок.

— Вот это все — такие документы.

Узлы с документами о причастности к «Минсэндану» оказались для меня малоприятным сюрпризом. Я преодолел далекий путь, невзирая ни на какие трудности и препятствия, чтобы встретиться со 2-м полком в Мааньшане. Документов было так много, что вся комната наполнилась ими. Меня ждали, оказывается, не восторженные возгласы и трогательные объятия, а связки бумаг с записями показаний о преступлениях, издававшие затхлый запах. Принимая их, я содрогнулся, будто оказался у края пропасти вопиющего обмана и издевательства.

При одном упоминании слова «Минсэндан» по телу пошли мурашки. Неужели до сих пор бродит этот дьявол «Минсэндан», свирепствовавший в партизанских районах, и мучит многих и многих людей? Откуда же все эти узлы с документами, похожие на старье?

Вот уже почти год прошел с тех пор, как шел непрерывный спор в Дахуанвэе и Яоингоу. А после того, как было передано нам решение Коминтерна, — всего полтора месяца. Может быть, решение не успело дойти до этой глуши. Однако я не ожидал, что и поныне, после того как всю Восточную Маньчжурию уже давно всколыхнули крики: «Минсэндан» — .это вымысел», — продолжается фарс под вывеской борьбы с «Минсэнданом».

Обвинили даже Ким Рак Чхона! Чего же еще им не хватает! Вздумали убить еще более ста ни в чем не повинных людей?

Я приказал Ким Сан Хо немедленно послать связного в

сторону Маихэ уезда Линьцзян и привести всех обвиняемых. А затем, развязав узел с документами о причастности к «Минсэндану», стал проверять их один за другим.

Всю ночь напролет, не смыкая глаз, я копался в документах. Перелистывал страницу за страницей и на следующий день. Чем больше вникал в них, тем глубже, казалось, заходил в тупик. В этих документах были так четко и ясно записаны тягчайшие преступления, которых никто не посмел бы отрицать.

Я отложил бумаги. Нет смысла их штудировать. Куда ни кинь — всюду клин. Поверишь этим документам — потеряешь много людей. На белой бумаге что угодно натворишь, любыми чернилами.

Подозреваемые в причастности к «Минсэндану», находившиеся в направлении Маихэ уезда Линьцзян, по нашему требованию пришли к нам, проделав за два дня сотни ли по тропинкам через крутой горный хребет Лунган.

Получив рапорт, что они прибыли в избу у Сампхоского тайного лагеря, мы вместе с Ким Хон Бомом пошли к ним.

Я открыл дверь, плотно изукрашенную изморозью. Комната была до отказа забита людьми, одетыми в жалкие рубища. Это была странная встреча — без радостного волнения, без возгласов, без слез. Никто не отдал мне честь, никто не сделал мне встречный рапорт. Никто даже не глянул на меня. В комнате царила мертвая тишина, тягостное молчание. До чего же они были унижены, не имеют даже права взглянуть на человека, приветствовать людей! Пусть они совершили тягчайшие преступления, неужели они так надломлены и опустошены?

— Ну, товарищи! Сколько обид и горя пришлось перенести вам за это время?! — я с трудом выдавил слова. Казалось, они застряли в горле. — При виде вас я почти лишился дара слова. Не могу вымолвить даже слова: «Как поживаете?» Но рад видеть вас. Я пришел сюда от далекого озера Цзинбоху в Северной

Маньчжурии повидаться с вами.

Но ни в одном углу комнаты не реагировали на мои слова. По-прежнему все молчали: не слышно было даже дыхания, никто не кашлянул. Скоро четыре года, как была объявлена война против японского империализма, но не было случая, чтобы бойцы встретили меня вот так,

Я продолжал свою речь.

— Я пришел сюда встретиться с бойцами 2-го полка, создать новую часть, а затем продвинуться в горы Пэкту, чтобы начать боевые действия. Однако здесь мне говорили, что все, кого считают годными, ушли в сторону Цзяохэ, остались только негодные. Я рассмотрел документы с обвинением в причастности к «Минсэндану», которые составлены на вас. Если верить этим документам, то здесь среди вас нет ни одного, кто не участвовал бы в «Минсэндане». Я полагаю, что о вас нельзя судить только по бумагам. Я хотел бы выслушать ваши слова. Только тогда смогу составить о вас точное мнение. Расскажите о себе начистоту. Не бойтесь, не оглядывайтесь на других, выкладывайте что на душе.

Однако и это обращение не подействовало. Никак нельзя было растопить крепко затвердевший лед молчания.

Я обратился к одному юноше, сидящему в первом ряду:

— Ну, ты первым расскажи! Правда ли, что участвовал в «Минсэндане»?

Он, низко опустив голову, помялся и промямлил едва слышным голосом:

— Да, это правда.

Я не ожидал такого ответа, надеялся, что он со слезами на глазах станет бить в грудь и доказывать, что никакой он не «минсэнданoвец». Ответ юноши только огорчил меня.

Я обратился с тем же вопросом к другому.

— Тогда расскажи ты, Ли Ду Су! Правда ли, что ты вступил в организацию «Минсэндан»?

Это был высокого роста молодой командир взвода, родом из Чхунчхона провинции Канвон. Он всей душой ненавидел японских империалистов. На правом бедре у него синеватый шрам от раны. Однажды я спросил, в каком бою он получил эту рану, и слышал ответ: «Собака укусила».

Случилось это, когда ему было десять с небольшим лет. В дни весеннего голода, когда семья, питаясь жидкой похлебкой, едва сводила концы с концами, Ду Су заметил, что в доме — хоть шаром покати: ни одной ложки соли, чтобы посолить похлебку. Набрав три вязанки хвороста, он пошел на базар, чтобы сбыть их за гроши. Продав их, купил одно тве соли. Привязав узел с солью кверху на одной из ножек чиге (приспособление для переноски груза на спине — ред.), он, в чудесном расположении духа, возвращался домой. Когда проходил мимо дома япошки, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила злая овчарка. Она набросилась на мальчика и укусила его за бедро. Окровавленный Ду Су повалился на землю. Овчарку натравил на него японский мальчик, который тут же убежал домой и укрылся, а входные ворота дома изнутри запер на засов. Возмущенные злодеянием японца, очевидцы ринулась в полицейский участок, неся Ду Су на спине, заявили протест, подали жалобу. Отвратительно зияла рана на разодранном овчаркой бедре мальчика. Его положили в больницу.

Впервые в жизни Ду Су, мальчик с густыми лохматыми волосами, пользовался благами больницы. Там он питался белым рисом. Ему, которому донельзя надоела жидкая похлебка, было очень приятно есть рисовую кашу. Поэтому он опасался, как бы рана на бедре не залечилась слишком быстро. Ему и во сне не снилось, что лечение повлечет за собой неописуемые бедствия и страдания для него и его семьи. Он думал, что за пребывание в больнице платит хозяин овчарки.

Вскоре в больнице заявили, что если он не заплатит за лечение, его выпишут. Плата за лечение составляла, увы, двад-

цать вон. Откуда взять такую крупную сумму семье бедного мальчика? Она не в состоянии была даже заплатить двадцать чон в месяц за обучение, из-за чего после менее трех месяцев учебы Ду Су исключили из первого класса начальной школы.

Его дед, отец и старшие братья поочередно ходили к хозяину овчарки, в полицейский участок и в больницу. Они то обращались с просьбой, то заявляли протест, то подавали жалобу. Но нигде не обращали на это внимание. Вини, мол, самого себя в том, что ты укушен овчаркой. Вряд ли все эти япошки заступятся за корейцев!

В конце концов Ли Ду Су взял в долг двадцать вон и отдал их в больницу.

Однако на этот долг набегали проценты за процентами, и спустя два года он достиг такой огромной суммы, что ее нельзя было возместить, даже продав дом, передававшийся из поколения в поколение.

Этот долг не давал покоя семье Ли Ду Су, и она вынуждена была покинуть Чхунчхон — свои родные края — и уйти на север. Ростовщики восемь километров преследовали семью, пустившуюся ночью наутек, и забрали даже отрез шелка — последнее состояние семьи из вещей бабушки, завернутое в платок.

Потомки семьи королевской династии Ли одно время жили в восьмиугольном доме под черепичной крышей с комнатой для гостей и пристройками для слуг. Имели даже несколько гектаров земли. Их уважали, им завидовали многие. Но теперь у них не осталось ничего: ни королевской династии, ни родины, ни дома, ни последнего куска ткани. Будучи настоящими нищими, она пустились в безрадостные скитания.

Грустные голоса официантов, подававших кушанья в столовой парохода, следующего от Вонсана на Чхончжин, наводили на детское сердце Ду Су, плывущего на чужбину, горькие впечатления — о гибели страны, о горечи разлуки с родными

краями.

«Вы едете на чужбину. Горю и печали вашей нет предела. Если собрать горькие слезы, льющиеся из глаз горемычных скитальцев, будет не меньше, чем Восточное море. Но слезами и вздохами не откроешь путь к жизни. Терпите горе-горькое и угощайтесь прощальной кашей, приготовленной из родного риса и родной воды!» От этих слов сочувствия официанта Ли Ду Су ощутил, как к горлу его подкатывает ком.

Япошки отняли у него все: и страну, и дом, и родные края. Он покинул родные горы и реки, с детства близкие сердцу. В его душе теснились приправленные злобой мысли — никогда не жить с япошками под одним небом! Он твердо решил, что когда подрастет и станет взрослым, не даст ни одному японцу, ни одной японской собаке, ни одной японской кошке свободно шляться под корейским небом! Ли Ду Су еще подростком с оружием в руках вступил в партизанский отряд.

Вряд ли такой человек вступит в организацию «Минсэндан»? Однако и с его языка сорвался тот же ответ:

— Да, это правда. Я вступил в «Минсэндан».

Точно такими же были первый ответ и поведение Чана-охотника, когда я слушал его в тюрьме «минсэндановцев» в глуши Лишугоу в Сяованцине.

У меня в душе клокотал гнев. Но, держа себя в руках, я сказал Ли Ду Су:

— Если ты вступил в «Минсэндан», то расскажи всем поподробнее, как это произошло.

Он, запинаясь, стал рассказывать. Говорил так, как это было записано в признании и показании.

Послушать его — и все вроде бы логично, не в чем усомниться.

Все без исключения подозреваемые в причастности к «Минсэндану» признавались в своих преступлениях.

Еле сдерживаясь, я снова обратился к Ли Ду Су.

— Ду Су! Из-за японской собаки ты влез в долг, оказался выброшенным на улицу без крова, лишился родной стороны. Японская собака не только укусила тебя, но беспощадно разорила и растоптала твою семью, более десяти ее членов. Из-за японской собаки тебя постигла участь хуже собачьей. Таким был ты раньше. Но теперь, значит, ты добровольно пришел в объятия врага и взял на себя роль бешеной собаки, которая пожирает своих соотечественников, кусает своих товарищей. Так ли это? Выходит, ты даже не получаешь подаяния с хозяйского стола, а служишь врагу цепным псом. Это правда?

Из глаз Ли Ду Су так и брызнули слезы, но он ни слова не промолвил. Закусив губы, всхлипывая, он весь дрожал. Потянулось мучительно тяжкое молчание. Я вышел из проклятой избушки. Душа моя постепенно остывала и улеглась досада, когда разгоряченное лицо овеяло холодком. Освежилась моя смутная голова.

В беседе с подозреваемыми в причастности к «Минсэндану» я уловил непонятный момент. Большинство наших бойцов перед казнью, подвергаясь жестоким пыткам, напоминающим зверства средневековой инквизиции, отвечали только одним словом: «Не знаю!» Они уклонялись от рассказа о своих делах. Такая решимость была непоколебима и на месте свершения смертного приговора. Однако эти-то теперь перед своими, коммунистами, отвечают за то, к чему не причастны, выдают неправду за правду. Как это объяснить?

Прохаживаясь по лесу, я думал и думал: почему у всех один и тот же самоубийственный ответ? Ведь все они не могут быть причастными к «Минсэндану». Это также очевидно, как и то, что небо не может превратиться в землю, а земля — в небо. Однако, почему же они признаются, что вступили в «Минсэндан», почему сами обвиняют себя в связях с ним? Мы уже видели, как оговаривали себя мальчик Пак Чхан Гир из поселка Гаяхэ и

Чан-охотник из Мацуня. Чем объяснить такое странное поведение?

В первый момент, когда они попали в ловушку причастности к «Минсэндану», все говорили правду, что не вступали в «Минсэндан». Но эта искренность, откровенное высказывание навлекали на них еще большую беду: искренность принималась за лицемерие, правда — за обман, честность — за коварство. Чем больше повторялось такое откровенное показание, тем более серьезными считались мнимые преступления, и пытки усиливались, так сказать, прямо пропорционально.

Какие качественные изменения происходят в людях, когда варварские пытки и душевные муки достигают своей кульминации?

Они думают: зачем же им жизнь, когда им не доверяют и терзают товарищи по революции, с которыми вот уже несколько лет жили вместе под одной кровлей, деля одну судьбу — горе и радость? Хочешь жить, бросай ружье, спускайся с горы, скрепи печать на бумаге об отступничестве, стань агентом врага! Но они, коммунисты, могут ли совершить такую измену? Наилучший путь — это держаться в повиновении и покорно ждать решения своей участи. Так они, может быть, и поступают, доведенные до крайнего отчаяния.

Недоумение, необоснованное недоверие со стороны товарищей, борющихся во имя общей цели, — вот в чем причина, доведшая более сотни бравых партизан до крайнего отчаяния и безнадежности.

В коллективе революционеров, спаянном идейно и морально общностью идеалов, а не интересами погони за деньгами и прибылями, доверие, можно сказать, является первейшей артерией жизни, гарантирующей единство и сплоченность и устойчивое развитие этого коллектива. В коллективе господствует коммунистическое чувство долга, когда благодаря взаимному доверию все в нем любят друг друга, начальство заботится о

подчиненных, а подчиненные уважают начальство.

Доверие служит корейским революционерам отправным пунктом коммунистических человеческих отношений, которые проходят красной нитью через их прошлое, настоящее и будущее. Как в прошлом мы оружием доверия завоевывали товарищей, сплачивали народ, так и сегодня с помощью мощного средства любви и доверия надежно поддерживаем единодушие и сплоченность нашего общества. В нашем обществе, основанном на коллективизме, доверие служит надежным краеугольным камнем, поддерживающим его. Члены нашей партии и беспартийные трудящиеся видят величайшее счастье в доверии, оказываемом им организацией и товарищами. А когда они чувствуют, что потеряли доверие организации и что товарищи чураются их, то считают это тягчайшим наказанием. Вот почему каждый раз, встречаясь с руководящими кадрами, мы постоянно подчеркиваем необходимость как следует работать с людьми.

Капиталисты не могут жить без денег, а коммунисты — без доверия. Доверие в нашей стране представляет собой совокупность общественных отношений, способ утверждения коллективизма. Те, кто чувствует за собой доверие организации, доверие товарищей, могут проявить неиссякаемую силу в борьбе за интересы партии и Родины. Не выражает ли именно такой принцип пословица: доверие рождает верноподданных, а недоверие — предателей?

Всем нетрудно догадаться, какой большой хаос и ущерб повлек за собой узел с документами о «Минсэндане» для борцов, вставших на путь революции, надеявшихся только на доверие организации. Узел, уничтоживший принцип доверия в нашем отряде в период антияпонской войны, когда мы вели совместную борьбу, скитаясь по чужим углам на чужбине. В то время не было особого рубежа между нами и врагами. Враги были везде: и за перевалом, и за рекой. Потеряешь доверие — черт с ним. Перебеги в район противника, а революцию пускай делает кто

угодно — и ничего не случится. Вот поэтому нацепить ярлык «минсэндановец» на ни в чем не повинных товарищей по революции так же неумно, как и отбросить их всех на сторону противника.

Единственный путь спасения доведенных до отчаяния людей — это избавить от необоснованного подозрения в связях с «Минсэнданом», то есть вынуть их из петли недоверия. Ликвидировать эту петлю, чтобы и следов ее не оставалось. Одними только словами нельзя было воскресить политическую жизнь человека. Необходимо было доказать доверие на деле.

Я вышел из леса и направился в избу. Вдруг из-за дерева появилась передо мной миловидная, высокого роста партизанка с большими, впечатляющими глазами. Добродушное на вид ее лицо было мокрым от слез.

— Полководец! Я не являюсь членом «Минсэндана»!

Эти слова, которые вырвались из уст женщины, вызвали во мне невыразимо радостное удивление.

— Меня посчитали членом «Минсэндана» за то, что я вышла замуж за парня, которого подозревали в причастности к «Минсэндану». Но он не является «минсэндановцем». Я, разумеется, тоже не причастна к «Минсэндану». Подумайте, к чему нам быть японскими шпионами? И меня, и мамашу Чан Чхоль Гу из-за мужа обвинили в связи с «Минсэнданом».

Это была смелая партизанка Ким Хвак Сир. Позже она во время налета на уездный центр Фусун штыком сразила сразу шесть япошек, за что ей присвоили звание «женщины-богатыря» и вручили золотое кольцо в знак почета.

Будучи дочерью крестьянина, занимавшегося подсечным земледелием, она участвовала в партизанской борьбе в Чэчанцзы. В Чэчанцзыском партизанском районе, в лесу Дуннаньча, была оружейная мастерская, руководимая Пак Ен Суном, и отряд швей, где начальником была Пак Су Хван.

Ким Хвак Сир работала кухаркой, готовила пищу для бойцов, работавших в оружейной мастерской и в отряде швей. Их было более двадцати человек.

Однажды в оружейной мастерской произошел внезапный взрыв. В одно мгновение здание было охвачено дымом и пожаром. В этой мастерской работал юноша Кан Ви Рён, изгнанный из вооруженного отряда по обвинению в причастности к «Минсэндану». Он был занят восстановлением стреляных винтовочных патронов и при взрыве пороха потерял сознание. Другие люди, работавшие рядом с ним, застигнутые врасплох, в панике покинули рабочее место.

В этот критический момент прорвалась сквозь огонь в оружейную мастерскую повариха Ким Хвак Сир и вынесла на себе лежавшего без сознания, получившего ожог, юношу. Ожог был тяжелый. Военный лекарь, обмыв обожженное лицо дезинфицирующим раствором и удалив обгоревшую кожу, обмазал вазелином и забинтовал. На том он и закончил его лечение. Дальнейшим лечением занималась Ким Хвак Сир, став на время медсестрой. Растопив на бумаге пчелиный воск, она ставила такой компресс на место ожога, вычищала гной из уголков глаз, мыла ему ноги.

Проявляя такую заботу, Хвак Сир влюбилась в юношу. Юноша тоже полюбил ее. И между ними зашла речь о бракосочетании. Из-за двух случаев с ошибочными выстрелами Кан Ви Рён был обвинен в причастности к «Минсэндану». Поэтому он совершил только тайную помолвку с ней, боясь публичным бракосочетанием навлечь на Хвак Сир беду. Но их подталкивали Пак Ен Сун и Пак Су Хван, говоря, что бояться нечего. Раз договорились — идите и зарегистрируйтесь! Вдохновленные их словами, молодожены пошли зарегистрировать брак в Чэчанцзыское народно-революционное правительство.

Однако это бракосочетание не обошлось без скандала. В комитете по борьбе за ликвидацию реакционеров ее бракосоче-

тание с парнем, причастным к «Минсэндану», посчитали контрреволюционным актом в пользу противника, умножением числа «минсэндановцев». Не прошло после их бракосочетания и полмесяца, как леваки-шовинисты разлучили Ким Хвак Сир с Кан Ви Рёном. Выслали ее куда-то далеко в Ванбабоцзы. Не разрешали ей участвовать в жизни организации, обращались к ней как с преступницей. А затем и прямо присоединили ее к подозреваемым в причастности к «Минсэндану».

Спустя девять месяцев после насильственной разлуки с любимым Ким Хвак Сир случайно узнала, что Кан Ви Рён находится неподалеку, в оружейной мастерской. Но Чао Яфань и Ким Хон Бом не разрешали ей встретиться с милым хотя бы на несколько минут.

Вскоре Кан Ви Рён, подгоняемый Чао Яфанем, отправился вместе со 2-м полком в поход в Цзяохэ. То обстоятельство, что экспедиционному отряду якобы до зарезу необходим человек, владеющий техникой ремонта оружия, загнало в Цзяохэ Кан Ви Рёна, обвиняемого в связи с «Минсэнданом».

— Если бы, — заговорила Ким Хвак Сир, — товарищ Кан действительно был «минсэндановцем», не было бы и речи о бракосочетании, не выносила бы я его на спине из огня. Его отец и братья пали от рук врага во время карательной операции. А как он дрался! На массовом судебном процессе за него заступались и солдаты Армии спасения отечества.

Я был благодарен ей за то, что говорила мне правду.

Выходит, Ким Хвак Сир, как и Чан Чхоль Гу, стала преступницей из-за любви.

Мы вместе с Ким Хвак Сир зашли в избу. Бойцы, как и прежде, с опущенными головами, неподвижно сидели.

— Товарищи! — сказал я громко, обводя комнату взором, — поднимите головы! Я пришел сюда не судить вас, не разбираться, кто какое преступление совершил. Я пришел

к боевым друзьям, к тем, с которыми мы продвинемся в район гор Пэкту и будем сражаться в одном строю. Я говорю: пришел к боевым друзьям, к товарищам по революции. Но, говорят, вы, оставшиеся здесь, все без исключения являетесь прояпонски настроенными предателями, реакционерами, которые не достойны стать моими боевыми друзьями. Но я не верю этим словам. Если вы причастны к «Минсэндану», то вы бы переметнулись к япошкам. Вы, плохо одетые и голодные, чего ради мыкаетесь в этой глухомани? Если бы вы вернулись домой, то обзавелись бы семьей, занимались бы земледелием и жили бы беззаботно в тепле и уюте. Ради чего мучаетесь в этой горной глуши? А ну, расскажите сами. Неужто вы в самом деле вот уже несколько лет претерпеваете столько горя и обид ради японских империалистов? Ради чего вам приходилось ночевать под открытым небом, в сугробах, на льду угрюмого простора Маньчжурии? Чтобы стать цепными псами япошек и убивать своих родных и товари щей? Ли Ду Су! Расскажи! Ради чего ты мыкался и боролся? Чтобы обернуться такой собакой, как японская овчарка, которая укусила и разодрала тебе бедро?

— Как я... я, — пролепетал Ли Ду Су, всхлипывая, — могу стать японским цепным псом? Нет! Я не японский шпик! Не «минсэндановец»!

Тотчас изо всех уголков избы начали раздаваться голоса:

— Нет, я не «минсэндановец»!

— Я тоже!

В комнате сам по себе организовался своего рода митинг. Они осуждали и проклинали тех, кто состряпал на них обвинения в мнимых преступлениях, рассказывали о душевных муках, которые претерпевали под дулом оружия «ликвидации реакционеров».

Все они, потрясая кулаками, со слезами на глазах выкладывали свою обиду и досаду, затаившиеся глубоко в душе.

Когда митинг подходил к концу, я вызвал Ким Хон Бома и

приказал принести всю кипу документов о «Минсэндане» и подготовиться, чтобы предать их огню. Ким Хон Бом не на шутку всполошился.

— Это же юридические документы. Их составил комитет по борьбе за ликвидацию реакционеров. Можно ли сжечь их без разрешения, по своему усмотрению? Сожжешь их, будет боль шой скандал!

Ким Хон Бом был старым политработником, занимался партийной работой еще до вступления в вооруженный отряд. Он учился в педучилище в Яньцзи. Человек был образованный, имел определенный опыт работы, но не умел творчески мыслить и оперативно решать.

— Не ссылайтесь на закон. Идите скорее за кипой документов о «Минсэндане». Пусть другие говорят, что этого делать им нельзя. Но где же видано, что и нам этого нельзя сделать?

— Эти документы составили по решению организации, согласно всем процедурам. Как я смогу оправдаться, если меня будут спрашивать, что я делал, когда их уничтожали? Когда вас, Полководец, не будет здесь, как я отвечу за это?

Лицо Ким Хон Бома побледнело, словно бумага, а ноги так и тряслись. Я не упрекал его.

В самом деле и мне не доводилось слышать, что безнаказанным оставался тот, кто по своему усмотрению сжег документ юридического характера. Такой случай можно считать из ряда вон выходящим.

Но я оставался непоколебим: не изменил своей решимости уничтожить без следа эту кипу преступных документов, которые только наводили необоснованное подозрение и отчаяние на сотню с лишним бойцов, подозреваемых в связях с «Минсэнданом».

Мне было хорошо известно, какие опасные последствия

повлекут за собой такие действия.

Решить таким образом дело, которым вправе распорядиться только те, кто организовал, возглавлял движение за «ликвидацию реакционеров» и составлял обвинительные акты, — было похоже на авантюру. Служаки из группы по «ликвидации реакционеров» имели необыкновенно большие права. Они могли выдавагь все — большие и малые — дела, если им понадобится, за махинации «Минсэндана». Обладали неограниченной способностью фабриковать все, что угодно. Они могли бы сотни раз подвергнуть меня наказанию, обвинив в сожжении лишь одного листа обвинительного акта. Они могли бы вынести мне сколько угодно приговоров в отместку за то, что я подал жалобу в Коминтерн по поводу борьбы против «Минсэндана».

Я приказал Ким Сан Хо принести кипу документов.

Решение сжечь эти документы было действительно дерзновенной смелостью.

Я был готов пойти на все, готов и пожертвовать собой, если это откроет путь к спасению более чем ста человек.

После подготовки документов к сожжению я, закрывая митинг, обратился к людям:

— Сейчас трудно установить, кто из вас «минсэндановец», а кто — нет. Потому что некому это доказать. Но сегодня я хотел бы со всей ясностью заявить перед вами, что сейчас здесь нет ни одного «минсэндановца». Ибо вы сами говорите, что не являетесь «минсэндановцами». Я верю вам. С этого момента все вы вновь чисты душой, как белая бумага, и должны знать, что всем вам следует начать новую жизнь. А оклеветанного прошлого больше не существует. Но вы должны твердо запомнить, что ваше подлинное достоинство как революционера определяется не прошлым, а нынешними практическими делами. Всем вам объявляю, что ваша душа чиста, как белая бумага. Какая славная история жизни и борьбы будет вписана в эту бумагу — это целиком зависит только от вас. Верю, что все вы начнете новую

жизнь и впишете в эту бумагу боевые подвиги, которыми законно могли бы гордиться перед Родиной, народом и историей. Я объявляю совершенно недействительным с этого момента подозрение вас в связях с «Минсэнданом», которое так мучило вас. Заявляю, что отныне все вы зачислены в состав главной части Корейской Народно-революционной армии,

Я выбрал несколько человек из присутствующих и приказал им сложить по середине двора кипу документов и поджег ее.

Сжигая эти документы, я желал, чтобы в пламени навсегда сгорело бесславное прошлое подозреваемых в причастности к «Минсэндану», а вместе с тем и идеи человеконенавистничества и недоверия, которые служили духовным источником всех зол и бесчинств.

И поныне, когда прошло значительно больше полувека, никак не уходит из моей памяти тот костер, на котором сжигали документы о «Минсэндане». Видимо, потому, что то, чего я желал в душе при сжигании документов, было слишком велико и серьезно. Помню, когда документы воспламенились, бойцы зарыдали во весь голос. Те, кто лил слезы, глядя на огонь, понимали меня.

Все, кто находился там, стали как бы заново рожденными. В рядах отряда зарождалась новая атмосфера сердечного доверия, взаимной помощи и любви. Преобразился в нового человека и Ким Хон Бом.

На следующий день я специально организовал отдых и охоту на зверей. Узнав об этом, Ким Хон Бом дал бойцам более ста патронов для винтовок. Он пожертвовал весь свой боезапас, оставленный для личной самообороны, тем, с кем еще вчера обращался как с преступниками. Это было своего рода событие.

Вообще здесь бойцам давали негодное оружие, такое, как старинные фитильные ружья. В бою они были не намного лучше палки. А патронов — только по три-четыре штуки, и то испорченные сыростью и ржавчиной. У них были просто гильзы с

вбитыми в них деревянными пулями. Видимо, боялись этих людей те, кто не доверял им и притеснял их. Если дашь им порядочное ружье и патроны, кто знает, чем это обернется.

Не отрывая глаз от сгоревших документов о «Минсэндане», превратившихся в пепел, Ким Хон Бом погрузился в раздумье. Он поднял на меня глаза и сказал:

— Еще до того, как вчера вы, Полководец, зажгли здесь огонь, знаете, как я струхнул. Я незаметно улизнул оттуда. Думал, чего доброго, за одно присутствие на месте сожжения меня назовут сообщником тягчайшего преступления, и не сносить мне головы за правонарушение.

— А теперь не трепещете?

— Нет! Умереть за доброе дело — это честь. Я так думал, и страх стал постепенно оставлять меня.

— Спасибо, если вы так думали.

— Нет. Спасибо должен сказать я. Вы спасли и меня, чтобы я воскрес новым человеком. Выходит, вы мой благодетель.

Мне было неловко слушать его слова. Ким Хон Бом был старше меня.

— Хватит воздавать молодому человеку честь и хвалу.

Я упрекнул его, но он неодобрительно покачал головой:

— Нет. Это совершенно не так. Я просто завидую вашему великодушию и большому сердцу. Я это говорю не из лести.

— Ну, достаточно возвеличивать меня. Не хотите пойти сегодня вместе с нами на охоту?

Настроение и у Ким Хон Бома было чудесное. Он с удовольствием согласился.

Охота в тот день проходила необыкновенно интересно. Я приказал, чтобы отряд охраны дал все свои ружья вчерашним подозреваемым, чтобы последние могли выстрелить по одному патрону из порядочного ружья.

Было много загонщиков, и добыча на охоте была богатая:

семь-восемь кабанов и косуль. Среди партизанок отличилась Ким Хвак Сир. Она одним выстрелом уложила косулю.

Я приказал приготовить щедрый ужин из мяса и незначительного запаса кукурузы и пшеничной муки. После ужина состоялся развлекательный вечер.

Ужин н вечер того дня, проходившие в ветхой избе в Сампхоском тайном лагере в Мааньшане, были изрядно скромными, но исключительно многозначительными.

Нарушился первоначальный план создания новой дивизии на основе 2-го полка. Она родилась в огне, превратившем эти проклятые документы, полные недоверием, в горсть пепла.

Весть о сожжении документов о «Минсэндане» и рождении новой дивизии молниеносно облетела округу. Прослышав об этом, отовсюду шли к нам люди, которые раньше скрывались, жили затворниками.

Первыми к нам пришли бойцы Хэлунского антияпонского отряда самозащиты, которые укрывались в ущелье Дацзяньчан. Среди них были ставший позже ординарцем командования Пэк Хак Рим и слывшая «соловьем» Ким Хе Сун.

Именно к этому времени пришла к нам и Пак Рок Гым (настоящее имя — Пак Ен Хи). Она была первым командиром временной женской роты новой дивизии.

В Лаомудинцзы уезда Фусун были зачислены в состав новой дивизии юноши, переболевшие брюшным тифом. Из них я сформировал один взвод, командиром которого назначил Ким Чжон Пхира. Затем присоединились и бойцы Ким Чжу Хена, действовавшие в лесной зоне поблизости от Вудаоянча уезда Аньту, А из-под Чэчанцзы прибыл малый отряд Ким Тхэк Хвана.

Я официально формировал полки и роты. Ли Дон Хак по прозвищу «торопыга» и Ким Тхэк Хван были назначены командирами рот, а Ким Чжу Хен — политруком. Ким Сан Хо стал комиссаром полка — главной части. С этого момента с его лица

просто не сходила улыбка.

Когда мы достигли горы Мааньшань, у нас насчитывалось всего пятнадцать человек. Но когда отряд добрался до Дунгана, он увеличился до нескольких сотен бойцов.

Мы активно принялись за улучшение вооружения новорожденной главной части. Как я уже говорил, большинство бойцов, подозреваемых в причастности к «Минсэндану», были вооружены старинными фитильными ружьями.

Организовав группы по десять-пятнадцать человек, я назначил группоргов и приказал самостоятельно подготовиться к тому, чтобы вести бои. Я говорил им: «За один месяц вы должны пополнить запас патронов, заменить ружья новыми. А ружей у японцев сколько угодно. Притаившись в лесу, жди. Когда появится враг, налетай на него. Уложи его и штыком, и выстрелом и забирай ружье».

В то время все эти бойцы ходили со штыком на поясе. И все возвратились спустя уже полмесяца, пополнив запас патронов, заменив ружья новыми. Находились и такие, что вернулись к с пулеметами.

На их основе я сформировал полк, а позже, с учетом накопленного опыта, пополняя отряды одним за другим, организовал 6-ю дивизию и 2-ю армейскую группу и начал бои против японских империалистов.

За налетом на Синаньча последовал бой в Сигане, что позволило нам одновременно улучшить все вооружение главной части. Одна из целей этого боя как раз и состояла в том, чтобы пополнить наше вооружение новым.

В Сигане дислоцировался полк марионеточной армии Маньчжоу-Го. Наше особое внимание привлекало замечательное вооружение этого полка.

Это был уединенный край. Бездорожье и бескрайний дремучий лес благоприятствовали внезапному налету. На такой случай враг обнес казармы стеной из крупных, более чем в обхват,

бревен, высотой в три человеческих роста. В каждом из четырех углов был сооружен форт.

Нанести лобовой удар было трудно. Поэтому я решил совершить огневой налет, вызвать панику в стане врага и принудить его капитулировать.

Казармы противника были построены целиком из дерева. Воспользовавшись ночной тьмой, я приказал Ким Тхэк Рёну и другим отличным метателям гранат бросить на крыши вражеских казарм горящие комки ваты, пропитанной керосином.

Было раннее лето, моросил дождь, и не сразу воспламенились мокрые крыши, но огневой налет дал себя знать. Не упуская момента, наши бойцы громко обращались к противнику: «Хочешь жить, сдайся! Сложи оружие, выходи из крепости!» Но противник ответил упорным оборонительным боем.

Я приказал нескольким бойцам немедленно уйти в жилой дом, ближе всего расположенный к форту с подземным ходом, и от кухни прорыть тоннель под ним. А разведчикам приказал привести тещу командира полка марионеточной маньчжоугоской армии. Мы предложили старухе уговорить своего зятя прекратить безрассудное сопротивление и сдать оружие.

По нашему совету старуха охотно пошла в крепость и вернулась с письмом зятя, в котором говорилось: «Согласен сдаться, при условии, что мне будет дана возможность уйти в Фусун с половиной личного состава».

Но я наотрез отказался, потребовав безоговорочной и полной капитуляции. Старуха снова пошла к зятю и, вернувшись, сказала, что он готов несколько сократить численность сопровождающего его личного состава. Ясно было, что командир полка, затягивая переговоры с нами, ждет прихода подкрепления.

Работы по рытью тоннеля для взрыва форта были проведены уже наполовину. Я показал старухе тоннель и порох и велел

передать наш ультиматум: «Если не будешь капитулировать, то будут взорваны все форты». Третий раз старуха сходила в крепость и появилась передо мной, расплываясь в улыбке. Зять, мол, просит взять с собой только двоих для охраны. На это я согласился.

Командир вражеского полка выстроил весь личный состав и, разоружив его, сложил оружие в одном месте, а сам с двумя охранниками поспешно выбрался через северные ворота. Итак оружие полностью перешло в наши руки.

Не будь новой дивизии, мы не смогли бы совершить налет на такой крупный укрепленный городок, как уездный центр Фусун. Не могли бы позже одерживать победу за победой в бассейне реки Амнок и в районе гор Пэкту.

2-й полк, который мы решили принять в Мааньшане, вопреки нашим ожиданиям, не смог оказать помощи ни в рождении новой дивизии, ни в ее укреплении. Он прибыл к нам спустя более полугода, когда мы уже базировались в горах Пэкту и дивизия обрела свой облик как главной части.

Хотя с большим опозданием прибыл полк, я был очень рад тому, что О Чжун Хыб, Квон Ен Бек, Ким Пхен и другие, давно сдружившиеся соратники, снова стали в один строй со мной. Благополучно целым и невредимым пришел в нашу дивизию и Кан Ви Рён. К счастью, мне представилась возможность залечить последнюю рану, оставшуюся в глубине души у Ким Хвак Сир.

На следующий день после их прибытия я вызвал Кан Ви Рёна.

— Твоя жена, говорят, Ким Хвак Сир?

Высокорослый юноша покраснел до корней волос. Видимо, ему было неловко сознаваться в том, что у него есть жена.

— Здесь нет Хвак Сир. Она в отряде швей, в интендантском тайном лагере в стороне Хэншаня. Отсюда примерно несколько десятков ли. Иди туда и встреться с ней. Я сейчас же дам тебе

проводника.

Он помялся, смущенно улыбаясь, и сказал, что успеет свидеться с ней, когда найдется время.

— Если сообщим, чтобы Хвак Сир пришла сюда, то время встречи с ней, может, замедлится в два раза, поэтому было бы лучше, чтобы ты прямо пошел туда.

— Спасибо за беспокойство. Но ничего, свидеться всегда успеем.

Нерешительное поведение Кан Ви Рёна несколько огорчило меня.

— Тебе-то, кажется, ничего, но мне-то нельзя равнодушно смотреть, как тоскует и худеет Ким Хвак Сир из-за тебя. Без всяких разговоров! Немедленно отправляйся!

Он так и стоял, слегка опустив голову. На его глаза навернулись слезы. Он поднял глаза на меня и сказал: «Имею ли я право уйти на свидание с любимой, когда еще не получил назначение на подразделение? Ради революции взял оружие в руки, первым делом надо делать революцию». Он так и отказался идти.

Я счел нужным придумать какой-либо предлог.

— Тебе такое задание: вместе с женщинами из 2-го полка отправиться в отряд швей и сшить там зимние ватники. Не возвращаться, пока не закончишь, иначе накажу.

Только тогда он не стал отказываться и сказал, что все будет сделано так, как приказано.

Вот так состоялась волнующая встреча любимых, которых насильно разлучили на долгие годы леваки-шовинисты.

Сожжение в Мааньшане кип документов о «Минсэндане» привело не только к рождению новых людей, к формированию новой дивизии, но и к воскрешению любви, к рождению нового романа. Выходит, что доверие к людям принесло нам все сущее на свете.

Благодаря такому доверию, можно сказать, в наших рево-

люционных рядах стала распространяться абсолютная, безусловная преданность руководящему ядру корейской революции. Еще более укрепились в ходе борьбы настоящее идейно-моральное единство и сплоченность вокруг этого ядра руководства.

Исторические корни нашего единодушия и сплоченности твердо прорастали в сердцах корейских коммунистов на почве доверия, любви и благодеяния в ходе рождения главной части КНР А. Этого единодушия ничем не разрушить!

Более ста человек в Мааньшане, обвиненные в причастности к «Минсэндану», были верны делу революции до последней минуты своей жизни. Они возложили свою чистую, ничем не запятнанную совесть и пламенные сердца, горящие чувством любви к Родине, на алтарь времени и истории. Им принадлежат благородные дела исторической боевой славы, которые будут сиять во веки веков в истории революции — дела возрождения Родины.

2. Двадцать юаней

В то время, когда в тайном лагере, расположенном в западной стороне горы Мааньшань, левацкие элементы рылись в кипах бумаг с «уликами» в причастности к «Минсэндану», в другом тайном лагере, находящемся в теневой, восточной части горы, где еще не началась оттепель новой весны, не прекращались горькие рыдания десятков ребятишек, дрожавших от холода, голода и болезней. Пребывая в Чэчанцзы, являвшемся, можно сказать, последним оплотом революции в Цзяньдао, многие из них переносили там наравне со взрослыми всякие невзгоды, прошли огонь, воду и медные трубы. После ликвидации партизанских районов они, как круглые сироты, под опекой отрядов Народно-революционной армии, продвигавшейся на запад, добрались через Нэдосан до тайного тылового лагеря в Южной Маньчжурии, куда сравнительно меньше протягивались щупальца врагов. Среди маленьких обитателей тайного лагеря в Мааньшане находились и члены Детского отряда из района Яньцзи.

Радовало, конечно, то, что с ликвидацией партизанских районов дети добрались до этого медвежьего угла Фусуна, преодолев дальний путь. Если бы эти ребятишки оказались на контролируемых врагом территориях, они бы превратились там в бродяг, нищих, влачивших жалкую жизнь, вымаливая подаяния возле чужих домов, или в мелких воришек, прозябающих день за днем, очищающих на улицах, базарах и в лавках карманы людей.

Но как же сложилось ужасное положение, когда дети, находящиеся в тайном тыловом лагере отрядов Народно-революционной армии на попечении коммунистов, страдают от смер-

тельного голода и холода? Неужели работники, ответственные за воспитание детей, вдруг как злые «отчимы» или «мачехи» начали обращаться с ними так жестоко? Или, может быть, эти ребятишки стали такими избалованными, что льют слезы и канючат даже из-за небольших трудностей? Нет, этого не может быть!

Я про себя отверг эти два предположения.

Но о чем же говорит тогда плач ребятишек? Не есть ли это безмолвный сигнал о том, что их физические страдания от холода и голода достигли предела, что они больше не в силах выдержать? Но ведь подобных страданий они немало натерпелись и в прошлом, в партизанских районах. Наши члены Детского отряда не сынки и барышни богачей, хнычущие при любых трудностях. Привычный холод или голод вряд ли станут поводом невыносимого горя и стенаний для них, сирот, рано лишившихся своих родителей, братьев и сестер.

Однако то, что в Мааньшаньском тайном лагере ребятишки проводят дни и ночи в слезах, было реальной действительностью. Однажды, когда подходило к концу совещание о формировании новой дивизии. Пак Ен Сун незаметно передал мне в руки записку. В ней он писал: «Дорогой Полководец! Не сможете ли вы после совещания выделить немного времени для членов Детского отряда в Мааньшане? Очень трудно выразить словами их скверное положение. Прошу вас после формирования новой дивизии сходить вместе со мной в Мааньшаньский тайный лагерь. Дети ждут вас с большим нетерпением».

Об ужасных страданиях детей в Мааньшане мне подробно доложила и Ким Чен Сук позже, когда я прибыл в этот тайный лагерь. Среди них было немало сирот, которые находились у нее на попечении. В свою бытность в Фуяньдуне она работала вожатой Детского отряда. Говорили, что дети очень уважали и любили ее уже в партизанском районе.

Ким Чен Сук очень любила детей. Во время пребывания в Чэчанцзы, когда жители партизанского района испытывали

крайний недостаток продовольствия, между ней и ребятишками завязалась тесная дружба, которую никогда не забыть. Ким Чен Сук была поварихой командования, и к ней каждую ночь приходили дети, находившиеся на грани голодной смерти. Они протягивали ручонки, умоляя дать чего-нибудь съестного. Иногда голодные дети незаметно от партизанок-поваров проникали на кухню и начинали копаться в кухонном шкафе, в чанах с зерном. В таких случаях Ким Чен Сук хоть что-то давала им — или горсть пригорелой каши, или паровые хлебцы из сосновой коры, сама оставаясь без еды. Чтобы помочь страдающим от голода детям, она каждый день пропускала завтрак, обед или ужин. Незаметно от товарищей сберегала свою порцию и кормила ребятишек, приходивших просить пищу.

Члены Детского отряда, испытавшие в Чэчанцзы смертельные лишения, всю жизнь не забывали о ее благородных поступках. Эти дети, последовав за партизанами, пребывали в Нэдосане, Ким Чен Сук руководила там работой Детского отряда. Так что я вполне понимал ее настроение, когда она, роняя обильные слезы, докладывала мне о жизненных условиях, в которых дети находятся в Мааньшане.

Десятки сирот, находившиеся под опекой коммунистов, проводили дни, роняя слезы, в тайном тыловом лагере революционной армии, куда не достигали раскаты войны. Это было чрезвычайным происшествием. К нему никак нельзя было отнестись равнодушно. Нервы у меня были прямо-таки напряжены: какие же перипетии заставили ребятишек ждать меня с таким нетерпением?

Слезы детей отражают справедливость. Когда какая-то злая сила берет верх над справедливостью и жестоко растаптывает ее, дети начинают громко плакать, не стерпев возмущения. В этом выражается обвинение детских душ, которое они бросают людям, оскорбившим их и жестоко обращающимся с ними. Слезы замещают их протест и осуждение всего несправедливого и

говорят о затронутом самолюбии и нарушенных правах, вызванных несправедливостью. Слезами дети предупреждают о подступившем к ним бедствии и призывают спасти их от этого несчастья. Плач детей — это самая сильная жалоба, которую они посылают тем, кто их любит или может любить. Люди прислушиваются с замиранием сердца к плачу детей от того, что любовь и забота о потомках из существенных качеств человека являются самым основным.

Упоминая о членах Детского отряда в Мааньшане, нельзя не сказать, что они были драгоценными существами, которых оставили на наше попечение погибшие боевые товарищи. Павшие просили нас в своих завещаниях проявить внимание к будущему их детей. Они заклинали нас вырастить их революционерами. На наших плечах и совести лежала священная задача вскормить и воспитать этих беспомощных ребятишек, сделать их самыми прекрасными на свете, самыми стойкими защитниками справедливости.

Мое беспокойство о судьбах членов Детского отряда в Мааньшане было вызвано не простым человеческим сочувствием или проявлением мещанской сентиментальности. Это были право и долг, которые передали нам их родители, покидая этот свет. Даже если их родители и были бы живы, и тогда мы не сидели бы сложа руки при виде слез этих детей. Это гуманистическое чувство, которое могут иметь лишь коммунисты.

Сын соратника — и мой сын, а мой сын — и сын соратника! Это и есть коммунистические человеческие отношения. Когда больно мне, больно и товарищу, а когда больно товарищу, больно — и мне; когда голодно мне, голодно и товарищу, а когда голодно товарищу, голодно и мне! Таковы нравственность и моральный принцип, которые возвышают коммунистов как самых прекрасных людей на свете.

Однажды некий председатель правления подсобно-промысловых рыболовецких бригад выбирался на

берег, спасая тонувшую на реке дочь своего товарища. В это время он обнаружил, что его родная дочь подвергается смертельной опасности, тонет и барахтается, то погружаясь в воду, то появляясь на поверхности. Обыкновенно люди сначала спасают свою дочь, а затем уже снова бросаются в реку, чтобы спасти дочь товарища. Нет никакого повода к тому, чтобы он был осужден людьми за такой порядок действий при спасении тонущих. Но председатель правления спас бывшую в его объятиях дочь товарища и лишь после этого вернулся за своей родной. Однако его дочь уже была мертва. Прибежали сельчане, подняли шум, заплакали и стали утешать председателя теплыми словами. Но он, показывая на дочь товарища, спокойно сказал: «Я не думаю, что умерла моя дочь. Эта тоже моя дочь».

Проявив великую и благородную самоотверженность, на что никак не осмелится ограниченный и легкомысленный эгоист, коммунисты считают это обыкновенным делом, они краснеют, стесняются, слушая похвалу, слова восхищения со стороны многих людей. Вот в этом-то и кроется их обаяние и высокая мораль корейской нации.

Вначале мы планировали: с сформированием новой дивизии сразу же направимся через Фусун прямо в Чанбай. Но злополучное положение детей в Мааньшане заставило нас изменить этот план. Мне казалось, что, не встретившись с ребятами, я не смогу освободиться от душевного напряжения даже в Чанбае, если попаду туда.

После совещания в Михуньчжэне я направился к детям в тайный лагерь, что был в восточной стороне горы Мааныпань. В тот день сопровождал меня туда Пак Ен Сун — начальник оружейной мастерской в Мааныпане. Я был благодарен ему за то, что он добровольно стал моим попутчиком.

Совместная дорога дала мне удобный повод для того, чтобы глубже вникнуть в душу Пак Ен Суна, лучше узнать его как

человека. Наша дружба, начавшаяся в Мацуне, укрепилась во время этой встречи. Помнится, что именно в тот момент он, Пак-охотник, впервые передал мне на словах длинную историю своей семьи, которой хватило бы и на многотомный роман.

Предки Пак Ен Суна принадлежали к первому поколению, пришедшему жить на немилую чужбину, в Цзиньгуцунь в 60-х годах минувшего века. Они были инициаторами освоения целинной земли, распространили и внедрили на ней корейские методы земледелия. У отца Ен Суна была скромная кузница. В детскую пору Ен Сун работал подручным у отца. Этот опыт впоследствии стал для него фундаментом мастерства, принесшего ему известность как замечательному специалисту в области боевой техники. В периоды, когда не велись сельскохозяйственные работы, его отец с винчестером за плечами ходил на охоту. С 17 лет Пак Ен Сун тоже пристрастился к охоте, как бы занимаясь развлечением. Но не было полного удовлетворения, так как приходилось охотиться тайком от отца, который строго контролировал винчестер. Он разрешал ходить на охоту старшему сыну, но второму, Пак Ен Суну, не позволял брать ружье. Отец сверлил его глазами и ругался, едва лишь Ен Сун дотрагивался до ружья. Но с 18-летней поры дело пошло по-другому. Однажды он одним выстрелом уложил тигра, которого старые охотники Цзиньгупуня несколько раз пытались поймать, но всякий раз упускали.

Выдернув ус убитого тигра, Ен Сун вернулся домой с победоносным видом. Ус этот, можно сказать, был своеобразным свидетельством на право заниматься охотой, которое юноша завоевал с таким трудом. Все село приходило к нему домой полюбоваться усом тигра. Отец вынужден был признать меткость стрельбы молодого охотника. С того дня старые охотники Цзиньгунуня стали называть его «Пак-охотник». Разумеется, ему было разрешено пользоваться и винчестером. До поступления на работу на угольную шахту в Цзилине и затем на

рудник в Баогэлацзы, до начала участия в подпольной революционной работе. Пак Ен Сун подстрелил из этой винтовки сотни зверей.

Слушая, как Пак Ен Сун был прозван «Паком-охотником», я подумал, что он истребил бы врагов намного больше, чем когда-то зверей, если бы не работал в оружейной мастерской, а был снайпером в Народно-революционной армии. Но меня удивляло и то, что его кузнечное мастерство было еще выше, чем умелость стрелка. В действующих боевых рядах он считался обыкновенным человеком, присутствие или отсутствие которого не замечалось бы там. Но в области ремонта боевой техники он был незаменимым.

Пак Ен Сун последовал за мной, взвалив на спину плетеную сумку с пятью-шестью фазанами. Увидев эту довольно обильную ношу, я не смог сдержать трогающее душу воспоминание. Перед мысленным взором возник образ Ли Гвана, который пришел в ущелье Минюегоу с тяжелым мешком зерна, положив на его верх еще и фазанов,

— Товарищ Пак-охотник, вы еще занимаетесь охотой? —спросил я его, показывая на фазанов.

Пак Ен Сун нахмурился и, подбросив спиной сумку, ответил:

— Нет, оставил уже давно. Этих поймал силками. Неудобно идти с пустыми руками к детям, вот я и повозился немного.

— Да, очень сильна ваша любовь к детям. Любить детей —это хорошее дело.

— Любить? — переспросил Пак-охотник и горько усмехнулся. — У меня нет права на такую похвалу. Я, Пак-охотник, трус.

— Трус? С чего это вы вдруг так говорите?

— Стыдно даже думать об этом. Но стыд стыдом, а позвольте мне рассказать все, как было. Ведь вы наш командую

щий. Однажды поймал я с десяток зайцев и отправился к детям в Мааньшань. Увидев этих зайцев, дети от радости пришли в восторг. Приподнялось настроение и у меня. Но вдруг передо мной появился так называемый начальник политотдела 1-й дивизии и начал на меня тыкать и ругаться. «Кто ты такой, чтобы беспорядочно шляться здесь без разрешения начальства? Кто тебе позволил проявлять такую благотворительность? — орал он на меня. — Ты не знаешь, какие на этих подлецов наклеены ярлыки? А ну, убирайся сейчас же!» Снял с меня стружку, так что у меня глаза на лоб вылезли, и прогнал, как муху.

— Ну и что же было дальше?

— Сунул всех зайцев обратно в котелку и вернулся к себе в оружейную мастерскую.

— Почему же? Боязно было?

— Да. Меня охватил гнев, но и страх тоже. Сейчас осмелел вот, говорю громкими словами, но тогда не посмел и подумать об этом. Если бы начальник политотдела прицепился ко мне как к контрреволюционеру, помогающему маленьким «минсэндановцам», случилась бы большая беда. К счастью, таких неприятностей не произошло. Но с тех пор я ни ногой к жилью ребятишек. Подумаю сейчас об этом, так кажется: позор меня окутывает.

Пак-охотник нахмурился, с отвращением глядя вслед начальнику политотдела 1-й дивизии Ким Хон Бому, который шагал впереди в онучах, прокладывая дорогу.

— А как сейчас? Страшно и поныне?

— Сейчас-то не боюсь ничего. Я чувствую прилив сил от того, что рядом находитесь вы, товарищ командующий. При одном воспоминании о том, что жил несколько лет в стеснении из-за шумихи по поводу «Минсэндана», меня бросает в дрожь.

— Это буквально кошмар! Только за то, что хотели принести детям зайцев, вы достойны поклона потомков. Ведь любить

и сочувствовать потомкам — это очень красивое и благородное чувство.

Лишь после этих слов на лице Пак Ен Суна смягчилась, спала напряженность, и он размашисто зашагал вперед. Услышав из уст этого сурового и холодного, как каменная глыба, и самолюбивого мужчины правдивое признание, которое можно прочитать только в дневниках у девочек, занимающихся литературой, я до слез почувствовал к нему большую благодарность. Стойкий и честный характер Пак Ен Суна, выражающийся в его словах, во всем поведении, произвел на меня невыразимо трогательное впечатление.

Если бы кто-нибудь спросил меня: «В какое время в своей жизни вы испытываете наивысшую радость и счастье?», — то я дал бы ему следующий ответ: «В моей жизни радость и счастье являются обыденным явлением. Это от того, что всю свою жизнь я с оптимизмом живу в стране, создающей самую прекрасную и идеальную жизнь на свете, вместе с народом, самым самостоятельным политически, самым прогрессивным идейно, самым цивилизованным, самым честным и чистым в культурном и моральном отношении. Каждый день, каждый час моей жизни преисполнен радости и счастья. А особую радость и счастье я испытываю тогда, когда нахожусь среди народа, обнаруживаю в его среде замечательных людей, которых можно поставить в пример для всей страны, и обсуждаю с ними положение страны, обмениваюсь мнениями о жизни, о будущем, а также тогда, когда нахожусь среди детей, которых мы называем бутонами страны».

Таковы, можно сказать, мои взгляды на счастье. Их я придерживался всю мою жизнь.

Беседа с Пак Ен Суном, видимо, принесла мне столь большое удовлетворение потому, что на меня воздействовали такие взгляды на счастье. Пак Ен Сун был примером революционера, которого я выискал в жизни, и типичным совестливым

человеком. Впоследствии на практике я еще раз убедился в том, что он обладает, как никто, стойкой революционной принципиальностью, не мирится с несправедливостью и во всех делах проявляет себя справедливым человеком.

Это было в 1959 году. Пак Ен Сун осматривал северовосточные районы Китая, возглавив группу экскурсантов по местам боевой славы, связанным с антияпонской вооруженной борьбой. В жаркий летний день эта группа остановилась на ночлег в одной из комнат скромного и уютного крестьянского дома. Для гостей соседней страны, которые каждый день проводят нелегкую экскурсию по следам предшественников, крестьяне той местности оклеили ту комнату новыми обоями и устлали ее новыми циновками.

Но среди ночи несколько экскурсантов, не выдержав нападения надоедливых клопов, один за другим вышли с постелью на двор, где провели ночь на большом соломенном мате. В комнате до утра ночевал лишь глава группы Пак Ен Сун. Экскурсанты решили, что он крепко заснул или со своим особым организмом не поддается клопам.

На следующий день Пак Ен Сун собрал экскурсантов и сурово их критиковал:

— Вы, товарищи, представляете свою страну как экскурсанты. А если вы из-за укусов клопов будете спать, как бродяги, на соломенном мате под открытым небом, это будет выглядеть как пренебрежение гостеприимством местных жителей, которые старались подготовить нам хорошее место для ночлега. Неужели у вас нет терпения и самолюбия, чтобы превозмочь такую небольшую трудность? Если впредь обнаружатся поступки, наносящие ущерб репутации нашей делегации, то в зависимости от тяжести вины буду отсылать обратно на Родину.

Лишь тогда экскурсанты узнали, что этот молчаливый и спокойный мужчина, бывший партизан, мучаясь всю ночь от

укусов клопов, оставался в комнате, чтобы не обидеть гостеприимных хозяев. Впоследствии через экскурсантов молва об этом случае дошла и до меня.

Сразу же при моем прибытии в тайный лагерь члены Детского отряда в Мааньшане с возгласом «Полководец!» выбежали из бревенчатого домика и бросились ко мне наперегонки друг с другом. Услышав крики детей, которые, ударяясь о свод над лагерем, разнеслись трелями серебряных колокольчиков, я, возбужденный, с вспыхнувшим, как огонь, чувством быстро зашагал кребятишкам. Да, это те, те дети! Да, это они последовали за революционной армией, перебираясь через высокие горы и снежные равнины, пробиваясь сквозь море лесов и заросли колючего кустарника. Чтобы отомстить врагам за всех родных, погибших истерзанными, пронзенными и сожженными в огне. Именно эти ребятишки в этой жестокой, негостеприимной горной глуши, подобной концентрационному лагерю, огражденному невидимой колючей проволокой, в глубоком горе ждали нас всю зиму, несправедливо подозреваемые в связях с «Минсэнданом».

Национал-шовинисты и «левые» оппортунисты привыкли насмехаться и жестоко обращаться с массами, возвысив над интересами народа призывы с ультрареволюционным «принципом» и «классовостью». Они отвернулись от детей, утверждая, что они являются обузой для революционной армии. Само пребывание этих детей вблизи, по их мнению, создает опасность того, что будет раскрыто месторасположение лагеря. И потому ради собственной безопасности они отдельно построили свое небольшое «царство» и жили особняком, забравшись в глубь леса. Они запретили детям показывать возле этого леса даже свою тень. В жестокую стужу дети дрожали от холода и страдали от постоянного недоедания, питаясь одним отваром кореньев. Но эти подобные недобрым отчимам люди и не подумали отнести им даже пригоршни зерна или снабдить

хоть кое-какой сносной одеждой.

Те, кто бросал в сторону этих детей теплый, ласковый взгляд, кто смазывал им мазью и бинтовал раны, кто согревал дыханием их замерзающие руки или щеки, кто ласково гладил их по головам или ронял слезы, прижав к себе горько плачущих ребятишек, — все без исключения вносились в списки «минсэндановцев» и подвергались преследованию.

Ким Рак Чхон, исполнявший после гибели Юн Чхан Бома обязанности командира отдельного полка и бывший метким стрелком, по пути в Мааньшань вместе с членами Детского отряда не вытерпел безобразного вида детей в лохмотьях и распорядился сшить для них одежду из ткани для военной формы, которая имелась у хозяйственников полка. Дети благодарили командира полка со слезами на глазах. Но из-за своего благородного поступка Ким Рак Чхон с обидным ярлыком «минсэндановца» был казнен. В этом тайном лагере сочувствие к детям объявлялось преступлением, а холодное обращение с ними, наоборот, — заслугой. Здесь совершенно не ощущалось ни истинно человеческого, ни коммунистического духа. Блестевшие от слез глаза десятков детей, волною бежавших ко мне со сжатыми кулачками, справедливо обвиняли в преступлении негодяев, лишенных человеколюбия и даже элементарных правил человеческой морали.

Но вот в толпе детей, запыхавшихся от бега, вдруг произошло какое-то колебание. Бежавший впереди самый большой мальчуган словно столкнулся с каким-то препятствием, остановился посреди поляны. Он, как вкопанный, не решался двинуться дальше. Вслед за ним остановились и другие дети, будто столкнувшиеся со скалой большие волны, прекратили горячий бег. Остановившись, ребята стали украдкой поглядывать на меня издалека. Глядя на толпу стоявших в нерешительности детей, я тихонько спросил у Пак Ен Суна:

— Товарищ Пак Ен Сун, что случилось с ребятишками?

— Кажется, стыдятся. Посмотрите на их одежду.

Я обратил внимание на их наряды. По правде говоря, от одежды оставалось лишь название. На самом же деле они были почти голыми. Прожженная, оборванная и продырявленная бывшая их одежда превратилась в лохмотья, что вернее бы было назвать их барахлом или тряпками. Лица детей, постоянно боровшихся с голодом, месяцами испытывавших смертельную опасность, были все до одного бледные, как лист бумаги.

Ужасный вид этих маленьких мучеников вдруг заставил меня вспомнить о младшем братишке Ен Чжу, с которым я ни разу не смог встретиться после разлуки в Сяошахэ. По возрасту он был почти одинаковым с этими ребятишками. Перед глазами встал образ младшего братишки, который, глотая слезы, провожал меня вместе с Чхоль Чжу в зарослях камышей, доходивших до пояса. Я подосадовал на свое бездушие, ибо быстротечно миновало уже 4 года, за которые мне так и не довелось послать ему даже единой весточки после того, как покинул Сяошахэ, попросив близких соседей, не бывших мне ни родными, ни однофамильцами, позаботиться о его будущем. Ким Хе Сун, встретившая меня весной в 1936 году в тайном лагере в Дунгане, коротко сказала мне о Ен Чжу. По ее словам, мой брат вел в Аньту работу Детского отряда и в 1935 году,— то ли весной, то ли летом, побыл несколько дней в Чэчанцзы с группой юных агитаторов, которая выступала с концертом. А она в то время готовила для них еду.

Ким Хе Сун сказала, что на нее произвела большое впечатление песня, которую пел Ен Чжу, и даже прочитала наизусть ее слова. Эту песню пели члены детского союза Сэнар и Пэкса некого союза молодежи, когда мы в Фусуне руководили работой группы художественной самодеятельности.

Дорогие друзья, участники этой встречи!
Берегите, прошу, поясницы и плечи.

Поясницу сломать, сотрясаясь от смеха, —
Какая ж тебе от того потеха?
Тогда ни к чему ни лекарь Хуа То, ни Пянь Цюэ.
Уж лучше, друзья, давайте в присядку станцуем.
Дай в пляске у всех ходуном ходят плечи.
Берегите ж свои поясницы, участники этой встречи!

Хуа То и Пянь Цюэ были известными медиками в древнем Китае.

Весть, которую передала мне в Дунгане Ким Хе Сун, стала для меня большим утешением. Но в ту пору, когда я направлялся к детям в Мааньшань, мне не было известно местонахождение моего братишки.

Дети столпились на одном месте, словно груда сорванных ветром с деревьев поздней осенью листьев, и не смели ни приблизиться ко мне, ни отдалиться. Глядя в полные печали их глаза, я подумал: «Не дрожит ли, как эти дети, где-нибудь и наш Ен Чжу из-за голода и холода, не тоскует ли он без пищи и одежды, как эти, по своему бессердечному брату?..»

Между тем можно ли с маху надевать колпак «минсэнданов-Ца» на ребятишек, которые последовали до этого глухого леса, чтобы сражаться за революцию? Неужели у подобных сварливых и отвратительных людей нет даже способности сообразить, что эти дети не «минсэндановцы», что они и не могут быть ими? Нет у них даже ни капельки чувства милосердия и сострадания, чтобы пожалеть их и позаботиться о них? Как эти люди, давшие одно время твердую клятву принести свою жизнь на алтарь дела освобождения человечества, могли так безжалостно бросить на произвол судьбы детей, — тех, которые являются самыми слабыми среди людей и не имеющими пока самостоятельности существами?

Писатель Пан Чжон Хван, известный деятель движения в защиту детей, первым в истории нашей страны придумал отдель-

ное слово «орини» (дитя — ред.) и установил праздник «Детский день». В своей статье «Обещание в Детский день» он обратился к людям всего мира со следующим призывом:

«...Ставьте детей выше, чем взрослых.

Сравнивая взрослого с корнем, ребенка можно сравнить с побегом. Если корень как основа возвысится над побегом и будет давить его, то дерево погибнет. Будет расти лишь то дерево (подразумевается участь того дома), корни которого способствуют росту побега...»

Этот отрывок приведен из листовок, которые он напечатал и распространил, встречая Детский день — 1 мая 1923 года. В каждой строчке этого призыва слышна его особенная любовь к детям.

Когда я ходил в Чхандокскую школу, учитель Кан Рян УК при встрече с родителями учащихся тоже часто говорил им похожие слова. Неизвестно, целиком ли он позаимствовал свой призыв из «Обещания в Детский день» или обработал его на свой лад. В общем, когда он разъяснял родителям, что надо беречь детей, что без этого взрослые не смогут получить от них уважения, мы всякий раз думали: в этих словах кроется истина.

Призыв ставить детей выше, чем взрослых, являлся голосом благородного разума, который мог исходить лишь из сердец людей, любящих потомков больше, чем себя.

С каким высоким пафосом отражается любовь к потомкам в мудром изречении «Мир без детей — это мир без солнца»!

Великие люди мира, оставившие свои имена на страницах истории, все до одного горячо любили детей. То, что К. Маркс был верным другом детей, передается не только в записках К. Либкнехта. Эпизоды о том, что этот великий человек для развлечения любимых детей становился «лошадью» или «каретой», служат предметом веселых воспоминаний всех людей. Потомки до сих пор хранят благодарную память о швейцарце Песталоцци, и это становится понятно, когда узнаешь, что он

был прекрасным педагогом, отдавшим все свое состояние и всю свою жизнь детям.

Все великие люди Востока и Запада, которых человечество помнит, были настоящими друзьями, наставниками и родными людьми для детей, считали любовь к потомкам высшим проявлением морали.

Ну как же могли довести детей до такого жалкого состояния хозяева Мааньшаня, не являющиеся ни аристократами, ни буржуазией, — коммунисты этого тайного лагеря, которые, стоит им едва раскрыть рот, только и говорят о человечности и твердят об освобождении человечества, как буддисты — формулу «слава будде Амитабе»?!

Я был не в силах сдержать нахлынувший гнев. Было до дрожи ужасно, что так жестоко растаптывается в нераскрытых бутонах чистая воля ребятишек, считавших саму революцию священнее своих жизней. Я был одним из тех, кто достаточно хорошо знал этих детей. Я лучше других знал, как в Чэчанцзы эти дети вместе со взрослыми претерпевали голод, как в Нэдосане, помогая Народно-революционной армии, они носили бойцам порции еды — комки вареного риса и денно и нощно стояли на часах. Эти отдельные картины из жизни детей полностью и ясно запечатлелись в моей голове, точно главное содержание романа.

Среди детей я увидел девятилетнего Ли О Сона из Байцаогоу. Он весь дрожал под подмышкой у ребят постарше, как вымокший под дождем цыпленок, и стоял, зажав голое колено замерзшими руками. По одной лишь биографии этого мальчика вполне можно оценить жестокость неимоверных трудностей и лишений, которые пришлось испытать детям, находящимся в Мааньшане. Уже в Чэчанцзы он видел массовую смерть от голода. Как и другие дети. Ли О Сон, голодая, ловил и ел пребывающих в зимней спячке лягушек или жевал семенные зерна, выискивая их на полях, где едва закончился весенний сев.

Отец Ли О Сона тоже умер в Чэчанцзы голодной смертью. О Сон срезал на поле колосья ячменя и, растерев их ладошками, совал в рот отца зернышки — их было меньше одной горсти! — но так и не смог уберечь его от смерти.

Ли О Сон вместе с несмышленой сестренкой преодолел весенние перебои с продовольствием, питаясь корнями трав и корой деревьев. Затем брат с сестренкой покинули Чэчанцзы и последовали за Народно-революционной армией, уходившей в Нэдосан. Но и его стали подозревать в причастности к «Минсэндану» — лишь потому, что он приходился шурином Ким Рак Чхону.

14 членов Детского отряда под предводительством Сон Мен Чжика в пути к Нэдосану, превышающем сотни ли, в полной мере проявили несгибаемую волю и преданность революции. Эти качества были выпестованы в процессе неустанной организационной закалки. Впереди путь им преграждали снежные сугробы до пояса и обрывистые горные перевалы, а с тыла наступали на пятки своры карателей.

Продукты кончились в первый же день похода. Голод утоляли, жуя сорванную сосновую хвою или откусывая по маленькому кусочку от снежка. В тот день, когда одна кукурузная лепешка делилась на 14 ребят, можно было говорить, что им досталась обильная пища. На ночевках под открытым небом Сон Мен Чжик, Чу До Ир, Ким Тхэ Чхон и другие ребята побольше из старших групп, как наседки, прикрывали своими телами маленьких детей, которым было менее десяти лет. Подремав понемногу, они по очереди следили за окружающей местностью.

Ведя за собой ребят, руководитель Детского отряда Сон Мен Чжик проявил особую организаторскую способность и умение командовать. Уже в пору пребывания в Ванъюйгоу он хорошо проявил себя в работе Детского отряда. Одно время, пробравшись во вражеский район, он участвовал в подпольной

работе под руководством Ким Чжэ Су. С семилетнего возраста Сон Мен Чжик начал изучать в частной школе содан традиционные науки. Ему еще не исполнилось и десяти лет, когда он уже успел заучить 1000 букв иероглифа и «Менсин богам», так что благодаря умению быстро срисовывать и хорошей памяти он оказался вполне подходящим для подпольной работы. Будучи членом Детского отряда, он привел в действие организацию, изгнав из школы семь реакционных учителей, включая и преподавателя японского языка. Это позволило ему с ранних лет заслужить доверие революционеров.

Семья Сон Мен Чжика, члены которой из поколения в поколение твердо наследовали дух любви к стране и нации, была по-настоящему революционной. До и после «аннексии Кореи Японией» его дед выступал одним из предводителей Армии справедливости, а отец Сон Хва Чжун был революционером, занимался подпольной работой, прикрываясь должностью старосты ста дворов. Двоюродный брат отца Сон Мен Чжика Ким Бон Сок (подлинное имя Сон Бон Сок) сражался в небольшом отряде и, к сожалению, погиб за несколько часов до освобождения Родины. В свое время он был верным моим ординарцем.

Ребята добрались до этой лесной глухомани, согревая замерзающие руки своим дыханием. Они решили: пусть придется хоть погибнуть, но будем следовать за революционной армией. Тогда, когда сынки богачей объедались обильными блюдами за столами, инкрустированными перламутром, им приходилось спать урывками у костра, накрывшись сухими листьями, лелея мечту о возрожденной Родине. Так какая же вина может быть у этих детей?! Если уж нет сил и возможностей дать им шелковую одежду и белый рис, то почему же нельзя одеть их хотя бы в простую бязевую одежду и кормить соевой похлебкой?

— Ребята, поднимите головы. Не ваша вина, что вы одеты в рваную одежду. А ну, идите-ка скорее сюда!

Я с распростертыми руками стал приближаться к детям. Не

успел я высказаться до конца, как десятки маленьких и больших ребятишек, обступив меня со всех сторон, громко зарыдали.

Вместе с рыдающими детьми я вошел в казарму. В одном углу без одеяла, свернувшись калачиком, лежало четыре-пять ребятишек, которые, как оказалось, уже несколько дней не поднимались с места из-за болезни. Я спросил ребятишек, чем они болеют, но они промолчали. Бойцы, охранявшие лагерь, сказали что-то об изнурительной хронической болезни, но никто не мог назвать ее точно. Кроме Пак Ен Суна, никто не знал, что это душевная болезнь. Как же дети могли назвать болезнь, когда этим ни в чем не повинным детям, что дороже сапфира, нацепили ярлык «минсэндановца»?!

Я подозвал ординарца и велел ему вынуть из вещевого мешка одеяло. Это одеяло было у меня единственным. Оно досталось мне в качестве трофея после налета на обоз японских войск во время моего пребывания в Ванцине. Казалось, что мне будет немного спокойнее, если я накрою больных ребят хотя бы этим единственным моим одеялом. Бойцы, угадавшие мое намерение, стали с шумом рыться в своих вещевых мешках и вынимать свои одеяла. Я подтолкнул их обратно к хозяевам и сказал:

— Товарищи, не надо. Эти дети свалились от болезни и дрожат от холода. Так что на душе у меня не станет теплее, хотя я укрою себя и сотней одеял. Если вы желаете проявить ко мне внимание, то надо бы сначала позаботиться об этих детях.

При моих словах хозяйственники лагеря низко склонили головы. Охрипшим голосом я продолжал:

— Сегодня здесь мне приходится еще раз глубоко осмыслить взгляд революционера на достоинство. Зачем же мы начали революцию? Зачем мы продолжаем ее и поныне, несмотря на неисчислимые трудности? Мы вступили на путь революции не из-за стремления разрушать что-то, а от того, что любим человека. Ведь мы все поднялись на борьбу против

этого ненавистного мира, чтобы освободить человека от всех несправедливостей и дурных привычек, чтобы защитить человеческое и отстоять созданные человеком богатства и красоту. Если бы у нас не было сочувствия к классу, подвергающемуся унижениям, и сострадания к нации, рыдающей от горя из-за потери страны, если не было бы чувства любви к родителям, женам и детям, изнывающим в нищете и бесправии, то мы бы не выдержали ни дня испытаний и вернулись бы в свои дома с теплыми полами.

Как же мы, коммунисты, продолжал я, могли оставить без внимания детей, которые дошли до такого состояния? В ваших душах начала затухать искренняя любовь к человеку, которую вы сохраняли, вступая на путь революции. Сейчас я досадую, размышляя именно над этим вопросом. В определенном значении можно сказать, что наша революция является революцией для потомков. Коль мы не можем дать потомкам даже ложку каши или сшить для них одежду, то как же нам можно говорить, что совершаем революцию, как же нам с гордостью называть себя коммунистами? Потомки — цветки класса, цветки нации и цветки человечества. Забота об этих цветках — священная обязанность коммунистов. В зависимости от того, как мы вырастим потомков, решается и будущее революции. Революция не заканчивается в одно поколение, она завершается несколькими поколениями. Сегодня мы выполняем роль хозяев, ответственных за революцию, но завтра подрастут эти дети и станут главными силами, взявшими на себя дело революции. Следовательно, чтобы быть до конца преданными корейской революции, мы должны заботливо растить резервы, призванные принять эстафету нашей революции. Кроме того, ведь эти ребята — дети погибших наших соратников. Мы обязаны беречь и тепло заботиться о них хоть бы и для того, чтобы соблюсти долг перед нашими соратниками. Как же человек, отворачивающийся от детей из-за боязни каких-то

притеснений со стороны начальства, сможет подставить свою грудь под дуло вражеской винтовки? Вы, товарищи, забившиеся лишь ради себя в наглухо закупоренную приспособленческую скорлупу, стали, сами того не сознавая, заурядными людьми, утратившими сострадание и закрывающими глаза на несчастья, которым подвергается человек. Товарищи! Подумайте! Могут ли так поступать коммунисты, вышедшие преобразовать весь мир?

Равнодушное отношение к детям подразумевает и равнодушие, по сути, к самому себе. Если мы не будем заботиться о них или, думая лишь о своем благополучии, отвернемся от них, когда они попадут в затруднительное положение, то в далеком будущем потомки даже не оглянутся на нас. Прилагаемые нами для потомков усилия определят, с каким чувством они будут вспоминать нас через десятки лет, и определят во многом облик Родины, которая будет построена ими. Чем больше любви мы проявим сейчас к своим потомкам, тем богаче, цивилизованнее и краше станет в будущем наша Родина!

Товарищи! Любовь к потомкам прямо означает и любовь к будущему. Этими детьми наша Родина будет построена как ярко расцветающий сад. Давайте же во имя будущего Родины и человечества будем лучше ухаживать за детьми, заботиться о потомках!..

В тот день в казарме я высказался примерно так.

Это, можно сказать, моя точка зрения на потомков, которой я неизменно придерживаюсь и сегодня, став человеком 80-летнего преклонного возраста. Я и поныне испытываю наивысшую гордость и счастье в любви и заботе о потомках.

Какая же будет в нашей жизни радость без потомков? В качестве одного из пунктов повестки дня первого заседания Временного народного комитета Северной Кореи мы выдвинули вопрос о производстве карандашей; каждый новогодний праздник веселимся вместе с детьми, — и все это выражает мою точку

зрения на потомков. Наша любовь к подрастающему поколению выражается также в уважении и любви к преподавателям, ответственным за обучение и воспитание детей.

Среди первых членов Кабинета Министров Республики был министр здравоохранения Ли Бен Нам. Еще до освобождения страны он энергично занимался медицинской деятельностью, был известным педиатром, доктором наук, искренним патриотом с развитой национальной совестью. Прибыв из Сеула в Пхеньян для участия в Апрельском совместном совещании представителей Северной и Южной Кореи, он по нашему предложению стал первым в Республике министром здравоохранения. Из его моральных качеств самыми примечательными были горячая любовь к детям и великолепное обращение с ними.

Педиатр Ли Бен Нам постоянно носил в кармане погремушку и успокаивал ею плачущих детей. Даже страдавшие от тяжелой болезни дети при звуках этой погремушки переставали плакать и спокойно вверяли себя в руки обследовавшего их врача. Лукавыми гримасами лица, превосходящими комическую мимику клоунов, и интересными шутками, вызывающими смех до боли в животе, он заставлял пациента расслабляться, мгновенно проводя все медицинские процедуры. Благодаря такому искусному умению он повсюду завоевывал уважение маленьких больных, становился их добрым другом.

Моя дочь Ген Хи заболела корью. Тревогу вызывало недостаточное появление сыпи. К тому же она простудилась на сквозняке и схватила воспаление легких. Дочь не прекращала плакать, звала мать. Каждый раз, когда младшая сестренка страдая от болезни, проливала слезы, Ким Чен Ир (ныне секретарь ЦК партии по организационным делам) утешал и наказывал ей: «Ген Хи! Нельзя перед папой звать маму!» Врачи педиатрического отделения из правительственной больницы беспокоились, не зная, что делать. В это время к больной Ген Хи прибыл министр здравоохранения Ли Бен Нам.

Не вынимая стетоскопа, Ли Бен Нам начал внимательно наблюдать за состоянием больной. Затем он поставил диагноз: «Гм, воспаление легких обострилось сильнее кори...» По его распоряжению педиатры немедленно начали давать больной кислород. Бывшая без сознания Ген Хи через день заплакала и вышла из коматозного состояния. А затем появилась и нормальная сыпь.

Я спросил у Ли Бен Нама:

— Доктор, скажите, пожалуйста. Почему плачет ребенок?

— Это хороший признак. При выздоровлении дети обычно начинают плакать. По-моему, через три дня ваша дочь совсем поправится.

Ли Бен Нам отвязал свои карманные часы с золотой оправой, цепочкой и даже с янтарной игрушкой и помахал ими перед носом Ген Хи. Эти золотые часы были своего рода успокоительным средством, которое он применял вместе с погремушкой для утешения маленьких больных. Дочь перестала плакать, в уголках ее рта всплыла улыбка. Действительно, через три дня она выздоровела.

Я не смог скрыть восхищения, видя, как он искусно, умело лечит детей.

— Просто удивительно! Как же так полностью оправдывается ваше предположение? Вы, доктор Ли, больше, чем врач, - друг детей и детский психолог. Выходит, что педиатры должны более других горячо любить детей.

— Да, это так. Без любви к детям нельзя приставлять стетоскоп к их груди...

Осенью 1950 года я встретил Ли Бен Нама в Косанчжине. В его облике все было прежним, за исключением одной детали: вместо золотых часов он носил теперь непривлекательные карманные часы без шнурка, которые при необходимости вытаскивал из кармана. Я спросил у него, куда он дел поблескивающие часы, которыми успокаивал Ген Хи, Он ответил, что сдал их в

фонд военных нужд страны. Я был глубоко тронут патриотической преданностью и искренностью совестливого человека Ли Бен Нама, который стремился вложить все свои силы во имя победы в войне. Его карманные часы были слишком неважными, так что после я подарил ему новые — наручные.

Через этот маленький эпизод я еще раз горячо почувствовал истину, что искренним патриотом может стать лишь тот, кто искренне любит потомков, а настоящим патриотом — тот, кто проявляет к человеку настоящую любовь. Любовь к потомкам является самой самоотверженной и горячей любовью среди всей человеческой любви, самым незапятнанным и прекрасным из гимнов, посвященных человечеству. Коммунисты — творцы именно этого гимна, служащие ему, борющиеся за него.

Если бы в Мааньшане находился хоть один друг детей, подобный Ли Бен Наму, то положение членов Детского отряда там не дошло бы до такого скверного состояния.

Я подумал, что настала самая подходящая пора истратить двадцать юаней, которые мать оставила мне в наследство перед своей смертью. Она наказывала использовать их, когда наступит настолько тяжелое положение, что без денег никак нельзя будет пробиться вперед. Эти собранные по монеткам деньги были плодом изнурительного труда; матери приходилось работать за плату до того, что кровоточили пальцы.

В детстве я не имел представления о деньгах. Наш отец при жизни никогда не давал денег детям. Покупать тетради или карандаши он просил мою мать, а мне ходить в магазин или на рынок не позволял. У отца сложилось такое мнение о деньгах: человек, пристрастившийся к ним с детства, повзрослев, может стать скупердяем или обывателем, не признающим ни Родины, ни нации...

Однажды отец, будучи больным, предложил мне вместе с ним прогуляться по улице. До этого не было случая, чтобы отец, почти не выходивший на улицу из-за болезни, пошел со мной

просто на прогулку. Бывало, правда, что он иногда брал меня с собой, но это случалось, если ему требовался переводчик, так как сам он неважно владел китайским языком. Я был его верным «переводчиком».

«Видимо, есть срочное дело, коль уж он собирается идти, несмотря на тяжелую болезнь. Каких же людей он торопится встретить сегодня?» — подумал я, помогая ему подняться с постели.

Но когда я, взяв отца под руку, выходил на улицу, мне не пришло в голову, что сегодня — день моего рождения. Мысль о больном отце до того угнетала меня, что мне было не до этого.

Отец прошел всю улицу и вдруг, взяв меня за руку, вошел в магазин. Это был удивительный случай, перевернувший все мои предположения. Когда я, размышляя — зачем же он вошел со мной в магазин, молчаливо рассматривал витрину, отец предложил мне выбрать карманные часы по своему усмотрению. На витринах того магазина было выставлено много разнообразных карманных часов, а некоторые даже были с изображениями Сунь Чжуншаня.

Я выбрал карманные часы без образа Сунь Чжуншаня, и отец заплатил за них три юаня пятьдесят фыней. Затем он серьезно сказал мне:

— Настала пора и тебе носить часы. Есть два момента, которыми обязан дорожить человек, выступивший на борьбу за возрождение страны. Один из них — товарищ, другое — время. Я вручаю тебе этот подарок в день твоего рождения, чтобы ты дорожил временем, так что хорошенько храни его.

Слова отца о том, что настала моя пора носить часы, я воспринял как признание того, что я возмужал. Вместе с тем эти слова почему-то воспринимались мною как отцовское завещание. И в самом деле отец тогда, казалось, уже предчувствовал, что ему недолго осталось жить. С таким предчувствием он вместе с часами передал мне дело независимости, на которое

положил всю свою жизнь. Этот случай, можно сказать, представлял своего рода обряд посвящения юноши во взрослые.

Отец вскоре скончался — не прошло и двух месяцев, как он купил мне карманные часы в подарок ко дню рождения. Потом я, постоянно храня при себе эти часы, поступил в училище «Хвасоньисук», где встретил товарищей-единомышленников и создал Союз свержения империализма. Мы и в партизанскую пору каждый день именно по этим часам соблюдали распорядок дня, сверяли и уточняли по ним время, договариваясь о начале наступления или выхода на связи.

Вместо тех карманных часов я начал носить наручные — к моменту боя в Почхонбо. Говоря, что мои карманные часы стали старьем, соратники предложили мне носить новые наручные. По их мнению, это как раз то, что нужно командующему. Таким образом, мои карманные часы я, проносив десять лет, отдал другому товарищу, а сам стал носить современные наручные...

Мой отец поступал таким образом, чтобы я до вступления на путь революционной борьбы рос, не зная денег. Покупать вещи в магазине и платить за них самому мне случалось лишь во время моего пребывания в Гирине.

Читатели ничуть не удивятся, если я скажу, что такой порядок способствовал воспитанию у меня равнодушия к деньгам. Подводя итоги своей 80-летней жизни, полной больших трудностей, мне хочется сказать потомкам: «Если человек будет пленен деньгами или вещами, он станет негодяем, не думающим ни о партии и вожде, ни о Родине и народе, в конце концов, не признающим ни родителей, ни жены, ни детей».

Строгий контроль над тем, чтобы дети с детства росли, не зная денег, был специфическим обычаем нашей семьи, который установил мой отец.

Но перед своей кончиной мать впервые нарушила этот семейный обычай и передала мне в наследство двадцать юаней. В этих деньгах были как бы спрессованы, собраны воедино тяготы

всей ее жизни.

Чувствуя, что вся жизнь матери, полная невзгод, сконцентрирована в этих бумажках, я бережно принял от нее деньги. Двадцать юаней\ Они были для меня как бы талисманом. Вместе с ними я не чувствовал ни голода, ни холода, ни страха. Казалось, что мать постоянно находится возле меня и охраняет меня всем своим телом и душой. Я решил ни в коем случае не тратить эти двадцать юаней в личных целях. Хотелось по возможности навсегда оставить при себе эти деньги в знак любви матери к сыну.

Но суровая действительность несколько раз заставляла меня колебаться. Я не раз то засовывал в карман, то вынимал обратно руку, не решаясь израсходовать эти деньги. С нами случалось множество ситуаций, когда нельзя было обойтись без денег.

При прощании с незабываемым стариком Ма, который спас нас на плоскогорье под Лоцзыгоу, я хотел отблагодарить его этими двадцатью юанями, которые дала мне моя мать. Ведь выражение признательности тому, кто спас жизнь, — это закономерный поступок человека. В горном шалаше старика мы около двадцати дней извели почти весь его годовой запас продовольствия. Ведь меня упрекало бы даже небо, если я, имея в кармане деньги, не выразил бы ему благодарности. Но, подобный небожителю, тот старик так и не принял моей искренней платы за добро. Отказываясь от денег, он говорил о том, что в борьбе за возрождение страны впредь могут быть случаи намного опаснее нынешних, вот тогда эти деньги и надо будет использовать; а он, старик, уже почти на грани смерти, в этой горной глуши деньги ему не требуются, их некуда тратить, даже если он и возьмет их; средства для существования он может добыть, ловя зверей в капканы.

Через такие-то вот перипетии эти двадцать юаней, в которых отражалась любовь матери, по-прежнему оставались в моем

кармане в целости и сохранности. Если на эти деньги приобрести одежду для раздетых членов Детского отряда, то обрадуется и мать.

«Мама, прошло четыре года, как я, получив от тебя эти деньги, разлучился с тобой. За это время пришлось испытать немало затруднительных моментов. Думая о будущем времени, я кое-как сохранял эти двадцать юаней. Но сегодня все-таки придется истратить их. Придется купить одежду для этих жалких ребятишек, у которых на свете нет никого родных. Я хорошо понимаю, что впредь могут наступить еще более критические моменты. Но я уже принял решение в своем сердце, так что прошу тебя, мама, поддержать меня. Ведь ты прекрасно знаешь, как сильно я люблю детей», — обратился я мысленно к матери, одиноко лежащей вдали на холодном бугорке в Туцидяне.

— Возьмите эти двадцать юаней, купите на них в Фусуне материал и сшейте из него для ребят одежду, — приказал я комиссару полка Ким Сан Хо.

Ким Сан Хо был вынужден взять эти деньги, но чувствовал большую неловкость. Этот настоящий мужчина лучше других знал обстоятельства, связанные с этими деньгами. Уже с поры в Уцзяцзы, когда он потерял палец в соломорезке, работая батраком у помещика, он активно участвовал вместе с нами в работе Антиимпериалистического союза молодежи.

— Это ваше распоряжение, товарищ командующий, я исполню. Но все-таки у меня почему-то дрожат руки. Ведь это какие деньги! — сказал он.

После этих слов он направился в Фусун и купил там семь или восемь рулонов ткани, похожей на габардин, по десять фыней за ча (мера длины, равная 30,3 см — ред.). Ким Сан Хо потом говорил, что, несмотря на свою богатырскую силу, тащил эти рулоны, высунув язык. Как назло, при возвращении он напоролся на остатки разгромленного лесного отряда, превратившиеся в местную банду, и был дочиста ограблен. Грабители привязали

Ким Сан Хо к дереву и удрали. Из-за этого комиссар, хотя и был изрядно силен, чуть было не замерз до смерти. Высланный нами на розыски небольшой отряд спас Ким Сан Хо и в целости вернул материал, захваченный лесным отрядом.

Купленной материи, конечно, не хватало, чтобы сшить одежду всем детям в тайном лагере. Я написал Чжан Вэйхуа письмо и послал с ним Ким Сан Хо обратно в Фусун. Ким Сан Хо при помощи Чжан Вэйхуа добыл много ткани. Из этого материала мы сшили одежду для всех детей и для тех более ста партизан, которые, сняв с себя ярлык «минсэндановца», вступили в новую дивизию. Только после этого от сердца немного отлегла душевная тяжесть.

По правде говоря, эти двадцать юаней были не такими уж большими деньгами. Но я тогда почувствовал большое облегчение в душе. Затем мы отправились из Мааньшаня.

Дети, одетые в новую одежду, очень радовались. Они стали упрашивать меня, чтобы я взял всех их с собой. Несмотря на возражения многих людей, я охотно удовлетворил их просьбы. Кроме нескольких слишком маленьких детей и больных ребят, которые не могли бы следовать за нами, большинство членов Детского отряда вышли в далекий трудный путь вместе с нашими отрядами, направлявшимися на юг. То, что передвигавшаяся в партизанских боях туда и сюда революционная армия имела с собой немало ребятишек, которым было немногим более десяти лет, было, конечно, сопряжено с некоторым риском. Несмотря на то, что этого еще не было в истории партизанской борьбы и это даже противоречило элементарному знанию, я все-таки решил водить детей с собой, чтобы закалить их в огне и сделать из них стальных людей. Детям очень трудно было перебираться через бурелом или переходить через реку. Так что мы дали бойцам отдельные задания — заботиться о детях в бою и в походе. И наши бойцы охраняли детей как зеницу ока. Они буквально лелеяли их, перенося на руках через повалившееся

дерево, переправляли на своих спинах через реку, прикрывали детей собственным телом от вражеских пуль.

Дети, прибывшие за мной в район гор Пэкту, впоследствии все до одного вступили в революционную армию и в ходе ожесточенной партизанской войны выросли в прекрасных военных и политических работников. Даже девятилетний Ли О Сон, которому не разрешено было вступить в армию, после некоторого пребывания в тайном лагере Дацзяньчан стал служить ординарцем Сунь Чансяна. Прибыв в Чанбай, он затем стал моим ординарцем. Когда мы в мае 1939 года, ведя за собой отряд, выступили в район Мусана, ему было всего двенадцать лет. Когда он из-за глубины не мог переходить через реку, я переносил его через нее на своих руках. Дети, которых мы в то время так бережно растили на своих руках, как наседка оберегает своих цыплят, сейчас уже играют ведущую роль на различных постах в нашей партии, в государстве и армии.

Я был так сильно потрясен обидой при виде одетых в лохмотья детей в Мааньшане, что решил после освобождения Родины непременно установить порядок, при котором государство будет бесплатно выдавать детям одежду. Уже во второй половине 50-х годов, когда у нас еще шло восстановление разрушенной и разоренной войной страны, мы начали создавать историю, что государство производит детскую одежду и снабжает ею детей. Это было чудом, которое могли создать лишь коммунисты Кореи, испытавшие страдание в Мааньшане. Ежегодно мы выделяем сотни миллионов вон на обеспечение детей одеждой.

Иностранные деятели, посещающие нашу страну, порою спрашивают у меня: не несет ли государство ущерб, расходуя такие большие средства без расчета на какое-либо возмещение? Почему государство снабжает детей школьной формой, когда каждый может купить в магазине необходимый материал и сшить из него одежду? Чем возмещаются убытки, неизбежные

при бесплатном снабжении детей одеждой?

В этих случаях я рассказываю им об обстоятельствах встречи с оборванными ребятишками в Мааньшане. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что политиканы капиталистических стран, не слышавшие грохота боев, когда мы вели антияпонскую войну, рассматривают этот вопрос только с точки зрения финансовых расчетов, не осознав глубокого исторического значения мероприятий правительства Республики. «Ущерб», понесенный государством во имя народа, — это не убытки. Больше расходуя денег на благо народа, наша партия испытывает и большую радость; потерпев значительный «ущерб» ради подрастающих поколений, наше государство испытывает более сильное удовлетворение.

Я убежден, что и впредь, пока в нашей стране существует социалистический строй и наследуются традиции Пэкту, будут предприниматься меры коммунистического характера вроде того, что государство снабжает детей одеждой.

Вместе со всеми детьми страны бывшие члены Детского отряда в Мааньшане и ветераны антияпонской войны посезонно получают новую одежду, в чем выражается забота о них секретаря ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ира.

Ли О Сон и Сон Мен Чжик, встретившиеся со мной в день моего 70-летнего юбилея, появились передо мной в новой военной форме, которую прислал им в подарок секретарь ЦК партии по организационным делам. Они сказали, что вспоминается пора в Мааньшане, но от волнения не смогли выговориться до конца.

3. Соратник по революции Чжан Вэйхуа (1)

Как было сказано выше, после возвращения Ким Сан Хо с тканью в Мааньшань, я тут же опять отправил его в уезд Фусун. Ткани он достал только на двадцать юаней. Из этого количества нельзя было сшить одежду для всех членов Детского отряда. Недостающую ткань можно было бы добыть в бою. Но у меня не было ни малейшего желания сражаться в этом укрепленном городке, с которым я имел давнюю связь. Успешное формирование новой дивизии преобразовало облик революционной армии. Мы находились в стадии бурного роста военно-политических сил Народно-революционной армии.

Если начать свои действия со стрельбы, не накопив силы, можно в Фусуне оказаться в тупике, столкнуться с массой трудностей на пути продвижения в район гор Пэкту.

Чтобы достать ткань, более правильным было бы обратиться за помощью к Чжан Вэйхуа. Только он, сын крупного богача, мой соратник по революции, активный работник подпольной организации, верный идеям борьбы против японского империализма, за спасение страны, мог принять близко к сердцу мои заботы как свои и всеми силами вывести меня из трудного Положения.

Когда я приказал Ким Сан Хо снова съездить в Фусун, он несколько растерялся от неожиданности. Ведь он только что оттуда возвратился. Но приказано вновь повторить этот путь.

В душе мне очень хотелось дать ему передохнуть, но ради

детей и формирующихся частей необходимо было еще раз поручить ему трудное задание: он был наиболее подходящим человеком, чем кто-либо другой, чтобы свободно общаться с Чжан Вэйхуа. Когда Чжан Вэйхуа — в детстве его назвали Чжан Яцин — работал учителем в Самсонской школе в Уцзяцзы, Ким Сан Хо вел там работу с молодежью в местной организации Антиимпериалистического союза молодежи. И хотя между ними не было ни связи по служебным делам, ни дружеских отношений, но все же прежнее знакомство могло бы послужить мандатом.

— Товарищ Сан Хо! Извините, что каждый раз, когда возникает трудное дело, обращаюсь к вам. Сам не знаю, но так получается. Видать, у вас слишком суровое начальство, не правда ли?

Такими словами я встретил Ким Сан Хо. Он, вернувшись в Мааньшань вместе с малым отрядом, спасшим его, передохнул от дорожной усталости и теперь появился передо мной, чтобы получить новое задание.

Несколько секунд он в упор смотрел на меня налитыми кровью глазами и сказал гулким голосом:

— Вы говорите вокруг да около. Не так, как подобает товарищу командующему. Скажите, пожалуйста, прямо, какое задание мне предстоит выполнить.

От его слов у меня на душе стало легче.

— Хорошо! Вам завтра утром снова надо идти в Фусун. Я решил направить вас к Чжан Вэйхуа. Придется воспользоваться его помощью. Вы помните того китайского юношу, который учительствовал в начальной школе в Уцзяцзы?

—А, того Чжан Яцина? Конечно! Не позабыть его застенчивого взгляда, когда он смотрит на людей сверх очков. Приятно было слушать, когда он играл на гитаре.

— Тогда все в порядке. Напишу рекомендацию. Возьмите ее и сходите к Чжан Яцину. Обходя весь город, потихоньку разведывайте. Доберетесь до улицы Сяонаньмынь, спросите, где дом

Чжан Ваньчэна. Чжан Ваньчэн и есть отец Чжан Вэйхуа. Он слыл крупным богачом в Фусуне.

По лицу Ким Сан Хо расплывалась блаженная улыбка. Выпятив грудь, он поднял на меня глаза.

Ким Сан Хо самодовольно ухмылялся, словно человек, едущий на прогулку в поле.

Он был мужчина-великан необыкновенно высокого роста, с натурой настоящего крестьянина, окруженного уважением своих коллег. Когда ему поручено какое-либо дело, настроение у него бывает чудесным. Если же оказывается не у дел — ходит унылым, словно впав в ипохондрию. Поэтому лицо его было своего рода барометром, точно показывающим его состояние: с делом ли он или без него.

В моем режиме дня самым золотым было предутреннее время. Оно целиком ушло на письмо Чжан Вэйхуа. Кто-то, точно не помню его имя, предложил сделать бочку для соевого масла с двойным дном и вложить туда письмо. Так и поступили. Ким Сан Хо, взяв бочку, в чудесном настроении спустился с горы Мааньшань. Предварительно его переодели, чтобы он походил на настоящего торговца соевым маслом. Об этом очень похлопотал Пак Ен Сун. Он достал одежду куда больше изношенную и засаленную, чем роба «кули». В таком виде легче пройти проверку военных и полиции.

Я с замиранием сердца ждал вестей от Чжан Вэйхуа. За те несколько ночей, которые я, не смыкая глаз, провел в ожидании Ким Сан Хо, все мои мысли были обращены только к Чжан Вэйхуа. Каждая минута ожидания Ким Сан Хо проходила в думах о Чжан Вэйхуа.

Как было бы хорошо, если бы я сейчас мог потихоньку спуститься в уездный центр, переодевшись, как Ким Сан Хо, хотя бы в «кули» с полотенцем, наподобие тряпья, на заднице, чтобы встретиться с Чжан Вэйхуа! Вместе с ним погулял бы на улице Сяонаньмынь, где есть мой старый домик, встретился бы с

учителями и товарищами по учебе в 1-м начальном училище, посетил бы могилу отца в поселке Яндицунь!

Не будь непочатого края дел, которые мне предстояло свершить, не будь у меня боевых друзей, которые охраняли меня надежнее, чем мои родные, то я бы, невзирая ни на какие трудности, рискнул отправиться в Фусун. Но в том краю, где меня так и подмывало побывать, слишком много было людей, которые знали меня. В ученические годы я большую часть времени проводил в Фусуне и был хорошо известен местной полиции и военным как неблагонадежное лицо. Фусун был еще одним логовом коварной военщины. Именно в этом городке я однажды был арестован чиновниками и пребывал в камере предварительного заключения. Но там, в Фусуне, прошел отрезок моих детских лет, находится могила отца, живет мой любимый китайский друг Чжан Вэйхуа. Поэтому я неизменно любил этот городок-капкан.

На перекрестке одной из улиц городка находился винокуренный завод «Дуншаого». Там состоялась моя встреча с Чжан Вэйхуа в июне 1932 года, во время похода в Южную Маньчжурию. Этот завод позже переименовали. Но поскольку он стал известен как историческое место встречи с Чжан Вэйхуа во время моего похода в Южную Маньчжурию, говорят, ему вернули прежнее название. Когда по случаю моего 80-летнего юбилея Чжан Цзиньчуань принес мне с этого винокуренного завода прославленное вино «Дуншаого», я вновь ощутил теплые чувства фусунцев ко мне. На месте нашей встречи я еще не раз вел беседу с Чжан Вэйхуа.

Мы делились широким кругом мнений о революции, о будущем. Тогда Чжан Вэйхуа поведал мне о том, что его жена в положении. Родившийся вскоре ребенок, его сын Чжан Цзиньчуань, ныне живет в Фусуне.

Тогда Чжан Вэйхуа с большим восхищением отзывался о солидном виде нашего отряда.

— Твои солдаты — очень бравые. Не прошло и года с тех пор, как мы встречались в вагоне поезда. Так быстро организовал ты армию. Ты, Сон Чжу, за это время сделал большое дело. Теперь ты сможешь свершить великое дело. Великолепно!

Он не переставал расхваливать меня, поднимая большой палец руки вверх.

Его щедрая, искренняя похвала вскружила мне голову.

— Вэйхуа, ты не превозноси меня. Мы сделали пока только первые шаги. Если сопоставлять наше дело с человеческим возрастом, то мы еще совсем младенцы. Но в появлении этого младенца на свет большую роль сыграли те десятки ружей, которые ты дал нам. Ты, можно сказать, один из акушеров при рождении нашей армии, совершивший подвиг, с которым нельзя не считаться.

— Это из ряда вон выходящая похвала. Ты не знаешь, как я ныне досадую на самого себя. Я теперь ни к чему негодный и недееспособный. Ты, Сон Чжу, вероятно, веришь мне и сейчас, как прежде?

— А как же, верю. Очень даже. Прежде река Сунгари повернет свое течение вспять, чем изменится чувство моей привязанности к тебе, Вэйхуа.

Вдруг он крепко пожал мне руку, поднял на меня глаза, полные сердечной просьбы.

— Если это правда. Сон Чжу, прошу принять меня в твой отряд. Я тоже хочу достойно бороться с оружием в руках против японского империализма. Если ты откажешь в моей просьбе, то я не отпущу тебя из Фусуна.

Я очень обрадовался этой прямой, без обиняков, просьбе.

— Вэйхуа, это правда?

— Конечно, правда! Я только и думал об этом с первого дня, когда твой отряд. Сон Чжу, вступил в Фусун. И жена поддерживает меня...

— А отец? Разрешит ли он?

— Отец ни при чем. К черту, разрешит ли он или нет. Раз я решил — точка. Помнишь, ты же сам в вагоне говорил; «К чему тут дом, когда страна обречена на гибель. Надо делать революцию. Не оглядываться на родителей». И Чэнь Ханьчжан, сын богача, встал на путь революции. Я же могу работать среди Армии спасения отечества.

— Твое решение последовать за партизанским отрядом очень похвально. Но, Вэйхуа, запомни, что революция совершается не на одном фронте вооруженной борьбы. Я советую тебе, Вэйхуа, остаться в Фусуне, чтобы вести революционное дело в подполье.

— Революционное дело в подполье? Значит, ты отказываешься принять меня в партизанский отряд?

— Я не говорю, что не приму. Просто прошу, чтобы ты работал на другом фронте. Революционная деятельность в подполье — воспитывать массы, сплачивать их в организации, — не менее важный фронт, чем вооруженная борьба. Если бойцы, действующие на этом фронте, не сумеют как следует сплачивать народные массы, то не будет прочной основы вооруженной борьбы. Поэтому мы решили открыть мощный подпольный революционный фронт и в районе Фусуна. Я прошу, чтобы ты стал командующим этим фронтом.

Вэйхуа, точно обессиленный, опустив голову, стал лениво протирать стекла очков.

— Значит, Сон Чжу, ты решил отодвинуть меня на второй фронт, куда не достигают вражеские пули. Знаю, что ты думаешь обо мне: я сын богача, жил в роскоши, значит, мне не под силу вынести муки и страдания. Не так ли?

— Чего мне делать вид, будто я не думал об этом. Тебе, Вэйхуа, с таким телосложением не под силу вести партизанскую жизнь — преодолевать неприступные горы, высокие и крутые вершины. Нечего греха таить. Я не говорю, что не верю тебе, а

беспокоюсь о твоей физической подготовке. Не думай уходить в горы и там навлекать на себя муки и страдания. Оставайся дома, занимайся фотографией, работай учителем и помогай нам в меру своих сил. Вот что я прошу делать. У тебя такое благовидное прикрытие — сын крупного богача. Ничего не скажешь, — оно поможет тебе замаскироваться, да и делать революцию.

И на следующий день я терпеливо уговаривал его.

В конце концов Чжан Вэйхуа внял моему совету, и спор прекратился. Провожая меня со слезами в день нашего отъезда из Фусуна, Чжан Вэйхуа сказал:

— Не думай, что я не хочу работать в подполье. Знаешь, почему я решил последовать за партизанским отрядом? Честно говоря, мое сокровенное желание — быть вместе с тобой, Сон Чжу. Жизнь моя без Сон Чжу — это все равно что оркестр без скрипки. Ты, наверное, не знаешь, как я скучаю по тебе. Не забывай меня, где бы ты ни был. У меня нет друга ближе и дороже тебя. От души желаю счастливого пути.

В тот день его я принял в нелегальную комсомольскую организацию.

С тех пор прошло четыре года. Это немалый промежуток времени. Но о Чжан Вэйхуа я постоянно помнил, и желание видеть его переполняло мое сердце...

С замиранием сердца я ожидал Ким Сан Хо.

Ким Сан Хо спустился в Фусун с бочонком соевого масла на спине. Торгуя маслом, он некоторое время обследовал уездный центр и узнал, что Чжан Вэйхуа ведает фотографией «Братья». Вывеска ее существовала для конспирации, на деле же здесь была штаб-квартира подпольных организаций в районе Фусуна. Чжан Вэйхуа прочно окопался в этой штаб-квартире, зарабатывал деньги, держал связь с членами организации. Ким Сан Хо обратился к хозяину: «Мне надо видеть вас, господин Чжан». Тогда Чжан проводил гостя в помещение для проявки негативов.

— Меня послал к вам Полководец Ким Ир Сен. Он сейчас

недалеко от Фусуна. Он велел мне узнать, как вы поживаете, и я по его поручению пришел к вам, — сказал Ким Сан Хо, обращаясь к Чжан Вэйхуа.

Чжан Вэйхуа с первого взгляда узнал Ким Сан Хо и не скрывал своей радости,

— О, Ким Сон Чжу! Значит, Сон Чжу находится недалеко от нас. Не сможете ли вы проводить меня к Сон Чжу?

— Пока это далеко отсюда. Трудно туда добраться. Потом подыщем подходящее место где-то поближе и сообщим вам. Тогда и встретитесь с ним.

Чжан Вэйхуа вперил в него недоверчивый взгляд. Но, прочитав мое письмо, он засветился от радости.

— Хорошо! Буду ждать вестей. Передайте Ким Сон Чжу мой привет, скажите, что я благодарен за письмо. Доложите ему, что я здоров и верен своему слову.

Ким Сан Хо, чувствуя себя на седьмом небе, возвратился в тайный лагерь в Мааньшань. Его доклад, полный новостей, стал поистине величайшим подарком, который могла бы преподнести мне весна 1936 года. Я, точно опьяненный благоуханием новой весны, не мог уняться и ходил вокруг тайного лагеря до боли в ногах. По моему предложению местом встречи с Чжан Вэйхуа была назначена естественная пещера, находящаяся недалеко от Мяолина в уезде Фусун.

Некоторые мои товарищи, узнав, что человек, с которым я намерен встретиться, сын крупного богача, владельца нескольких десятков гектаров земли и женьшеневых плантаций, имеющего многочисленных помещичьих полицейских, возражали против моего отъезда в Мяолин, считая это небезопасным, нежелательным.

— Товарищ командующий! Не знаю, уместно ли такое вмешательство в ваше дело. Насчет встречи с сыном богача Чжана я бы предложил хорошенько подумать. Хотя он вместе с вами учился в начальной школе и много лет участвовал в жизни

организаций, но классовая его природа остается такой же. Ни куда она не денется. Что ни говори, а он — сын эксплуататора.

Я тут же отрезал:

— Товарищи! Я благодарен за беспокойство обо мне, но не могу принять такой совет. Вы сейчас ссылаетесь на классовую природу и кричите «Караул!», как будто ваш командующий лезет в какую-то западню. Но я хотел бы сказать, что такой подход нельзя называть иначе, как надругательством над моим незаменимым соратником по революции Чжан Вэйхуа, над нашей политикой единого фронта.

— Товарищ командующий! Когда мы работали в местных организациях, нас учили, что классовая природа человека не меняется, нас воспитывали в духе непримиримой борьбы с богачами. И после вступления в революционную армию многие командиры воспитывали нас в таком же духе. Поэтому мы знаем, что между капиталистами и помещиками, с одной стороны, рабочими и крестьянами — с другой, действует единственный принцип: борьба. Что же касается эксплуататорских классов вообще, то нет иного пути, кроме свержения, ликвидации их, кем бы они ни были.

Противники моей поездки в Мяолин были не из тех, кто после нескольких поучительных слов покорно уступает свои позиции. Но нельзя было заставить их замолчать под предлогом того, что они декларируют ультрареволюционные фразы, противоречащие принципу революции. Еще до этого в наших отрядах было немало таких людей, которые, не умея творчески подходить к положениям из трудов классиков в увязке с революционной практикой, целиком проглатывали или механически применяли их. Вырванные из трудов Маркса и Ленина положения почитались ими как абсолютный кодекс, которым ни на йоту нельзя поступиться. Чтобы с корнем выкорчевать догматизм из сферы мышления, необходимо было терпеливо воспитывать их в теоретическом отношении.

— Бороться против эксплуататорских классов, — сказал я, — это, разумеется, похвальное дело. Помещики и капиталисты — враждебные нам классы. И я тоже признаю это. Но надо запомнить, что не следует ставить на одну доску всех помещиков и капиталистов. Среди помещиков и капиталистов есть не только патриоты, но и борцы против японского империализма. Вот он, Ким Сан Хо, хорошо знает об Уцзяцзы. Там живет помещик по имени Чжао Цзяфэн. Как щедро он помогал нашей революционной деятельности! Чжан Ваньчэн, отец Чжан Вэйхуа, оказывал нам еще более активную помощь, чем помещик Чжао Цзяфэн. Осенью 1930 года, когда мы вели в Уцзяцзы подготовку к вооруженной борьбе, Чжан Вэйхуа бесплатно дал мне десятки ружей, которые имела его помещичья полиция. Думаю, вы хорошо знаете, какой ценой было добыто каждое ружье, которое имеется у нас. В нашем отряде много было патриотов, отдавших свою молодость для приобретения одного ружья. Однако Чжан Вэйхуа дал нам сразу сорок ружей, тех самых ружей, которые нам приходилось добывать, рискуя жизнью. Есть ли основание не верить Чжан Вэйхуа?

— Я не собираюсь специально рассказывать здесь еще о том, — продолжал я, — с каким дружеским вниманием относилась к нам семья Чжана и как она помогала нашей семье. Но я хотел бы обязательно сказать о том, какой большой ущерб наносит делу нашей революции односторонняя трактовка классовости и классовой борьбы. Если трактовать по-вашему, то выходит, что такие помещики, как Чжан Ваньчэн, сколько бы они ни делали для пользы революции, должны быть ликвидированы только за то, что они выходцы из эксплуататорского класса. И наоборот, сыщики, вышедшие из среды рабочих и крестьян, какой бы большой вред они ни причиняли делу революции, должны быть привлечены на нашу сторону только по той причине, что они из трудового класса. Какая извращенная

логика! При оценке человека коммунисты должны всегда стоять на справедливых позициях. Это значит — независимо от принадлежности, вероисповедания и сословий, оценивать людей по их делам, оценивать их по заслугам. Кроме того, в оценке человека коммунисты всегда должны стоять на научно обоснованных позициях. Стоять на научно обоснованных позициях — это не значит оценивать человека по какому-то заранее изготовленному шаблону. Это значит — брать за основу его идейный настрой и практические дела и точно оценивать человека, последовательно стоя на объективных позициях. Если при оценке человека абсолютизировать одно только происхождение, то нельзя обеспечить научность. Такая оценка не может быть справедливой. Если мы будем по-левацки оценивать людей, односторонне подчеркивая только классовость и классовую борьбу, то стоит подумать, какие последствия это повлечет за собой. Такой акт, несомненно, отбросит многих людей на сторону противника. Противник желает именно того, чтобы мы стали такими «слепыми с открытыми глазами» и, подозревая людей без всякого разбора, ликвидировали их, как вздумается.

Товарищи! Мы те, кто пережил тяжкие испытания в Цзяньдао, став мишенью борьбы против «Минсэндана». Кто, как не вы, били себя в грудь и горько рыдали, оказавшись под подозрением со стороны товарищей, с которыми жили под одной кровлей и делили одну судьбу. Однако, спрашивается, как же вы, перенесшие такие, до слез горькие страдания, осмелились по своему усмотрению поднять сегодня проклятое оружие недоверия против таких людей, у которых нет никаких оснований быть под подозрением?..

Убедив такими словами товарищей, возражавших против моей поездки в Мяолин, я вместе с несколькими охранниками оставил Мааньшаньский тайный лагерь.

То, что некоторые люди возражали против моей встречи с Чжан Вэихуа под предлогом неизменности классовой природы

богачей, нельзя рассматривать иначе, как чрезмерное беспокойство. Меня не переставало угнетать чувство недовольства. Казалось мне, что брошенные мимоходом фразы, вроде бы и не имевшие серьезного значения, оскорбляли чувства дружбы между мной и Чжан Вэихуа, теплые, дружеские отношения между нашей и его семьями. Это было все равно, что очернить священные, глубокие чувства нашей дружбы, которая имеет более чем десятилетнюю историю и остается столь же неукротимой и неизменной, как течение реки Сунгари. Чувства нашей дружбы были сердечными, глубокими и искренними, которые нельзя очернять ни под какими предлогами, никакими парадоксами. Они полностью соответствовали общим интересам революции, коммунистическому гуманизму, этике и морали.

Если считать всех богачей мира реакционерами, измеряя их одним критерием: имущие — эксплуататоры, — то у нас, коммунистов, нет надобности пробивать себе трудный путь к преобразованию общества, чтобы сделать самих себя богатыми.

Я с малых лет оценивал людей не по тому, есть ли у них имущество или нет, много или мало у них его. Мой критерий оценки человека состоит в том, насколько он любит человека, насколько он любит народ и Родину.

Если богачи любят Родину и народ, они хорошие люди, но неимущие, лишенные чувства любви к Родине и человеку, — плохие. Одним словом, я оценивал человека, взяв за основу его идейный настрой.

Вспоминая о своем детстве, я уже рассказывал, что первый товарищ моего детства Кан Юн Бом был сыном довольно обеспеченной в материальном отношении семьи. Семья Юн Бома имела даже небольшой фруктовый сад. По уровню жизни она не шла в сравнение с нашей семьей в Мангендэ. Но я очень любил Кан Юн Бома, верил ему. Ведь он как никто горячо любил Родину и народ.

Как я уже вспоминал в первом томе мемуаров, крупным

богатством обладала и Пэк Сон Хэн. Но она до последней минуты своей жизни пользовалась уважением населения Пхеньяна. Ее сделала крупной богачкой сверхчеловеческая бережливость: она ела не то, что хотела, одевалась не в то, во что хотела одеваться, и делала не только то, что ей было легко.

Разумеется, в мире найдется немало скупердяев, которые, овладев обширными землями и большим имуществом, подвергают людей нечеловеческой эксплуатации, выжимают из них последние соки, безостановочно гонятся за наживой. Много и продажных богачей, которые, выйдя за рамки моральных норм, своими вопиющими действиями порождают всевозможное социальное зло. Однако это не значит, что такими являются все богачи и имущие.

Чем только Пэк Сон Хэн не занималась! Торговала ростками соевых бобов, тубу (соевый творог — ред.) и цветами, теребила конопляный холст, ткала грубую хлопчатобумажную ткань, разводила свиней и торговала остатками мутной воды, в которой мыла рис. Таким образом терпеливо копила она копейку за копейкой. Ей некогда было даже попудриться. В течение целых нескольких десятков лет трудилась она, не покладая рук. Словно один день, прошли годы с тех пор, как она в шестнадцатилетнем возрасте овдовела. Кровью и потом накопила Пэк Сон Хэн огромную сумму денег — тысячи и десятки тысяч вон, которые целиком пожертвовала на благо общества.

Первым вкладом в дело общества был каменный мост в селе Сонсан, который называли мостом «Сольмэ». Тронутые добродетельным поступком вдовы Пэк, пхеньянцы дали ей имя Сон Хэн (благородный поступок — ред.), а позже мост «Сольмэ» назвали по ее имени мостом «Пэксон».

В то время в новом квартале Пхеньяна находился Городской дом собраний. Только японцы имели право пользоваться им, а корейцам доступ туда был закрыт. Узнав об этом, Пэк Сон Хэн возмутилась. Она решила построить на свои средства дом

собраний, предназначенный специально для корейцев. Не пожалела пожертвовать на это несколько десятков тысяч вон. И поныне перед павильоном Ренгван стоит в прежнем виде трехэтажное каменное здание — бывший Пхеньянский дом собраний.

Пэк Сон Хэн ассигновала огромные суммы и на развитие национального образования. Такие школы в Пхеньяне, как Квансонская начальная, Чхандокская, Суньиская женская, функционировали за счет средств, поступающих от подаренных ею земель. А их было несколько десятков гектаров. Значит, и я пользовался частью ее благодеяния, учась в Чхандокской школе, к которой была протянута рУка ее милости.

Каждый раз, посещая школы, над которыми она взяла шефство, Пэк Сон Хэн обращалась к детям с просьбой: «Вы — сыны и дочери, призванные нести на своих плечах будущее Кореи. Не дремлите же, даже если клонит ко сну, не гуляйте, даже если хочется погулять, не бросайте книги, если даже неохота учиться. Надо учиться усердно. Если вы, ребята, будете отлично учиться, страна станет независимой».

Однажды высокопоставленный чиновник, приехавший из Сеула, чтобы вручить ей похвальную грамоту генерал-губернаторства, просил личного свидания с ней, но она отказала.

Этот критерий — брать за основу идейность и практическую деятельность человека при его оценке, — за который я стоял и которого придерживался еще с малых лет, позже оказывал значительное влияние на коммунистическое движение и национально-освободительную борьбу в нашей стране. Если бы мы не взяли за основу такой критерий и не призвали нацию ко всеобщей мобилизации, то не объединились бы столь многочисленные массы в Лигу возрождения Родины. А сегодня, когда наивысшей задачей стоит объединение Родины, не пошли бы плечом к плечу под знаменем великой национальной консолида-

ции многочисленные народные массы Юга и соотечественники, проживающие за рубежом, не выкрикивали бы «Наша мечта — объединение!»

Если мы, не видя в людях их идейность и подлинную душу и основываясь только на их социальных сословиях, пошли бы против богачей вообще, то такие интеллигенты, вышедшие из среды имущих, как Чон Чжун Тхэк, Кан Ен Чхан, Ро Тхэ Сок, Ли Чжи Чхан, Ким Ын Сан, не смогли бы выступить на политической арене нашей страны после ее освобождения, не смогли бы проявить такую поразительную самоотверженность и совершить подвиги в развитии отечественной науки и техники.

Именно с такой же точки зрения и позиции я относился и к китайским имущим. Будь иначе, то я не считал бы своим другом Чэнь Ханьчжана, сына крупного помещика, не принял бы в нашу революционную организацию Чжан Вэйхуа, сына крупного богача, не поклялся бы в вечной дружбе с ним. Как показывают жизненные пути Чэнь Ханьчжана и Чжан Вэйхуа, среди прославленных личностей, проложивших путь коммунистическому движению в Китае, было много выходцев из имущих классов, их сыновей и дочерей. И Чжоу Эньлай, целиком посвятивший всю свою жизнь делу счастья китайской нации, делу коммунизма и пролетарского интернационализма, по своему происхождению был сыном богатого чиновника последнего периода существования Цинской династии.

Чжан Вэйхуа, независимо от своего происхождения, идя рука об руку с коммунистами, считающими классы имущих носителями антагонизмов, посвятил всю жизнь коммунистическому движению. Считаю, что я оказывал на него большое влияние. В патриотическом духе воспитывал его отец Чжан Ваньчэн, но коммунистическое влияние оказывали на него я и мои товарищи. Когда я был зачислен в 5-й класс 1-го начального училища в Фусуне, он был всего-навсего простым мальчиком, любящим свою родину.

И я до того времени был тоже таким обыкновенным мальчиком, горящим чувством патриотизма. Он начал поклоняться коммунистическим идеям с того времени, когда стали разветвляться созданные мной Союз свержения империализма и Коммунистический союз молодежи. Тогда я в Фусуне создал тайный коммунистический кружок, который заменил бы партийную организацию, во главе с моей матерью и Пак Чха Соком. Имел дело с этой организацией и Чжан Вэйхуа вместе с Чон Хак Хэ и Чхэ Чжу Сон. С тех пор Чжан Вэйхуа начал «заражаться» коммунистическими идеями.

С первого дня, когда я был зачислен по рекомендации председателя Ши в упомянутую школу, учился вместе с Чжан Вэйхуа. Мне, Ким Сон Чжу, несчастному, лишенному Родины мальчику, учиться в одной школе бок о бок с сыном крупного богача Чжан Вэйхуа! Какое это исключительное, противоречивое сочетание! Если посмотреть со стороны, то это может показаться игрой судьбы в истории человеческой жизни. На этой почве зародилась и расцветала наша беспрецедентная дружба, что нельзя не назвать поистине странным слиянием двух судеб. Но наша дружба берет свое начало не от того условного сочетания. Дружба между мной и Чжан Вэйхуа исходит из теплых, дружеских отношений между моим отцом Ким Хен Чжиком и Чжан Ваньчэном, отцом Чжан Вэйхуа...

После того, как с помощью Кон Ена и Пак Чжин Ена мой отец благополучно спасся бегством от шайки разбойников в Маньцзяне, некоторое время он оставался в поселке Дайн, где проживало много корейцев. Он обратился к волостному начальнику Чвэ, деятелю движения за независимость, с которым давно имел дружеские отношения, с просьбой помочь ему получить от уездных властей разрешение прописаться в Фусуне. По его просьбе Чвэ побывал в уездном правительстве, но начальника уезда не очень устраивало проживание корейских революционеров в контролируемом им районе, и он отказал в прописке по той

причине, что, мол, Ким Хен Чжик — эмигрант.

Именно в это время до моего отца дошел слух о том, что крупный богач в Фусуне Чжан Ваньчэн захворал и слег в постель, ищет хорошего врача. По просьбе Чвэ мой отец лечил больного. В ходе этой связи Чжан Ваньчэн познакомился с каллиграфическим почерком моего отца и в глубине души восхищался им. Чжан Ваньчэн тоже умел красиво писать. На этой почве мой отец и отец Чжан Вэйхуа стали друзьями. Мой отец просил и Чжан Ваньчэна оказать свое влияние на уездное правительство, чтобы оно разрешило ему прописаться в Фусуне. Чвэ в свою очередь тоже уговаривал Чжан Ваньчэна, связывался с председателем Ши — самым знатным в Фусуне человеком, интеллигентом. Председатель Ши и есть Ши Чуньтай, работавший директором средней школы в Фусуне. Одновременно он занимал должность председателя общества просвещения, поэтому фусунцы и называли его вместо имени председателем Ши. Он обещал помочь.

Позже Чжан Ваньчэн посетил уездное правительство и стал уговаривать начальника уезда: «Пришел один кореец-эмигрант. Разрешили бы ему проживать в городке и открыть лечебницу. Мне хорошо известно, что вы опасаетесь навлечь на себя неприятность со стороны японцев, если разрешите ему прописаться. Корейцы борются против япошек, захвативших их страну. Это же закономерно. И вы, я знаю, настроены не прояпонски. Что плохого, если разрешите ему прописку? Чего вы боитесь, здесь же нет японского консульства. Если пошлют из консульства Линьцзяна полицейских и тайных агентов — перехитрите их, и все будет в порядке. Разрешите Ким Хен Чжику жить в Фусуне». Начальник уезда, нашедший глубокий отклик в душе, разрешил моему отцу прописаться в Фусуне.

И тогда, когда мой отец, восстановив закрытую Пэксанскую школу, суетясь бегал, чтобы получить санкцию, Чжан Ваньчэн, будучи зампредом уездного торгового совета, членом общества

просвещения, вместе с знатными людьми уговорили уездные власти и получили санкцию. Каждый раз, когда наша семья переживала жизненные невзгоды, которые трудно было ей самой преодолеть, он не жалел ни усилий, ни денег, если они были необходимы. Он искренне, бескорыстно помогал нам. Не прекращалась эта помощь и после кончины моего отца. Беспокоясь о моей матери — сколько, мол, горя ей одной со своими детьми приходится претерпевать, Чжан Ваньчэн часто присылал ей деньги, а порой и еду.

Однажды, когда я учился в Гирине, мой дядя Хен Гвон был арестован военщиной и заключен в тюрьму. Как говорят в народе, пришла беда — отворяй ворота. Недавно скончался мой отец, а теперь еще и дядя в тюрьме. Матери казалось, что будущее ее покрыто непроницаемой тьмой. Она терзала душу, ей ничего не оставалось, кроме как обратиться и на этот раз к отцу Чжан Вэйхуа за помощью, чтобы он уговорил полицейские власти. Благодаря его усилиям мой дядя был скоро выпущен на свободу.

Чжан Ваньчэн был совестливым националистом — стоял за суверенитет нации и горячо любил свою родину. Он — крупный богач. Пусть сто раз перевернется мир, это его не касалось, он мог бы жить в покое и довольстве. Но он сочувствовал моему отцу, который шел по тернистому пути, перенося все и всякие лишения ради возвращения потерянной Родины, а после кончины моего отца с чувством глубокого сострадания поддерживал меня как деятеля движения за независимость, заступаясь за меня.

Чжан Вэйхуа отлично знал, что я коммунист, но его отец считал меня всего-навсего участником движения за независимость.

В Фусуне были приспешники военщины и тайные агенты из японского консульства, но немало было и таких совестливых знатных людей и патриотов, как Чжан Ваньчэн, Ши Чуньтай, Юань Мынчжоу, Цюань Ячжун. Юань Мынчжоу — это дядя

Чжан Вэйхуа по материнской линии. Когда я учился в 1-м начальном училище, он, окончивший Шэньянское педучилище, учительствовал у нас, а позже работал и директором школы. Проводимые Юань Мынчжоу занятия развлекательным спортом и уроки игры на органе были самыми привлекательными для учащихся. Цюань Ячжун, принадлежавший к левой фракции Гоминьдана, был также прогрессивно настроенным человеком. Он ведал больницей и часовой мастерской, имея, таким образом, одновременно два дела. Но его идейная направленность была весьма прогрессивной. Замечательным человеком был и его старший брат Цюань Ячжэ.

Теплые, дружеские отношения между моим отцом и Чжан Ваньчэном не могли не оказать большого влияния на дружбу между мной и Чжан Вэихуа. Мой отец, как врач, посещал дом больного Чжан Ваньчэна, а последний, в свою очередь, приходил к нам в гости. И я ходил в гости в дом Чжан Вэихуа, а он приходил к нам, и мы вместе готовили уроки.

Каждый раз, когда Чжан Вэихуа приходил к нам, моя мать угощала его корейскими блюдами. Он очень любил корейскую кухню. А в доме Чжан Вэихуа приготовляли для меня китайские пельмени. Так же, как Чжан Вэихуа любил корейскую кухню, я обожал китайские пельмени. Шаньдунцы искусно готовили пельмени, а Чжан Ваньчэн был родом из Шаньдуна.

В середине 20-х годов городок Фусун с его улицами был похож на иероглиф «井», обозначающий колодец. На востоке городка были Восточные ворота, на севере — Северные, а на западе — двое Западных ворот, и на юге были Малые и Большие Южные ворота. Если пойти от Больших Южных ворот немного к северу, придешь к магазину Чжан Ваньчэна, пройдешь оттуда некоторое расстояние прямо и повернешь — там дом Чжан Вэихуа. Мы обходили все улицы этого крепостного города, проходили через все ворота. Где мы только не побывали! Чем мы только не занимались! Мы с Чжан Вэихуа часто играли в теннис

на школьной площадке, то и дело бегали купаться на реку Сунгари. Мы вместе участвовали в конкурсе литературного и художественного мастерства, проводившемся тогда для развлечения.

Чжан Вэихуа был человек замкнутый, но характер у него был стойкий и пламенный. Он всегда первым выступал, ничего не боясь, в защиту справедливости, а несправедливости никому не прощал, кто бы ее ни творил. Он был резок, решителен, всегда готов идти в огонь и в воду.

Припоминается такой случай. Один полицейский из-за пустяка придрался к учителю нашей школы, а затем так жестоко избил его на глазах учащихся, что тот повалился на землю. Учащиеся, привыкшие почитать учителей как святость жизни, были просто в шоке — от возмущения, казалось, глаза вот-вот выскочат из орбит. Мы с Чжан Вэйхуа выступили с речами перед собравшимися — осудили злодеяние полицейского и подняли учащихся. Мы заявили: «Избиение учителя полицейским — это акт посягательства на учебное заведение, грубое надругательство над учителями и учащимися. Мелкий полицейский чинуша небольшого уездного полицейского участка, стоило ему захотеть, так избил учителя. Видано ли на свете такое вопиющее безобразие? Мы, ученики, должны заставить полицейские власти принести извинения. Давайте потребуем от того хулиганствующего полицейского явиться в школу и, сняв головной убор, извиниться перед избитым учителем».

Подняв плакаты с лозунгами: «К позорному столбу полицейского варвара, избившего учителя!», «За справедливые права и интересы учителей!», мы ринулись к зданию уездного правительства и устроили там сидячую забастовку с требованием наказать злодея. Но уездные власти закрыли глаза на справедливые требования учащихся, попытались успокоить их разговорами, а дело положить под сукно, обведя нас вокруг пальца. Борьба потерпела неудачу.

Мы решили своими силами наказать распоясавшегося полицейского.

Однажды до меня дошла весть о том, что вечером того дня он пойдет в театр. Представился подходящий случай проучить негодяя. Конечно, после взбучки полицейскому нам надо было быстренько выбраться из театра, чтобы полицейские не успели вовремя принять свои ответные меры. Для этого нужно было погасить газовую лампу, вывешенную над сценой. Кто сделает это?

Все ломали голову над этим вопросом. Вызвался взять это дело на себя Чжан Вэйхуа. В тот вечер более десяти учащихся пошли в театр и приступили к делу, как было запланировано. Когда объявили антракт, Чжан Вэйхуа поднялся на сцену и разбил шестом лампу. С моим криком «Бей его!» учащиеся набросились на полицейского и били его до тех пор, пока он, став на колени, не принес извинение. А затем все пустились наутек, исчезли без следа.

Вечером того же дня Чжан Вэйхуа, возвращаясь домой, сказал:

— Понимаешь, я чувствую себя на седьмом небе. Сегодня вечером я впервые узнал, какое удовольствие, какое отрадное дело силой справиться с несправедливостью!

— Таким сволочам нет пощады! Нельзя существовать с такими подонками под одним небом, — ответил я ему.

Чжан Вэйхуа вдруг остановился на дороге и, переменив тон, обратился ко мне с серьезным выражением на лице.

— Сон Чжу! Окончишь начальную школу, куда дальше пойдешь?

Это был совершенно неожиданный вопрос. Пока мне не приходилось серьезно раздумывать о своей судьбе после окончания начальной школы. Поэтому я ответил с ходу:

— Не знаю, если обстоятельства позволят, хотелось бы пойти в среднюю школу. Но куда там мне — материальное

положение не позволяет учиться в средней школе. Вэйхуа, а ты где будешь учиться дальше?

— Поехал бы в Шэньян в педучилище, где учился мой дядя по матери. И мой отец тоже этого хочет. Если ты не против, то я возьму тебя с собой в Шэньян. Давай будем там учиться вместе. Окончим педучилище, вместе пойдем в вуз...

— Яцин! Спасибо за теплые слова. Разве реальна такая мечта?

— Почему? Из-за платы за обучение? Не беспокойся об этом. Ведь я же с тобой.

— Этого не разрешат мои родители. И я тоже не думаю только учиться. К черту вуз, ведь мы стали рабами, лишенными Родины!

— Значит, ты хочешь последовать за отцом и посвятить себя борьбе за независимость страны? Если ты встанешь на путь революции, то и я последую за тобой.

— А как с Шэньяном? Ты же сказал, что поедешь в педучилище.

— Я поеду туда только с условием, что ты поедешь вместе со мной. Если ты против, то не может быть без тебя поездки в Шэньян. Я, собственно, всю жизнь хочу быть вместе с тобой.

Если ты будешь продолжать учебу, то и я последую за тобой. Если ты вступишь в компартию, и я тоже...

Именно в этом заключилась суть того, о чем он хотел сказать мне вечером того же дня. Слова Чжан Вэйхуа сильно тронули меня. Я крепко пожал ему руку и прошептал:

— Спасибо, Яцин. Ты говоришь о коммунистической партии. Хотел бы спросить, а знаешь ли ты, что такое компартия?

— А как же, знаю. Видно, это такое дело, каким занимаются Ли Дачжао и Чэнь Дусю.

— Вступишь в компартию — тебя, может, посадят в тюрьму, а может, и убьют. Готов ли ты к этому?

— Такие вещи мне не страшны. Пусть меня посадят в тюрьму или убьют, лишь бы только мы были вместе с тобой.

Неожиданное заявление Чжан Вэйхуа вскружило мне голову. Мне было не совсем понятно, что породило в нем такие настроения. Ясно было одно: слова, сказанные им мне в тот вечер, были его исповедью об идеалах и вере, которые давно свили себе гнездо в глубине его души. Чжан Вэйхуа хотел сделать мои идеалы своими, мою веру — своей. Вместо того, чтобы разобраться в своих убеждениях и выбрать друга, следующего таким же убеждениям, он, выбрав себе друга, последовал его убеждениям. Способ решения своей судьбы на вид кажется очень простым, но был многозначителен. Такие позиции Чжан Вэйхуа основывались на абсолютном доверии и чувствах дружбы ко мне. Он, питая ко мне искреннюю симпатию, последовал за мной.

Не случайно, когда я уезжал в училище «Хвасоньисук», он со слезами на глазах выразил желание уехать туда вместе со мной. Невыносимо горькой была разлука с ним и для меня. Расставание очень огорчило Чжан Вэйхуа, и мне пришлось провести с ним две ночи, уговаривая его. Одну ночь провели в моем доме, другую — в доме Чжан Вэйхуа, делясь при этом горькими думами и утешая друг друга. В день моего отъезда в Хуадянь он последовал за мной до переправы через Сунгари и провожал меня со слезами на глазах.

При расставании он задал мне такой вопрос:

— Сон Чжу! Неужели сословные различия выше пика Эвереста?

— К чему тут сословные различия? Твой отец противился твоей воле, значит, он просто не хочет пока отпускать тебя на чужбину.

— Если мой отец возражает из-за сословных различий, то я ради дружбы с тобой готов с удовольствием стать бедняком. Во всяком случае, не забывай: где бы и чем бы ты ни занимался, все

равно я когда-нибудь приду к тебе.

Позже Чжан Вэйхуа сдержал свое слово. Когда я учился в Юйвэньской средней школе в Гирине, он, не сказав, куда идет, и, взяв с собой пистолет своего отца, втайне от своей семьи приехал ко мне. Не предупредив заранее, передо мной вдруг явился Чжан Вэйхуа. Я опешил от неожиданности.

— Сон Чжу! Наконец-то я преодолел семейные барьеры и приехал к тебе. Вот смотри! Это моя решимость!

Чжан Вэйхуа вынул пистолет. Он весь сиял от удовольствия. И, закинув голову назад, вперил взор в одну точку на потолке.

— Восхитительно! Как тебя отпустил отец?

— Фу, ты! Думаешь, он отпустил меня? Он велел немедленно отправиться в Шэньян, но я отказался. Незаметно выбрался из дома и улизнул сюда.

— Но ведь родители будут беспокоиться о тебе?

— В доме сейчас, наверное, большой скандал. Но это ничего, наплевать. Если не найдут меня, то кто-нибудь из дома приедет в Гирин. По всей вероятности догадаются, что я у тебя.

Предчувствие Чжан Вэйхуа оправдалось. Спустя несколько дней после того, как он явился в Гирин, его старший брат Чжан Вэйчжун вместе со своими полицейскими приехал в Юйвэньскую среднюю школу и расспрашивал, не там ли его брат. Узнав, что он у меня, облегченно вздохнув, грузно опустился на землю.

— Если он у тебя, могу не беспокоиться. А то мы думали, что его похитили местные бандиты.

— Брат Вэйчжун, нисколько не беспокойтесь об Яцине. Мы хорошенько позаботимся о нем.

— Сон Чжу, —сказал в ответ Вэйчжун, — я спокойно уеду, оставив Вэйхуа у тебя.

Он не забрал пистолет у Вэйхуа и уехал в Фусун вместе со своими людьми.

Позже я направил Чжан Вэйхуа в районы Уцзяцзы и Гуюйшу. В этих районах он примерно год работал учителем, а

затем уехал домой по моему совету: «Продолжай учебу по желаниям родителей. Окончишь учебу, приходи к нам в наш отряд развертывать революционную деятельность».

Шли дни, месяцы... В непрерывном чередовании двух крайних точек — встреч и разлук все больше углублялась дружба между мной и Чжан Вэйхуа.

Та пещера, где состоялась моя встреча с Чжан Вэйхуа, говорят, и поныне сохраняется в Фусуне. Эта пещера, напоминающая букву «Г», имела длину примерно пятнадцать метров. Она утопала в лоне природы, и нельзя было придумать более идеального места для конспиративного явочного пункта!

При встрече со мной Чжан Вэйхуа со слезами на глазах от растерянности не знал, что делать. Я обнял его за плечи, пропахшие фотореактивами, и на глаза у меня тоже навернулись слезы.

— Сон Чжу! Где ты пропадал до сих пор и только теперь явился? Почему за это время ни разу не побывал в Фусуне? Ты знаешь, как я бесконечно ждал тебя?

Это был первый привет Чжан Вэйхуа.

— И мне тоже очень хотелось тебя видеть. И в Фусуне хотелось побывать, чтобы повидаться с тобой.

— Накатал хотя бы письмецо. Я же не знаю твоего адреса, а ты же мой знаешь.

— Вэйхуа, извиняюсь. Партизанский район в Цзяньдао, где мы проживали, не имеет даже почты.

— Что? Нет даже почты? Разве есть на свете такие края? Я рассказал ему обо всем, о том, какие муки и страдания нам приходилось претерпевать за прошедшие четыре года. И в минуты, когда я рассказывал, по его лицу катились слезы, которые то и дело он вытирал тыльной стороной руки.

— Вэйхуа, зачем же ты все время плачешь? Видать, случилась какая-то неприятность с тобой?

Еще не договорив, я глянул на него испытующими глазами. Он, вытирая слезы с лица, через силу улыбнулся.

— Сон Чжу, твое прошлое до необычайности трагическое, и я плачу. Тебе пришлось вынести столько горя и лишений, а меня не было рядом с тобой. При мысли об этом сердце у меня разрывается на части.

— Нет, Вэйхуа, ты всегда был рядом со мной. Находился бок о бок со мной и вдохновлял меня.

— Спасибо, Сон Чжу. Значит, ты не забыл меня. Я счастлив. Сон Чжу, люди называют тебя полководцем или командующим. Я тоже отныне буду так называть тебя.

Неожиданно Чжан Вэйхуа перевел разговор на тему о командующем. Я поспешно махнул рукой.

— Вэйхуа! Кто бы ни называл меня командующим, ты бы молчал. Вэйхуа, ей богу, прошу: зови меня просто Сон Чжу. И я тоже буду звать тебя не господином Вэйхуа, а просто Вэйхуа. Сон Чжу, Вэйхуа!.. Как это приятно звучит! Между прочим, как ты поживаешь?

Чжан Вэйхуа, по-стариковски качая головой, мрачно усмехнулся.

— Я думаю, после рассказа о твоем прошлом не стоит мне говорить о своем житье. Чем я мог заниматься в Фусуне, напоминающем куриное гнездо? Мы, вдвоем с Кан Бен Соном, с которым ты вместе учился в училище «Хвасоньисук», открыли книжный магазин под вывеской «Братья» и фотографию под одноименной вывеской. Опираясь на них, руководили только комсомольскими организациями. Больше ничего.

Он коротко рассказал о деятельности комсомольских и антияпонских организаций в районе Фусуна. Я похвалил его за успехи в работе, дал ему новое задание — создать партийную организацию в районе Фусуна, взяв за основу комсомольскую организацию.

Это задание, видать, поставило Чжан Вэйхуа в очень затруднительное положение.

— Сон Чжу! Вряд ли я могу сделать такое большое дело? У меня еще мало опыта работы в подполье.

— Ты же четыре года руководил работой комсомольских организаций. Это, я считаю, большой опыт. Я почаще буду посылать тебе комиссара Ким Сан Хо. Пользуйся его помощью, когда будет трудно.

Наша беседа продолжалась более трех часов. Когда разговор снова перешел с дел на личную жизнь, Чжан Вэйхуа, чего я не ожидал, взяв меня за локоть, стал расспрашивать о нашей семье.

Волей-неволей пришлось рассказать мне о кончине матери, о гибели в бою Чхоль Чжу и о том, что Ен Чжу находится в Детском отряде, живет в чужом доме, питаясь горьким сиротским хлебом. Вообще я не собирался рассказывать ему об этом. Я хорошо знал его характер и в душе опасался, как бы он не впал
от этих вестей в мрачное настроение. Если случится так, то, казалось, непременно будет кровоточить и моя душевная рана. Я вообще не хотел придавать трагического оттенка нашей встрече после четырехлетней разлуки.

Однако произошло то, чего я опасался. Выслушав весть о нашей семье, он, уткнувшись лицом в ладони, некоторое время всхлипывал.

— Значит, ты остался круглым сиротой. Жалко и Ен Чжу. Чем я могу помочь? Дай мне хотя бы его адрес.

Вынув из кармана авторучку и записную книжку, он поднял глаза на меня. Но я махнул рукой.

— Вэйхуа! Теперь и он стал взрослым. В его возрасте можно, как говорится, вполне обзаводиться семьей. Вообще не думай оказывать ему милость.

Чжан Вэйхуа оставался непоколебим. У него в руке открытая записная книжка. Поневоле пришлось дать ему адрес дома Ким

Чжон Рёна в Аньту. Если бы жизнь Чжан Вэйхуа не оборвалась в таком молодом возрасте, то он наверняка оказал бы большую помощь моему младшему брату Ен Чжу, проживавшему в Аньту.

После первой встречи в пещере в Мяолине состоялась вторая встреча — в поселке с горячим источником в Дайне. В ущелье на горе перед Данном располагалось наше командование с двадцатью-тридцатью бойцами. Оттуда я и уходил встречаться с Чжан Вэйхуа, который несколько дней находился в Дайне под предлогом приема целебных ванн. После того, как наш отряд вступил в район Фусуна, враги напали на след людей, имеющих дело со мной и мне близких, знакомых. Цепко следили за ними. Поэтому Вэйхуа действовал исключительно осторожно, чтобы обеспечить безопасность нашего командования.

Мы с Чжан Вэйхуа, принимая ванну в горячем источнике, делились широким кругом мнений. Тогда он с гордостью рассказал о том, что по моему совету создал партийную организацию из активистов, закаленных в комсомольских организациях. Этот его рассказ до сих пор свеж в моей памяти. И поныне мне не позабыть выражения лица друга, которое сияло от радости, как утренняя заря.

За время пребывания Чжан Вэйхуа в Дайне мы по его рекомендации приняли в отряд трех комсомольцев. Мне никогда не забыть той счастливой улыбки, которая блуждала на губах Чжан Вэйхуа, когда любовно воспитанные им юноши явились перед ним в полном обмундировании революционной армии, с ружьями на плечах. Один из тех трех бойцов — секретарь Янь, бывший учитель. Позже, когда наш отряд действовал в районе гор Пэкту, он писал много лозунгов на деревьях вокруг тайных лагерей. Деревья с лозунгами, написанными им, вероятно, сохранились во многих тайных лагерях и доныне.

До сих пор особенно живо помнится из бесед, что велись в

горячем источнике в Дайне, последний наш разговор. Было это накануне разлуки. Чжан Вэйхуа, взяв меня за руку, сказал:

— Сон Чжу! Одна мысль меня беспокоит настолько, что мне совестно каждый раз, когда вижу тебя.

— Какая?

Чжан Вэйхуа взглянул на меня. Его лицо зарумянилось от смущения, и я с любопытством посмотрел на него.

— Я рано женился, когда мне не исполнилось и двадцати лет. Уже четыре года тому назад я стал отцом ребенка. Пройдет еще несколько месяцев, стану отцом двух детей. Когда ты вместе с отрядом совершал трудный поход на юг и на север, я оставался дома, женился, ухаживал за ребенком. Одним словом, жил в спокойствии и довольстве. Как это стыдно!

— Какую чепуху ты городишь! Какое же это преступление — жениться и стать отцом? Мне остается лишь поздравить тебя с этим!

— Ты старше меня на один год, но ты еще не женился. Сон Чжу, будь откровенным, ты так и хочешь оставаться холостым?

— Пока я не думал об этом. Пройдет еще много времени, тогда, может быть, этот вопрос станет для меня интересен.

—А не упустишь свое время? Если ты не против, то я найду в Фусуне тебе пару. Если ее не окажется в Фусуне, обшарю все уголки Шэньяна, Тяньцзиня, Чанчуня, Гирина, Харбина и найду такую девушку-красавицу, что весь мир будет дивиться ее непревзойденной красоте.

— Перестань ты! С какой стати приедет к нам в горы такая красавица? Чтобы отведать похлебку из кукурузных зерен?

— Посмотрим! Я все-таки найду такую же красавицу, как фрейлина Ян.

После такой шутки Чжан Вэйхуа с силой потряс мою руку и покинул Дайн. Та улыбка, с которой он говорил эти слова,

глубоко и неизгладимо врезалась в мою душу. Это была последняя улыбка, которую оставил мне Чжан Вэйхуа.

Я, конечно, хорошо понимал, что он говорил эти слова полушутя, что они никогда не сбудутся. Но в этих словах видно было искреннее чувство дружбы, присущее только Чжан Вэйхуа. Кто, как не Чжан Вэйхуа, может давать мне такое откровенное, такое чистое, такое пламенное обещание!

Вернувшись в Фусун, Чжан Вэйхуа всей силой души оказывал нашему отряду активную материальную помощь. Подготовленные благодаря его инициативным усилиям вата, обувь, носки белье, медикаменты, продовольствие, фотоаппараты и другие предметы в большом количестве хлынули в тайные лагеря нашего отряда. Таким образом он надежно поддерживал деятельность революционной армии в районе Фусуна в материальном отношении. Чжан Вэйхуа пожертвовал огромную сумму денег — три тысячи юаней. На эти деньги, преподнесенные нам от души, мы купили ткани и сшили новую одежду для всех членов Детского отряда, а также и для бойцов главной части. Приобрели и другие необходимые интендантские материалы.

С нами был хорошо знаком начальник Даинского филиала полицейского участка Тан Чжэньдун. И в дни, когда я отправлялся в Южную Маньчжурию для сотрудничества с Рян Сэ Боном, встретился с ним в Фусуне. Когда мы снова появились в Дайне, он направил к нам секретного посланца и посоветовал послать к ним угрожающее письмо, предав это огласке. Тогда они сделают вид, что поддаются угрозам Корейской Народно-революционной армии, и направят нам все, в чем нуждается КНРА. Получая «угрожающее письмо», он не раз посылал нам на телегах свинину, пшеничную муку, соевое масло, вязаные изделия, различные нужные в обиходе материалы. В то время рота охранников примерно двадцать дней жила безбедно за счет этих посылок.

Однажды осенью того же года Чжан Вэйхуа вдруг был арестован жандармерией и заключен в тюрьму. Тайным донос-

чиком оказался Чон Хак Хэ, мой однокашник по начальной школе, работавший одно время председателем Фусунской уездной организации Пэксанского союза молодежи. Некоторое время он, поддавшись революционным веяниям, суетился, а затем изменился и вступил в «группу по умиротворению», управляемую Линьцзянской жандармерией. Что касается этой группы, то слово «умиротворение» следует считать синонимом — «по содействию капитуляции». После того, как возглавляемый мной отряд вступил в район Фусуна, враги подсылали в разные стороны изменников, чтобы напасть на наши следы.

Однажды Чон Хак Хэ навестил Чжан Вэйхуа и сказал:

—Не знаешь ли ты, где Ким Ир Сен? Я решил последовать за ним.

—Знаю, недавно я встретился с Ким Сон Чжу,— спокойно ответил Чжан Вэйхуа.

Одно время под моим руководством Чон Хак Хэ участвовал в молодежном движении. Поэтому Чжан Вэйхуа нисколько не подозревал, что он предатель.

Вскоре после этой встречи Чжан Вэйхуа был арестован полицией. Он привык относиться к людям только по-дружески. Будучи руководителем партийной группы, отвечающим за судьбу подпольной организации, он был совершенно простодушным, небдительным. Излишняя доверчивость и отсутствие бдительности дали себя знать: он оказался в путах. Враги подвергли его всяческим пыткам, чтобы узнать от него местонахождение нашего командования и найти нити, дающие возможность ликвидировать всю подпольную организацию района Фусуна.

Но Чжан Вэйхуа ответил на пытки молчанием. Хладнокровно рассудив, что под жестокими истязаниями, вопреки его воле, он может проговориться о моем местонахождении, о сети организаций, Чжан Вэйхуа решил покончить с собой. Он попросил отца получить разрешение хоть несколько дней побыть дома. Чжан Ваньчэн, умаслив начальство деньгами, другими взятка-

ми, подал заявление с просьбой выпустить сына под залог по болезни.

После условного освобождения Чжан Вэйхуа враги подняли на ноги секретных агентов, которые круглосуточно следили за его домом, стремясь обнаружить связанную с ним нить секретных организаций и линию действий нашего отряда.

Перед смертью Чжан Вэйхуа завещал своей жене: «Ой, как обидно и досадно, что мне не удалось вместе с Полководцем Ким Ир Сеном участвовать в антияпонской борьбе до победного конца! Я решил своей смертью сохранить безопасность моих товарищей, оправдать доверие и дружбу Полководца. Ты не горюй и не грусти!»

Он написал мне примерно такое письмо: «Враги послали своих агентов, чтобы разыскать командование КНРА. Прошу немедленно переместить его». Потом он покончил с собой, приняв раствор сулемы, применяемый при составлении фотопроявителя. Говорят, это прискорбное происшествие произошло 2 октября 1937 года по лунному календарю. Он был еще совсем молод, ему не исполнилось и 25 лет.

Так ушел от нас мой близкий друг, верный соратник по революции, боец-интернационалист.

Он покончил с собой мужественно — ради меня, ради командования корейской революции, ради общего дела народов Кореи и Китая, оставив на китайской земле, где гремела канонада, своих любимых родителей, жену и детей и свою прекрасную, радужную мечту о будущем. Тогда его сынку Чжан Цзиньчуаню, в ком он души не чаял, было четыре года, а его дочка Чжан Цзиньлу только что появилась на свет.

Как это обидно и досадно, когда человек скоропостижно уходит из жизни не от старости! Чжан Вэйхуа хотя и попал из-за своей ошибки в тюрьму, но ему можно было избежать преждевременного ухода из жизни. Если бы подкупили жандармов более крупными деньгами и подношениями, то они снисходите-

льно закрыли бы глаза на его «преступления» и, поистязав его еще, могли бы освободить его. Но он выбрал другой путь — самоубийство и собственноручно перечеркнул будущие страницы своей жизни.

Жить человеку не легко, но умереть тоже дело не простое. Смерть бывает разная, приходит она во всем ее многообразии. Но самоубийство, можно сказать, является самым мучительным концом жизни. Самоубийство юноши, которому большее обещает будущее, требует необыкновенной решимости, даже жестокости. И в прошлом было немало случаев, когда многие, отказавшись жить дальше, уходили на тот свет. Большинство самоубийств совершалось ради себя, по сугубо личным мотивам. Но редко встречались такие случаи, как было с Чжан Вэйхуа, который выбрал путь смерти ради других. Это, можно сказать, самое благородное и прекрасное самопожертвование человека собственной жизнью ради других людей. Именно в этом, считаю, кроется причина того, что его смерть имеет более печально-торжественный и значительный смысл, чем гибель других.

Когда пришла скорбная весть о последних минутах жизни Чжан Вэйхуа, я не спал и не ел несколько дней. Я ощущал в душе такую опустошенность, словно рядом со мною обрушилась часть неба. Что-то страшно тяжкое давило в моей груди до боли, — казалось, весь мой дух падает в бездонную пропасть. Дни тянулись в глубокой скорби, печальная мелодия похоронной песни не единожды звучала в моей душе.

С горьким раскаянием я упрекал себя за то, что отказался удовлетворить его просьбу о вступлении в наш отряд. Если бы он служил в Народно-революционной армии, он мог бы прожить дольше. Такие неотвязные мысли не переставали терзать мне душу, болью жгли сердце.

Когда он обратился к нам с просьбой принять его в наш отряд, мы должны были бы рассмотреть ее и принять его в свои

ряды. Таково должно было быть принципиальное решение. Почему не удовлетворить просьбу юноши, если он горячо желает вступить в армию? Но я не последовал такому принципу, отодвинул Чжан Вэйхуа на второй фронт. А он должен был стоять на первом фронте. То, что я, поступаясь принципиальностью, отказался удовлетворить просьбу Чжан Вэйхуа, исходило из моей беззаветной любви к нему. Я не желал, чтобы он, живший в покое и довольстве в богатой семье, не зная нужды и муки, претерпевал в горах суровые испытания. Я думал: я могу вынести любые муки и страдания, но ему, Чжан Вэйхуа, это не под силу. Именно в этом проявилась моя особая любовь к нему. И если кто-либо упрекнет меня за это, посчитав неправильным, мне нечем будет оправдываться.

Как тысячи, десятки тысяч корейских коммунистов и патриотов, таких, как Син Гю Сик, Пак Ен, Ян Рим, Хан Ви Гон, Чан Чжи Рак, Ким Сон Хо, Чон Рюль Сон, Хан Ак Ен и другие, отдали свою жизнь во имя китайской революции, так и многочисленные сыны и дочери китайского народа не пожалели своей жизни во имя корейской революции.

Подобно тому, как любви и науке нет предела, так безгранична революция. Лучшими примерами тому служат Чжан Вэйхуа, Я. Т. Новиченко, Че Гевара, Бетюн. Чжан Вэйхуа и Я. Т. Новиченко — мировые прообразы интернационалистов. Помощь, оказанная коммунистами разных стран мира движению Народного фронта в Испании, приход китайских народных добровольцев на помощь Корее в борьбе против американского империализма — это мировые образцы интернационализма. Среди таких примеров имя Чжан Вэйхуа сияет, как звезда первой величины.

И сегодня Чжан Вэйхуа живет в сердцах корейского народа, как символ корейско-китайской дружбы. Наш народ — весь от мала до велика — с благоговением вспоминает о его заслугах перед корейской революцией.

4. Соратник по революции Чжан Вэйхуа (2)

Может ли продолжаться дружба между живым человеком и умершим? Если да, то в какой форме? Такой вопрос после гибели ординарца Ким Чжон Дока в бою под Цзигуаньлацзы задал мне его закадычный друг Ким Бон Сок. Ким Бон Сок был моим ординарцем в партизанские годы. И после гибели Ким Чжон Дока он, пребывая в глубокой скорби, долго поминал покойного.

Тогда я ответил, что дружба между живым человеком и усопшим может продолжаться, но в другой форме: живой человек помнит покойного, и тот предстает в памяти живого человека. Для примера я рассказал о дружбе между мной и Чжан Вэйхуа.

Это была моя сердечная исповедь, основанная на собственных переживаниях. Хотя после смерти Чжан Вэйхуа прошло уже несколько лет, но я все не мог забыть его и часто видел во сне. Мы делились с ним, как и при жизни, дружескими чувствами. После таких снов настроение у меня становилось необыкновенным, удивительным.

— Товарищ командующий, — спросил Ким Бон Сок, выслушав мой ответ, — что должен сделать живой человек для покойного?

Видимо, моему ординарцу хотелось в моем ответе найти ценное наставление, которое могло бы служить ему в качестве жизненного кредо. Но я не был готов дать удовлетворяющий его ответ. Вопрос о дружбе живого человека с усопшим, правда, занимал определенное место в моей духовной жизни. Но ответ мой был таким простым и обыкновенным, какой найдется даже и

у простого дровосека из глухой тайги.

— Я думаю, самое главное из того, что следует делать живому человеку для покойного, — это верное выполнение его воли, высказанной при жизни.

Таким был мой ответ, данный тогда Ким Бон Соку. Пожалуй, будь в моем положении любой другой человек, думаю, ответил бы так же. В моих словах — та же простая логика, какую могли бы выразить не только деревенские дровосеки, но даже ученики начальной школы. Однако Ким Бон Сок принял их со всей серьезностью. Завет Ким Чжон Дока, данный ему, заключался в следующем: надежно охранять товарища командующего до тех пор, пока страна не станет свободной. Выполняя его волю, Ким Бон Сок оказывал мне большие услуги вплоть до дня освобождения Родины. Но сам он тоже погиб в бою.

Верное выполнение воли покойных является высшим моральным долгом живых людей перед ними. Это были общие взгляды, которых все мои соратники придерживались в дни антияпонской войны.

— Отомстим врагу за погибших соратников по революции!

— Выполним завещание комроты, возьмем эту высоту!

— Во что бы то ни стало освободим Родину, как завещали погибшие товарищи!

В таких лозунгах, часто звучавших в боях, на отдыхе и в походах, отражалось стремление и чаяние партизан выполнить волю погибших боевых друзей. Корейские коммунисты делали все от них зависящее, чтобы быть верны возложенной на них революционной миссии и тем выполнить моральный долг перед погибшими боевыми друзьями. И я тоже, ведя кровопролитные бои, старался изо всех сил своей верностью революционному делу выполнить волю ушедших от нас товарищей по революции, оправдать то высокое доверие и те ожидания, какие они возлагали на нас еще при жизни. И поныне я стою на такой позиции, на такой точке зрения и отдаю всего себя, все силы революционному

делу, порученному нам партией и народом.

Можно ли, однако, сказать, что этим исчерпывается моральный долг живых людей перед покойными? Великое событие — освобождение Родины стало водоразделом в несравненном обогащении содержания нашего морального долга перед павшими в соответствии с велением нового времени и новыми условиями. Те, кто считал, что выполнением живыми людьми воли покойных исчерпывается чувство дружбы к погибшим боевым друзьям, не могли удовлетворяться сделанным. Им хотелось перевезти на Родину останки боевых друзей, находящиеся в разных краях чужбины, передать грядущим поколениям память об их заслугах, скрытых завесой истории. Страна стала процветать — и захотелось воздвигнуть им памятники. С появлением новых городов и новых улиц возникла потребность присвоить им имена давних боевых соратников.

Чувство товарищеского долга перед погибшими боевыми друзьями как нельзя лучше проявляется в любви к их детям. Сразу же после триумфального возвращения на Родину мы немедленно послали соответствующих работников за границу за разбросанными повсюду детьми погибших революционеров. Мы разыскивали их по одиночке с тем же усердием, с каким извлекают золотые крупинки из песка, обучали их в Мангендэском училище, созданном специально для детей павших революционеров. И детей борцов, действовавших внутри страны, воспитывали в этом училище строителями новой Кореи.

В 70-х годах мы построили на вершине Чучжак горы Тэсон мемориальное кладбище революционеров, чтобы довести до будущих поколений образы сражавшихся вместе с нами боевых друзей. В Хенчжэсанском районе, на бугре за селом Синми, размещено кладбище патриотов, которое по праву можно назвать вторым кладбищем революционеров.

Все это — выражение благородного чувства товарищества и неизменной чистой любви корейских коммунистов, стремящихся

как можно лучше выполнить моральный долг живых перед погибшими соратниками по революционной борьбе. В ходе длительной, более чем полувековой революционной деятельности корейские коммунисты создали достойный похвалы всех народов образец отношения к погибшим боевым друзьям, не говоря уж о живых соратниках-революционерах. О неизменном дружеском отношении живых людей к павшим как нельзя лучше свидетельствует история беспрецедентных человеческих отношений, созданная корейскими революционерами, история их товарищества. Что касается меня лично, то достаточно напомнить о чувстве дружбы к Чжан Вэйхуа. Неправильно было бы считать, будто мои чувства к Чжан Вэйхуа были прерваны его смертью. Можно ли назвать дружбу настоящей, если смерть одного человека станет ее эпилогом? Но если оставшийся в живых продолжает помнить погибшего, не забывает его, то уже в одном только выражении чувства живой дружбы заключается ее бессмертие.

Дружба между мной и Чжан Вэйхуа продолжалась и после его смерти. Хотя Чжан Вэйхуа ушел из жизни, но я никогда не забывал его. Нетленная память о нем как о человеке с каждым годом все глубже пронзает мою душу. Когда антияпонская война завершилась победой корейских и китайских коммунистов, в плеяде китайских товарищей и благодетелей, встающих в моей памяти, на первом месте стоит Чжан Вэйхуа. Когда на освобожденной родной земле я вспоминаю одного за другим многочисленных китайских друзей, оказывавших помощь мне и моей семье и искренне всеми силами поддерживавших корейскую революцию, мной действительно начинают овладевать невыразимо глубокие чувства. Пришло хорошее время, и неистребимая тоска по дарившим добро не перестает терзать мою душу.

Вспоминая о Чжан Вэйхуа, я всякий раз вспоминал его родителей, жену и детей, которых он оставил. Когда в

Северо-Восточном Китае после безоговорочной капитуляции Японии осуществлялись земельная революция и другие демократические преобразования и когда всю Маньчжурию охватило пламя гражданской войны между гоминьданевскими войсками Чан Кайши и Народно-освободительной армией Китая, я больше всего думал о его семье. Меня беспокоило, как бы члены семьи Чжана во время повсеместной ликвидации наиболее злостных помещиков, компрадорской буржуазии, прояпонских элементов и национальных предателей не были определены как объект диктатуры и не оказались в числе репрессированных. Каждый раз, когда в соседней стране вспыхивали волнения и развертывалось общественное движение за уничтожение чего-либо, меня непременно беспокоила судьба семьи покойного Чжан Вэйхуа.

Я и думал о том, что Чжан Вэйхуа — революционер-первопроходец, имеет большие заслуги. Но он больше всего работал за кулисами, в подполье. Не зная об этом, массы, возможно, сочтут сына крупного богача не коммунистом, а реакционером или предателем. Я с нетерпением ждал встречи с его близкими. Однако строительство новой страны, антиамериканская война, строительство основ социализма — все эти сложные дела вынудили меня отложить многое на задний план. Было много людей, которых хотелось разыскать, много было и тех, с кем хотелось встретиться. Но я целиком отдавался делу, отложив все эти соблазны во имя государственных дел.

Примерно в 1959 году до меня впервые дошли вести о семье Чжан Вэйхуа. Организованная в том же году в нашей стране экскурсионная группа по местам боевой славы периода антияпонской вооруженной борьбы отправилась в Маньчжурию.

Встретившись с экскурсионной группой, я обратился к ее руководителю Пак Ен Суну с просьбой:

— Товарищ Пак-охотник! Вы помните Чжан Вэйхуа, хозяина

фотографии «Братья»? Когда в Мааньшаньском тайном лагере дети дрожали от холода, страдали болезнью, он присылал нам и ткани, и деньги. Уже прошло более двадцати лет, как он ушел из жизни, но мне пока не довелось как следует даже осведомиться о его родителях, жене и детях. Поедете в Фусун, разыщите семью покойного и передайте ей мои пожелания здоровья и благополучия.

— Все будет сделано, как вы просите. Я тоже считаю моральным долгом навестить там семью покойного Чжан Вэйхуа. Какую большую помощь он оказывал нам!

И Пака, видимо, охватили глубокие чувства. На глазах его показались слезы.

— Хотя Чжан Вэйхуа другой национальности, но он мало чем отличался от корейца, от корейского революционера. Его заслуги занимают достойное место не только в коммунистическом движении Китая, но и в истории антияпонской революции в нашей стране. Если семьи покойного Чжан Вэйхуа не будет в Фусуне, если она переселилась в другой район, обратитесь за помощью в органы общественной безопасности и во что бы то ни стало узнайте о ее местонахождении.

— Слушаюсь. Отыщу ее, если даже придется переворошить весь Китай.

После отъезда экскурсионной группы в Китай я с нетерпением ждал вестей из Фусуна. Уже были залечены раны войны, завершились социалистические преобразования в городе и деревне. Поэтому у меня появилось немного возможности для того, чтобы я мог позаботиться об ушедших от вас боевых друзьях и о семьях погибших.

Спустя несколько месяцев после отъезда с Родины Пак Ен Сун наконец-то прислал мне весть о Фусуне. Я ждал ее с нетерпением. В телеграмме говорилось следующее: «Сегодня в Фусуне встретился с семьей Чжан Вэйхуа. Со всей ответственностью передал ей ваш привет. Жена выразила благодарность,

по ее лицу слезы так и лились. Она подарила экскурсионной группе фотокарточку. Прилагаю максимум усилий, чтобы собрать материалы, рассказывающие о совместной борьбе, которую вели вы и Чжан Вэйхуа. Конкретнее доложу после возвращения на Родину».

Позже из доклада Пак Ен Суна я узнал, что Чжан Ваньчэн (отец Чжан Вэйхуа — ред.) скончался в 1954 году. После его смерти жена Чжан Вэйхуа вместе с сыном Чжан Цзиньчуанем и дочерью Чжан Цзиньлу вела скромную жизнь в старом доме в Фусуне.

Когда Пак Ен Сун передал жене Чжан Вэйхуа от меня привет, она, глубоко тронутая, не находила себе места.

— Говорят, небо изменяется с часами, а человек — всю жизнь. Но чувство дружбы Полководца Ким Ир Сена так и остается неизменным. Уже сколько лет прошло! Более двадцати! Но он все помнит моего мужа. Какими словами выразить благодарность за это!

В знак ответа она вынесла и положила перед руководителем экскурсионной группы фотокарточку, которую хранила вот уже несколько десятков лет, и попросила ее передать мне. Это и есть та самая фотография, на которой запечатлен Чжан Вэйхуа вместе с моим младшим братом Чхоль Чжу.

Этот фотоснимок выставили в тогдашнем Музее национально-освободительной борьбы вместе с историческими материалами, собранными осенью того же года экскурсионной группой, побывавшей на местах революционной боевой славы. С тех пор впервые стало известным нашему народу лицо Чжан Вэйхуа. Осматривая экспонаты, я долго стоял перед этим фотоснимком. Он настолько сильно повлиял на меня, что перед глазами у меня возник точно живой Чжан Вэйхуа, с которым мы расстались более 20 лет назад в Даине. Словно он не умер, а вернулся живым в Пхеньян.

До того времени мало кто среди нашего народа знал о Чжан

Вэйхуа. То было время, когда низкопоклонники, занявшие важнейшие посты в области пропаганды, не пропагандировали как следует историю революции и революционные традиции нашей партии. Поэтому почти никто толком не знал, какую помощь Чжан Вэйхуа оказывал мне и каковы его заслуги перед корейской революцией. Об отношениях между ним и мною знали лишь несколько наших ветеранов.

Мне захотелось, чтобы сопровождающим меня лицам передалась моя гордость за него, рассказать им, каким он был замечательным человеком, революционером и интернационалистом. Наконец-то фонтаном забил духовный ключ сострадания и памяти о покойном, таившийся в глубине души вот уже более двадцати лет.

— Товарищи! Вот это и есть Чжан Вэйхуа, мой товарищ по 1-му начальному училищу в Фусуне. Он был моим другом и верным соратником революции. Среди его боевых друзей было много корейских коммунистов. Чжан Вэйхуа — великий борец-интернационалист. Через нас он понимал Корею, исходя из чувств дружбы к нам, он сочувствовал нам и поддерживал антияпонскую борьбу корейского народа. Он мог бы прожить жизнь, утопая в роскоши, однако добровольно встал на путь революции. И на этом пути он охранял меня — и самой своей смертью. Сегодня здесь вижу эту фотокарточку — все больше и больше терзает меня неутолимая тоска по Чжан Вэйхуа. Чем счастливее мы становимся, тем больше должны не забывать таких благодетелей, как Чжан Вэйхуа, не забывать китайских друзей, помогавших ценой крови нашему революционному делу.

После наша печать на своих страницах подробно рассказала о заслугах Чжан Вэйхуа. И он стал так же широко известным нашему народу интернационалистом, как Ло Шэнцзяо и Хуан Цзигуан. Наше подрастающее поколение вспоминает о Чжан Вэйхуа с такой же беззаветной любовью и уважением, как о Ким Чжине и Ма Дон Хи.

Мне стало известно, что на следующий день после прибытия в Фусун нашей экскурсионной группы жена Чжан Вэйхуа, обращаясь к своим детям, сказала:

— Полководец Ким Ир Сен и ваш отец дружили еще со школьной скамьи и стали близкими, как родные братья. Их дружба была так глубока, что все фусунские товарищи по учебе завидовали им. Ваш отец вел решительную борьбу с японским империализмом благодаря влиянию и руководству Полководца Ким Ир Сена. Вот поэтому бабушка и говорила постоянно, что вы должны называть его старшим братом отца. Полководец всегда помнит нас и постоянно думает о вашем отце. Цзиньчуань, ты должен написать старшему брату отца письмо, выразить благодарность и пожелать ему здоровья и благополучия.

Воспоминания матери не давали покоя Чжан Цзиньчуаню, полному кипучей силы и энергии юноше, которому было уже за двадцать. Охваченный волнением, он не мог уснуть. В 1959 году Чжан Цзиньчуань, став красивым мужчиной, был на два года старше, чем его отец, когда он покончил с собой, приняв фотопроявитель. От имени своей семьи он написал мне длинное письмо. Получив письмо, я не мог уснуть несколько ночей, все набегали мысли о Чжан Вэйхуа. Было ощущение, словно кровь дружбы, соединяющая меня с Чжан Вэйхуа, вновь заструилась как в одной вене — благодаря моему привету и письму от Чжан Цзиньчуаня.

Чувство дружбы живого человека к покойному, можно сказать, продолжается и в любви и заботе живого человека о детях погибших товарищей. Мое чувство дружбы к Чжан Вэйхуа ширилось, углублялось и развивалось в новой форме через мои частые встречи с его детьми.

Получив письмо от Чжан Цзиньчуаня, я сердцем и мыслями был с этим неизвестным юношей, хотя мне были совершенно незнакомы его лицо и характер. Как ни удивительно, но его

почерк был похож на почерк отца. Раз так, думал я, может, и лицом он походит на отца. Увидеть бы его не на фотокарточке, а живого и поближе.

Но это пока было всего лишь мечтой. Чтобы осуществить ее, приходилось мне преодолевать еще различные трудности, проявлять активность и терпение. Между мной и семьей покойного Чжан Вэйхуа существовала преграда, называемая границей, — творение хладнокровное и равнодушное к моральному долгу и дружбе прошлых дней.

В мае 1984 года прошло уже более двадцати лет с тех пор, как я получил письмо от Чжан Цзиньчуаня. Мне посчастливилось во время визита в СССР и другие социалистические страны Восточной Европы проезжать на поезде через районы северо-восточной части Китая. Горы и равнины северо-восточной части Китая — это те края, где я провел более двадцати лет. Там я прошел тернистый путь многолетней антияпонской вооруженной борьбы. Те горы и равнины, близкие мне, как родные края, — предмет многочисленных заветных воспоминаний. Как я переживал при мысли, что не удается побывать там вновь, пока я жив! Мысль эта не покидала меня. Часто в снах я шагал по этим краям — до боли в ногах! Видимо, поэтому секретарь ЦК партии по организационным делам Ким Чен Ир сделал так, чтобы маршрут поездки проходил через Тумынь — Муданьцзян —Харбин — Цицикар — Маньчжурия — СССР.

Я долго не мог оторвать взгляда от знакомых горных цепей. Сколько людей, пролив алую кровь, пало на этой земле! Хотя и минуло уже несколько десятков лет, но перед моими глазами вставали яркие образы старых боевых друзей. Вместе мы урывками дремали у костра, делили жидкую похлебку, чернели от порохового дыма. Я не мог оторвать взгляд от окна.

Когда наш специальный поезд из Тумыня помчался в сторону Дуньхуа, мне вспомнились жена Чжан Вэйхуа и его дети в Фусуне, и я вызвал сопровождающих меня лиц.

— Мне давно хотелось побывать в этих краях. Если бы позволило время, мне бы встретиться с боевыми соратниками партизанского периода и близкими друзьями, побывать на месте боев, где покоится прах соратников. Жаль, что не могу осуществить эту мечту. Отсюда до Фусуна всего несколько сот *ли*. Говорят, что там и поныне живет семья Чжан Вэйхуа. Неплохо было бы послать ей хотя бы подарок на память.

Спустя несколько дней соответствующие китайские работники передали семье Чжан Вэйхуа подарок от моего имени.

Вернувшись на Родину после поездки в страны Европы, я получил второе письмо от Чжан Цзиньчуаня и пригласил его в Пхеньян. Попросил Генерального секретаря Ху Яобана оказать содействие, чтобы визит Чжан Цзиньчуаня в нашу страну благополучно осуществился.

Наконец-то в апреле 1985 года Чжан Цзиньчуань вместе с сестрой Чжан Цзиньлу и старшим сыном Чжан Ци нанес исторический визит в Корею. В солнечные весенние дни, когда бурно оживает вся природа, когда все цветы, травы и деревья в цветении и из-под земли пробиваются новые ростки, я встретился с фусунскими дорогими гостями в резиденции «Хынбу».

В тот момент, когда я увидел Чжан Цзиньчуаня и Чжан Цзиньлу, выходящих из автомобиля, меня охватил большой восторг, и я на некоторое время лишился дара речи. Чжан Цзиньчуань походил на отца, а Чжан Цзиньлу была точной копией матери. Чжан Ци перенял у родителей лучшие качества и черты. Такое полное внешнее сходство с родителями было отрадным не только для них, но доставляло большое удовольствие и мне. Мне, словно при галлюцинации, казалось, что воскресли и стоят предо мной давно умершие Чжан Вэйхуа и его жена. Я напрягал зрение, ловя взглядом черты Чжан Вэйхуа в каждом их движении. Я одновременно обнял Чжан Цзиньчуаня, Чжан Цзиньлу и Чжан Ци, как когда-то обнимал Чжан Вэйхуа, встречаясь с ним в Мяолине и Дайне.

— Привет всем!

Первые слова привета я говорил на китайском языке. В ходе житейских невзгод, продолжавшихся несколько десятков лет, у меня появилось немало пробелов в запасе китайских слов. Однако с моих губ беспрепятственно сорвались китайские слова: «Привет всем!» Найдутся наверняка люди, которые скажут, что главе государства во время дипломатической встречи неприлично вести беседу на иностранном языке. Но я не хотел считаться с такими приличиями. Чжан Цзиньчуань и члены его семьи приехали ко мне не с дипломатической целью, и я тоже пригласил их не для того, чтобы разводить с ними дипломатию. При чем тут дипломатия и приличия, когда хочется встретиться с детьми боевого соратника?

Вот почему в тот день и на обеде, данном в их честь, я не произносил застольную речь. И это тоже выглядит нарушением условностей.

— Мы с вами одна семья, поэтому обойдемся без застольной речи. Давайте просто чокаться за здоровье собравшихся здесь товарищей, за китайско-корейскую дружбу!

Выслушав мои слова вместо застольной речи, Чжан Цзиньчуань обрадовался.

Он, как и его отец, не был охоч до вина и я не предлагал ему много пить. Мы опустошили только по три стаканчика некрепкой настойки на голубике. Кстати, когда в нашей стране пребывал Миттеран, ему я тоже предлагал настойку на голубике. Это знаменитое вино, которое, говорят, в годы господства японцев пил только император. Три стаканчика — в этих цифрах кроется заветная история. В июне 1932 года, когда мы с Чжан Вэйхуа вели прощальную беседу на винокуренном заводе «Дуншаого», на северной стороне от перекрестка улиц в уездном городке Фусун, мы выпили как раз эту меру.

Обед в честь дорогих фусунских гостей длился три часа. Атмосфера того обеда, проходившего без соблюдения установ-

ленных правил и обычаев, была похожа на семейную. Мы долго беседовали с гостями и в саду.

Главной темой наших разговоров в тот день был вопрос о чувстве долга. Рассказывая о чувстве долга Чжан Ваньчэна и Чжан Вэйхуа перед нашей семьей, я вспоминал пережитое мной в фусунские годы, а гости выражали мне благодарность за мое чувство долга.

— Твой дед оказывал помощь движению за независимость Кореи, а твой отец — коммунистическому движению в Корее.

Так я несколькими словами оценил заслуги семьи Чжана.

В тот день я особенно много говорил о делах Чжан Ваньчэна и Чжан Вэйхуа не ради комплиментов. Рассказывая, я желал, чтобы Чжан Цзиньчуань, Чжан Цзиньлу, Чжан Ци и другие потомки Чжан Вэйхуа стали настоящими людьми, дорожащими чувством долга из поколения в поколение, и глубоко убежденными революционерами.

Моральный долг человека существует не только между королем и верноподданными, между родителями и детьми, как проповедовала еще феодальная мораль, но и между друзьями, между товарищами. Считаю «Буньуюсин» (хранить между друзьями верность друг другу — ред.) устойчивым словосочетанием, в котором содержится такая истина. Старые мудрецы выражали суть нравственности, основанной на доброте и чувстве долга, словами «У доброго человека нет врага». Говорили: есть мораль — существует и человек; есть человек — существует земля; есть земля — значит, есть и состояние, а коли есть состояние, оно найдет применение. Эта истина старой восточной философии выражается в сжатом виде в пяти словах «Док-ин-чжи-чжэ-ён». Она действительно глубокомысленна и прекрасна. Полагаю ее достойной изучения и в современной жизни.

Мы не можем считать огульно порочными каноны «три отношения и пять эстетических норм». Мы считаем недопустимыми экстремистские взгляды людей, которые искусственно противопоставляют эти правила коммунистическим идеалам, критикуют их как якобы противоречащие коммунистической морали. Что плохого в моральном долге верноподданных, которые верой и правдой служат делу своей страны и поддерживают ее! Можно ли считать признаком нарушения морального кодекса почтительность детей по отношению к родителям?! Мы только против попытки использовать такие нравственные представления для оправдания феодального общественно-государственного строя и пропаганды непротивления народа злу, слепой покорности. Мы отнюдь не отрицаем принципиальной стороны «трех отношений и пяти эстетических норм», подчеркивающих моральные устои, присущие человеку.

Отношения между Чжан Вэйхуа и мной не были, конечно, отношениями между королем и верноподданным, между родителями и детьми. То, что он пожертвовал собой, чтобы спасти меня, нельзя оценить как якобы исходящее из чувств долга в отношении между королем и верноподданными, что проповедывается в каноне «три отношения». Ради меня, являющегося всего лишь товарищем по революции, и ради самих интересов революции он явил образец высшего коммунистического чувства долга, отличающегося от требований «трех отношений». Заслуги Чжан Вэйхуа потому так дороги, так велики, что они исходили из чистоты и благородства коммунистического чувства долга.

Во время нашей встречи Чжан Цзиньчуань и члены его семьи от имени фусунцев и своей семьи подарили мне часы в деревянном обрамлении, на котором было написано: «Два дракона играют с жемчужиной», — а вместе с ними и традиционную китайскую картину «Пожелание долголетия». Вот ее сюжет: крестьянский двор и мальчик, держащий в руках корзину с

крупными персиками долголетия. По объяснению Чжан Цзиньчуаня, таким образом языком искусства мне было выражено пожелание крепкого здоровья и долгих лет жизни.

В ответ на это я надел на запястья рук Чжан Цзиньчуаня, Чжан Цзиньлу и Чжан Ци золотые часы с написанным на циферблатах моим именем.

Тогда в Пхеньяне Чжан Цзиньчуань прошел генеральный медосмотр, после которого ему заменили пораженные коренные зубы золотым протезом.

Вторая встреча с Чжан Цзиньчуанем и членами его семьи состоялась в пограничном городе, в синичжуской резиденции. Я снова дал обед в их честь перед их возвращением на родину, имел с ними трехчасовую беседу.

При расставании с ними я подарил каждому по фотоаппарату. Тогда все они растрогались до слез. В качестве памятного подарка для них я выбрал фотоаппарат после тщательного обдумывания. Ведь когда Чжан Вэйхуа ведал фотографией «Братья» в Фусуне, он прислал к нам фотоаппарат. Так что это был ответ на подарок Чжан Вэйхуа, знак пожелания следовать примеру Чжан Вэйхуа, который посвятил себя делу революции, занимаясь одновременно фотосъемкой. Говорили, что в то время Чжан Цзиньчуань, как прежде его отец, работал фотографом в Фусуне.

При расставании я сказал им:

— Завтра я еду из Синичжу в Пхеньян, а вы, дети, по возвращении работайте прилежно, будьте лучшими членами компартии. Не гонитесь за карьерой, не допускайте ошибок! С ранних лет вы росли без отца, теперь — я вам отец.

В 1987 году Чжан Цзиньчуань вместе с женой Ван Фэнлань, вторым сыном Чжан Яо, внучкой Чжан Мынмын вновь посетил нашу страну. Тогда я встречался с ними семь раз. Это тоже выходило за рамки существующих правил и обычаев. Пятилетняя Чжан Мынмын была самой маленькой подруженькой из

иностранных гостей, приехавших в нашу страну по случаю моего 75-летия. Она представляла пятое поколение семьи Чжана.

Вечером 13 апреля Чжан Мынмын вместе с дедом, бабушкой и дядей посетила по приглашению художественный театр «Понхва». Там на просмотре сводного выступления артистов разных стран мира — участников художественного фестиваля дружбы «Апрельская весна» я впервые увидел ее. Выйдя из фойе, через проход я направился к своему месту в зале и заметил, что в первом ряду у прохода сидели Чжан Цзиньчуань и его супруга. Я поздоровался с ними, обнял его внучку и поднял вверх над головой. У Чжан Мынмын не было ни оттенка смущения. Она, прикоснувшись своей щекой к моей, улыбалась светло.

В тот же миг тысячи зрителей, собравшихся в театре, дружно аплодировали нам. И иностранные гости, которые хоть и не ведали о моих отношениях с семьей Чжана, с радостью очевидцев этой неожиданной картины, словно благословляя, награждали нас долгими, сотрясающими зал аплодисментами.

«Да! Милая Мынмын! Я тебе старший прадед. Держа на руках тебя, я чувствую, как горячий ком подступает к горлу от думы о твоем прадеде. Прадед очень любил детей. Если бы он был жив, не чаял бы души в тебе. Но он, не дожив до тридцати лет, ради меня покончил с собой. Чем же я мог отблагодарить за это! Ты цветок корейско-китайской дружбы, цветущий в жизни пятого поколения. Твой прапрадед и прадед, я и мой отец посвятили свою жизнь этой дружбе. Ты цветок, появившийся на почве, омытой их кровью и потом. Расцветай во всей красе во имя корейско-китайской дружбы, на зависть всему миру». Такие мысли мгновенно овладели мной во время оглушительных бурных аплодисментов.

Я крепко обнял Мынмын. Маленькое сердце девочки, почти прикасаясь к моему сердцу, билось быстро, но равномерно. И этот момент, когда биение ее энергичного и пламенного пульса отдавалось в моей груди, можно с уверенностью сказать, был

многозначительным мигом, соединившим мою дружбу с Чжан Вэйхуа в пятом поколении. Чжан Ваньчэн, Чжан Вэйхуа, Чжан Цзиньчуань, Чжан Ци, Чжан Мынмын... Да! Несмотря на бурное лихолетие, полное невзгод, дружба между двумя семьями, пройдя, образно говоря, через многочисленные крупные и малые реки, возродилась в представительнице пятого поколения. Это не только дружеские отношения между двумя семьями, но и дружба между Кореей и Китаем, между двумя народами! Вот почему позже и Чжан Цзиньчуань называл эту дружбу «текущим чувством старой дружбы».

При виде меня и Мынмын, заключенной в мои объятия, люди выражали уверенность в том, что корейско-китайская дружба будет вечной, нерушимой, будет жить и здравствовать во веки веков.

В тот день на фотокарточке, запечатлевшей Чжан Вэйхуа и моего младшего брата Чхоль Чжу, я написал на память собственное имя. Цзиньчуань говорил, что будет свято хранить ее как фамильное сокровище своего дома.

За время пребывания Чжан Цзиньчуаня и членов его семьи мы предоставляли им личный самолет и специальный поезд со многочисленным обслуживающим персоналом. Они были достойно приняты как потомки Чжан Вэйхуа, как гости правительства.

В апреле 1992 года дети Чжан Вэйхуа вновь посетили нашу страну по случаю моего 80-летнего юбилея. Это был их третий визит в нашу страну. В Пхеньян приехали Чжан Цзиньчуань с супругой, Чжан Ци с супругой, Чжан Юй, Чжан Мынмын, а также проживающие в Пекине Чжан Цзиньлу с мужем Юэ Юйбинем, дочь Юэ Чжиюунь, сын Юэ Чжисян и другие — всего 12 человек. Чем чаще становились визиты, тем глубже и пламеннее становилось чувство моей любви к потомкам Чжан Вэйхуа.

В память о третьем визите Чжан Цзиньчуань подарил мне написанные им записки «Текущее чувство старой дружбы». В

этой большой книге безыскусно, без вымысла и простодушно рассказывалось о дружбе двух семей, начавшейся с дружеских отношений моего отца и Чжан Ваньчэна. Хотя стиль этой книги был скромен, но каждая строка дышала действительно благородным и возвышенным чувством любви, чувством дружбы. Эта книга глубоко тронула меня. Я похвалил его, говоря, что книга отлично написана. Тогда Чжан Цзиньчуань, как ребенок, покраснел, беспокоясь о том, насколько верно отражены в книге те теплые благородные чувства, которые проявляет к ним старший брат отца.

В ответ я подарил им 1-й и 2-й тома моих мемуаров «В водовороте века», изданные на китайском языке.

— Двое иностранцев охраняли меня своей жизнью. Это Чжан Вэйхуа и Я. Т. Новиченко. Разумеется, Я. Т. Новиченко жив. Не проявил бы он такую самоотверженность, если бы не был готов хоть к смерти. Совершить вмиг такой поступок, не имея возможности долго задуматься, — дело не простое!

Я это говорил им во время их третьего визита в нашу страну.

Выслушав мои слова, Чжан Цзиньчуань и Чжан Цзиньлу от души говорили, что в некотором смысле Я. Т. Новиченко принадлежат гораздо большие заслуги, чем их отцу, и что, не будь его, неизвестно, что бы случилось со мной.

— В моей жизни было бесчисленное множество людей, которые заботились обо мне. Много и незабываемых благодетелей — спасителей моей жизни, которые в опасный, критический момент заступались за меня. Таким был и священник Сон Чжон До, отец Сон Вон Тхэ, который вместе с вами совершает поездку по стране... Поэтому бывают у меня такие минуты, когда я ловлю себя на мысли о том, что небо неравнодушно к тому, кто делает благородное дело во имя страны, и всегда такой человек богат на доброжелателей. Это не идеализм. Кто готов отдать всего себя делу народа, тот всегда найдет его помощь. Такова истина, такова диалектика.

Я настоятель но обращал их внимание на то, что они должны стать лучшими сыном и дочерью, призванными служить делу народа, и целиком посвящать себя его интересам, как их отец Чжан Вэйхуа.

Чжан Цзиньлу подарила мне связанный ею шерстяной свитер фиолетового цвета. По ее словам, она специально приготовила такой подарок, чтобы я носил его. Любой другой подарок могли бы хранить на Выставке дружбы между народами и он остался бы без употребления мною. Поэтому и решила приготовить такую вещь, которой я мог бы пользоваться в повседневной жизни. Идея была глубокая! И я с большой благодарностью принял свитер. По просьбе семьи я тут же одел его и сфотографировался вместе с ними на память.

Тогда на встрече со мной Чжан Цзиньчуань говорил, что они решили поставить новую могильную стелу по случаю 55-летия со дня смерти своего отца. Он обратился ко мне с просьбой составить надгробную надпись, чтобы ее потом высечь на стеле.

Я был благодарен за то, что он без стеснения обратился ко мне с такой просьбой. Это было свидетельством того, что он от души и по-настоящему считает меня дядей.

— Значит, уже 55-летие. Твой отец, кажется, умер в октябре месяце по лунному календарю...

Погрузившись в тихие, спокойные мысли, я вспоминал хмурую осень 1937 года.

— Да, дядя. 2 октября 1937 года по лунному календарю, а по солнечному — 27 октября этого года.

— Давайте сделаем так. Вместо моей надписи на могильной стеле, которую ты решил поставить, воздвигнем от моего имени памятник. Как ты думаешь?

От неожиданности Чжан Цзиньчуань и Чжан Цзиньлу не могли вымолвить в ответ ни слова. Они только переглядывались друг с другом. Они же не обращались ко мне с такой большой просьбой, а, считая меня главой своей семьи, непринужденно

делились со мной своими заветными мыслями. Но я вдруг, чего они и не ожидали, сказал о памятнике. И они изрядно растерялись.

— Это уж слишком, — второпях заговорил Цзиньчуань, — мы не хотим доставлять чрезмерных хлопот вам, дядя. Хотелось бы иметь лишь вашу надпись. Возьму ее с собой и высеку на могильной стеле.

— Это тоже неплохая идея, но, как говорят в народе, лучше выбрать юбку малинового цвета — ведь цена одна и та же. Подготовим здесь памятник с высеченной на нем моей надписью, пошлем его вам с помощью наших людей, а вам останется только взять да поставить его. Когда это вам нужно?

— Если будет так, то мы очень благодарны. Но вы очень заняты, и мы чувствуем себя виноватыми за доставленное вам беспокойство. Видать, я обратился к вам со слишком самонадеянной просьбой...

Чжан Цзиньчуань и Чжан Цзиньлу не находили себе места.

— На подготовку памятника не потребуется много времени. Но раз решено воздвигнуть памятник, неплохо было бы провести мероприятие по случаю дня смерти твоего отца.

Чжан Цзиньчуань и члены его семьи с удовольствием согласились с моим предложением. Они говорили, что по возвращении в Фусун проведут подготовку к открытию памятника и сообщат об этом соответствующим органам Китая. Таким образом, было решено от моего имени воздвигнуть памятник на могиле Чжан Вэйхуа — моего старого соратника по революции.

Работники Института истории ТПК увезли памятник из Пхеньяна в Фусун. Партия и правительство Китая направили людей к мосту Линьцзяня, где они тепло встречали наших представителей. Было подготовлено торжественное мероприятие 27 октября по случаю установки памятника на могиле Чжан

Вэйхуа в Фусуне. Средства массовой информации Китая, придавая этому событию большое значение, широко информировали о нем.

«Революционные заслуги погибшего патриота Чжан Вэйхуа — яркий символ дружбы народов Кореи и Китая. Его высокий революционный дух и революционные заслуги вечно будут жить в сердцах народов.

Ким Ир Сен

27 октября1992 года

Этот собственноручно написанный мною текст высечен на памятнике.

После возвращения наших представителей в Пхеньян я посмотрел видеозапись событий по случаю открытия памятника. Все прошло очень торжественно. Я был глубоко тронут. Мероприятие как бы олицетворяло ту дружбу и взаимный моральный долг, существующие только между народами Кореи и Китая и их борцами.

Будет ли живо чувство дружбы между живым человеком и усопшим? Каждый раз, когда мне задавали такой вопрос, я отвечал: «Да, дружба продолжается». И сейчас я так отвечаю. О справедливости этого ответа убедительно свидетельствуют дружественные отношения между мной и представителями третьего, четвертого и пятого поколений семьи Чжана и проходившее в Фусуне мероприятие, посвященное воздвижению памятника.

Живые люди не должны забывать погибших. Только тогда чувство дружбы между ними может стать прочным, искренним и вечным. Если живой человек забудет покойного, с этого момента дружбе не избежать гибели. Чаще вспоминать покойных, широко информировать об их заслугах, тепло заботиться об их детях, верно выполнять их заветы — это я считаю чувством долга живых людей перед предшествующими поколениями, погибшими патриотами, товарищами по революции, ушедшими от нас.

Не будь такого чувства долга, не могла бы быть подлинной преемственность истории и традиций.

После отправки памятника мне стало легче на душе. Но даже если будут воздвигнуты тысячи, десятки тысяч таких памятников, вряд ли можно этим отблагодарить Чжан Вэйхуа, отдавшего свою жизнь ради меня!

Ныне по желаниям родителей Чжан Юй, внук Чжан Вэйхуа, и Юэ Чжиюунь, внучка по дочери, учатся в Пхеньянском институте международных отношений.

Когда меня берет тоска по Чжан Вэйхуа, я посещаю их общежитие. В напряженном распорядке дня Президента государства, которому дорога каждая минута, выкроить время для встречи с иностранными студентами, обучающимися в нашей стране, — дело нелегкое. Но мои адъютанты не жалеют времени для работы Президента с потомками Чжан Вэйхуа. И мне для них не жалко времени.

Когда Чжан Юй и Юэ Чжиюунь, свободно и гладко говоря на корейском языке, поздравили меня с Новым годом, я почувствовал большое удовольствие. Восхитительной была их манера говорить на корейском языке. Желательно, чтобы они как можно скорее стали еще более искусными в корейском языке, более привычными к корейской кухне, чтобы еще более близились с корейским народом.

В мире, скоро встречающем XXI век, сложилось исключительно суровое и сложное политическое положение. Но неизменным остается чувство старой дружбы между мной и семьей Чжан Вэйхуа.

Я давно выражал свое желание посетить Фусун. И поныне неизменным остается это желание. Хотелось бы в Фусуне посетить могилу Чжан Вэйхуа в Наньдяньцзы, но боюсь, как бы это не осталось лишь мечтой. Если не сбудется эта мечта, то хочется хотя бы во сне посетить старого боевого друга.

5. Лига возрождения Родины

С рождением новой дивизии главные силы КНРА получили дальнейшее укрепление и развитие. Перед нами были открыты новые горизонты для расширения и углубления движения за создание единого антияпонского национального фронта и работы по идейно-организационной подготовке образования партии. Новорожденная дивизия стала могучей движущей силой, способной оказать военную и политическую поддержку корейским коммунистам в их деятельности, направленной на расширение и перенесение вооруженной борьбы в глубь территории Кореи, на объединение различных слоев патриотических сил. Открылись широкие перспективы для исторического перелома в движении за создание единого фронта, которое мы энергично развертывали после Калуньского совещания.

После совещания в Наньхутоу это наше движение было направлено на создание постоянной организации единого общенационального фронта, чтобы содействовать сплочению широких антияпонских патриотических сил. Такова была актуальная задача, решение которой не терпело отлагательства как с точки зрения развития нашей революции, так и в свете происходящих событий в стране и за ее пределами.

Самый верный путь к достижению суверенитета и независимости страны лежал через общенародное сопротивление, осуществляемое на основе великой национальной консолидации. Достижение ее — ключевой вопрос, от решения которого зависит успех завоевания независимости собственными силами. Такова была давно отстаиваемая нами идея. Формирование единого фронта наряду с установлением принципов чучхе являлось од-

ним из главнейших идеалов, за которые мы выступали с первых шагов антияпонской революционной борьбы.

Руководствуясь идеалами великой национальной консолидации и единого фронта, мы прилагали огромные усилия для осуществления коалиции с разношерстными националистическими и патриотическими силами, выступающими против японского империализма. Мы также активно развивали борьбу совместно с широкими антияпонскими силами и коммунистами Китая в соответствии с условиями нашей деятельности на китайской земле. Наши немалые успехи и опыт составили при этом солидный капитал для широкого развития движения за создание единого фронта. На основе достигнутых успехов и опыта мы прилагали все усилия к тому, чтобы создать необходимые условия для развертывания движения за образование единого фронта в общенациональном масштабе. В то же время старались как можно скорее подготовить руководящее ядро и собственные силы, способные взяться за это дело.

Надо сказать, что еще до 30-х годов имели место попытки объединения всех сил нации. Если посмотреть на дело с позиции современной истории Кореи, то становится ясно, что речь о проблемах великого сплочения нации независимо от политических убеждений и концепций впервые зашла после середины 20-х годов. К тому времени на арене национально-освободительной борьбы в нашей стране существовали две политические силы, представлявшие национализм и коммунизм. С усилением деспотизма и грабительского характера власти японских империалистов руководители национально-освободительного движения все острее испытывали необходимость сплочения патриотических сил, обеспечения великой национальной консолидации. Исходя из этой необходимости, коммунисты раннего периода искали действенные контакты с националистами, а последние, в свою очередь, пытались сотрудничать с представителями коммунистической идеологии.

Благодаря совместным усилиям руководителей двух лагерей, заинтересованных в национальном освобождении, в возрождении национального суверенитета, в Сеуле в феврале 1927 года было создано общество Синганхвэ — первая в истории Кореи организация единого фронта. Доверие и надежды народных масс к этой организации были так велики, что патриотические деятели и историки того времени называли ее единой национальной партией. Создание общества Синганхвэ обеими руками приветствовал народ, ранее выражавший недовольство враждой и противостоянием двух сил — коммунизма и национализма.

Сторонники коммунистического и национального движения, которые расходились до этого в политических убеждениях, осознали, хотя и с опозданием, необходимость единства, объединения и образовали организацию единого фронта. Это стало крупным событием, отвечающим чаяниям народных масс и велению времени.

Общество Синганхвэ, которое можно было бы назвать первым детищем фронта национального сотрудничества в Корее, по своим задачам и целям являлось патриотическим, антияпонским.

С рождением совместного фронта двух крупных сил, которые, можно сказать, представляли нацию, общество Синганхвэ с момента своего появления на свет стало единственной организацией, представлявшей всю корейскую нацию. Цель создания этой организации как нельзя лучше отражалась в самом ее названии «общество Синганхвэ», которое исходит из смысла слов «комоксинган», что означает: на старом дереве прорастает новая ветвь. Как показывает само название, общество Синганхвэ стремилось к объединению всех сил нации на новой основе.

Инициаторами и организаторами создания общества были Ли Сан Чжэ, Хон Мен Хи, Хо Хон и другие прогрессивно настроенные патриоты, пользовавшиеся высоким авторитетом в

массах. Именно они обеспечивали его развитие. По своему содержанию Программа общества носила новаторский и революционный характер — она была направлена на пробуждение национального сознания в политике и экономике, упрочение национальной сплоченности и отрицала оппортунизм всех мастей и оттенков. Состав членов общества, объединявшего в своих рядах более тридцати семи тысяч человек разнообразных профессий, был разносторонним, едва ли не всеохватным. В него входили: рабочие, крестьяне, содержатели гостиниц, фотографы, журналисты, торговцы, врачи, служащие компаний, учителя, нотариусы, животноводы, типографы, рыбаки, транспортники, ткачи, швеи, учащиеся, адвокаты, писатели, банковские служащие, служители культа и тому подобные.

Общество Синганхвэ стремилось объединить воедино все силы нации на базе сотрудничества сторонников левого и правого крыльев. Однако, несмотря на прогрессивность своих задачи целей, оно было вынуждено прекратить свое существование в мае 1931 года. Почему это произошло? Есть разные версии. Сторонники комдвижения пытались обвинить во всем националистов, а те, в свою очередь, — взвалить ответственность на коммунистов. Одно время некоторые историки стремились объяснить основную причину роспуска общества расколом верхушки и реформистскими тенденциями. При этом они хотели отрицать патриотический характер этой организации, не брали во внимание ее национально-историческое значение.

Я не могу согласиться с такими нигилистическими взглядами. Полезно осуществить научный анализ причин роспуска общества и извлечь из этого должный урок. Но разыгрывать спектакль с целью взвалить ответственность на других — некрасиво. Пусть в верхушке общества отчасти и сидели реформисты, но не следует отрицательно оценивать саму организацию и сводить на нет ее национально-историческое значение.

Причина роспуска общества Синганхвэ кроется прежде всего в том, что японские империалисты, боясь объединения антияпонски настроенных сил корейской нации, вбили клин в его ряды, внесли в него раскол, подкупив реформистски настроенную верхушку. Одной из важнейших причин роспуска стало и отсутствие ведущей, руководящей силы, способной пресечь диверсионно-подрывные действия врага, умело направлять и возглавлять это общество.

Из разложения общества Синганхвэ мы извлекли горький урок. Преисполненные готовностью и решимостью взять на себя обеспечение единства патриотических сил нации, мы выдвинули важный курс на создание единого антияпонского национального фронта и прилагали настойчивые усилия для сплочения всех сил нации под знаменем великого дела сопротивления Японии и спасения страны. В ходе этого было подготовлено и руководящее ядро, способное возглавлять это движение. Появился у нас и полезный опыт.

Наньхутоуское совещание приняло решение о создании общенационального единого фронта и тем самым явилось историческим водоразделом, положив начало новому повороту в движении за создание единого фронта в Корее.

То было время, когда и на международной арене начало развертываться движение Народного фронта, направленное на пресечение империалистической агрессии, на противодействие фашизму.

Приход к власти нацистов в Германии дал сильный толчок рабочему классу Франции, который видел растущую угрозу фашизма в стране и остро ощущал необходимость образования единого антифашистского фронта. На волнах горячего стремления народных масс к единству действий Социалистическая партия в июле 1934 года, приняв предложение Коммунистической партии, заключила с ней пакт о единстве действий против войны и фашизма. Под влиянием этих двух партий объединились и

профсоюзы, ранее действовавшие разрозненно. В такой ситуации и был образован «Народный фронт труда, свободы и мира». Обстановка требовала расширять и развивать этот фронт, доведя его до единства действий со средними классами. В конце июня 1935 года к коалиции Социалистической и Коммунистической партий присоединилась и мелкобуржуазная Партия радикал-социалистов. Это привело к образованию так называемого «народного единства». 14 июля в Париже состоялась крупнейшая демонстрация Народного фронта с участием сотен тысяч человек. В первом ряду демонстрантов плечом к плечу шли лидеры трех партий—М.Торез, Л. Блюм и Э. Даладье. В январе 1936 года была официально опубликована Программа Народного фронта, основанного на единстве действий антивоенных, антифашистских прогрессивных групп, в центре которых стояли три партии. В апреле — мае того же года Народный фронт одержал крупную победу на всеобщих выборах в палате депутатов. В результате кабинет А. Сарро в полном составе ушел в отставку. Родился кабинет Народного фронта во главе с Л. Блюмом. Разумеется, правительство Народного фронта стремилось найти выход из экономического кризиса в росте покупательной способности народных масс. Однако ему не удалось добиться желаемого успеха. Поддерживая правительство Народного фронта Испании, оно в то же время проводило так называемую политику невмешательства в дела этой республики и не оказывало ей активной помощи. В конце концов Народный фронт распался. Но он предотвратил установление оголтелого фашистского режима во Франции, преподал полезный урок мировому коммунистическому движению в его борьбе против фашизма.

Учитывая ценный опыт Народного фронта во Франции, Коминтерн поставил перед коммунистами всего мира в качестве важнейшей боевой цели создание Народного фронта.

В связи с этим произошла переориентация международного

коммунистического движения. В качестве актуальной задачи выдвигалась не мировая революция, направленная на немедленное уничтожение капитализма, а движение в защиту мира и демократии, против войны и фашизма. Это обозначало своего рода поворотный пункт в линии на развитие международного коммунистического движения. Ряд партий 2-го Интернационала отказался от предложения Коминтерна об образовании единого фронта. Тем не менее идея создания Народного фронта получила значительное развитие во Франции, Испании и странах Латинской Америки.

Примером тому служит возникновение в Испании в феврале 1936 года правительства М. Асаньи, опирающегося на Народный фронт.

Народный фронт в Испании переживал тяжелое положение вследствие мятежа Франко и военной интервенции Германии и Италии.

Гибельной для Народного фронта в Испании явилась так называемая политика невмешательства, проводимая главным образом США, Англией и Францией. Эта несправедливая политика, предусматривающая жесткий нейтралитет и эмбарго на вывоз оружия, фактически означала пособничество мятежникам. Вначале позицию невмешательства занимал и СССР. Когда стало очевидным, что такая позиция наносит существенный ущерб правительству Народного фронта, СССР изменил свое отношение к нему и послал самолеты и танки в Испанию в поддержку правительства Народного фронта. Тяжелое положение, переживаемое Народным фронтом в Испании, вызывало сочувствие интеллигенции и трудящихся масс многих стран. В Испанию из разных стран ехали многочисленные добровольцы. Так Испания стала международной ареной вооруженного столкновения прогрессивных сил, поддерживавших Народный фронт, с фашизмом. Это напоминало мировую войну в миниатюре.

Такова была картина международного антифашистского движения в дни до и после создания нами в Дунгане Лиги возрождения Родины. Нас также сильно вдохновляло героическое сопротивление эфиопских патриотов итальянским агрессорам.

Своевременно оценив крутые перемены в международном климате, Коминтерн выдвинул очередную стратегическую задачу — объединить рабочий класс, трудящиеся массы, народы всех стран в борьбе против войны и фашизма, предотвратить войну, защитить мир, бороться против фашизма, защищать демократию. Таким образом, Коминтерн выполнил свою роль как руководящий орган мировой революции. В этом, можно сказать, заключается историческая заслуга Коминтерна в развитии движения антифашистского Народного фронта.

Для нас фашизм не был новым врагом. То, что поднимал голову международный фашизм, не изменяло ни объекта нашей революции, ни ее характера. Еще до того, как Коминтерн выдвинул курс на развертывание движения антифашистского Народного фронта, мы наметили свою линию на создание единого антияпонского национального фронта и в соответствии с этой линией неуклонно продвигали нашу революцию вперед.

Подготовка к созданию Лиги возрождения Родины как организации общенационального единого фронта началась после совещания в Наньхутоу. До этого мне только одному приходилось вынашивать замысел о создании ЛВР. Ким Сан Хо, Чвэ Хен, Пак Ен Сун и некоторые другие товарищи старались порой давать мне совет. Но в общем-то они занимали такую позицию: мол, товарищ командующий, делайте, как вам угодно. Затем я встретился в горной деревушке вблизи Юйшуйчуаня в районе Дуньхуа с одним пожилым ученым. Он стал для меня замечательным советником, который обменивался со мной мнениями.

В этой деревушке было два корейских дома. Я поместился в

одном из них. Тогда к нам пришел небольшой партизанский отряд, действовавший в районе Хэлуна. При встрече со мной бойцы этого отряда доложили, что с ними прибыл какой-то чудак. Они встретили его в одной глухой деревне в районе Хэлуна. Догадавшись, что они пойдут в командование, он последовал за партизанами, поскольку ему, мол, надо видеть Полководца Ким Ир Сена. Бойцы не раз предлагали ему возвратиться домой. Они знали, что нельзя приводить в командование неизвестных людей. Но он говорил так: «Вы идите своей дорогой, а я — куда нога ступает. Не стоит беспокоиться обо мне. Давайте не будем вмешиваться в дела друг друга!»

Затем он спокойно и невозмутимо последовал за ними, держась на определенном расстоянии.

Еще до встречи с ним рассказ о нем возбудил во мне любопытство. Он действительно повел себя странно уже при первой встрече со мной. Когда товарищи из того отряда представили меня незнакомцу, сказав, что я и есть командующий, этот странный гость и слушать их не хотел, а умолял, учитывая его возраст и страстное желание, показать ему настоящего Полководца Ким Ир Сена. Тогда я встретил его во время работы: колол дрова во дворе дома хозяина. Видимо, его не удовлетворил мой наряд. Осмотрев меня со всех сторон с головы до пят, он сказал: «Да может ли это быть, чтобы Полководец Ким был такой молодой и ему приходилось, как батраку, колоть дрова да еще одеваться как придется?»

Когда мы ночевали под открытым небом в окрестностях Гуаньди в Северной Маньчжурии, новобранец-ординарец, стоявший на посту у костра, задремал, и часть моих брюк начала тлеть и продырявилась. Да и после того старую ватную одежду приходилось штопать. Поэтому одежда у меня, несомненно, выглядела неказисто.

Что ни говори, но он все-таки был чудак. У него была борода, как у Хо Ши Мина, и в свои 44 — 45 лет он выглядел

значительно старше: никак не меньше 50.

Он говорил: среди народа много слышал обо мне. Так много говорят обо мне, что он решил повидаться со мной и узнать, какой я есть на самом деле. А я ему в ответ привел народную поговорку: «На пиру, о котором много говорят, есть нечего». Тогда он, кивая головой, ответил, что по одной только моей одежде не трудно догадаться, сколько пришлось мне перенести.

Несмотря на разницу в возрасте, мы, однако, сразу нашли общий язык, понимали друг друга.

Поначалу он показался весьма странным и в то же время откровенным.

— У меня за плечами нет ничего. Я самый настоящий оппортунист. Прилипал то к одной, то к другой стороне. То к левому, то к правому уклону.

В жизни мне приходилось встречать тысячи, десятки тысяч людей, но я впервые видел такого человека, который при первом же знакомстве без колебания представляется оппортунистом.

Безгранично откровенен тот, у кого совесть безукоризненно чиста. Откровенность — это отражение совести, чистой, как белый снег. Это неукрываемый свет совести. Сказанные им слова своей откровенностью вскружили всем нам головы. Поэтому он сразу же мне понравился. В его безыскусном рассказе, который выглядел как недооценка самого себя, я видел, наоборот, высоту его человеческого достоинства.

Нам нужно было немедленно продвинуться в Михуньчжэнь и поэтому нельзя было задерживаться в этой деревне. Прежде чем расстаться с ним, я решил разговаривать с ним так, чтобы ему не было обидно.

Однако, когда мы собирались отправиться в путь, он вместо того, чтобы вернуться домой, тоже решил пойти с нами. «После встречи с вами, Полководец Ким, — сказал он, — мне не хочется так скоро расставаться. Если бы мне разрешили хотя бы несколько часов следовать за вами, я бы поделился своими мнениями».

Почему-то и мне не хотелось расставаться с ним. И мы вместе отправились в путь.

На ходу мы все время разговаривали, и я не ощущал томительности в походе. Я так увлекся беседой с ним, что, шагая, забывал давать бойцам передохнуть, хотя им очень хотелось сделать привал. Тогда к нам подходил Ким Сан Хо с.вопросом: «Не хотите ли передохнуть?»

Вот это и был тот самый «старик с трубкой» Ли Дон Бэк, который вошел в историю нашей партии как инициатор Лиги возрождения Родины. «Старик с трубкой» — прозвище Ли Дон Бэка.

Думаю, многие люди знают, что Танчхон провинции Южный Хамген является родиной Ли Дон Хви — майора последнего периода династии Ли, известного руководителя Армии справедливости, участника коммунистического движения. Но мало кто знает, что Танчхон — родина и Ли Дон Бэка.

Ли Дон Бэк много времени посвятил изучению иероглифов. На его духовное развитие большое влияние оказывал Ли Дон Хви, благодаря которому «старик с трубкой» окунулся в движение за независимость Кореи. Такие сведения мы получили во время нашей походной беседы. Организацию, состоя в которой он боролся, называли «Кунбидан», а находилась она в районе Чанбая.

Когда речь зашла о «Кунбидане» и Кан Чжин Гоне, разговор между нами пошел более оживленно. О Кан Чжин Гоне и он знал не хуже меня. Ли Дон Бэк сказал, что он часто отправлялся в сторону Бадаогоу и Линьцзяна и каждый раз имел тесные связи с Кан Чжин Гоном. В организации «Кунбидан» он служил начальником управления связи.

Когда на Чанбай нагрянула буря крупных карательных операций года Кенсин (1920 г. — ред.), столь внушительная организация «Кунбидан» в один прекрасный день разлетелась в пух и прах. Ли Дон Бэк, доведенный до отчаяния, перебрался в

Россию, чтобы повидаться с Ли Дон Хви.

Он встретился с ним в Чите, а затем вступил в Коммунистическую партию Корё. Вчерашний участник движения за независимость Кореи в одно прекрасное утро стал сторонником коммунистического движения. Эта перемена, однако, загнала его в водоворот фракционной грызни.

Когда из его уст вырывались слова о Коммунистической партии Коре, мне вспомнился партийный билет Компартии Корё, который я видел в Уцзяцзы. Я спросил старика: «Знаете ли вы Пен Дэ У?» Он ответил, что они с ним давние и близкие друзья.

Когда я рассказал ему о том, как мне довелось посмотреть у Пен Дэ У партийный билет Компартии Корё, Ли Дон Бэк спросил: «А мандат делегата, скрепленный картофельной печатью, вы видели?» «Нет, — ответил я, — об этом и слыхом не слыхивал». Тогда он стал рассказывать историю печати из картофеля.

В ноябре 1922 года в дальневосточной России, в Верхнеудинске, состоялся съезд, посвященный слиянию фракций Шанхайпха и Иркутскпха. Обе группировки считали, что только большинство делегатов на съезде позволит им после слияния фракций установить гегемонию в партии, и вели ожесточенную скрытую борьбу за увеличение числа делегатов от своей группировки.

Иркутскпха, вырезав печать из картофеля, выпустила уйму фальшивых делегатских мандатов, открыв лжеделегатам дверь на съезд. И Шанхайпха не меньше занималась махинациями. В итоге после безобразной ссоры съезд превратился в скандальное сборище. Разочарованный этим, Пен Дэ У, лелея в душе мечту вернуться в националистическое движение, ушел в сторону Линьцзяна, а Ли Дон Бэк по рекомендации Ли Дон Хви — в сторону Хуньчуня.

«Старик с трубкой» учительствовал в Хуньчуне, а весной

1925 года уехал в Сеул. Он инкогнито участвовал в учредительном съезде Компартии Кореи, а в следующем году — в антияпонской демонстрации 10 июня.

Пребывая в Сеуле, в скопище фракционных групп, Ли Дон Бэк незаметно для себя втянулся в вихрь новой фракционной грызни. Сначала он был втянут во фракцию Хваёпха, а затем перебрался в группировку Эмэльпха. Таким образом он проводил дни в хлопотах, выступая один в двух или трех лицах.

Какие только скандалы не влекла за собой эта гнусная скрытая акция — фракционная грызня за гегемонию в партии! Даже утащили в мешке члена ЦК партии. Избивали его дубинкой, били по голове деревянным валиком. Была разыграна и беспрецедентная трагикомедия в виде секретного доноса в полицию в расчете на арест противоборствующей стороны. Если бы Ли Дон Бэк продолжал оставаться в Сеуле, ему не миновать бы неожиданной беды. Кто знает, может, и его схватили бы из-за угла, надев наручники, а может, разбили бы голову дубинкой? И он, Ли Дон Бэк, снова вернулся в Северное Цзяньдао.

Он, как судно, терпящее крушение в океане, у которого ни парусов, ни руля, ни весел, держал нос по ветру, дрейфовал на волнах из стороны в сторону. Наконец, скиталец, наплевав на мир фракций, повернулся к нему спиной и твердо осел на суше. В Лунцзине он работал журналистом в какой-то газете, махнул рукой на все: и на движение Армии независимости Кореи, и на движение компартии.

Но антияпонское движение 30-х годов, возникшее в Цзяньдао, снова толкнуло Ли Дон Бэка в водоворот событий. Втянутый в какое-то сомнительное сборище, принадлежащее фракции Хваёпха, Ли Дон Бэк занимал должность секретаря 3-го участкового комитета уезда Хэлун. А во время крупной карательной экспедиции в Цзяньдао лишь чудом спасся от верной смерти. После этого он твердо решил навсегда остаться затворником, повернувшись спиной к миру. Забрав с собой

семью, он перебрался в горную глушь Хэлуна. Там, учительствуя в *содане* (частная школа — ред.), несколько лет жил затворником.

— Вот я есть оппортунист, не правда ли? Ко всем фракциям я примыкал, кроме фракции Сосанпха. Я настоящий оппортунист.

Ли Дон Бэк, словно в знак подведения итога своему многострадальному прошлому, начал набивать в трубку мелко нарезанный табак. Он был заядлым курильщиком. Порой он и верхом на коне сосал трубку, за что его упрекали совсем молоденькие ординарцы. Тогда он, не обижаясь и словно оправдываясь, бормотал про себя: «Ох, память у меня! Еще забыл, если куришь в походе, то собаки чуют издалека». После этого совал трубку в карман верхнего жилета. Он никогда не курил самокруток — только трубку. Отсюда и его прозвище — «старик с трубкой».

— Спасибо вам за честные слова. Но я не считаю вас оппортунистом. Вы примыкали то к одной, то к другой стороне, чтобы найти верный путь развития корейского общества. Так ведь было? Быть причастным к тем или иным партийным фракциям, чтобы искать путь к истине, — это никак не оппортунизм.

Он не на шутку удивился моим словам.

— Разве я не оппортунист?! Ведь я на самом деле был причастен к разным фракциям.

— Вы же решили жить затворником и на несколько лет забились в горную глушь Хэлуна. Но вы отрешились и передумали. И вот в таком возрасте, отнюдь не молодом, пришли к нам из далекого края. Один только этот факт говорит о том, что вы не такой человек. Можно ли объяснить ваши поступки выражением натуры оппортуниста?

— Я с удовольствием сдаюсь вам. Вы насквозь видите мою душу. Что ни говори, я решил в конце своей жизни найти и взять в

руки «сокровище», которое ищу уже несколько десятков лет. Вот эта неотвязная мысль и заставила меня опять покинуть дом.

— Очень рад встретиться с вами. Вы с чувством справедливости ищите истину. Одно время у нас в стране, кажется, много было таких, как вы, искателей истины и сторонников движения за справедливость. Одни были заточены в тюрьмы, другие изменились, а третьи понесли тот или иной ущерб, и теперь их осталось очень мало. Слава богу, что вы остались в живых.

Интересный разговор со «стариком с трубкой» продолжался до тех пор, пока мы не достигли Михуньчжэня.

В ходе этого Ли Дон Бэк понравился мне. У него тоже душа лежала к нам. Есть пословица, которая гласит: «Полюбились и разлучились». Такое расставание дается нелегко. Однако нельзя было в далекий и опасный поход, сопровождающийся непрекращающимися боями с врагом, брать с собой и пожилого человека.

Прежде чем покинуть Михуньчжэнь, я вновь предложил Ли Дон Бэку возвратиться домой. Он вместо ответа покопался во внутреннем кармане верхнего жилета, вынул в два раза сложенную бумажку и, развернув, показал ее мне. Это было заявление с просьбой о приеме в партизанский отряд, написанное на родном языке вперемешку с иероглифами.

Если бы даже вдруг взошло солнце с запада, мы бы так не удивились, как в тот момент.

— Что вы? В таком возрасте решили следовать за нами?

— Не беспокойтесь об этом. Под командованием Ыльчжи Мун Дока[20] и Ли Сун Сина[21] были воины в полтора раза старше меня. Значит, возраст тут не может быть причиной отказа.

— Кто же будет заботиться о вашей жене и детях? Они ведь ждут не дождутся вас в горной глуши Хэлуна?

— Говорят, бывает обидно, даже если получишь отказ от ссылки, куда собрался было идти. Я покинул родной дом, чтобы посвятить себя великому делу спасения страны, а вы

приказываете мне возвратиться. А вы встали на путь борьбы за спасение страны, потому что у вас есть люди, которые заботятся о вашей больной матери и двух младших братьях? Так ли это?

Никак нельзя было уговорить «старика с трубкой». Пришлось мне сдаться. В память о его вступлении в партизаны я подарил ему пистолет, которым постоянно пользовался целых два года.

Когда было решено принять его в партизанский отряд, он с большим воодушевлением рассказал о том, почему решил не возвращаться домой, а остаться у нас.

— Знаете, что меня заставило остаться у вас, Полководец? Во-первых, это ваш незаурядный замысел о больших делах, во-вторых, ваши заштопанные брюки и плач больных лихорадкой в Михуньчжэне... Я все видел. Вы, не думая о себе, ходили к изолированным инфекционным больным и ухаживали за ними. Это заставило меня задуматься о многом. Действовать с риском для собственной жизни, отвечать за судьбу подчиненных, заботиться о них — об этом языком говорить просто, а делать это не легко. Я повидал много так называемых выдающихся личностей. Куда им до вас! Я нашел подлинного хозяина корейской революции, настоящего хозяина, настоящего руководителя, отвечающего за судьбу Кореи. Вот главная причина, заставившая меня остаться здесь. Вы, Полководец, не занимаетесь пустыми разговорами и пустым доктринерством. Одного только этого преимущества достаточно, чтобы взволновать такого деревенского ученого, как я.

— Есть ли у вас еще третья причина?

— А как же! Есть, конечно! Это ваш творческий и практический образ мышления, несокрушимая вера в победу революции.

Однажды на привале мы со «стариком с трубкой» обменивались мнениями по вопросу об организации единого национального фронта. Он высказал свои взгляды. Во Франции, в Испании

и Китае, по его словам, существуют такие партии, как коммунистическая, социалистическая, Гоминьдан, и организации рабочего движения. Поэтому там было возможно создать Народный фронт путем объединения политических партий и других организаций. Но в условиях нашей страны, где в самом деле нет никаких политических партий и легальных организаций, вряд ли можно создать организацию единого фронта.

Я дал ему два комка снега и предложил ему объединить их, а сам в это время покатывал небольшой комок по снегу и сделал из него большой снежный ком, равный по величине двум слепленным им.

— Вот посмотрите, вы сделали одно целое, объединив две партии, а я покатал небольшой комок и сделал более крупный, чем у вас. Вы и в этом случае будете считать возможным создать организацию единого фронта только при наличии политических партий?

Ли Дон Бэк, словно человек, стоящий перед волшебным зеркалом, оглядел комок на моей ладони и, не сводя глаз с него, пробормотал:

— Да, это действительно разумная идея! Но комок есть комок, а партия есть партия.

— Однако, к нашему удивлению, немало явлений природы, с которыми мы встречаемся, схожи в принципе с общественными явлениями.

Я подробно рассказал ему о политике единого фронта, которую мы последовательно проводили еще с гиринского периода, об опыте молодых коммунистов нового поколения, накопленном в деле сплочения широких слоев антияпонских патриотических сил.

— Единый фронт не обязательно создавать только путем коалиции политических партий и организаций. Если абсолютизировать концепцию о первооснове политических партий и организаций, то это будет не более чем догма. При

наличии масс и руководящего ядра вполне можно создать организацию единого фронта. Главное — общность целей и стремлений. Необходимо на этой основе сплачивать людей, пусть их будет поначалу десяток или сто. Таковы мои взгляды на единый фронт. Стоя на такой позиции, мы давно вели и ведем движение за создание единого фронта.

— Вот опять меня подвела догма! — с этими словами Ли Дон Бэк, барабаня рукой себе по затылку, громко расхохотался.

«Старик с трубкой», рассказав, почему он решил остаться у нас, добавил:

— Именно у вас, Полководец, я нашел свое дело. Теперь могу прожить остаток жизни славно. В конце концов, выходит, что я осознал смысл своей жизни. Человек может быть счастлив тогда, когда он считает себя крайне необходимым этому миру. Сейчас я стал таким счастливым человеком!

— Какое вы дело нашли и почему считаете себя таким счастливцем?

— Я нашел дело вроде того, которое выполнял в свое время Давид, сопровождая Наполеона. Если Давид рисовал, то я решил вести дневник. Не об исторических следах наполеоновской армии, а об исторической деятельности Корейской Народно-революционной армии!

Каждый день Ли Дон Бэк, как и решил, вел дневник. Бывало, он не ел раз-два или по несколько дней, но не было дня, чтобы забыл про дневник. До последней минуты своей жизни он с честью выполнял миссию составителя истории КНРА. После вступления в партизанскую армию он работал в секретариате командования, а позже — главным редактором ежемесячника «Самиль вольган», органа Лиги возрождения Родины, совмещая эту обязанность с должностью заведующего типографией. Собранных тогда документов и фотоснимков у него была тьма тьмущая! При перемещении секретариата на другое место ему, для перевозки более десяти вещмешков с документами и гекто-

графическими принадлежностями, требовалось несколько бойцов в качестве транспортного отряда.

Однажды Ким Чжу Хен предложил ему привести в порядок все упакованные вещи, сократив их хотя бы наполовину. Но эти советы сразу же получили отпор.

— Что? Ты думаешь, это вроде узелков с документами о «Минсэндане»? Хоть ты и командир, но человек узкого кругозора. Эти вещи — настоящее сокровище! Их не заменить ни десятью, ни сотней таких жизней, как моя. Хотя по военной должности ты командир полка, но перед этими вещами ты рядовой солдатик — и больше ничего! Ты знаешь, как создается государственное сокровище?

После этого случая, сколько бы ни было у него упакованных вещей, командиры не смели говорить лишних слов «старику с трубкой». Для их перевозки ему покорно придавали транспортный отряд.

Если бы не потерялись те бесчисленные документы, дневники и фотоснимки, которые записывал, собирал и хранил «старик с трубкой», то сегодня они, как и предсказывал он, стали бы поистине бесценным государственным сокровищем.

Однажды он случайно выстрелил из пистолета. С его уст не сходило слово о Наполеоне, и один из бойцов комендантского отряда назвал его «старым поклонником Наполеона». В это самое время Ли Дон Бэк держал пистолет, только что собранный после чистки.

— Ах ты, балбес этакий! Кому я поклоняюсь — об этом скажет пистолет. А ну, послушай!

Ли Дон Бэк поднял над головой заряженный пистолет и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. От этого неожиданного выстрела на привале в Лаомудинцзы была объявлена боевая тревога. Командиры грозили вынести ему выговор и лишить оружия на один месяц. Я предложил помиловать его, но военная дисциплина есть дисциплина. Пистолет отобрал у него

Ким Сан Хо.

Можно сказать, что мне очень повезло — прибился к нашему отряду золотой человек «старик с трубкой». Выходит, мне выпало счастье заполучать добрых людей. Как говорится, к нам снизошла с неба такая добродетель, чтобы оказывать помощь.

Был разрешен вопрос о сотне с лишним человек, заподозренных в причастности к «Минсэндану», сформирована новая дивизия и улучшено материальное положение членов Детского отряда в Мааньшане. После этого мне предоставилась возможность сосредоточить все силы на подготовке к созданию Лиги возрождения Родины. Хотя нам пришлось преодолеть немалые трудности, — сколько забот вставало поперек горла! — но они успешно решались так, как нам хотелось. И дела набирали скорость.

В этом деле Ли Дон Бэк вместе с Ким Сан Хо стал незаменимым, верным и толковым помощником. После приема в партизаны мы сразу включили его в состав подготовительной комиссии по созданию Лиги возрождения Родины. Из членов комиссии самую ведущую роль играли Ким Сан Хо и Ли Дон Бэк. Ким Сан Хо ведал обеспечением связи с внешними организациями и, стало быть, зачастую находился вне отряда. А внутри его подготовительную работу вел преимущественно Ли Дон Бэк.

И при составлении Программы, Устава и Учредительной декларации ЛВР он оказывал мне большую помощь. Тогда я по каждому пункту советовался с ним, предложил написать черновой вариант. Но Ли Дон Бэк отказался: мол, его стиль устарел и нет уверенности в том, что он точно отразит в документах мою идею. И мне приходилось составлять основу рукописи, а он дополнял ее. Таким образом мы совершенствовали учредительные документы один за другим.

Самые большие разногласия с ним при обсуждении документов обнаружились в первом пункте Программы. Сформули-

ровать первый пункт Программы — значило четко и сжато определить идеалы, боевую цель и характер ЛВР как политической организации. Поэтому, само собой разумеется, спор носил серьезный характер.

Я рассказал ему то, что давно задумал, и предложил написать так: свергнуть разбойничий колониальный режим японского империализма силой всеобщей мобилизации 20-миллионной корейской нации и установить подлинно народное правительство. Тогда Ли Дон Бэк, чуть наклонив голову, призадумался и покачал головой.

— К сожалению, в этом нет ни одной фразы о строительстве общества во главе с неимущим классом. Уже от первого пункта Программы совсем не пахнет коммунистическим духом. Раз так, будут ли поддерживать ее многочисленные приверженцы коммунизма? А что касается формулы «подлинная власть народа», то классовый характер ее нечеток, отдает плесенью национализма.

Кстати, позже, когда я впервые встретился с Пак Даром[22] в Пэктусанском тайном лагере, в беседе со мной тоже по первому пункту Программы ЛВР он высказывал те же самые мнения, что и Ли Дон Бэк.

В то время в нашей стране, несомненно, широко распространялись псевдомарксистские взгляды.

Почти все, кто выдавал себя за коммунистов, считали коммунизм идеей, противоречащей национальным идеалам, и утверждали, что коммунисты должны избавиться от узконациональных идеалов, решительно отстоять классовые принципы и интернациональные позиции и лишь это позволит им освободить рабочий класс и все человечество от эксплуатации и гнета.

Одна из главных причин таких утверждений, с которыми выступали многие приверженцы коммунизма, крылась в том, что они весьма непродуманно, механически усвоили положение Маркса из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что

«пролетарии не имеют отечества».

Маркс и Энгельс жили в тот исторический период, когда еще не созрела возможность победы социалистической революции в отдельно взятой стране. Они предсказывали, что социалистическая революция произойдет одновременно в ряде высокоразвитых стран капитала. В то время буржуазия всех стран, являющаяся для рабочего класса объектом свержения, выдавала себя за защитника национальных интересов. Если в этих условиях пролетарии всех стран будут поддаваться соблазнам буржуазии своих стран, ратующей за «национализм» и «патриотизм», то всемирное революционное дело пролетариата пойдет насмарку. Для пролетариата каждой страны то отечество, которое находилось под буржуазным господством, отнюдь не могло быть его родиной. Поэтому пролетариату обязательно следовало стоять на стороне интернационализма и социализма в противоборстве между шовинизмом и интернационализмом, между национализмом и социализмом. Исходя именно из такой точки зрения, классики марксизма предостерегали рабочий класс от опасности иллюзий насчет так называемого патриотизма, постоянно учили расставаться с националистическими предрассудками и защищать социализм, когда речь идет о патриотизме или социализме. Анализируя причины поражения Парижской коммуны, Маркс подчеркнул, что коммунары ошибались, не продвинувшись в Версаль — логово реакции, думая, что провоцировать гражданскую войну в условиях окружения Парижа внешним врагом — прусскими войсками — значит противоречить патриотизму. Ленин расценил как измену делу социализма то, что ревизионисты 2-го Интернационала с возникновением первой мировой войны, отказавшись от революционных принципов рабочего класса, под лозунгом «защиты отечества» переметнулись каждый на сторону буржуазии своей страны.

Под вывеской «защиты отечества» идти на помощь колониально-захватнической войне буржуазии, обезумевшей от

погони за личной наживой и готовой принести в жертву всю свою нацию, — значит изменить не только своей нации, но и социализму. Поэтому, если пролетариат империалистического государства хочет быть верным делу социализма, то ему не следует поднимать девиз «защиты отечества», а следует поднять знамя «против войны» и развернуть движение за бойкот войны.

Однако в колониальных и зависимых странах дело обстоит совершенно иначе. То, что в этих странах коммунисты поднимают знамя освобождения родины и патриотизма, означает борьбу против буржуазии метрополии. Таким образом они вносят свой вклад как в национальную и классовую революцию, так и в международное революционное дело. Однако, псевдокоммунисты и эпигоны марксизма, не усвоив столь ясную истину, безоговорочно абсолютизировали положение о том, что «пролетарии не имеют отечества», отвергая патриотизм и национализм как врага коммунизма. Именно в этом заключается их теоретическая и практическая ошибка. В новых исторических условиях, когда социалистическая революция осуществляется в национально-государственных рамках, в колониальных странах между подлинным национализмом и подлинным коммунизмом, можно сказать, фактически нет глубокой пропасти. В одном делается большой акцент на национальном характере, а в другом — на классовом. На деле же следует считать тождественными их позиции, требующие выступать против внешних сил и защищать национальные интересы, чувство любви к отечеству и нации.

Настоящий коммунист и есть настоящий патриот. Настоящий националист и есть настоящий патриот. Таково мое неизменное кредо. Исходя из таких убеждений, мы неизменно придавали важное значение сотрудничеству с патриотически настроенными, подлинными националистами, прилагали все свои усилия для укрепления союза с ними.

Чтобы убедить людей в том, что для коммунистов Кореи борьба за освобождение Родины есть их национальное право и

что это ни в коем случае не противоречит пролетарскому интернационализму, нам понадобилось довольно много времени и энергии. Вместе с тем мы своей глубокой любовью к Родине и практической борьбой за освобождение нации ярко показали всей нации, что не кто иной, как коммунисты и есть патриоты, искренне любящие и Родину, и нацию, и мы с законным правом возглавили борьбу за национальное освобождение.

Замечательным плодом нашей многолетней самоотверженной борьбы стало создание ЛВР. Поэтому нам следовало с законной гордостью огласить само название «Лига возрождения Родины», четко и ясно подчеркнуть в первом пункте Программы необходимость собственными силами всей нации добиться возрождения Родины и установить такое подлинно народное правительство, какое было раньше на опорных партизанских базах Восточной Маньчжурии.

Внимательно выслушав мои слова, Ли Дон Бэк с радостью и восторгом ударил себя по колену.

— Теперь все ясно! Я был слепым с открытыми глазами. Спор с вами, Полководец, спас меня от инвалидности. Я полностью согласен!

В других пунктах Программы почти не было разногласий.

Таким образом в Программе ЛВР из десяти пунктов в качестве первостепенной задачи корейской нации мы выдвинули вопрос о власти, наметили другие политические задачи: обеспечить народу демократические свободы и права, добиться демократического развития общества, защитить национальные права наших соотечественников, проживающих за рубежом.

Программа предусматривала также создание революционных вооруженных сил. В области экономических отношений была выдвинута задача безвозмездной конфискации земель у японских империалистов и прояпонских продажных помещиков, а также конфискации всех японских государственных и частных предприятий, железных дорог, банков, судов, плантаций, ирри-

гационных сооружений, всего имущества, находящегося в собственности продажных, прояпонских элементов. Намечались задачи по оказанию помощи нуждающемуся населению, по беспрепятственному развитию национальной промышленности, сельского хозяйства, торговли, по строительству национальной экономики, да и все другие задачи, которые следует осуществить в стадии антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции.

Идея об обеспечении свободного развития национальной промышленности, сельского хозяйства и торговли, о построении национальной экономики основывалась на нашей последовательной линии и установке на то, чтобы строго отличать национальный капитал от компрадорского, поощрять патриотический национальный капитал, не бить, а активно охранять и поддерживать национальную буржуазию и вовлекать ее в единый антияпонский фронт. И именно здесь лежит грань между псевдокоммунистами и настоящими коммунистами. Первые требовали одной и той же дубинкой расправиться со всеми капиталистами вообще, включая и антияпонски настроенных национальных капиталистов. Вторые включили в движущую силу революции всю национальную буржуазию, которая хотя и носит название «буржуазия», но настроена патриотически в своих стремлениях и на практике — антияпонски.

В Программе ЛВР также были выдвинуты социально-культурные и внешнеполитические задачи.

Я предполагал, что будут некоторые трения по вопросам о служителях культа, национальной буржуазии и патриотически настроенных помещиках. Но Ли Дон Бэк, который в ходе обсуждения первого пункта Программы пришел к одному и тому же с нами мировоззрению, к моему удивлению, предвосхищал мои взгляды. В этом вопросе, наоборот, Ким Сан Хо, О Бэк Рён и другие лица занимали узкие позиции.

Когда я писал начерно Программу, Устав и Учредительную

декларацию ЛВР, остальные готовили письма и прокламации от имени учредительной подготовительной комиссии. То была действительно горячая весенняя пора. У нас на учете была каждая секунда, каждая минута.

Окончательное обсуждение в подготовительной комиссии проектов Программы, Устава и Учредительной декларации проходило в доме Хо Рак Е, старосты села Маньцзян.

«Старик с трубкой» сетовал на фракционеров, которые раньше выдавали себя за сторонников комдвижения, но не смели выдвинуть мало-мальски порядочную программу и с налитыми кровью глазами только и грызлись между собой, стремясь установить свою гегемонию. Он с огромной радостью заявил, что теперь появился свет нового маяка, который ярче озарит путь корейской революции.

В конце апреля мы, завершив всю необходимую подготовку, запланировали провести учредительный съезд в лесу Дунгана и переместились туда. Кое-как собрались почти все делегаты, которые получили наши пригласительные билеты. Но Ли Дон Гван и Чон Гван (О Сон Рюн) не приехали из Южной Маньчжурии, хотя и обещали в своем ответном письме обязательно участвовать в работе съезда. Не появились, видимо, по каким-то серьезным обстоятельствам до самого конца съезда. В качестве делегатов от Кореи присутствовали делегат от религиозной секты Чхондогё и делегат от крестьян из Нектона, добравшись по линиям организационной связи Кан Чжэ Ха, а по линии партийной организации района Онсона — по одному делегату от учителей и от рабочих.

Исторический учредительный съезд Лиги возрождения Родины начал свою работу 1 мая. Хотя цветы обильно не цвели, но везде в горах чувствовалось дыхание весны.

Накануне съезда все делегаты были охвачены буквально восторгом и волнением. Съезд, общепринятое название которого — Дунганское совещание, работал в течение 15 дней.

Вначале Ли Дон Бэк огласил приветствия, присланные в адрес съезда, а затем я выступил с докладом.

В докладе я выдвинул задачу — объединить всю нацию в единую политическую силу под знаменем возрождения Родины, энергично развернуть движение за создание единого антияпонского национального фронта, продвинувшись в пограничные районы и на территорию Кореи, и создать новую опорную базу КНРА в приграничном районе для дальнейшего расширения и развития антияпонской вооруженной борьбы. Этот доклад был позже издан отдельной брошюрой под названием «Путем дальнейшего расширения и развития движения за создание единого антияпонского национального фронта добьемся нового подъема корейской революции в целом».

Мною были также внесены на рассмотрение съезда Программа Лиги возрождения Родины из десяти пунктов и ее Учредительная декларация.

В Программе мы определили характер, задачи корейской революции и ее тактико-стратегические принципы на основе точного анализа революционной ситуации 30-х годов, социально-экономических условий и соотношения классовых сил в нашей стране. Ясно осветили перспективы корейской революции с полным учетом интересов рабочих, крестьян, всех трудящихся масс и общих интересов различных слоев патриотически настроенного населения.

Участники съезда целиком и полностью одобрили Программу, выразили удовлетворение тем, что наконец-то есть возможность ясно видеть цель борьбы и уверенно продвигаться вперед во имя победы корейской революции. Они выразили твердую решимость активно осуществлять задачи, намеченные Программой.

Не менее, чем при обсуждении Программы, волновались делегаты, когда обсуждали Учредительную декларацию ЛВР.

Каждая строка этого документа с самого начала восприни-

малась с большим удовлетворением. Особенно сильно тронула участников съезда та часть декларации, в которой выражалась уверенность в том, что Корея непременно станет независимой, когда 20-миллионный народ объединится воедино, сплотится во фронт возрождения Родины против японского империализма и каждый посвятит себя священному делу: тот, кто имеет деньги, пусть поможет деньгами, кто имеет продовольствие — пусть даст его, кто располагает знаниями и способностями — пусть посвятит их делу освобождения, и содержался пламенный призыв к борьбе под знаменем Лиги возрождения Родины.

После принятия Учредительной декларации ЛВР зашел разговор о том, от чьего имени следует ее обнародовать.

Все участники съезда предлагали обнародовать ее от моего имени, они утверждали, что это, несомненно, должно быть сделано так, поскольку я являюсь инициатором создания ЛВР, возглавлял работу учредительной подготовительной комиссии и составил Программу и Учредительную декларацию.

Но я думал иначе. ЛВР призвана объединить все антияпонские силы корейского народа, поэтому она должна иметь национальную форму. Исходя из этого, провозглашаемым инициатором, думал я, должен быть широко известный патриот почтенного возраста, активно участвовавший в движении за независимость Кореи еще с периода движения Армии справедливости или Первомартовского движения.

Еще до того времени ареной боевых действий КНРА были главным образом районы Маньчжурии. Поэтому, думал я, наше существование не получило широкой известности среди различных слоев населения Кореи. Наше имя стало широко известным в Корее лишь с тех пор, как мы, создав новые тайные опорные базы в горах Пэкту, начали продвигать вооруженную борьбу вглубь территории Кореи. Как мне помнится, о действиях и борьбе наших главных сил впервые писала газета «Мэиль синбо» в одном из сентябрьских номеров 1936 года. Тогда «Мэиль

синбо» бегло упомянула, что в уезд Чанбай продвинулся отряд из 150—160 человек и «вождь его, мол, Ким Ир Сен». Вслед за ней печать Кореи стала часто писать о нашей деятельности.

Я откровенно высказал свои соображения делегатам съезда.

— Все вы утверждаете: кто инициатор, кто возглавил подготовительную комиссию, кто составил Программу и Устав, под тем именем и должна быть обнародована Учредительная декларация. Но, я думаю, разобраться в этом не стоит и выдвижение меня одного не сыграет большой роли. Гораздо эффективнее будет призвать сплотиться вокруг Лиги возрождения Родины от имени тех, кто уже широко известен всему 20-миллионному народу. Мне достаточно, если меня сочтут сыном нашего народа, признают мой скромный вклад в дело народных масс. Надо пожертвовать малым смыслом во имя большого замысла и считать совместными инициаторами известных патриотов, да к тому же почтенного возраста.

Так я призвал и предложил обнародовать Учредительную декларацию от имени Ли Дон Бэка и Ре Ун Хена, выставив их как совместных инициаторов.

Против моего предложения первым выступил Ли Дон Бэк. Он заявил, что возраст и известность былых дней тут не при чем. Кроме Полководца Ким Ир Сена, нет такого руководителя, хоть развороши всю Корею и заграницу, который практически представляет всю нацию и, взяв на себя великое дело возрождения Родины, возглавляет его. Закрывая глаза на эту неопровержимую реальность, продолжал он, нельзя считать его, Ли Дон Бэка, инициатором. Он продолжал упорствовать на своем: не кто иной, как Полководец Ким должен стать и Председателем Лиги возрождения Родины, и ее инициатором. Учитывая высказанное мной, он предложил считать меня и Ре Ун Хена совместными инициаторами.

После серьезного обсуждения мне все-таки пришлось согласиться стать одним из инициаторов с условием, чтобы написали

псевдоним Ким Дон Мен. После моей уступки и Ли Дон Бэк согласился стать одним из инициаторов.

Таким образом, Учредительная декларация ЛВР была обнародована 5 мая от имени трех совместных инициаторов - Ким Дон Мена, Ли Дон Бэка и Ре Ун Хена. Псевдоним Ким Дон Мен мне дал Ли Дон Бэк. Когда я заявил о своем согласии с таким условием, он перестал стоять на своем. Затем, призадумавшись, предложил: неплохо было бы оставить фамилию Ким и в псевдониме, а имя составить из слов «Дон» — «восток» и «Мен» — «светоч» и назвать меня Дон Меном.

По его словам, если подписать «Ким Дон Мен», то это станет многозначительным именем в том смысле, что оно представляет нацию. Все участники съезда встретили его предложение горячими аплодисментами. Как видите, псевдоним Ким Дон Мен, как и имя Ким Ир Сен, даны мне другими лицами.

После обнародования нами Учредительной декларации ЛВР она была распространена по разным районам Кореи и за ее пределами. Были и такие районы, где ее копировали и опубликовывали от имени влиятельных личностей и известных деятелей своих районов, заменив ими имена инициаторов. Мы разрешили действовать на местах с гибкостью, в соответствии с реальными условиями. В результате само название ЛВР было разным. Так, например, в Восточной Маньчжурии ее называли Восточно-маньчжурской корейской лигой возрождения Родины, а в Южной Маньчжурии — Корейской лигой возрождения Родины в Маньчжурии. Именно с такими обстоятельствами связано то, что в текстах Учредительной декларации Лиги возрождения Родины, найденных институтом истории партии, отчасти появляются такие имена, как О Сон Рюн, Ом Су Мен, Ли Сан Чжун (Ли Дон Гван), Ан Гван Хун.

По общей воле участников учредительного съезда меня выдвинули на съезде Председателем Лиги возрождения Родины. В итоге впервые в истории антияпонской национально-освобо-

дительной борьбы в нашей стране родилась постоянная организация единого антияпонского национального фронта.

Создание ЛВР, первой в Корее организации единого антияпонского национального фронта, явилось событием исключительной важности в работе по укреплению опоры революции в массах. С созданием ЛВР движение за формирование единого антияпонского национального фронта, тесно слившись с антияпонской вооруженной борьбой, получило быстрое развитие, во всей стране. Оно приняло более организованный и систематический характер, что дало возможность уверенно мобилизовать все антияпонские силы на борьбу за освобождение страны.

Сплочение всех сил нации вокруг фронта возрождения было наивысшей задачей, которую мы выдвигали с самого начала нашей борьбы. В течение нескольких лет мы проводили терпеливую подготовку к решению этой задачи.

Создание ЛВР стало существенным результатом инициативных и активных усилий, приложенных нашими молодыми коммунистами к неустанной подготовке собственных сил революции. Это был исторический момент нового торжественного провозглашения воли и стремления нашего народа еще смелее развернуть борьбу против японского империализма собственными силами нации. Это был поворотный пункт к новому подъему корейской революции в целом, при главенствующей роли антияпонской вооруженной борьбы.

Создание Лиги возрождения Родины было продиктовано развитием самой корейской революции, было велением времени. Поэтому оно получило широкую поддержку и отклик в Корее и за ее пределами. Горячо одобряли создание ЛВР в различных районах Кореи и за рубежом. Первыми на ее зов откликнулись отряды Армии независимости.

Сразу же после провозглашения ЛВР Юн Иль Пха, начальник штаба при администрации Корейской революционной армии, направил нам послание, в котором приветствовал создание

ЛВР и выражал надежду на дальнейшую тесную связь с нами на антияпонском фронте. Деятель националистического движения некий Пак, действовавший в Шанхае, преодолев далекий путь, приехал в Маньчжурию и встретился с южноманьчжурскими представителями ЛВР. Он, будучи патриотом, много лет развертывавшим движение за независимость в Шанхае, Пекине, Тяньцзине и других районах Внутреннего Китая, имел большое влияние среди сторонников националистического движения. Пак обещал в дальнейшем широко развернуть работу ЛВР в обширных районах, охватывающих Корею и заграницу. Он долго советовался и о путях создания «революционной армии независимости» как общенациональных вооруженных сил.

Ли Дон Бэк в первом номере ежемесячника «Самиль вольган» под заголовком «Старший лидер религиозной секты Чхондогё господин Н! Встреча с представителем нашей Лиги возрождения Родины» писал, что Пак Ин Чжин, лидер религиозного округа секты Чхондогё, встретив радостную весть о создании ЛВР, пришел к нам в Пэктусанский тайный лагерь. Именно в это время он обещал включить миллион членов религиозной партии Чхондогё чхоннендан в состав ЛВР.

К нам приходили один за другим Ли Чхан Сон, Ли Чжэ Сун, Пак Дар и многие другие люди. Они внесли большой вклад в расширение организаций ЛВР.

Видимо, даже в нескольких больших книгах не расскажешь всю историю развития ЛВР. За короткий срок ЛВР расширилась и превратилась в общенациональную организацию, объединившую в своих рядах сотни тысяч человек.

Рождение ЛВР в мае 1936 года у северного подножия горы Пэкту явилось историческим событием, положившим начало новому этапу в развитии корейской революции и возвестившим светлую зарю возрождения Родины. Так у подножия горы Пэкту забрезжил новый рассвет корейской революции, обещающий ей большое будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Ре Ун Хен** (1886 — 1947) — деятель движения за независимость Кореи. Родом из Янпхена (провинция Кенги). Вначале был сторонником «Шанхайского временного правительства» и Коммунистической партии Корё. Боролся за независимость Кореи, был директором издательства газеты «Чосон чуньан ильбо», председателем Союза по строительству государства Кореи, лидером Партии трудового народа в Сеуле. После освобождения Кореи был принят в Пхеньяне Полководцем Ким Ир Сеном. Вернувшись в Сеул, боролся за самостоятельную политическую линию, за коалицию с коммунистами в деле объединения страны. Убит врагами.

2 **Пэк Нам Ун** (1894 — 1979) — родом из Кочхана (провинция Северный Чолла). Преподавал в Сеуле. Был заместителем председателя Партии трудового народа Южной Кореи. Выступал против колониальной политики империалистов США. В апреле 1948 г. участвовал в Совместном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. Был первым министром просвещения КНДР, президентом Академии наук, председателем ВНС КНДР. Внес свой вклад в развитие образования и науки, воссоединение Родины.

3 **Кан Ен Чхан** (1912 — 1965) — ученый, верный делу партии и народа. Пользовался доверием Президента Ким Ир Сена и был окружен его заботой. В годы оккупации Кореи японскими империалистами окончил Люйшуньский политехнический институт в Китае, работал по найму инженером в японской электрокомпанин «Мицубиси». После освобождения страны перешел из Южной Кореи в северную часть страны. Был главным инженером Сончжинского сталелитейного завода, затем министром металлургической промышленности, президентом Академии наук КНДР. Несмотря на клевету реакционеров, он всегда верил в партию, до конца оставался преданным ей. Имеет большие заслуги в деле самостоятельного развития отечественной металлургии и машиностроения.

4 Имеется в виду реакционная организация, созданная империалистами США и их марионеточной кликой Южной Кореи на временно захваченной территории северной части страны в период Отечественной освободительной войны (июнь 1950 — июль 1953 гг.).

5 **«Тринадцать пуль»** — прозвище одного партизана, охранявшего пост в Полынном Ущелье. Так называли его за то, что в него угодило 13 пуль в бою за оборону Сяованцинской базы от японских карателей (1933 — 1934гг.).

6 **Ким Чжин** (1912 — 1939) — командир Корейской Народно-революционной армии, участвовавший в антияпонской вооруженной борьбе, развернувшейся под руководством товарища Ким Ир Сена. Первый в истории войн герой, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота. Совершив подвиг в бою под Дашахэ (уезд Аньту), партизан погиб.

7 Ли Су Бок (1933 — 1951) — Герой КНДР. Боец Корейской Народной Армии. Родом из Сунчхона (провинция Южный Пхеньан). Во время войны, развязанной империалистами США и их южнокорейскими марионетками, в бою за взятие высоты «Безымянная», соединенной горной цепью с высотой 1211, этот 18-летний юноша закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота и обеспечил успех атаки своего подразделения. Погиб в этом бою.

8 Ким Гван Чхор (1965— 1990) — Герой КНДР. Офицер Корейской Народной Армии. В январе 1990 г. во время боевой подготовки накрыл своим телом нечаянно упавшую гранату за мгновение до взрыва. Погиб, но спас более десяти товарищей.

9 Хан Ен Чхор — Герой КНДР. Боец Корейской Народной Армии. В феврале 1992 г., когда ему шел 21 год, во время подготовки к военному учению накрыл телом гранату перед самым взрывом. Сам погиб, но спас товарищей.

10 Речь идет о серьезных ударах, нанесенных японским захватническим войскам в сражении в Фэнвудуне (уезд Ванцин) и в бою в Циншаньли (уезд Хэлун) в провинции Гирин Китая (июнь и октябрь 1920 г.) отрядом Армии независимости Кореи под командованием Хон Бом До и другими отрядами той же армии, действовавшими в районе Цзяньдао. .

11 Имеется в виду обувь из звериной шкуры. Есть два вида обуви: первый — с голенищем по колено, носят обувь зимой; второй — со шнурками, стягивающими облегающую ногу обертку из кожи, носят обычно на полевых работах, особенно, когда ведут вспашку. .

12 Хо Хон (1885 — 1951) — патриот. Родом из Менчхона (провинция Северный Хамген). В период порабощения Кореи японскими империалистами, будучи адвокатом в Сеуле, выступил в защиту ветерана антияпонской войны. Сразу же после освобождения страны основал Трудовую партию Южной Кореи, был ее председателем, затем перешел в северную часть страны. Был председателем ВНС КНДР, председателем комиссии законодательных предложений, ректором Университета имени Ким Ир Сена.Имеет заслуги в деле развития просвещения страны. Погиб во время войны в Корее. .

13 Ким Гу (1876— 1949)—деятель движения за независимость Кореи. Родом из Хэчжу (провинция Хванхэ). Вначале принимал участие в борьбе Армии справедливости

против японских захватчиков. После Первомартовского народного восстания эмигрировал в Китай. Был президентом временного правительства в эмиграции в Шанхае. Создал Партию независимости Кореи. После поражения японского империализма возвратился в Южную Корею и активно выступал против ее порабощения Соединенными Штатами Америки. В 1948 г. участвовал в Совместном совещании представителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, проходившем в Пхеньяне. Вернувшись в Сеул, выступал за коалицию с коммунистами в деле воссоединения страны. Убит врагами.

14 **Апрельское совместное совещание представителей Севера и Юга** проходило в апреле 1948 г. в Пхеньяне. В нем участвовали 695 делегатов от 56 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи, а также представители соотечественников, проживающих за рубежом. Форум обсуждал проблему воссоединения страны. Совещание было созвано в тот момент, когда империалисты США и их ставленники Южной Кореи замышляли провести сепаратные выборы 10 мая. Эта гибельная акция была нацелена на увековечение раскола государственной территории, нации и превращение Юга Корейского полуострова в вечную колонию. Товарищ Ким Ир Сен выступил на совещании с докладом «Политическое положение в Северной Корее», в котором был намечен путь к самостоятельному объединению Родины и спасению страны..

15 **Чвэ Док Син** (1914 — 1990) — сын Чвэ Дон О, начальника училища «Хвасоньисук», где обучался товарищ Ким Ир Сен. После оккупации Кореи японскими империалистами эмигрировал в Китай. Был офицером Армии возрождения. После освобождения страны был министром иностранных дел Южной Кореи, командиром корпуса марионеточной армии, послом Южной Кореи в ФРГ. В период режима Пак Чжон Хи эмигрировал в США. Имея право на постоянное жительство в КНДР, работал в КНДР заместителем председателя Комитета по мирному объединению Родины, председателем ЦК религиозной партии Чхондогё-чхоньудан.

16 **Хан Бер** — так звали товарища Ким Ир Сена (настоящее имя — Ким Сон Чжу) соратники в начальный период его революционной деятельности. Имя Хан Бер состоит из иероглифов, означающих «единственная звезда». В этом выражалась надежда молодых коммунистов, встречавших великого руководителя, что он станет той утренней звездой, которая приведет корейский народ из кромешной тьмы к заре освобождения. Впоследствии его назвали товарищем Ким Ир Сеном. В составляющих это имя иероглифах («становящееся солнце») выражалась единодушная надежда, что он станет солнцем нации. .

17 Речь идет о главных героях старинной легенды. По преданию, в Мире Небес жили-были Волопас и Ткачиха, которые любили друг друга. Небесный царь думал: близость мешает им трудиться с большим напряжением. По приказу царя их разлучили, разведя по обе стороны

Млечного Пути. Им было разрешено встречаться друг с другом только раз в году, вечером 7 июля, на мостике Очжак, наводимом воронами и сороками на Млечном Пути. При долгожданных встречах влюбленная пара вместо того, чтобы поговорить друг с другом, только проливала слезы. Дождь 7 июля, по преданию, — это и есть струи слез Волопаса и Ткачихи.

18 Имеется в виду главный герой средневековой корейской повести «Сказание о Хон Гиль Доне». Обладатель многообразных непревзойденных волшебных приемов действия, Хон Гиль Дон изображается в повести как необыкновенный человек, творящий справедливость.

19 Речь идет о демаркационной линии, которая разрезала освобожденную Корею (август 1945 г.) на северную и южную части. Линия была проведена по 38-му градусу северной широты после второй мировой войны соглашением между СССР и США и разграничивала зоны ответственности за разоружение побежденных японских войск..

20 Ыльчжи Мун Док — выдающийся полководец-патриот государства Когурё. Родом из Пхеньяна. В 612 г., когда когурёсцы воевали с полчищами суйского войска, он нанес сокрушительный удар врагу в битве на реке Ляохэ и своим ратным подвигом повел армию, народ к победе в войне. .

21 Ли Сун Син (1545 — 1598) — выдающийся флотоводец-патриот Кореи. В период правления династии Ли был командующим ВМФ трех провинций. Изобрел первый в мире броневой корабль «Кобуксон» («корабль-черепаха»). В годы Имчжинской отечественной войны (1592 — 1598 гг.) корейские моряки под его командованием защитили родные берега от вторжения врага. Они потопили в сражениях сотни кораблей японской армады, разгромили десятки тысяч пиратов, что привело к срыву вражеского плана одновременного наступления на суше и на море. Ли Сун Син внес большой вклад в достижение победы, погиб в последнем, Рорянском, морском сражении.

22 **Пак Дар** (1910 — 1960) — ветеран антияпонской борьбы. Родом из Кильчжу провинции Северный Хамген. В годы оккупации Кореи японскими империалистами возглавил Союз национального освобождения Кореи, действуя под руководством товарища Ким Ир Сена. В сентябре 1938 г. по доносу прислужника врага был арестован японской полицией и заключен в тюрьму. С освобождением страны (август 1945 г.) вышел из Содэмунской тюрьмы Сеула таким изможденным, что не мог даже двигаться. Прикованный болезнью к постели, он продолжал работать — писал..